ISSN 2221-2558

Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции

Сборник научных трудов

Выпуск 4

Минск
2011

УДК 34(476)
ББК 67(4Беи)
П78

Рекомендовано к изданию
ученым советом Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь

Сборник научных трудов «Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь, рекомендованных ВАК для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим наукам.

П78 **Проблемы** укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / редкол. : В.М. Хомич [и др.] ; Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Респ. Беларусь.– Минск : БГУФК, 2011. – Вып. 4. – 322 с.

УДК 34(476)
ББК 67(4Беи)

© Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, 2011
© Оформление. УО «Белорусский государственный университет физической культуры», 2011

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА СБОРНИКА НАУЧНЫХ ТРУДОВ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ПРОБЛЕМ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Бибило Валентина Николаевна – профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;

Василевич Григорий Алексеевич – заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, Заслуженный юрист Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор;

Данилевич Анатолий Александрович – заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, Заслуженный юрист Республики Беларусь, кандидат юридических наук, профессор;

Мартинович Изабелла Ивановна – профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, Заслуженный юрист Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор;

Семашко Елена Валентиновна – заведующий кафедрой административного права Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент;

Функ Ян Иосифович – Председатель Международного арбитражного (третейского) суда при Белорусской торгово-промышленной палате, доктор юридических наук, доцент;

Шостак Михаил Александрович – профессор кафедры уголовного процесса Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Заслуженный юрист Республики Беларусь, кандидат юридических наук;

Эсмантович Ирина Игоревна – декан юридического факультета Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, кандидат исторических наук, доцент.

Редакционная коллегия

Хомич Владимир Михайлович – директор ГУ «Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», Заслуженный юрист Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор – председатель;

Бабий Николай Алексеевич – заместитель директора ГУ «Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент – заместитель председателя;

Гучок Александр Евгеньевич – заместитель директора ГУ «Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент;

Сащеко Павел Иванович – начальник отдела криминологического прогнозирования основных тенденций, динамики и структуры организованной преступности и коррупции ГУ «Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук;

Артюшенко Василий Александрович – начальник отдела проблем эффективности прокурорского надзора, совершенствования правоприменительной практики и законодательства ГУ «Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»;

Солтанович Андрей Владимирович – начальник отдела криминологического мониторинга законодательства и криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов ГУ «Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент – ответственный секретарь;

Хиревич Марина Леонидовна – ведущий специалист отдела криминологического мониторинга законодательства и криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов ГУ «Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» – технический редактор.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНОЛОГИИ

Барановский Н. А.
Теоретико-концептуальные основы системы предупреждения правонарушений несовершеннолетних в Республике Беларусь 9

Белокопытов В.В.
Правовые вопросы обеспечения защиты лиц, страдающих от действий граждан, злоупотребляющих алкоголем 18

Бурбело О.А., Бурбело С.О.
Особенности рейдерства в Украине 26

Никитенко И.В.
Либерализация миграционной политики современной России: политико-правовой и криминологический аспект 31

Русецкий О.В.
Совершенствование законодательства в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних в Республике Беларусь 38

Филиппенков В.М.
Криминологические и виктимологические аспекты преступлений, совершаемых по неосторожности 45

Чунихина Л.Н.
Финансовый мониторинг как средство борьбы с преступностью 57

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Бабий Н.А.
Квалификация соучастия в убийстве матерью новорожденного ребенка 64

Бранчель И.И.
Провокация и инсценировка преступлений при осуществлении оперативно-розыскной деятельности 72

Войтова Д.А.
Некоторые вопросы толкования «незаконного участия в предпринимательской деятельности» в контексте статьи 429 Уголовного кодекса Республики Беларусь 90

Гладкий П.А.
Квалификация ложной экономической несостоятельности (банкротства) 97

Глухова О.В.
Понятие «укрывательство преступлений» в уголовном праве Республики Беларусь 106

Жубрин Р.В.
Борьба с легализацией преступных доходов во внешнеэкономической сфере 112

Иманбаев С.М.
Недостатки, допускаемые судами при назначении наказания за преступления в сфере незаконного оборота предметов вооружения 119

Навроцкая В.В.
Соотношение сроков давности привлечения к уголовной ответственности и сроков исковой давности 125

Недодаева Н.Л.
Анализ подходов к борьбе с конвертационными центрами в рамках детенизации экономики Украины 131

Пыталев Р.М.
Альтернативы уголовному преследованию и наказанию в виде лишения свободы – случайное заимствование зарубежного опыта или последовательное развитие отечественного законодательства и практики правоприменения? 138

Хилюта В.В.
Квалификация хищения, совершаемого с использованием должностных полномочий и взяточничества 147

Шакель Н.В.
О некоторых вопросах противодействия коррупции: распределение квот на внешнюю торговлю товарами 152

Яремко Г.З.
Ассоциации уголовно-правовых норм как результат дифференциации уголовной ответственности 160

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Букато Л.Г.
История становления и развития стадии производства по уголовным делам по вновь открывшимся обстоятельствам в уголовно-процессуальном законодательстве 167

Гучок А.Е., Солтанович А.В.
Видеофиксация хода и результатов следственных действий: проблемы и перспективы 175

Зорин Р.Г.
Латентные механизмы возникновения, преобразования и использования криминалистически значимой информации в уголовном судопроизводстве 181

Мартыненко И.Э.
Контролируемая поставка как оперативно-розыскное мероприятие, направленное на пресечение нелегального оборота культурных ценностей 191

Солтанович А.В.
О некоторых вопросах применения статей 173 и 174 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь 197

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

Сенько А.С.
К проблеме лингвистического обеспечения актов прокурорского надзора 203

Хиревич М.Л.
Роль координационной функции прокуратуры в деятельности по профилактике правонарушений 210

Хомич М.В.
Уголовное преследование и оптимизация прокурорского надзора на досудебной стадии уголовного судопроизводства 218

Щербакова А.В.
Криминалистическое обеспечение прокурорской деятельности 225

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Вечерский Д.А.
Системный подход к классификации следов на месте дорожно-транспортного происшествия 232

Гучок А.Е.
Криминалистическая модель преступления: бесконечность дискуссии 239

Мохорев А.Н.
Научно-философское осмысление понятия «криминалистические технологии» 245

Сауткин И.В.
Использование экономико-криминалистических методов в расследовании преступлений: теоретико-правовые аспекты 252

Телегина Т.Д.
Некоторые вопросы расследования уголовных дел,
возбужденных по факту безвестного исчезновения человека 261

Хлус А.М.
Теоретические аспекты криминалистики
в представлении российских и белорусских ученых 268

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ

Боровик П.Л.
Анализ положений Конвенции Совета Европы по борьбе
с киберпреступностью в целях противодействия детской порнографии
в сети Интернет 276

Бурый В.Е.
Европейские пенитенциарные правила: новые подходы в ресоциализации
и социальной адаптации осужденных к лишению свободы 284

Лесовая Н.В., Попов В.Г.
Правовое регулирование и формы международного сотрудничества
прокуратуры Украины в контексте защиты прав и свобод детей 292

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Полящук Н.А.
Криминологическая экспертиза проектов нормативных правовых актов
и криминологический мониторинг законодательства –
необходимые меры по предупреждению коррупции 299

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ПРОБЛЕМ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Методические рекомендации по вопросу практического применения положений
Концепции при назначении наказания и иных мер уголовной ответственности
Разработчик: Хомич В.М. 307

О критериях социально-экономической эффективности
применения наказаний
Разработчик: Ракицкий А.П. 315

НАШИ АВТОРЫ 319

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ СТАТЕЙ 323

ТЕОРЕТИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СИСТЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Барановский Н.А.

В системе современной ювенальной антидевиантной политики предупреждение преступности и других правонарушений несовершеннолетних является главным и приоритетным направлением деятельности государственных органов и общественных организаций. Мировая криминология и социально-правовая практика выработали и используют следующие ***модели системы профилактики правонарушений несовершеннолетних,*** которые дифференцированы в зависимости от доминирования одного из направлений профилактической деятельности:

– *модель неотвратимой ответственности и карательного воздействия* (доминирует целевая ориентация на неотвратимую ответственность за правонарушения и карательное возмездие);

– *модель справедливой и гуманной ответственности и наказания* (доминируют цели исправления лица, совершившего правонарушение и способствования восстановлению социальной справедливости)*;*

– *предупредительно-наказательная модель* (приоритетное внимание уделяется деятельности по предупреждению правонарушений и наказанию правонарушителей);

– *модель примирительного и восстановительного ювенального правосудия* (акцент на широкое использование института внесудебного посредничества, ювенальных судов и практики восстановительного правосудия);

– *модель социальной помощи и защиты* прав и законных интересов несовершеннолетних (приоритетное внимание защите прав и интересов детей, оказанию им социальной, психологической, медицинской и другой помощи);

– *исправительно-реабилитационная модель* (ориентация на социально-позитивную коррекцию личности, законопослушное поведение, социальную реабилитацию и реинтеграцию несовершеннолетних правонарушителей);

– *комплексная предупредительно-восстановительная модель* (комплексная предупредительно-восстановительная политика, интегрирующая деятельность по: а) созданию благоприятных социальных условий для социокультурного развития и законопослушного поведения несовершеннолетних; б) социальной, специальной и индивидуальной профилактической работе; в) эффективному примирительному и восстановительному ювенальному правосудию; г) обеспечению ресоциализации и реинтеграции несовершеннолетних правонарушителей).

Результаты проведенного Научно-практическим центром проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь совместно с Институтом социологии НАН Беларуси под эгидой ЮНИСЕФ в Республике Беларусь в 2011 году криминологического исследования эффективности профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями свидетельствуют, что в стране в соответствие с Законом Республики Беларусь «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (2003 г.) и сложившейся правоприменительной практикой функционирует частично обновленная традиционная советская ***«воспитательно-наказательно-предупредительная»*** модель системы профилактики правонарушений несовершеннолетних и ювенальной юстиции. По оценкам опрошенных 764 экспертов в практике современной ювенальной юстиции доминируют три базовых принципа: «приоритетное внимание защите прав детей « (индекс 0,45), «приоритет мерам воспитательного характера над карательными мерами» (индекс 0,42) и «сочетание наказания и профилактики» (индекс 0,38). Далее практикуются принципы: «использование наказания как кары» (индекс 0,28), «широкое использование примирительных и воспитательно-реабилитационных процедур» (индекс 0,28) и «профилактико-восстановительный подход» (индекс 0,25).

Анализ нормативно-правовой базы и практики профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями позволяет выделить следующие недостатки действующей системы профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями:

– не разработанность научно обоснованной теоретико-концептуальной стратегии государственной политики предупреждения и противодействия правонарушениям несовершеннолетних – Концепции и Закона о ювенальной антидевиантной политике;

– отсутствие системного подхода к предупреждению правонарушений несовершеннолетних, при котором не учитывается общая девиантная социально-правовая сущность преступности и других правонарушений несовершеннолетних, их полидетерминированный социальный, культурный, правовой и биопсихологический характер, а также типологические особенности генезиса и детерминации правонарушений, личности правонарушителей и социальных условий их воспитания и жизни;

– несовершенство, наличие пробелов, дублирование, несогласованность и противоречивость национальной нормативно-правовой базы предупреждения правонарушений и профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями;

– отсутствие эффективно управляемой и скоординированной системы специализированных государственных и общественных структур, занимающихся общей, специальной и индивидуальной профилактикой правонарушений несовершеннолетних, включая отсутствие эффективно и постоянно действующего специального органа управления и координации профилактики правонарушений несовершеннолетних;

– преобладание ориентации на наказание, превентивный контроль и индивидуально-профилактическую работу с несовершеннолетними правонарушителями при недостаточном внимании мерам ранней социальной профилактики, социальной адаптации и ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей;

– недостаточное внимание профилактике пьянства, потребления наркотиков и других видов девиантного поведения молодежи, которые непосредственно взаимосвязаны с генезисом и детерминацией правонарушений несовершеннолетних;

– доминирование в профилактической работе воспитательно-просветительных, запретительных, принудительных и наказательных мер воздействия на несовершеннолетних правонарушителей при недостаточном использовании мер социальной профилактики, индивидуализации ответственности и примирительно-восстановительного ювенального правосудия.

Таким образом, несмотря на значительное обновление и совершенствование системы профилактики правонарушений, которые имели место в последнее десятилетие, действующая система профилактики правонарушений несовершеннолетних в стране является недостаточно эффективной и нуждается в качественной модернизации в контексте формирования современной системы ювенальной антидевиантной политики. Такое мнение высказывает значительная часть опрошенных экспертов-практиков (31,0 %), которые полагают, что система профилактической работы в стране не обеспечивает эффективного предупреждения правонарушений несовершеннолетних. В наибольшей степени его разделяют работники воспитательной колонии (47,3 %), адвокаты (43,6 %), судьи (36,2 %), сотрудники ИДН (35,0 %), работники прокуратуры (32,6 %), работники здравоохранения и социальной защиты (32,5 %).

На основании научного анализа результатов проведенного исследования можно сделать вывод, что наиболее оптимальной и социально эффективной в современном белорусском обществе является ***комплексная предупредительно-восстановительная модель системы профилактики правонарушений*** – создание благоприятных социальных условий для социокультурного развития и законопослушного поведения несовершеннолетних, системная интеграция социальной и индивидуальной профилактики, примирительно-восстановительного ювенального правосудия и деятельности по ресоциализации и реинтеграции несовершеннолетних правонарушителей.

Данная модель системы профилактики правонарушений несовершеннолетних полностью соответствуют принципам современной мировой ювенальной антидевиантной политики, в которой *приоритетное значение придается* системной интеграции деятельности ювенальной юстиции и других образовательных, здравоохранительных и социальных государственных учреждений и институтов гражданского общества по социальному и культурному воспитанию и развитию молодежи, социальной и индивидуальной профилактике правонарушений, примирительному и восстановительному право-

судию, широкому использованию мер наказания, не связанных с лишением свободы, ресоциализации и реинтеграции правонарушителей. Данные международные принципы и стандарты закреплены в Конвенции о правах ребенка, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года, в Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) от 29 ноября 1985 г., в Руководящих принципах ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних, принятых в Эр-Рияде 14 декабря 1990 года, в документах Совета Европы: Рекомендациях по проблеме общественной реакции на преступность несовершеннолетних от 17 сентября 1987 г., Рекомендациях о медиации в семейных вопросах от 2 января 1998 г., Рекомендациях о новых путях решения проблемы преступности среди несовершеннолетних и роли ювенальной юстиции от 24 сентября 2003 г. и др.

В частности, социологический опрос экспертов-практиков показал, что каждый второй работник ювенальной юстиции страны владеет достаточными знаниями о международных стандартах отправления правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей и предупреждения преступности несовершеннолетних (на это указало 48,6 % опрошенных экспертов, остальные эксперты, к сожалению, не владеют необходимыми знаниями международных стандартов ювенальной юстиции, из них 39,2 % владеют недостаточно, а 12,2 % – их совсем не знают).

Предметно-содержательный анализ отношения экспертов-практиков к основным международным принципам и стандартам современной ювенальной юстиции показал, что большинство опрошенных экспертов разделяет только некоторые общепринятые мировым сообществом нормы ювенальной антидевиантной политики: правосудие в отношении несовершеннолетних должно отличаться от правосудия в отношении взрослых (56,0 %); наказание для несовершеннолетних должно быть соизмеримо с совершенными ими преступлениями (53,6 %); наказание для несовершеннолетнего должно нести воспитательный, реабилитационный характер (53,1 %); родители должны быть вовлечены на всех стадиях работы с несовершеннолетним преступником в качестве активных участников (50,6 %). От 1/4 до 1/2 опрошенных экспертов высказали согласие со следующими международными нормами и стандартами: несовершеннолетний, совершивший преступление, должен, прежде всего, получить возможность исправить ситуацию и возместить причиненный им ущерб (40,3 %); допрос несовершеннолетнего, подозреваемого в совершении преступления должен проводиться в особых условиях, отличным от допроса взрослы (35,7 %); лишение свободы не способствует исправлению подростка (32,5 %); лишение свободы должно применяться в качестве крайней меры и на минимальный период времени (31,8 %); несовершеннолетний, совершивший преступление, прежде всего, нуждается в помощи, а затем должен понести наказание (25,2 %).

Одновременно с этим следует обратить внимание на очень важный и значимый факт – абсолютное большинство опрошенных экспертов отрицательно относятся к доминированию карательно-наказательной модели ювенальной юстиции. В частности, только 4,9 % опрошенных экспертов согласны с утверждением, что «лишение свободы является наиболее действенным методом воспитания подростка-преступника», «несовершеннолетний, совершивший преступление должен быть изолирован от общества на максимально возможный срок» (3,4 %), несовершеннолетний, совершивший преступление, до суда должен находиться под стражей (2,8 %), допрос несовершеннолетнего преступника ничем не должен отличаться от допроса взрослых (5,5 %), все дела несовершеннолетних, совершивших преступление, должны доходить до суда (11,3 %). Вместе с тем, эксперты полагают, что безнаказанность правонарушителей является достаточно важным фактором, детерминирующим совершение правонарушений (в общей иерархии факторов, влияющих на генезис и детерминацию правонарушений несовершеннолетних, по данным социологического опроса он занимает 6 место).

Таким образом, несмотря на недостаточное знание и относительную поддержку международных принципов и стандартов современной мировой ювенальной политики, большинство экспертов-практиков является сторонниками комплексной предупредительно-восстановительной модели системы профилактики правонарушений и качественного реформирования действующей системы предупреждения правонарушений несовершеннолетних и ювенальной юстиции в стране.

По результатам проведенного национального исследования эффективности профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями можно предложить следующую теоретическую модель современной ювенальной антидевиантной политики, которая как единая и целостная социальная система должна включать *четыре структурные подсистемы:*

1) Предупреждение правонарушений несовершеннолетних *(*правовые основы ее деятельности необходимо закрепить в специальном *Законе о предупреждении правонарушений несовершеннолетних).*

***2) Внесудебное рассмотрение и реагировани*е** на административные правонарушения и преступления несовершеннолетних, не представляющих большой общественной опасности, включая превентивный учет и контроль данной категории несовершеннолетних правонарушителей (в связи этим необходима разработка и принятие специального *Закона о внесудебном рассмотрении, реагировании и превентивном контроле несовершеннолетних правонарушителей.*

3) Ювенальная юстиция – выявление, специализированное расследование, судебное рассмотрение, реагирование и отбывание наказания за менее тяжкие, тяжкие и особо тяжкие преступления несовершеннолетних, включая превентивный учет и контроль (система ювенальной юстиции должна быть урегулирована в специальном *Законе о ювенальной юстиции).*

4) Социальная адаптация и реинтеграция несовершеннолетних правонарушителей после привлечения их к ответственности и отбывания наказания (для этого требуется разработка и принятие специального *Закона о социальной адаптации и реинтеграции несовершеннолетних правонарушителей).*

Подсистема «Предупреждение правонарушений несовершеннолетних» – это регулируемая ювенальным и другим национальным и международным законодательством система субъектов, форм и мер социальной, криминологической, виктимологической, примирительно-восстановительной, судебной, исполнительно-наказательной и социально-реинтеграционной деятельности по: а) защите прав и созданию условий для социального и культурного развития и законопослушного поведения детей, находящихся в социально неблагополучной жизненной ситуации, которые совершили правонарушение, входят в группы криминального риска или являются жертвами правонарушений; б) выявлению, нейтрализации и устранению социальных, личностных и личностно-социально интеракционных факторов, причин и условий, детерминирующих их противоправное поведение и виктимизацию; в) по предотвращению и пресечению правонарушений; г) примирению с потерпевшим и компенсации причиненного ущерба; д) ответственности и наказанию; ж) профилактическому учету и контролю поведения несовершеннолетних правонарушителей; з) социальной, культурно-нравственной и правовой коррекции их личности, образа жизни и ближайшего социального окружения с целью оптимальной нравственно-правовой социализации и интеграции несовершеннолетних правонарушителей в общество, снижения уровня, изменения структуры и минимизации негативных последствий правонарушений несовершеннолетних, обеспечения личной и общественной безопасности, укрепления правопорядка.

Система предупреждения правонарушений несовершеннолетних помимо субъектов, форм и мер комплексной профилактической деятельности включает *также следующие компоненты, которые обеспечивают ее социальную эффективность*: теоретическую концепцию; систему управления, взаимодействия и контроля; криминологический мониторинг, прогнозирование и планирование; нормативно-правовую базу; информационное, статистическое, научно-методическое, кадровое, финансовое и материально-техническое обеспечение; взаимодействие с общественностью и гражданами; международные связи и сотрудничество.

Подсистема «Внесудебное рассмотрение и реагирование на административные правонарушения и преступления несовершеннолетних, не представляющих большой общественной опасности» – это деятельность специализированных государственных органов и общественных организаций, направленная на: 1) внесудебное рассмотрение и реагирование на административные правонарушения и преступления несовершеннолетних, не представляющих большой общественной опасности и менее тяжких преступ-

лений; 2) превентивный учет и контроль этих несовершеннолетних правонарушителей.

Подсистема «Ювенальная юстиция» – это деятельность специализированных ювенальных правоохранительных государственных органов, включающая процедуры дознания, предварительного расследования, судопроизводства, исполнения наказания, превентивного учета и контроля, прокурорского надзора, защиты прав и законных интересов, оказания адвокатской помощи несовершеннолетним, совершившим менее тяжкие, тяжкие и особо тяжкие преступления, а также деятельность по защите прав и законных интересов жертв этих преступлений.

Подсистема «Социальная адаптация и реинтеграция несовершеннолетних правонарушителей» – это комплексная социальная, профессиональная и культурно-образовательная, нравственно-воспитательная, медицинская, социально-психологическая и другая деятельность специализированных государственных органов и общественных организаций, направленная на: 1) выявление, диагностику, социально-практическое исправление, физическое и культурно-нравственное оздоровление, социальную реабилитацию, адаптацию, реинтеграцию и законопослушный образ жизни несовершеннолетних правонарушителей после привлечения к ответственности и отбывания и отбывания наказания; 2) культурно-нравственное оздоровление их ближайшего социального окружения в семье, школе, работе и досуге; 3) защиту прав и законных интересов несовершеннолетних правонарушителей с целью создания условий для предупреждения повторного совершения ими правонарушений и последующего всестороннего и гармоничного социального и культурного развития.

Главными целями новой системы ювенальной антидевиантной политики должны быть следующие направления и результаты деятельности:

– создание благоприятных условий, системы ценностей и ориентаций, обеспечивающих оптимальную социализацию, гармоничное социальное и культурное воспитание и развитие, социально-позитивный и законопослушный образ жизни, а также защита прав и законных интересов детей и молодежи;

– выявление, нейтрализация и устранение всего комплекса социальных и личностных причин и условий совершения правонарушений несовершеннолетними, которые проявляются как в деформации личности и образа жизни правонарушителей, так и в криминогенных явлениях и процессах микро- и макросоциальной и культурной среды их формирования и развития, а также деструктивном характере взаимодействия несовершеннолетних с другими людьми, социальными группами и обществом;

– выявление, предотвращение и пресечение преступлений и других правонарушений несовершеннолетних;

– обеспечение позитивных изменений в уровне, динамике, структуре и характере преступности и других правонарушений несовершеннолетних;

– снижение материального, социального и морального вреда, причиняемого правонарушениями несовершеннолетних, защита прав и интересов

жертв правонарушений и уменьшение страха в обществе перед правонарушениями несовершеннолетних;

– социально-правовой контроль поведения, неотвратимая нравственно-правовая ответственность, исправление, социальная реабилитация и реинтеграция несовершеннолетних правонарушителей и несовершеннолетних из групп риска совершения правонарушений.

Систему профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями следует рассматривать как подсистему общего социального управления в обществе. Она должна быть единым целостным образованием и включать следующие взаимодействующие ***структурные компоненты:***

– ***ювенальная социальная профилактика –*** деятельность, направленная на устойчивое экономическое, политическое, социальное, культурное и нравственно-правовое развитие, а также защиту прав и законных интересов детей и молодежи, обеспечение ее материального, социального и духовно-нравственного благополучия, а также создание социальных условий и формирование системы ценностей и ориентаций на социально-позитивный и законопослушный образ жизни;

– ***ювенальная криминологическая профилактика –*** деятельность, направленная на выявление, предотвращение и пресечение преступлений и других правонарушений, выявление и устранение всех социальных, личностных и других факторов, причин и условий, их детерминирующих, а также выявление, учет и превентивный социально-правовой контроль преступников, других правонарушителей и лиц из групп риска совершения правонарушений;

– ***ювенальная виктимологическая профилактика –*** деятельность, направленная на выявление, предотвращение и пресечение криминальной виктимизации населения, на выявление, нейтрализацию и устранение всех социальных, личностных и других факторов, причин и условий, их детерминирующих, а также защиту прав жертв преступлений и других правонарушений, и виктимологическое просвещение населения;

– ***ювенальная уголовная, административная и другая правовая профилактика –*** уголовно-правовая и другая законодательная и правоприменительная деятельность, связанная с установлением и реализацией уголовной ответственности и наказания за преступления, которая обеспечивает исправление несовершеннолетних, совершивших правонарушения, оказывает общепредупредительное социальное и психологическое воздействие на несовершеннолетнюю молодежь (общая превенция), а также специально-предупредительное социальное и психологическое воздействие на несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности за преступления (специальная превенция), способствует восстановлению социальной справедливости и обеспечивает возмещение материального и морального вреда;

– ***ювенальная социально-реабилитационная и адаптационная профилактика –*** деятельность, направленная на выявление, диагностику, социальную реабилитацию и адаптацию несовершеннолетних правонарушителей,

лиц из групп риска совершения правонарушений, жертв преступлений и лиц из групп виктимного риска.

В соответствие с социально-детерминационной методологией и криминологической теорией деструктивной личностно-социальной интеракции (взаимодействия), система предупреждения правонарушений несовершеннолетних должна иметь *многоуровневый характер.* Интеграция криминологической, уголовно-правовой и социально-реабилитационной профилактической деятельности всех государственных органов и общественных организаций, которые являются субъектами профилактики правонарушений несовершеннолетних, должна реализовываться на следующих ***социальных уровнях:***

– *социально-структурный и институциональный* (макросоциальный, мезосоциальный, микросоциальный) – реализуется во всех сферах общественных отношений и в отношении различных социальных институтов, классов, общностей и групп, с которыми взаимодействуют несовершеннолетние правонарушители;

– *ситуативный* – связанный с характером и обстоятельствами конкретной жизненной ситуации совершения правонарушений несовершеннолетними;

– *личностно-девиантный* – в отношении системы качеств, свойств, поведения и образа жизни личности несовершеннолетних правонарушителей;

– *личностно-виктимный* – в отношении системы качеств, свойств, поведения и образа жизни личности жертв правонарушений несовершеннолетних;

– *личностно-социально интеракционный* – в отношении характера и содержания взаимодействия личности правонарушителей и окружающей социальной среды (других людей, социальных групп, общностей, институтов и социума в целом).

Ювенальная антидевиантная деятельность должна осуществляться в отношении следующих *основных социальных групп и сфер общественных отношений*: 1) несовершеннолетние правонарушители; 2) подростки из групп криминального и другого девиантного риска; 3) реальные и потенциальные жертвы правонарушений несовершеннолетних; 4) неблагополучные семьи, школа, досуговое и другое социальное окружение подростка (включая компании, поселенческие общины и сообщества).

Для того чтобы быть социально эффективной, система предупреждения преступности и других правонарушений несовершеннолетних должна функционировать на основе следующих ***основных принципов*:** соответствия национальному и международному законодательству и стандартам; социальной справедливости, гуманности, уважения прав и свобод человека; системности и комплексности; управляемости, плановости, координации и контроля; широкого участия граждан и общественных объединений; научной обоснованности; нормативно-правовой, организационной, кадровой, информационной, научно-методической и материально-технической обеспеченности.

Данные теоретические и научно-практические разработки и рекомендации по совершенствованию профилактической работы с несовершеннолет-

ними правонарушителями должны быть положены в основу проекта Концепции и Закона «Ювенальная антидевиантная политика» и других ювенальных криминологических законов («Предупреждение правонарушений несовершеннолетних», «Внесудебное рассмотрение, реагирование и превентивный контроль несовершеннолетних правонарушителей», «Ювенальная юстиция», «Социальная адаптация и реинтеграция несовершеннолетних правонарушителей»), принятие которых станет важным шагом на пути формирования в Беларуси новой современной системы предупреждения правонарушений несовершеннолетних и ювенальной юстиции.

Дата поступления статьи – 06.10.2011.

По основе эмпирических данных национального криминологического исследования эффективности профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями разработана теоретическая концепция системы предупреждения правонарушений несовершеннолетних как приоритетного направления ювенальной антидевиантной политики в Республике Беларусь.

The theoretical concept of the system of prevention of minors' delinquencies as the main course of the juvenile anti deviant policy in the Republic of Belarus has been elaborated on the base of empirical data of the national criminological research on the efficiency of prevention work with minors' delinquents.

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ЛИЦ, СТРАДАЮЩИХ ОТ ДЕЙСТВИЙ ГРАЖДАН, ЗЛОУПОТРЕБЛЯЮЩИХ АЛКОГОЛЕМ

Белокопытов В.В.

Проблема пьянства и алкоголизма в обществе не нова. Ей уже более 8000 лет. В Беларуси в течение ряда последних десятилетий отмечается распространение пьянства среди населения, особенно среди молодежи, а также рост числа состоящих на наркологическом учете лиц, страдающих хроническим алкоголизмом и лиц, употребляющих алкоголь с вредными для здоровья последствиями, в том числе несовершеннолетних [1].

По данным статистики в Республике Беларусь насчитывается 12–15 % алкоголиков. Реально же их количество может доходить до 25–30 % [2]. Лиц, злоупотребляющих спиртными напитками, никто не считал.

По мнению специалистов, алкоголизм – вид биосоциальной патологии личности. Он поражает как социальную, так и физиологическую и психическую жизнь человека. Алкоголизм – это заболевание, обусловленное систематическим употреблением спиртных напитков и проявляющееся в психологической и физической зависимости от алкоголя, в социальной и нравствен-

но-психической деформации личности, в патологии внутренних органов, обмена веществ, центральной и периферической нервной системы.

Алкоголизму, как правило, предшествует бытовое пьянство – употребление алкоголя, которое причиняет вред здоровью человека, ослабляет его социальную активность, ухудшает нравственно-психологическую атмосферу в семье, на работе и связано с грубым нарушением норм нравственности. Бытовое пьянство проявляется в форме привычного (один раз в неделю и чаще) потребления спиртных напитков, влекущего не более чем легкую степень алкогольного опьянения.

Пьяницы и алкоголики представляют опасность для окружающих, так как являются людьми психически неадекватными. Зависимый человек может из-за бутылки водки пойти на преступление. Большинство хулиганских поступков, убийств, аварий на дороге совершаются людьми в состоянии алкогольного опьянения [3].

Анализ современного состояния криминальной виктимизации населения Республики Беларусь показал, что за последние десять лет (2001–2010 годы – период действия нового Уголовного кодекса Республики Беларусь) общее количество зарегистрированных преступлений увеличилось на 23,42 % (с 114 177 в 2001 году до 140 920 в 2010 году), тогда как количество жертв от этих преступлений возросло на 41,37 % (с 75 229 чел. в 2001 году до 106 357 в 2010 году), что свидетельствует о том, что процесс виктимизации населения происходит более высокими темпами, чем рост преступности. Уровень криминальной виктимизации населения ежегодно возрастал: 2001 год – 75,3; 2002 год – 89,5; 2003 год – 113,1; 2004 год – 121,7; 2005 год – 162,6; 2006 год – 167,6; 2007 год – 149,7; 2008 год – 126,6; 2009 год – 119,9; 2010 год – 112,0 (для сравнения: коэффициент виктимности в 1993 году был 37,4; в 1997 году – 54,0; в 2000 году – 71,3).

В 2010 году в общем количестве осужденных доля лиц, находившихся на момент совершения преступления в состоянии алкогольного опьянения, составила 43,16 % (26 357 чел.), тогда как в 2001 году удельный вес этой категории осужденных был 37,22 % (18 738 чел.), темп роста составил 40,66 %.

Особо тревожит, что в семьях алкоголиков дети бывают в три раза чаще алкоголиками. С одной стороны, данный биологический компонент, представленный в ослаблении защитных механизмов, передается по наследству. Нарушение генетического кода сказывается, в том числе, и на двенадцатом-пятнадцатом поколении. Это может проявиться и в уродстве потомства в самых непредсказуемых формах. И даже если эти люди родились без отклонений, то воспитываются все равно в ненормальной обстановке. Если отец или мать – алкоголики, ребенок необязательно будет алкоголиком, но психопатом он становится, как правило. Что видят дети в пьющей семье? Побои, скандалы, испуг…

С другой стороны, у ребенка, проживающего в среде, в которой родители употребляют спиртные напитки, формируется психологическая установка: это допустимо! Так начинается алкогольное программирование, и

очень серьезное. Алкоголизм – тоже наркомания. Еще в 1973 году Всемирная организация здравоохранения объявила спиртное наркотиком.

Пьяницы и алкоголики, будучи носителями отрицательных взглядов и стереотипов антиобщественного поведения, не только постоянно нарушают правила и нормы поведения в различных сферах жизнедеятельности людей, но и активно способствуют вовлечению в пьянство окружающих, особенно молодежи.

На протяжении многих столетий общество пыталось найти наиболее действенные средства и способы ограждения людей от губительного влияния алкоголя, разрабатывало разнообразные меры по устранению многочисленных вредных последствий пьянства и алкоголизма, и в первую очередь, меры по спасению, возвращению к нормальной жизни больных алкоголизмом. Многовековая история антиалкогольной борьбы оставила множество примеров применения в этих целях разных мер вплоть до таких радикальных, как заключение пьяниц в тюрьмы, их физическое наказание, предание смерти, полный запрет производства и продажи спиртных напитков и т. п. Тем не менее, потребление алкоголя продолжало расти, охватывая все новые группы и слои населения.

В этих условиях большое значение имеет совершенствование правовых мер, направленных на минимизацию указанных негативных явлений.

Анализ нормативных правовых актов, регулирующих отношения, связанные с противоправной деятельностью лиц, злоупотребляющих спиртными напитками, показывает, что действующее законодательство Республики Беларусь регламентирует порядок и условия:

– применения принудительных мер безопасности и лечения к лицам, страдающим хроническим алкоголизмом, привлекаемым к уголовной ответственности за совершение преступлений;

– лишения родительских прав, отобрания детей у родителей, злоупотребляющих алкоголем, и возмещение расходов на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении;

– применения принудительных мер безопасности и лечения к лицам, страдающим хроническим алкоголизмом;

– направления граждан в лечебно-трудовые профилактории.

Регламентация порядка применения принудительных мер безопасности и лечения к лицам, страдающим хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией.

Статьей 107 Уголовного кодекса Республики Беларусь установлен порядок применения принудительных мер безопасности и лечения к лицам, страдающим хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией, привлекаемым к уголовной ответственности за совершение преступлений.

Указанные отношения разъяснены в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 25 марта 2009 г. № 1 «О назначении судами наказания в виде лишения свободы» [4], а также в обзоре судебной практики назначения судами уголовного наказания.

Лишение родительских прав и отобрание детей у родителей, злоупотребляющих алкоголем. Возмещение расходов на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении.

Данная возможность предусмотрена ст. 71 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье и широко используется в судебной практике. Порядок разрешения споров, связанных с воспитанием детей, в том числе с участием родителей, страдающих хроническом алкоголизмом, урегулирован Декретом Президента Республики Беларусь от 24 ноября 2006 г. № 18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях» [5], и другими нормативными правовыми актами, а также разъяснен в обзоре судебной практики Верховного Суда Республики Беларусь [6].

Порядок выявления и учета лиц, страдающим хроническим алкоголизмом.

Регламентирован постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 1 августа 2003 г. № 38 «Об утверждении Инструкции о порядке выявления, учета, обследования и лечения несовершеннолетних, употребляющих спиртные напитки, наркотические средства, психотропные либо иные одурманивающие вещества и Положения о подростковом наркологическом кабинете» [7] и постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 10 июля 2002 г. № 53 «О некоторых вопросах признания лица больным хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией, порядке и условиях оказания медицинской помощи пациентам, страдающим хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией» [8].

Направление граждан в лечебно-трудовые профилактории.

Порядок направления граждан в лечебно-трудовые профилактории установлен Законом Республики Беларусь от 4 января 2010 г. «О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них» [9], который регламентирует направление в лечебно-трудовые профилактории граждан, больных хроническим алкоголизмом, которые в течение года три и более раза привлекались к административной ответственности за совершение административных правонарушений в состоянии алкогольного опьянения, а также граждан, обязанных возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, в случае систематического нарушения этими гражданами трудовой дисциплины по причине употребления алкогольных напитков.

Помимо указанных нормативных правовых актов, в Республике Беларусь реализуется Государственная программа национальных действий по предупреждению и преодолению пьянства и алкоголизма на 2011–2015 гг. [1], направленная, в том числе, на выявление, предупреждение и уменьшение влияния комплекса причин и условий, способствующих потреблению алкоголя и развитию негативных последствий от его потребления, в том числе пьянства и алкоголизма.

В целом, в Республике Беларусь создана нормативная правовая база для применения принудительных мер безопасности и лечения к лицам, стра-

дающим хроническим алкоголизмом, а также возмещения расходов на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении.

Вместе с тем, использование в правоприменительной практике совокупности указанных выше законодательных мер недостаточно для обеспечения всесторонней защиты лиц, страдающих от действий граждан, злоупотребляющих алкоголем.

Для лиц, совместно проживающих с такими гражданами, актуальным является вопрос ограждения их (и в первую очередь несовершеннолетних детей) от влияния последних. Но применение принудительных мер лечения к лицам, страдающим хроническим алкоголизмом (направления в лечебно-трудовые профилактории), и, соответственно, изоляции их от общества, возможно только в силу привлечения последних к *административной* или *уголовной ответственности*. Причем, к административной ответственности данные лица должны быть привлечены в течение года три и более раза за совершение административных правонарушений в состоянии алкогольного опьянения.

То есть для того, чтобы в отношении алкоголика был решен вопрос о принудительном лечении в лечебно-трудовом профилактории, нужно, чтобы в картотеке милиции он был зафиксирован несколько раз за совершение в течение года административных правонарушений в состоянии алкогольного опьянения.

Очевидно, что, несмотря на наличие фактов причинения морального ущерба или материального вреда совместно проживающим с ним лицам, не всегда присутствуют основания для привлечения такого лица к административной ответственности.

Представляется целесообразным направлять в лечебно-трудовые профилактории граждан, которым по результатам медицинского освидетельствования установлен диагноз «хронический алкоголизм», если судом будут установлены неоднократные факты причинения ими *морального ущерба* или *материального вреда* совместно проживающим с ними лицам, выражающегося в физическом или психическом насилии, унижении их человеческого достоинства, применении недопустимых приемов воспитания, аморального антиобщественного поведения, ставящих членов семьи в тяжелое материальное положение посредством отчуждения имущества и т. д.

Следовательно, требуется внесение соответствующих дополнений в Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. «О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них».

На сегодняшний день является проблемным вопросом задержание и привлечение к административной ответственности семейных скандалистов, то есть лиц, допускающих правонарушения в быту на почве злоупотребления алкогольными напитками.

Действовавшим ранее Законом Республики Беларусь от 26 февраля 1991 г. № 637-XII «О милиции» (подп. «и» п. 8 ст. 16) сотрудникам милиции

предоставлялось право задерживать и содержать в специально отведенных в органах милиции помещениях лиц, находящихся в жилище в возбужденном состоянии в связи с алкогольным или наркотическим опьянением или другими обстоятельствами, могущих причинить вред себе или окружающим, по письменному заявлению проживающих там граждан, если они опасаются оставаться с ними и если отсутствуют другие основания для задержания, – до вытрезвления или выяснения обстоятельств.

В случае если составленный протокол об административном правонарушении признавался впоследствии неправомерным (из-за отсутствия состава правонарушения, предусмотренного в ст. 156 «Мелкое хулиганство» Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) 1984 года, подп. «и» п. 8 ст. 16 Закона «О милиции» обеспечивал правомерность содержания правонарушителя в органах милиции на вполне законных основаниях.

В настоящее время для задержания такого правонарушителя в обязательном порядке необходимо наличие состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 17.1 «Мелкое хулиганство» КоАП.

Представляется необходимым вернуть некоторые нормы утратившего силу Закона «О милиции» либо дополнить КоАП соответствующей статьей.

Для этого может быть использован зарубежный опыт, в частности Эстонской Республики. Так, ст. 234-2 КоАП Эстонии предусматривает, что в случае нарушения покоя в жилых помещениях (существует отдельный административный состав – ст. 145 «Умышленное нарушение покоя людей, в том числе членов семьи в жилых помещениях») на вытрезвление могут быть помещены лица, находящиеся в состоянии средней или сильной степени опьянения, которые в силу этого ведут себя агрессивно, имеют заметные нарушения координации, не способны самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке.

Подобные законодательные установления, упрощающие процедуру административного задержания в жилых помещениях граждан, будут в первую очередь защищать права и законные интересы тех граждан, которые действительно в этом нуждаются.

Анализ опыта применения положений о семейно-правовой ответственности позволяет делать некоторые выводы.

В подавляющем большинстве случаев родители, в отношении которых предъявлены требования о лишении родительских прав, относятся к исходу судебного разбирательства безразлично. Безразличное отношение матерей и отцов к детям имеет в своей основе массу причин, причем главными среди них являются неясность смысла существования и бесцельное пребывание в среде себе подобных в состоянии каждодневного алкогольного опьянения. Более того, родители не очень огорчены, что их лишили родительских прав, поскольку освобождаются от ответственности за своих детей.

Неэффективность проводимых в настоящее время судебных процедур наиболее ярко проявляется в невозможности защитить интересы ребенка при лишении родительских прав. Ребенок, в отношении которого родители (один из них) лишены родительских прав, сохраняет право собственности на жилое помещение или право пользования жилым помещением. Как правило, после вступления в законную силу судебного решения о лишении родителя родительских правах, ребенка помещают в учреждение для детей-сирот. При этом родитель продолжает пользоваться жилым помещением, а ребенок вынужденно проживает в условиях общежития и при определенном ограничении свободы перемещения. Он, как правило, вынужден расстаться со своей привычной средой проживания и обучения. Очевидно, что права ребенка в этом случае нарушаются, однако никто не предпринимает мер к их защите. Представляется, что назрела необходимость по-новому подойти к правовому регулированию процедуры лишения родительских прав и отобрания ребенка. Данные меры должны быть направлены на защиту интересов ребенка, а не на освобождение нерадивых родителей от ответственности за воспитание детей. Поэтому такие родители **должны быть ограничены в родительских правах (включая ограничения в пользовании жилым помещением) и направлены на принудительное лечение от алкоголизма, совмещая его с принудительными общественными работами**.

В целях минимизации правовой незащищенности членов семьи лиц, злоупотребляющих алкоголем (например, престарелых родителей), представляется целесообразным внесение дополнения в Жилищный кодекс Республики Беларусь, касающегося получения согласия органа опеки и попечительства на отчуждение жилого помещения, находящегося в собственности граждан, злоупотребляющих спиртными напитками (по аналогии с нормой ст. 123 Жилищного кодекса Республики Беларусь, устанавливающей такое правило в отношении жилых помещений, в которых проживают несовершеннолетние члены семьи собственника).

При этом получение согласия органа опеки и попечительства необходимо независимо от того, ограничена либо не ограничена дееспособность лица, злоупотребляющего спиртными напитками, в установленном порядке (лица, страдающего хроническим алкоголизмом и состоящего на учете в наркологическом диспансере).

Безусловно, что предлагаемые направления совершенствования законодательства не могут полностью искоренить указанные выше негативные проявления, но будут способствовать обеспечению защиты лиц, страдающих от действий граждан, злоупотребляющих спиртными напитками, предотвращению их полной деградации, а также минимизации негативных последствий антисоциального поведения таких лиц на окружающих.

Список использованных источников

1. Государственная программа национальных действий по предупреждению и преодолению пьянства и алкоголизма на 2011–2015 годы: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 11 января 2011 г., № 27 // Эталон, 6.1 [Электронный ресурс] / НЦПИ. – Минск, 2011.

2. Карпович, О. Каждый третий из нас алкоголик? / О. Карпович // Свободные Новости. – № 11. – 23–30 марта 2001 г.

3. Романова, Я. Знать правду / Я. Романова // Минский курьер. – № 160. – 01 августа 2003 г.

4. О назначении судами наказания в виде лишения свободы: постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 25 марта 2009 г., № 1 // Эталон, 6.1 [Электронный ресурс] / НЦПИ. – Минск, 2011.

5. О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях: Декрет Президента Республики Беларусь, 24 ноября 2006 г., № 18 // Эталон, 6.1 [Электронный ресурс] / НЦПИ. – Минск, 2011.

6. Разрешение споров, связанных с воспитанием детей. Лишение родительских прав и отобрание детей у родителей: обзор судебной практики Верховного Суда Республики Беларусь, 25.01.1995 // Эталон, 6.1 [Электронный ресурс] / НЦПИ. – Минск, 2011.

7. Об утверждении Инструкции о порядке выявления, учета, обследования и лечения несовершеннолетних, употребляющих спиртные напитки, наркотические средства, психотропные либо иные одурманивающие вещества и Положения о подростковом наркологическом кабинете: постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь, 1 августа 2003 г., № 38 // Эталон, 6.1 [Электронный ресурс] / НЦПИ. – Минск, 2011.

8. О некоторых вопросах признания лица больным хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией, порядке и условиях оказания медицинской помощи пациентам, страдающим хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией: постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 10 июля 2002 г. № 53 // Эталон, 6.1 [Электронный ресурс] / НЦПИ. – Минск, 2011.

9. О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них: Закон Республики Беларусь, 4 января 2010 г., № 104-З // Эталон, 6.1 [Электронный ресурс] / НЦПИ. – Минск, 2011.

Дата поступления статьи – 06.10.2011.

В настоящее время в Республике Беларусь недостаточно урегулированным остается вопрос защиты лиц, страдающих от антисоциального поведения лиц, злоупотребляющих спиртными напитками.

На основе анализа действующих нормативных правовых актов предлагаются некоторые направления совершенствования законодательства для эффективной защиты лиц, страдающих от действий граждан, злоупотребляющих алкоголем, нарушающих общественный порядок и правила общежития.

The question of protection of the persons suffering from antisocial behaviour of persons, abusing spirits, is insufficiently settled in the Republic of Belarus now.

On the basis of the analysis of operating standard of legal acts some directions of perfection of the legislation for effective protection of the persons, suffering from actions of citizens, abusing the alcohol, breaking a public order and hostel rules are offered.

ОСОБЕННОСТИ РЕЙДЕРСТВА В УКРАИНЕ

Бурбело О.А., Бурбело С.О.

Проблема рейдерства в Украине за последние годы приобрела чрезвычайную актуальность для экономики страны. Понятие «рейдер» на западе существует давно, а в Украине – с начала 90-х годов прошлого столетия. Возникновение рейдерства в Украине связано с процессами трансформирования национальной экономики, с многочисленными проблемами в действующем законодательстве, коррумпированностью органов государственной власти и рядом других обстоятельств.

Несмотря на то, что завладение чужим бизнесом имело место практически во всех развитых и развивающихся странах, в Украине сегодня это явление получило чрезмерный расцвет и развитие.

Для условий Беларуси, где сформирована эффективная, сильная вертикаль власти, где велико влияние государственных институтов на развитие национальной экономики, рейдерство, очевидно, выглядит экзотическим явлением.

Вместе с тем, последствиями украинского рейдерства являются негативное влияние на предпринимательский климат, дестабилизация робот отечественных предприятий, распад трудовых коллективов, социальные конфликты, формирование неблагоприятного инвестиционного климата и международного имиджа страны в целом.

Таким образом, создается реальная угроза нормальному развитию украинской экономики, среднего и малого бизнеса.

На разных этапах становления экономики украинскому рейдерству были присущи свои специфические черты и формы, исследование которых позволит выработать эффективную методику противодействия противоправным захватам бизнеса, внести необходимые изменения в законодательство, объективно прогнозировать дальнейшее развитие этого явления.

В экономической и юридической литературе достаточно длительное время идет дискуссия по проблемам рейдерства. Исследованием этого явления занимались как отечественные (Абрамов Я.В., Беликов О., Варналий З.С., Лазуренко В.И., Литвак А.Н., Паламарчук Г.), так и зарубежные ученые (Борисов Ю., Житомирский В.С., Ионцев М.Г, Фостер Р.С.). Работы вышеназванных авторов представляют собой важные источники фактологи-

ческих данных, результатов эмпирических исследований и теоретических обоснований проблем рейдерства в Украине и за рубежом.

Несмотря на определенное внимание со стороны ученых к данной проблеме требуют дальнейшего изучения сущность и способы осуществления рейдерства, его особенностей для реалий Украины, проведения сравнительного анализа процессов M&A, гринмейла и корпоративного конфликта, возможностей совершенствования уголовного и хозяйственного законодательства.

Несмотря на то, что понятие «рейдерство» используется на протяжении порядка 10–15 лет, до сих пор отсутствует его нормативное закрепление. Такая неопределенность губительна для законодательной деятельности, экономических отношений, делового оборота и пр. Количество сообщений о фактах рейдерства свидетельствует о необходимости создания четкого и однозначного определения такого явления, как рейдерство и проведения его классификации по четким критериям. В результате правоохранительные органы и участники корпоративных отношений получат четкие ориентиры своей деятельности.

В целом, данное понятие включает широкий спектр деяний от законного недружественного поглощения до бандитского захвата субъекта хозяйственной деятельности. Рейдерство можно рассматривать с одной стороны как сложный, высокоинтеллектуальный и высокоприбыльный бизнес специалистов высшего уровня, а с другой – как прямую преграду для обеспечения прав собственности и устойчивого развития рыночной экономики.

В Декларации целей и задач государственного бюджета на 2008 г., утвержденной Постановлением Кабинета Министров Украины от 1.03.2007, впервые центральные органы власти отметили, что они понимают под определением «рейдерство». В ней зафиксировано, что рейдерство – это противоправное овладение предприятием. Вместе с тем, подобное определение не является обобщающим и не раскрывает в полной мере сущность данного явления.

Государство обязано бороться с противоправными захватами предприятий. Однако рейдерство может быть реализовано и законными методами, последствия которых могут быть такими же негативными, как и от противоправного завладения. Лишь глубоко и правильно понимая, что такое рейдерство, в каких формах оно проявляется, можно сформировать системы эффективной защиты.

В зарубежной практике применяется понятие *“mergers and acquisitions”* (M&A), что в переводе звучит как слияние и поглощение.

Некоторые авторы [14, с. 15], рассматривают процессы M&A как одну из форм структурной перестройки юридического лица с целью эффективного распределения и использования всех ресурсов предприятия. За рубежом слияние и поглощение представляет собой отдельный рынок, который достаточно глубоко проработан на законодательном уровне. К сожалению, в украинском законодательстве данное понятие также не закреплено. Хозяйственным кодексом (ст. 59,

п. 1) предусмотрены лишь такие формы реорганизации юридического лица как слияние, присоединение, разделение и преобразование [1].

В соответствии с украинским законодательством под слиянием понимается реорганизация юридических лиц, в соответствии с которой права и обязанности каждого из них переходят к новому юридическому лицу. Понятие поглощение в гражданском и корпоративном законодательстве вообще не закреплено. Общепринятое понимание «поглощение» – это приобретение контрольного пакета акций предприятия. Поглощение можно определить как совокупность юридических и фактических действий, направленных на приобретение преобладающей доли в уставном капитале хозяйственного общества, или возможности определять решения, принимаемые обществом [4, с. 150].

Поглощение является одной из наиболее важных составляющих современных корпоративных отношений. Оно представляет собой процедуру смены собственника или смены структуры собственности компании, являющуюся завершающим звеном в системе мер по структуризации компании. Поглощение сопровождается обязательным овладением правом главного контроля над предприятием и/или его активами.

Среди большинства ученых бытует мнение, что реорганизация юридического лица возможна по двум основаниям: добровольному и принудительному. Добровольная реорганизация осуществляется по воле собственника или органа правления юридического лица, принудительная – в соответствии с решением уполномоченных государственных органов или суда.

Слияние может быть и на добровольной основе, поглощение же бывает двух видов: дружественное и недружественное. Дружественное поглощение – это результат соглашения двух юридических лиц по присоединению одного юридического лица к другому. Аналогией дружественному поглощению в украинском законодательстве является присоединение.

По мнению Ионцева М.Г., недружественное поглощение – это установление над компанией или активами полного контроля как в юридическом, так и физическом смысле вопреки воле менеджмента или хозяина этой компании [10, с. 25]. Из данного определения можно сделать вывод, что недружественное поглощение осуществляется вопреки воле собственника или руководства компании, однако это не означает, что оно реализовано незаконным способом.

Например, в условиях публичного акционерного общества скупка его акций не является противозаконной, однако фактический собственник данного общества может быть против, хотя договор купли-продажи акций не является преступлением.

Рейдерство часто отождествляют с M&A, гринмейлом и корпоративными конфликтами, несмотря на то, что эти понятия имеют существенные отличия.

Достаточно распространенным является понимание рейдерства как незаконного поглощения, при котором деловой конфликт инициируется не с целью получения прибыли от перепродажи акций, а установления абсолютного контроля над бизнесом.

При этом в ход идут незаконные методы. К их числу можно отнести использование сфальсифицированных документов, двойных ресурсов, незаконные собрания акционеров, подкуп чиновников, судей, представителей правоохранительных структур, бандитский захват, применение насилия. В рейдерских действиях значимой является силовая составляющая (самоуправство, нанесение повреждений, препятствование законной хозяйственной деятельности, захват государственных и общественных зданий и сооружений, умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества). Именно поэтому часто понятие рейдерства сводят к силовому захвату под прикрытием законных или псевдозаконные оснований. Вместе с тем, силовой захват лишь одно из формальных средств достижения рейдером своей цели.

Вслед за незаконным захватом акций предприятия, дестабилизицией его позиций на рынке идет перепродажа активов в целом или по частям, или же предприятие вводится в бизнес-структуру рейдера. Таким образом, реструктуризация осуществляется не по рыночным, а криминальным законам. Этому благоприятствует множество обстоятельств, и прежде всего то, что Украина – страна, где имеет место трансформация экономики, рыночные институты еще не окрепли или слабо функционируют. Множество предприятий не имеют прозрачной истории приватизации, рассматриваются как не легитимные, имеют непривлекательный имидж, нарушают права акционеров.

Таким образом, рейдерство можно определить как инициирование бизнес-конфликта, целью которого является установление полного контроля над предпринимательской деятельностью, результат которой заключается не в создании нового национального продукта, не в положительном экономическом и социальном эффекте, а в извлечении краткосрочных выгод, грабеже полученных активов. Мотивом рейдерских действий может быть не только завладение материальными ценностями, но и также принуждение, неприязнь, месть, неудовлетворенные амбиции.

Вместе с тем, подобный подход к определению рейдерства страдает односторонностью, так как внимание акцентируется на так называемом «черном» рейдерстве, а «белое» или законное, которое распространенно в большинстве стран мира, игнорируется. По нашему мнению, захват предприятия может иметь место и без нарушения законодательных норм и вместе с тем преследовать рейдерскую цель. К сожалению, в Украине большинство захватов субъектов хозяйственной деятельности сопровождается нарушениями норм законодательства. Именно поэтому, проблема рейдерства является актуальной, а само явление рейдерства представляет реальную угрозу национальной экономике.

Процессы M&A отличаются от рейдерства по ряду признаков и прежде всего по цели. Для процессов M&A характерно следующее [14, с. 35]:

– защитная цель, когда компании ищут возможности роста за счет приобретения дополнительных активов, вертикальной или горизонтальной интеграции, или стремятся усилить свои позиции на рынке, включая вариант покупки конкурентов или захвата их доли рынка;

– инвестиционная цель, для которой характерно размещение свободных средств, участие в прибыльном бизнесе, скупка недооцененных активов, использование управленческих навыков;

– цель создания устойчивых преимуществ с помощью диверсификации для большего контроля рисков (ценовых, валютных и до.), использования опыта других производственных сфер, не доступного конкурентам, сокращения времени выхода на новые рынки;

– цель выхода на рынки других стран, которая актуальна в связи с процессами глобализации.

Для рейдерства же характерной целью является завладение предприятием и его имуществом для получения немедленной прибыли.

В публикациях довольно часто встречается понятие гринмейла. Под ним понимается корпоративный шантаж путем скупки значительного количества акций какой-либо компании с предложением продать их по завышенным ценам при условии, что другие компании заключают соглашения о невмешательстве [10, с. 75]. Гринмейл не имеет целью установления контроля над предприятием, а лишь получение дохода от продажи акций, которыми он завладел.

Под корпоративным конфликтом понимается конфликт интересов собственников предприятия. Проблема его заключается в том, что он может перерасти в захват предприятия с подделкой документов и перехватом управления компанией [11, с. 86]. Нередко корпоративный конфликт может быть элементом рейдерских действий, однако он не всегда прямо связан с рейдерством, ибо конфликт можно погасить и без отчуждения предприятием.

Результаты исследования отличительных особенностей рейдерства, M&A, гринмейла и корпоративных конфликтов могут быть использованы для подготовки превентивных мер по противодействию рейдерству.

Список использованных источников

1. Хозяйственный кодекс Украины. – Харьков: Информационно-правовой центр «КСИЛОН». – 2003. – 224 с.

2. Абрамов, Я.В. Теоретичні та практичні питання корпоративних поглинань / Я.В.Абрамов // Наукові записки, «КМ Академія». – 2007. – Т. 64. – 120 с.

3. Бєліков, О. Рейдерство в Україні – реалії сьогодення / О.Бєліков // Юридичний журнал. – 2007. – № 4. – С. 105–109.

4. Бочарова, О. Способи поглинання акціонерних товариств / О. Бочарова // Підприємництво, господарство и право. – 2009. – № 10. – С. 149–151.

5. Варналій, З.С. Рейдерство в Україні: передумови та шляхи подолання / З.С. Варналій // Стратегічні пріоритети. – 2007. – № 2(3). – С. 129–136.

6. Житомирский, В.С. В блокнот предпринимателю. Рейдерство: явление, причина, профілактика, защита / В.С. Житомирский. – Спб.: Ленинградская торгово-промышленная палата. – 2006. – 54 с.

7. Лазуренко, В.И. Рейдерство: слияние и поглощение: моногр. / В.И. Лазуренко, Я.Н. Ломакин, Ю.В. Лазуренко. – М.: ТУКБИ, 2009. – 232 с.

8. Литвак, О.М. Українське рейдерство: проблеми реального запобігання / О.М. Литвак // Кримінологія в Україні в протидія злочинності: Зб. наук. ст. – Одеса: Фенікс, 2008. – С. 26–33.

9. Паламарчук, Г. Особливості рейдерства в Україні та політика його подолання / Г. Паламарчук, Л. Венгер // Економіка України. – 2007. – № 9. – С. 23–25.

10. Ионцев, М.Г. Корпоративные захваты: слияние, поглощение, гринмейл / М.Г. Ионцев. – М.: Ось-89, 2008. – 272 с.

11. Борисов, Ю. Корпоративное рейдерство как социально-экономическое явление в мировой экономике / Ю. Борисов. – М.: Первый институт корпоративного права, 2006. – 122 с.

12. Стэнли Фостер Рид. Искусство слияний и поглощений / Стэнли Фостер Рид, Александра Лажу; пер. с англ. – М.: Альпина бизнес Букс, 2004. – 958 с.

13. Зеркалов, Д.В. Рейдеры: пособие / Д.В. Зеркалов. – К.: КНТ, 2007. – 188 с.

14. Борисов, Ю. Игры в русский M&A / Ю. Борисов. – М.: Спец. адрес, 2005. – 140 с.

Дата поступления статьи – 08.06.2011.

В статье на основе украинской и зарубежной практик исследуется сущность рейдерства, факторы способствующие возникновению и развитию этого явления, национальные его особенности, негативное влияние на предпринимательский климат, устойчивость работы отечественных предприятий, сплоченность трудовых коллективов, инвестиционную привлекательность страны.

The content of raidering, the factors which assist it in its formation and development, its national peculiarities, the negative influence enterprising climate, the stability of work of the native enterprises, the unity of work collective and the investing part of the country are researched in the article on the basis of Ukrainian and foreign practice.

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Никитенко И.В.

Анализ развития миграционного законодательства современной России свидетельствует о беспрецедентной либерализации миграционных правоотношений. Вполне естественно, что некоторые из аналитиков, исследующие миграционные процессы в контексте проблем обеспечения безопасности личности, общества и государства, все чаще задаются вопросами о целесообразности и потенциальных угрозах либеральной миграционной политики.

Миграционная активность населения рассматривается отечественным establishment как необходимое условие экономического роста, а в качестве основного индикатора чаще всего используется валовой внутренний продукт (ВВП), не смотря на его очевидную необъективность, а иногда и противоречивость по отношению к другим градиентам социальной стабильности. На этом фоне создается впечатление, что примат экономики нивелирует значение иных не менее важных общественных институтов и даже потенциальных угроз, источниками которых часто являются те самые средства, при помощи которых достигается экономический прогресс[1]. Не ставя задачу критиковать политическую парадигму нашего государства, в данном исследовании обращено внимание к этому вопросу потому, что необходимо выяснить основные детерминанты беспрецедентной, по нашему мнению, либерализации миграционной политики современной России, что могло бы способствовать разработке адекватной системы мер, направленных на эффективное обеспечение миграционной безопасности государства в подобных условиях.

Известно, что миграционные процессы, вопреки собственной неоднозначности, а в отдельных случаях и антагонистичности с интересами обособленных социальных групп и даже государственных суверенитетов, как и прежде, оказывают неоценимое влияние на формирование и развитие современной цивилизации. С одной стороны, миграционная активность населения во все времена являлась катализатором общественного прогресса (освоение новых территорий, перераспределение производительных сил, экономическая интеграция, взаимное проникновение культур и т. д.), с другой – миграция всегда выступала «краеугольным камнем» социальных конфликтов, в основе которых и не имеющее сегодня эффективного решения противоречие «свой / чужой».

Внешней формой проявления недовольства, часто перерастающего в агрессию по отношению к иммигрантам, ассоциируемым с «чужими» у коренного населения, провокационно именуемого «титульной нацией»[2], является весьма распространенный и с некоторых пор лишенный иронии эпитет – «понаехали». Антиномия сложившейся ситуации заключается в том, что наибольшую агрессивность по отношению к «чужим» демонстрирует та часть коренного населения, которая проживая в крупных, экономически развитых

[1] Так, Святейший Патриарх Кирилл, выражая позицию Русской Православной Церкви, которая в данном случае совпадает с мнениями многих аналитиков, исследовавших проблемы «кризиса цивилизации», акцентирует внимание на недопустимости «a priori» экономики и особенно экономической глобализации, так как это ведет к «самораспаду» цивилизации. Для иллюстрации этих суждений Святейшего Патриарха следует привести несколько тезисов из его выступления перед студентами Российского государственного университета им. И.Канта, состоявшегося 23 марта 2009 года в городе Калининграде: «Неправы те, кто привык думать в вульгарно понятых марксистских категориях, считая, что ход истории определяется исключительно производительными силами и производственными отношениями. Исторический опыт решительно опроверг эти отвлеченные схемы. Пути разрешения политических, экономических, гуманитарных проблем следует искать не столько в плоскости перераспределения материальных ресурсов или улучшения управленческих технологий, сколько в сфере духовности».

[2] Понятие «титульная нация» было впервые введено известным французским поэтом и политическим деятелем националистического направления Морисом Барресом в конце XIX века. Баррес понимал под ней доминирующую этническую группу, язык и культура которой становятся основой для государственной системы образования. См.: Sternhell Z. Maurice Barrès et le nationalisme francais. Bruxelles, 1985.

центрах с высокой иммиграционной привлекательностью, и является основным заказчиком, а также потребителем услуг трудовой иммиграции.

В.И. Мукомель, критикуя новую миграционную политику современной России, подчеркивает, что особенностью российского дискурса является преувеличенное значение этничности: многие социальные, политические, экономические проблемы сводятся к поиску причин, лежащих в сфере этничности и межнациональных отношений, этническая принадлежность часто выступает ключевым маркером отношения в обществе к «чужим» [1, с. 2]. Однако, последние негативные тенденции, характеризующие межэтнические и межрелигиозные отношения, в России, а также некоторых, наиболее развитых европейских демократиях, таких как Великобритания, Голландия, Германия, Франция, где в результате демаршей, ультиматумов и даже массовых беспорядков, организуемых представителями этнической иммиграции, стали говорить о фактическом провале либеральной миграционной политики или «политики мультикультурализма», как ее часто называют в Евросоюзе.

По мнению ряда аналитиков, мультикультурализм по европейски часто сводится к показной толерантности и политкорректности, а в реальности уже сегодня этнические проблемы обострены настолько, что даже в Германии, где чувство вины и ответственности за «holocaust» оказывают значительное влияние на либерализацию миграционной и межнациональной политики, все чаще говорят об угрозе «турецкой экспансии» [2, с. 2].

Социологические исследования во Франции также свидетельствуют о беспрецедентно возросшей среди коренных французов популярности ультраправых националистических движений. Так, за нового лидера «Национального фронта» Марин Ли Пен отдали голоса 23 % участников опроса, тогда как нынешний президент Николя Саркози и его соперница из Социалистической партии набрали всего по 21 % виртуальных голосов.

Подъем опросного рейтинга «Национального фронта» аналитики связывают с массовыми беспорядками во Франции в 2005 году, организаторами которых выступили представители этнической иммиграции из стран Ближнего Востока и Северной Африки.

Показательно, что основные положения политической программы «Национального фронта» отражают мнения той части коренного населения Франции, которая заинтересована в ограничении прав и свобод национальных меньшинств, и в первую очередь – в ужесточении миграционного и пограничного режима.

Лидеры «Национального фронта» декларируют право коренных французов на сохранение своей культуры, при этом активно критикуют мультикультурный проект интеграции иммигрантов.

Следует отметить, что Франция сегодня не единичный пример сублимации националистических взглядов и настроений во внутреннюю политику государства, что обусловлено, в первую очередь, недовольством коренного населения ее миграционной составляющей. Так, стабильно высокий рейтинг на протяжении ряда последних лет удерживает «Австрийская партия свобо-

ды» (АПС), на ее долю в разные годы приходится от 27 до 29 % националистически настроенного электората. «Антимусульманская партия Нидерландов» имеет стабильное представительство в парламенте Голландии. В 2011 году на парламентских выборах Финляндии убедительную победу одержала ультраправая партия «Истинные финны», предвыборный популизм которой основан на распространенном среди националистов тезисе «Финляндия для финнов». Сегодня в Европе партии ультраправой ориентации представлены в парламентах всех прибалтийских государств, а также Венгрии, Италии, Швеции и Швейцарии.

Очевидно, что стремление России занять достойное место в мировом экономическом пространстве, в том числе и посредством более тесной экономической интеграции (вступление во Всемирную торговую организацию (ВТО), активизация межгосударственного инвестиционного обмена и т. п.), обуславливает экстраполяцию общемировых экономических проблем. Некоторые из таких проблем связаны с глобальным перераспределением производительных сил, стимулирующих миграционную активность населения, а это, в свою очередь, отражается на состоянии миграционной безопасности государства.

Известно, что межэтнические и межрелигиозные противоречия для такого крупного многонационального государства как Российская Федерация являются вполне естественными и одновременно крайне опасными явлениями. Многолетний и часто негативный опыт обеспечения межэтнической и межрелигиозной толерантности свидетельствует о наличии серьезных проблем и противоречий в названных сферах, многие из которых наследованы Россией от СССР и даже Российской Империи. Их основные детерминанты носят как внутригосударственный, так и внешнеполитический характер, однако, не вызывает сомнений, что они тесно коррелируют с отношением государства к обеспечению собственной миграционной безопасности и направлением развития миграционной политики в целом.

Пример эскалации социальной напряженности в странах Западной Европы, связанной с последствиями либерального миграционного режима, является серьезным поводом задуматься об адекватности существующей миграционной политики современным вызовам и угрозам. Связанные с миграцией проблемы, и особенно с ее нелегальной составляющей, сегодня уже не носят только экономический, демографический или административно-правовой характер, они все чаще попадают в сферу уголовного судопроизводства, о чем свидетельствует интенсивное развитие уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за преступления в сфере миграции населения, а также актуализация вопросов криминологического обеспечения миграционной безопасности не только России в целом, но и некоторых территориальных образований, имеющих выраженную региональную специфику.

По справедливому утверждению Ю.М. Антоняна, сегодня криминологический интерес к феномену «чужого», который часто ассоциируется с иностранным иммигрантом, обусловлен стремлением общества и государства защитится от терроризма и экстремизма, особенно носящих этнорелигиозный и

националистический характер [3, с. 366]. В свою очередь М.М. Бабаев рассматривает миграцию населения как «фоновое явление преступности» [4, с. 78], а П.Н. Кобец – в качестве фактора, непосредственно влияющего на криминальную ситуацию [5, с. 30–32]. В.П. Ревин обращает внимание на тесную взаимосвязь между миграцией и «интернациональной преступностью» [6, с. 25]. Дальнейшее развитие криминологическая теория о корреляции незаконной миграции и «международной, интернациональной или транснациональной преступности»[1] получила в работах К.К. Горяинова, В.А. Намоконова, А.Л. Репецкой и других авторов [7, с. 42]. В исследованиях В.Г. Гельбраса, Г.С. Витковской, Ж.А. Зайончковской, И.А. Ионцева, Л.Л. Рыбаковского, А.Н. Федотенкова выражаются мнения, что неадекватная социальным и геополитическим интересам миграционная политика является одной из детерминант ослабления национальной безопасности [8, с. 62–69]. Наша позиция заключается в том, что феномен «миграционной безопасности государства» симметрично другим категориям безопасности, уже имеющим нормативно-правовой статус (экономической, информационной, пограничной и т. п.), должен быть представлен в качестве видового компонента родового понятия «национальная безопасность». Следует отметить, что дефиниция «миграционная безопасность» прочно вошла в масс-медиа, научно-популярный и даже политический терминологические обороты, а характерные для этого вида безопасности угрозы и риски нашли отражение в Законе РФ от 5 марта 1992 г. «О безопасности» и в Стратегии национальной безопасности 2009 г. Вместе с тем, отсутствие у данного понятия нормативно-правового статуса не способствует дальнейшему развитию миграционного законодательства и, как следствие, формированию надежной системы обеспечения безопасности в области миграции населения [9, с. 22].

Миграционные процессы при определенных условиях могут иметь настолько существенный деструктивный потенциал, создающий реальную угрозу общественной безопасности и порядку, что это дает безусловные основания ввести в современный нормативно-правовой оборот понятие «миграционная безопасность», которая, по нашему мнению, должна занять достойное место в структуре национальной безопасности России. При этом следует иметь в виду, что миграционная безопасность не должна быть абстрактной юридической категорией, имеющей декларативный характер. Ее необходимо наполнить конкретным нормативно-правовым содержанием и смыслом аналогично тем структурным компонентам системообразующего понятия «национальная безопасность Российской Федерации», которые уже нашли свое отражение в отечественном законодательстве, а, следовательно, и в правоприменительной деятельности. Среди них: экологическая, экономическая, пограничная, информационная безопасность и т. п.

Исследования миграционных процессов на постсоветском геополитическом пространстве свидетельствуют о наличии существенных противоречий в обоснованиях целесообразности и необходимости стимулирования активизации

[1] В работах зарубежных и отечественных криминологов указанные понятия используются как синонимы.

внешней иммиграции на территорию России посредством либерализации миграционной политики. Напрашиваются справедливые вопросы – чем обусловлена настойчивая инициатива власти в очевидно неблагоприятных условиях для подобного рода преобразований осуществить либеральную реформу миграционной политики, и главное – как в подобных условиях организовать эффективное обеспечение миграционной безопасности государства?

Ужесточение условий и правил миграции населения является естественным правом любого суверенного государства, позволяющим в случае необходимости обеспечивать национальные интересы и безопасность. В противном случае государство может стать заложником собственной миграционной политики, которая вынуждает его постоянно поддерживать либеральный миграционный режим, даже когда это противоречит его интересам. Об этом свидетельствует опыт некоторых стран, которые уже испытывают последствия такой политики, – это Великобритания, Голландия, Германия, Италия, Израиль, Франция и т. п. Известно, что именно в этих экономически благополучных и прежде отличавшихся межнациональной толерантностью государствах отмечается рост национального экстремизма и ксенофобии.

Более того, уже сегодня известны примеры, когда некоторые из названных государств, «пожиная плоды» прежних экономических программ, реализуемых за счет роста трудовой миграции и упрощения миграционных режимов, стремятся к натурализации «чужих» в свои общественные системы через введение запретов на этнокультурные традиции и обычаи, что только усугубляет сложившуюся ситуацию и является катализатором межнациональной вражды. Среди подобных императивов особенно выделяются: запрет на ношение некоторых элементов национальных одежд, запреты на строительство культовых сооружений, отведение мест для компактного проживания и т. п. Создается впечатление, что это отчаянные попытки остановить уже не контролируемый процесс этнокультурной экспансии коренного населения. Но исторический опыт свидетельствует о том, что подобные тенденции часто провоцируют острые социальные конфликты, влекущие тяжкие криминальные последствия. Трудно до конца представить, к каким последствиям подобные меры могут привести в полиэтническом сообществе, какими является, например СНГ.

Однако в России существуют собственные проблемы относительно гармонизации миграционных отношений, часть которых является детерминантами потенциальных угроз различным аспектам безопасности личности, общества и государства. Многие из подобных угроз представляют криминологический интерес и могут быть отнесены к угрозам миграционной безопасности России.

Список использованных источников

1. Мукомель, В.И.Новая миграционная политика России: издержки идеологии // Moldoscopie (Probleme de analiza politica), nr. 3 (XLII), 2008 http: // www.usm.md/cercetare/moldoscop.asp. – С. 2.

2. Общественно-политическая газета «ЗАГРАНИЦА». – 2011. – №31 (342).

3. Антонян, Ю.М. Архетип и преступность. – М.: ООО «Издательский дом «Вече», 2009. – С. 366.

4. Бабаев, М.М. Методы анализа влияния различных факторов социально-экономической ситуации на состояние оперативной обстановки / М.М. Бабаев. – М., 1999. – С. 78.

5. Кобец, П.Н. Теоретические основы предупреждения преступлений иностранных граждан и лиц без гражданства в федеральных округах Российской Федерации. – М.: ВНИИ МВД России, 2006. – С. 30–32.

6. Ревин, В.П. Влияние открытости общества на консолидацию международных преступных сообществ в России. – М., 1995. – С. 25.

7. Горяинов, К.К. Транснациональная преступность: проблемы и пути их решения / К.К. Горяинов, А.П. Исиченко, Л.В. Кондратюк. – М., 1997. – С. 42; В.А. Номоконов Россия в фокусе криминальной глобализации. – Владивосток, 2002. – С. 219–222.; Репецкая А.Л. Транснациональная организованная преступность: автореф. дис ... д-ра юрид. наук. – М., 2001.

8. Миграция и безопасность в России / под ред. Г. Витковской и С. Панарина. – М., 2000. С. 62–69.; Гельбрас, В.Г. Перспективы китайской миграции на Дальнем Востоке // Отечественные записки – 2004 – № 4; Зайончковская, Ж.А. Прогноз миграции населения // Социологический журнал. – 1995. – № 3. – С. 22–27; Она же. Миграция населения в странах СНГ: 1997–1998 гг. Женева: Международная организация по миграции (МОМ), 1999. – С. 84; Ионцев, И.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. – М., 1999. – С. 22.; Рыбаковский, Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. – М., 1987. – С. 26–62; Федотенков, А.Н. Вопросы демографической и миграционной безопасности // Демографическое развитие и его социально-экономические последствия: материалы междунар. науч.-практ. конференции. – М.: ГУ ИМЭИ, 2002. – С. 152.

9. Никитенко, И.В. Миграционная безопасность Дальневосточного федерального округа России: политико-правовой и криминологический аспект. – Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2010. – С. 22.

Дата поступления статьи – 23.07.2011.

В статье «Криминологические проблемы либерализации миграционной политики современной России» дается краткое описание достоинств и противоречий либерализации миграционной политики Российской Федерации. Исследуются вопросы целесообразности предпринимаемых мер направленных на ослабление миграционного режима.

Автор статьи акцентирует внимание на проблемах либерализации миграционной политики в контексте «обеспечения миграционной безопасности» опираясь на отрицательный опыт некоторых зарубежных государств. И делает выводы о на-

личии гипотетических угроз, связанных с решением демографических и экономических проблем по средствам беспрецедентного роста трудовой иммиграции.

In the article «Criminological problems of the liberalization of migration policy in contemporary Russia» a brief overview of the strengths and contradictions of the liberalization of migration policy of the Russian Federation gives. The advisability of measures aimed at easing the migration regime are questioned.

The author of the article focuses on the problems of the liberalization of migration policy in the context of the «migration» on the basis of negative experiences of some foreign States and makes conclusions about hypothetical threats related to demographic and economic problems by means of the unprecedented growth of labour immigration.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Русецкий О.В.

В последние годы в республике отмечается тенденция улучшения количественных криминологических показателей преступности несовершеннолетних. За период 2005–2010 гг. ежегодное число регистрируемых преступлений несовершеннолетних сократилось почти в два раза (с 9 096 до 4 777). Анализ данных уголовной статистики в разрезе развития нормотворческой деятельности в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних позволяет сделать выводы о том, что данная тенденция обусловлена, в том числе, позитивным влиянием принимаемых на государственном уровне правовых мер.

В хронологическом плане наиболее значимые позитивные изменения состояния преступности несовершеннолетних отмечаются с принятием Закона Республики Беларусь от 31 мая 2003 г. № 200-З «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее – Закон о профилактике правонарушений несовершеннолетних) [1], закрепившего правовую основу системной работы по профилактике правонарушений несовершеннолетних на местном уровне. Существенное влияние на результативность профилактики оказали нормы Декрета Президента Республики Беларусь от 24.11.2006 № 18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях» [2] и ряда других нормативных правовых актов.

В настоящее время нормативная база предупреждения правонарушений несовершеннолетних в Республике Беларусь, отличается значительным объемом и разветвленностью. В центре системы правового регулирования располагается указанный выше специализированный закон, положения которого раскрываются и детализируются в нормативных правовых актах, принятых

на его основании и во исполнение. Ряд норм, регулирующих предупредительную деятельность, содержится в кодексах и иных законодательных актах Республики Беларусь.

Сохранение и увеличение указанного социального эффекта от развития законодательства в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних возможно при наличии постоянного внимания к социальной обусловленности соответствующих нормативных положений, их адекватности изменяющимся социальным условиям, качеству построения норм и правовых конструкций. В связи с этим актуальным направлением работы криминологов является концептуальное и практико-ориентированное совершенствование рассматриваемого блока законодательства.

Комплексный социально-правовой анализ законодательства в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних позволяет выделить ряд недостатков правового регулирования данной деятельности. В их числе проблема полноты раскрытия сущности основного предмета правового регулирования. В рассматриваемом блоке законодательства профилактика определяется как система социальных, правовых и иных мер, которые направлены на выявление и устранение причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, совершению несовершеннолетними правонарушений. Ключевой задачей деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних является устранение их причин и условий. В то же время об указанных причинах и условиях речи в нормативных правовых актах в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних не ведется. Основываясь на содержании Закона о профилактике правонарушений несовершеннолетних, можно предположить, что в качестве основной причины совершения правонарушений несовершеннолетними рассматривается их безнадзорность (отсутствие контроля). В то же время объективно, что безнадзорностью не исчерпывается комплекс детерминант (факторов, причин и условий) правонарушающего поведения несовершеннолетних.

В законодательстве о профилактике правонарушений несовершеннолетних круг объектов индивидуально-профилактической деятельности в основном ограничен лицами, в отношении которых требуется преимущественно восстановительные (реабилитационные) меры. К группе риска совершения правонарушений с определенной долей условности могут быть отнесены безнадзорные, беспризорные, уклоняющиеся от получения общего базового образования, занимающиеся бродяжничеством или попрошайничеством. Оставшиеся категории, перечисленные в Законе о профилактике правонарушений несовершеннолетних, формируют излишне дифференцированный перечень несовершеннолетних, различающихся правовым статусом, а не спецификой поведения и личности (например, содержащиеся в приемниках-распределителях или других учреждениях, подозреваемые или обвиняемые, осужденные к различным видам наказания и др.). Как уже отмечено, указанные категории нуждаются более в восстановительной поддержке, а не предупредительной работе.

В законодательстве о профилактике правонарушений несовершеннолетних значительное внимание уделено правовому регулированию практической деятельности по выявлению социального и семейного неблагополучия детей. Обозначены критерии социально опасного положения несовершеннолетних, их семей, детально регламентирована работа субъектов профилактики и их взаимодействие по выявлению таких несовершеннолетних, установлены основания и условия наделения несовершеннолетних правовым статусом нуждающихся в государственной защите. В тоже время работа по профилактике семейного неблагополучия несовершеннолетних, то есть по предупреждению возникновения внутрисемейных условий, влекущих потенциальные противоправные последствия, посредством экономических, культурных, правовых и других мер не достаточно регламентирована.

В рассматриваемом законодательстве не указаны основные параметры (формы, способы, последствия) контроля за выполнением решений по реализации профилактических мероприятий, эффективностью осуществляемой деятельности, не установлены критерии оценки эффективности предупредительной деятельности, а также не регламентирована ответственность должностных лиц, осуществляющих профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, работу с несовершеннолетними правонарушителями.

Нормы рассматриваемого законодательства не определяют требования к уровню профессионализма сотрудников субъектов профилактики, формы и способы анализа состояния, динамики, качественных и количественных характеристик преступности, правонарушений и другого девиантного поведения несовершеннолетних, факторов, причин и условий, их детерминирующих, а также не регламентируют обязательность использования результатов такого анализа при составлении и корректировке планов работы, определении спектра профилактических мероприятий.

В нормативных правовых актах в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних в незначительной степени уделено внимание регулированию взаимодействия субъектов профилактики с общественными структурами при реализации предупредительной деятельности (исключение составляет ОО «БРСМ»), не указаны направления, формы и способы такого взаимодействия.

В качестве общего недостатка рассматриваемого блока правового регулирования следует назвать неполноту нормативного обеспечения отдельных направлений профилактической деятельности (в частности, в отношении профилактики связанных с преступностью девиаций несовершеннолетних – пьянство, наркотики и др.) при одновременном наличии большого массива нормативных документов.

Таким образом, анализ нормативных правовых актов в сфере превентивной антикриминальной деятельности среди несовершеннолетних позволяет выявить ряд недостатков, снижающих эффективность профилактики. Указанные недостатки имеют объективные предпосылки, в числе которых отсутствие системного концептуально обоснованного (стратегического) под-

хода в правовом регулировании предупредительной деятельности. В практическом плане действенным способом повышения эффективности предупредительной деятельности в современных условиях Республики Беларусь видится изложение действующего Закона о профилактике правонарушений несовершеннолетних в новой криминологически обоснованной редакции, учитывающей особенности сложившейся на практике системы профилактики правонарушений несовершеннолетних. Далее изложены принципиальные требования к построению такого правового акта.

Основным предметом правового регулирования Закона о профилактике правонарушений несовершеннолетних должна выступать профилактика правонарушений, которая в криминологии рассматривается как деятельность правового, социального, культурного, медицинского, экономического, образовательного и иного характера, направленная на выявление и устранение причин и условий совершения правонарушений. Для достижения значимого социального эффекта это должна быть системная, научно обоснованная, непрерывная и развивающаяся, должным образом обеспеченная в организационном и правовом плане деятельность [3].

С целью акцентирования внимания субъектов профилактики на приоритетном направлении предупредительной деятельности (предупреждении наиболее характерных для белорусского общества предпосылок совершения правонарушений несовершеннолетними) в качестве дополнительного предмета правового регулирования может быть выделена профилактика социально опасного положения (далее – СОП) среди несовершеннолетних. К таким предпосылкам (признакам СОП) на альтернативной основе необходимо отнести:

– не исполнение или ненадлежащее исполнение родителями (законными представителями) несовершеннолетних своих обязанностей по воспитанию, обучению или содержанию несовершеннолетних, в результате чего не удовлетворяются основные жизненные потребности несовершеннолетних (не обеспечиваются безопасность, надзор или уход за ребенком, потребности ребенка в пище, жилье, одежде, получении необходимой медицинской помощи, образования, не создаются санитарно-гигиенические условия для жизни ребенка и т. д.);

– отрицательное влияние родителей (законных представителей) на поведение несовершеннолетних (вовлечение в совершение правонарушений, приобщение к потреблению алкоголя, немедицинскому употреблению наркотических, токсических, психотропных и других одурманивающих веществ, принуждение к занятию попрошайничеством, азартными играми и т. д.);

– жестокое обращение родителей (законных представителей) с несовершеннолетними, выражающееся в применения к ним физического, психического или иного вида насилия.

Для целей эффективного правового регулирования профилактики правонарушений несовершеннолетних в Законе о профилактике правонарушений несовершеннолетних необходимо выделение следующих уровней (и соответственно объектов и целей) профилактики:

а) общесоциальная (общая) профилактика – воздействие на среду, экологию, экономические, социальные, политические условия жизни несовершеннолетних в целях их улучшения, гармонизации [4]. Объектом общей профилактики являются все несовершеннолетние и их родители (законные представители), ее непосредственными целями – снижение мотивации совершения правонарушений у несовершеннолетних, а также формирование условий для законопослушного образа жизни;

б) индивидуальная профилактика – целевое персональное воздействие на несовершеннолетних группы риска совершения правонарушений. Основным объектом реализации мер индивидуальной профилактики должны быть несовершеннолетние, находящиеся в СОП и их родители (законные представители). Целью предупредительной работы будет устранение указанных выше признаков СОП – причин и условий, способствующих совершению правонарушений. К группе риска совершения правонарушений необходимо отнести и других несовершеннолетних, требующих повышенного профилактического внимания, в числе которых – совершившие правонарушения (деяния, содержащие их признаки); больные алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией; социально неадаптированные несовершеннолетние (вернувшиеся из мест лишения (ограничения) личной свободы). Целью предупредительной работы с такими лицами будет изменение сложившихся форм их деструктивного поведения посредством устранения выявленных в ходе работы конкретных причин совершения правонарушений и девиантных поступков, а также путем осуществления мер их социальной реабилитации (реадаптации).

В современной криминологии выделяют еще один уровень предупредительной деятельности. Это специальная профилактика, предполагающая обеспечение мер безопасности, устранение обстоятельств, способствующих совершению отдельных видов правонарушений. В то же время правовое регулирование реализации мер специальной профилактики, направленных на предупреждение отдельных видов правонарушений, в достаточной мере осуществлено в Законе Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» от 10.11.2008 № 453-З [5].

Исходя из сущности предупредительной деятельности, реализация общей профилактики правонарушений должна осуществляться комплексно, планово, на постоянной основе, всеми субъектами профилактики правонарушений в рамках их компетенции, установленной в Законе о профилактике правонарушений несовершеннолетних и иных нормативных правовых актах.

В качестве направлений общей профилактики правонарушений должны выступать мероприятия по устранению основных причин и условий совершения правонарушений, в числе которых:

– возникновение социально опасного положения несовершеннолетних;

– нарушение прав и законных интересов несовершеннолетних;

– недостатки в организации досуга и занятости несовершеннолетних;

– низкий уровень правовой культуры несовершеннолетних;

– недостатки воспитания несовершеннолетних, в плане формирования ценностных (мировоззренческих) установок, ориентирующих на здоровый образ жизни, социально полезное и законопослушное поведение и другие.

Необходимым условием качества осуществления общей профилактики является также выявление, анализ и устранение специфических (характерных для соответствующей административно-территориальной единицы) причин и условий совершения правонарушений.

Меры индивидуальной профилактики правонарушений, закрепляемые в законодательстве, следует рассматривать как перечень методов непосредственной работы и превентивных процедур обращения с несовершеннолетними группы риска совершения правонарушений. Применение указанных мер, формализованных в законе, на практике должно быть строго персонифицировано. Меры индивидуальной профилактики должны определяться субъектами профилактики с учетом индивидуальных особенностей лиц, в отношении которых они применяются, характера и степени общественной опасности совершенных ими действий. Меры принудительного и ограничительного характера должны применяться только на основании и в порядке, предусмотренном в Законе о профилактике правонарушений несовершеннолетних.

В качестве основных мер индивидуальной профилактики правонарушений могут выступать:

а) методы работы:

– профилактическая беседа;

– деятельность по выведению из СОП;

– содействие в трудоустройстве;

– утверждение общественного воспитателя несовершеннолетнего;

– официальное предупреждение о недопустимости противоправного поведения;

– обязательные меры воспитательного воздействия;

– социальная реабилитация (реадаптация) несовершеннолетних;

б) превентивные процедуры обращения с несовершеннолетними (защитные меры):

– помещение несовершеннолетнего до трех лет в организации здравоохранения;

– помещение несовершеннолетнего в социально-педагогические учреждения, приюты;

– передача несовершеннолетнего, обнаруженного в ночное время вне жилища без сопровождения законного представителя, его законному представителю и другие.

В качестве *исключительной* меры индивидуальной профилактики, имеющей в большей степени наказательный, а не воспитательный потенциал, следует рассматривать помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение или специальное лечебно-воспитательное учреждение.

Меры по организации профилактики правонарушений несовершеннолетних также должны быть регламентированы в Законе о профилактике правонарушений несовершеннолетних. Обеспечение на местном уровне функциональной работы системы предупредительной деятельности предполагает:

– наличие центрального органа (должностного лица), отвечающего за состояние профилактики правонарушений несовершеннолетних на территории региона;

– обеспечение взаимодействия органов и организаций (субъектов профилактики) при осуществлении мер общей и индивидуальной профилактики;

– организацию контроля за осуществлением профилактики правонарушений (установление порядка отчетности субъектов профилактики, систематические проверки уровня осуществления деятельности, установление ответственности за ненадлежащее исполнение функций);

– ресурсное, правовое и информационно-аналитическое обеспечение предупредительной деятельности и взаимодействия субъектов профилактики.

Как уже отмечалось, надлежащее правовое обеспечение деятельности по предупреждению правонарушений несовершеннолетних является важным условием снижения криминальной активности данной социально-демографической группы населения. Учет предлагаемых требований к формированию новой редакции Закона о профилактике правонарушений несовершеннолетних позволит в значительной степени оптимизировать предупредительную деятельность, повысить ее социальную эффективность.

Список использованных источников

1. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Закон Респ. Беларусь, 31 мая 2003 г., № 200-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 21.07.2008 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.

2. О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях: Декрет Президента Респ. Беларусь, 24 ноября 2006 г., № 18 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.

3. Русецкий, О.В. Правовые и организационные недостатки системы профилактики и противодействия преступности несовершеннолетних в Республике Беларусь / О.В. Русецкий // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для органов внутренних дел Республики Беларусь : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Дню белорус. науки, Минск, 23 янв. 2009 г. / МВД Респ. Беларусь, Акад. МВД Респ. Беларусь; ред.: Н.И. Минич [и др.]. – Минск, 2009. – С. 274–275.

4. Гилинский, Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других отклонений / Я.И. Гилинский. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд-во Р. Асланова: Юрид. центр Пресс, 2007. – 528 с.

5. Об основах деятельности по профилактике правонарушений: Закон Респ. Беларусь, 10 ноября 2008 г., № 453-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.

Дата поступления статьи – 12.10.2011.

В статье на основе комплексного социально-правового анализа норм законодательства в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних в Республике Беларусь выделяются и рассматриваются недостатки правового регулирования данной деятельности, негативно влияющие на ее эффективность. В качестве мер по совершенствованию правового обеспечения ювенальной антикриминальной предупредительной деятельности определены основные концептуальные требования к формированию новой редакции Закона Республики Беларусь «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

In article on the basis of the complex socially-legal analysis of norms of the legislation in sphere of preventive maintenance of offences of minors in the Republic of Belarus lacks of legal regulation of the given activity, negatively influencing its efficiency are allocated and considered. As measures on perfection of legal maintenance of activity under the prevention of offences of minors the basic conceptual requirements to formation of new edition of the Law of the Republic of Belarus «About bases of system of preventive maintenance of neglect and offences of minors» are offered.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ

Филиппенков В.М.

В соответствии с частью 1 статьи 23 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) преступлением, совершенным по неосторожности, признается общественно опасное деяние, совершенное по легкомыслию или небрежности. Будучи массовым социально-правовым явлением, неосторожная преступность имеет свои признаки и показатели, которые раскрывают характер и степень ее общественной опасности, закономерности развития и состояние уголовно-правовой борьбы с нею. П.С. Дагель отмечает, что если субъекты умышленных преступлений прямо или косвенно противопоставляют свою волю интересам общества, то социально-психологической причиной неосторожности является невнимательность, безответственное отношение к существующим в обществе правилам поведения [1, с. 8].

Неосторожные преступления совершаются в разных сферах общественных отношений, при этом их последствия в большинстве случаев являются тяжкими либо особо тяжкими. Так, количество причинений смерти от этих преступлений в нашей стране существенно превышает численность погибших от умышленных преступных деяний. Только в 2010 году в результате неосторожных преступлений погибло 852 лица или 57,2 % от общего количества погибших [2]. В этот негативный показатель не входит 221 погибший в результате умышленного причинения тяжкого телесного повреждения, по-

влекшего по неосторожности смерть потерпевшего (как известно, в целом такое преступление законодатель признает совершенным умышленно).

Неосторожные преступления совершают лица с дефектами предвидения результатов поведения, пониженной самокритичностью, слабым развитием сдерживающих процессов. Эти качества закрепляются в результате многократных переходов за грань дозволенного, на почве систематической недисциплинированности в условиях пониженного социального контроля. Неосторожные преступления связаны с устойчивыми социально отрицательными стереотипами и привычками. В неосторожных преступлениях нет прямых побуждений к совершению преступления – преступный результат здесь возникает в силу недостаточной способности субъекта предвидеть возможные последствия своих действий [3, с. 96–97].

Как известно, с уголовно-правовых позиций неосторожные преступные деяния квалифицируются как совершенные по легкомыслию или небрежности, то есть по существу случайно. В то же время результаты криминологических исследований показывают, что для определенной категории так называемых неосторожных преступников преступное деяние вовсе не явилось случайным событием. В отдельных случаях сложно относить деяния, за которые виновные привлечены к уголовной ответственности, в частности, за причинение по неосторожности смерти либо тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения, как совершенные по легкомыслию или небрежности.

С этих позиций необходимо рассматривать проблему обусловленности неосторожных преступлений определенными причинами, которые вызываются нередко неправомерным поведением не только правонарушителей, но и потерпевших. В этом смысле решение вопросов предупреждения преступности и виктимологической профилактики актуально не только в отношении умышленных преступлений, но и преступных деяний, совершенных по неосторожности.

Таблица 1 – Динамика отдельных видов неосторожных преступлений [2]

	Зарегистрировано преступлений								
	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
ст. 144 УК	72	77	80	77	81	86	90	65	62
ст. 155 УК	149	179	188	213	257	264	245	223	238
ст. 317 УК	1877	2169	2197	2241	2344	2053	1987	1764	1662
Итого	2098	2425	2465	2531	2682	2403	2322	2052	1962
в % от общего числа	1,6	1,6	1,5	1,3	1,4	1,3	1,5	1,4	1,4

Анализируя в настоящей статье три вида преступлений (причинение смерти по неосторожности, причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения по неосторожности и нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств), которые составляют менее двух процентов (таблица 1) от всех зарегистрированных преступлений, необ-

ходимо отметить особый «вклад» этих неосторожных преступных деяний в тяжесть наступивших последствий.

Таблица 2 – Динамика погибших и раненых в результате неосторожных преступлений [2]

	2008		2009		2010	
	погибло	ранено	погибло	ранено	погибло	ранено
ст. 144 УК	89	-	67	–	63	–
ст. 155 УК	–	21	–	19	–	18
ст. 317 УК	925	598	728	523	661	495
Итого	1014	619	795	542	724	513
в % от общего количества	51,6	45,6	48,4	47,5	48,6	48,1

Согласно данным таблицы 2, количество лиц, которые погибли либо получили ранения в результате указанных неосторожных преступлений, составляет около половины общего числа погибших и раненых от преступных деяний всех видов.

Актуальность проблемы борьбы с неосторожными преступлениями обусловлена не только непосредственно ущербом, причиняемым жизни, здоровью, имуществу людей, но и тем, что эти преступления принадлежат к числу наиболее острых и опасных форм социальной безответственности, недисциплинированности, эгоизма, равнодушия к благу общества и его членов [4, с. 425].

Хотя неосторожные преступления совершаются, как принято считать, заранее не обдуманно, субъекты этих преступных деяний и потерпевшие нередко своим отрицательным поведением способствуют возникновению криминогенной ситуации. Достаточно типичными являются случаи, когда причинение по неосторожности смерти либо тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения происходит вследствие длительных неприязненных отношений между лицами, объединенными социально-бытовыми связями.

Для криминологической характеристики субъектов, совершивших неосторожные преступления, определенное значение представляют такие признаки личности правонарушителей, как пол, возраст, образовательный уровень, профессиональные навыки, нравственно-психологические качества (таблица 3).

Таблица 3 – Удельный вес различных категорий лиц, совершивших неосторожные преступления в 2010 г. в общем количестве лиц, совершивших преступления, в 2010 году [2]

Совер. преступления	В том числе (в % к числу совершивших преступления):									
	несовершенлет.	18-29 лет	30 лет и старше	женщины	рабочие	служащие	учащиеся	нераб., неуч.	имеющ. судимость	наход. в сост. алког. опьян.
ст.144 УК	0	31,7	68,3	9,5	38,1	4,8	0	47,6	19	52,4
ст.155 УК	2,4	36,4	61,2	12,1	38,8	1,8	4,8	41,8	17,6	43,6
ст.317 УК	1,8	45,6	52,6	8,5	48,8	6,5	5,3	27,7	7,3	19,5

Значительное преобладание мужчин (около 90 %) среди лиц, совершивших неосторожные преступления, объясняется не только традиционным превышением удельного веса мужской преступности, но и уголовно-правовыми признаками специального субъекта, в частности, по преступлениям, связанным с нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств (водители – преимущественно мужчины). Необходимо также отметить, что женщинам в большей степени присуще чувство осторожности и дисциплинированности, они более ответственны и в целом строже соблюдают предписания Правил дорожного движения, предпочитают избегать чрезмерно рискованных действий и стараются не управлять автомобилем, находясь в состоянии опьянения [5, с. 227].

Возрастная характеристика неосторожных преступников характеризуется преобладанием лиц в возрасте от 30 лет и старше. Правонарушители указанной возрастной категории составляют 68,3 % лиц, причинивших по неосторожности смерть, 61,2 % – тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение, 52,6 % – совершивших уголовно-наказуемое нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств [2].

В отношении дорожно-транспортных преступлений такое положение может объясняться необоснованной уверенностью водителей, имеющих значительный стаж управления автомобилем, в возможность избежать дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) при нарушении Правил дорожного движения. Вместе с тем, 45,6 % лиц, совершивших преступления, предусмотренные статьей 317 УК, молодые люди в возрасте от 18 до 29 лет (сказывается малый опыт вождения, недостаточная профессиональная подготовка, неумение применять Правила дорожного движения в конкретной обстановке, а также в ряде случаев легкомысленное, беспечное отношение к обязанностям водителя) [2].

Особо следует отметить лиц в возрасте до 18 лет, совершивших уголовно-наказуемое нарушение правил дорожного движения или эксплуатации

транспортных средств. Хотя эта группа самая малочисленная (1,8 %), она наиболее опасна, поскольку у несовершеннолетних отсутствуют навыки вождения, они нередко существенно превышают допустимую скорость движения, создавая при этом аварийные ситуации для участников дорожного движения [2].

Одним из важных показателей результата выбора между правомерным и противоправным поведением является социальная позиция водителя – цели и мотивы его поведения, повлекшего создание аварийной ситуации и, как следствие, дорожно-транспортное происшествие. В.В. Лунеев определил мотивацию неосторожных преступлений как легкомысленно-безответственную, сущность которой заключается в отсутствии стремления субъектов к наступлению общественно опасных последствий [6, с. 65–66].

И.В. Танага определяет мотивацию дорожно-транспортных преступлений не только как легкомысленно-безответственную, но и имеющую хулиганские побуждения. Так, в ходе опроса лиц, осужденных за дорожно-транспортные преступления, выявлены их следующие нравственно-психологические свойства: неоправданная самоуверенность (89 %); легкомыслие и беспечность (68 %); неумение правильно оценить ситуацию (53 %); грубая неосторожность (44 %); уверенность в безнаказанности (43 %) [7, с. 117].

Как показывает судебная практика, подавляющее большинство всех дорожно-транспортных преступлений (равно как и ДТП) происходит по вине водителей. При этом погодные условия, состояние проезжей части и другие факторы, влияющие на безопасность дорожного движения, в значительной степени были благоприятными для управления транспортными средствами в момент совершения ДТП. Следует также отметить, что большая часть ДТП в нашей стране (57,7 %) произошла в 2010 году при ясной погоде, 62,7 % – в условиях сухой проезжей части, 87,7 % – при движении транспортного средства по прямому участку дорожного полотна [8]. Таким образом, внешние неблагоприятные условия для управления транспортными средствами в момент совершения дорожно-транспортных происшествий были минимальными.

Как отмечает М.И. Еникеев, в основе неосторожного преступления лежит узость поля сознания субъекта, его неспособность предвидеть возможные последствия своих действий, пренебрежение общественной опасностью возможных побочных результатов действия, потеря контроля над используемыми орудиями и средствами [3, с. 97]. Наиболее распространенными предпосылками анализируемых неосторожных преступлений являются в одних случаях психические и физические перегрузки, опьянение, рискованные действия, в других – неприязненные отношения между членами определенной социальной группы, возникающие в том числе на почве совместного употребления спиртных напитков.

Так, большая часть лиц, причинивших смерть по неосторожности (52,4 %), находилась в момент совершения преступления в состоянии алкогольного опьянения. В нетрезвом состоянии причинили тяжкие или менее тяжкие телесные повреждения 43,6% неосторожных преступников и каждый

пятый участник дорожного движения (19,5 %), привлеченный к уголовной ответственности по статье 317 УК [2].

Особенно наглядно фактор употребления водителями спиртных напитков иллюстрируется статистикой ДТП в выходные дни. В 2010 году в субботу и воскресенье по вине водителей, находившихся в нетрезвом состоянии, произошло 43,1 % дорожно-транспортных происшествий от числа совершенных этой категорией лиц. Не случайно в указанные дни в результате ДТП погибло больше всего граждан – 34,1 %. Имеет значение также и период времени в течение суток, когда существенно возрастает употребление водителями спиртных напитков (в основном по окончании рабочего дня и в вечерние часы). Так, по вине лиц, управляющих транспортными средствами в состоянии алкогольного опьянения, в период времени с 17 до 23 часов произошло 48,8 % дорожно-транспортных происшествий от числа совершенных этой категорией водителей. В эти же часы в результате ДТП погибло 50,3 % лиц [8].

Исследования опровергают бытующее мнение, что лица, совершающие дорожно-транспортные преступления, по нравственно-психологическим свойствам не отличаются от законопослушных граждан, что в автотранспортных преступлениях ведущей при взаимодействии личности и ситуации обычно оказывается последняя. Сама по себе дорожная ситуация даже при ярко выраженной сложности никогда, минуя личность, не способна стать причиной преступлений (в отличие от аварий непреступного характера). В данном случае всегда проявляется пренебрежение правилами безопасности, предосторожности как личностное свойство, хотя и выраженное в разной степени [4, с. 436–437].

Субъектами неосторожных преступлений часто являются лица, не занятые общественно полезной деятельностью. Так, не работали и не учились 47,6 % преступников, причинивших по неосторожности смерть, 41,8 % – тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение и 27,7 % лиц, совершивших преступление, предусмотренное статьей 317 УК [2].

При этом преступный результат в виде причинения по неосторожности смерти либо тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения зачастую не является случайным. Допреступное поведение этой категории правонарушителей в большинстве случаев было негативным. Нахождение в компании асоциальных лиц, совместное распитие спиртных напитков, другие отрицательные элементы поведения неосторожных преступников в значительной степени способствуют возникновению провоцирующей ситуации, межличностных конфликтов, имеющих нередко тяжкие последствия. Согласно информации, находящейся в Едином государственном банке данных о правонарушениях, свыше половины (50,8 %) фактов гибели людей в результате причинения смерти по неосторожности из числа расследованных в 2010 году преступлений этой категории произошло в ходе возникших ссор между преступником и потерпевшим, при этом правонарушители в большинстве случаев находились в состоянии алкогольного опьянения. Еще более высокий уро-

вень участия нетрезвых лиц в причинении потерпевшим по неосторожности тяжких или менее тяжких телесных повреждений [9].

М.И. Еникеев отмечает, что среди субъектов, совершающих неосторожные преступления, можно выделить случайных, «неустойчивых» и даже «злостных» преступников. К случайным относят лиц, впервые совершивших неосторожные преступления в условиях провоцирующей ситуации; «неустойчивым» – также впервые совершивших преступления, но сознательно нарушивших правила безопасности; «злостным» – ранее совершавших неосторожные преступления и нарушающих правила безопасности по антиобщественным мотивам [3, с. 97].

Большое значение в криминологической характеристике личности имеет психологическая «готовность» лица к совершению преступления. Так, имели судимость 19 % преступников, причинивших смерть по неосторожности, 17,6 % – причинивших по неосторожности тяжкие или менее тяжкие телесные повреждения, 7,3 % – совершивших уголовно наказуемое нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств [2]. Практика свидетельствует, что значительная часть субъектов неосторожных преступлений ранее привлекалась к ответственности и за административные правонарушения, причем некоторые из них – неоднократно.

Как отмечает Д.В. Синьков, в числе лиц, повторно совершивших уголовно наказуемое нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, 65 % правонарушителей ранее подвергались административному наказанию за нарушение Правил дорожного движения [5, с. 238].

Преступление, как социальное явление, детерминируется множеством внешних причин и условий, выступающих в сложном взаимодействии. Но при этом преступление, в том числе при определенных обстоятельствах и неосторожное – это не воля случая и не слепой рок. Это поведенческий акт человека, который осознает события и явления окружающего мира.

Как известно, в силу своей специфики преступное поведение обусловливается следующими обстоятельствами:

– биологическими и психологическими свойствами личности;

– социальными, культурными, моральными взглядами лица;

– внешними обстоятельствами, под влиянием которых сформировались эти взгляды;

– конкретной жизненной ситуацией, которая, взаимодействуя с личностью преступника, вызывает преступные действия [10, с. 34].

В рамках данной статьи также хотелось бы обратить внимание на некоторые обстоятельства, связанные с личностью и поведением потерпевшего, которые в определенной, как правило, конфликтной ситуации могли способствовать совершению неосторожного преступления, в первую очередь связанного с причинением потерпевшему телесных повреждений либо даже его гибелью.

Согласно данным, отраженным в таблице 4, около половины (47,6 %) погибших в результате причинения смерти по неосторожности, будучи в

трудоспособном возрасте, не занимались общественно полезной деятельностью. Из фабулы преступлений этой категории усматривается, что многие потерпевшие в предпреступной ситуации совместно с преступниками участвовали в распитии спиртных напитков и, как правило, погибали в результате возникших между ними конфликтов. Не случайно 41,3 % погибших находились в момент преступления в состоянии алкогольного опьянения [2].

Таблица 4 – Удельный вес потерпевших от неосторожных преступлений в общем объеме потерпевших в 2010 году [1]

Совер. преступления	В том числе (в % к числу совершивших преступления):									
	несовершенлет.	18-29 лет	30 лет и старше	женщины	рабочие	служащие	учащиеся	нераб., неуч.	имеющ. судимость	наход. в сост. алког. опьян.
ст. 144 УК	0	31,7	68,3	9,5	38,1	4,8	0	47,6	19	52,4
ст. 155 УК	2,4	36,4	61,2	12,1	38,8	1,8	4,8	41,8	17,6	43,6
ст. 317 УК	1,8	45,6	52,6	8,5	48,8	6,5	5,3	27,7	7,3	19,5

Подобные отрицательно характеризующие погибшего особенности личности и обстоятельства его поведения в значительной степени характерны для потерпевших от неосторожного причинения тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения. 35,4 % таких лиц также не принимали участия в трудовой деятельности либо учебе, а 22,3 % – в момент преступления находились в нетрезвом состоянии (среди потерпевших от всех преступных деяний в состоянии алкогольного опьянения находилось 8,9 % лиц) [2].

Как показывает анализ, существенная часть неосторожных причинений смерти либо тяжких или менее тяжких телесных повреждений – результат межличностных конфликтов, свидетельствующих о деморализации микросоциальных отношений внутри определенных социальных групп. При этом «вклад» потерпевшего в неосторожное преступление может объясняться тем, что морально-этические, образовательные, общекультурные характеристики правонарушителя и его жертвы часто весьма близки между собой. Так, не работали и не учились, как отмечалось выше, 47,6 % преступников, причинивших смерть по неосторожности (среди погибших таких лиц тоже 47,6 %), а находились в состоянии алкогольного опьянения 52,4 % правонарушителей и 41,3 % погибших.

Диаграмма, отражающая удельный вес лиц, причинивших смерть по неосторожности и погибших в результате этих преступлений, наглядно подтверждает выводы об антисоциальном поведении значительного числа неосторожных преступников и их жертв (рисунок 1).

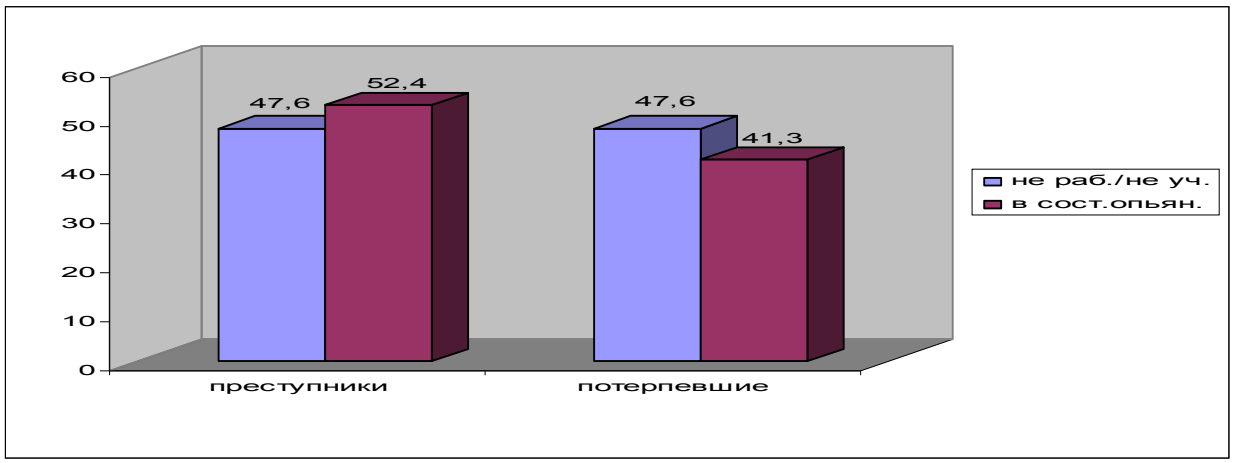

Рисунок 1 – Удельный вес неработающих или находившихся в состоянии алкогольного опьянения преступников, причинивших смерть по неосторожности и погибших в общем объеме лиц этих категорий, в 2010 году

Утверждение известного криминолога Ганса фон Гентига о том, что зачастую преступник и жертва подходят друг к другу, как замок и ключ [11, с. 80], характерно не только для умышленных преступлений, но в значительной мере актуально и в отношении отдельных видов неосторожных преступных деяний.

В числе лиц, причинивших по неосторожности тяжкие или менее тяжкие телесные повреждения, не принимали участие в общественно полезной деятельности 41,8 % преступников (35,4 % их жертв). Кроме того, 8,5 % правонарушителей и 25,8 % потерпевших находились в пенсионном возрасте. Таким образом, свыше половины преступников и потерпевших в силу разных причин не участвовали в общественно полезной деятельности, зачастую проводя досуг в среде асоциальных элементов. Не случайно 43,6 % правонарушителей и 22,3 % их жертв в момент совершения преступления были в состоянии алкогольного опьянения (рисунок 2).

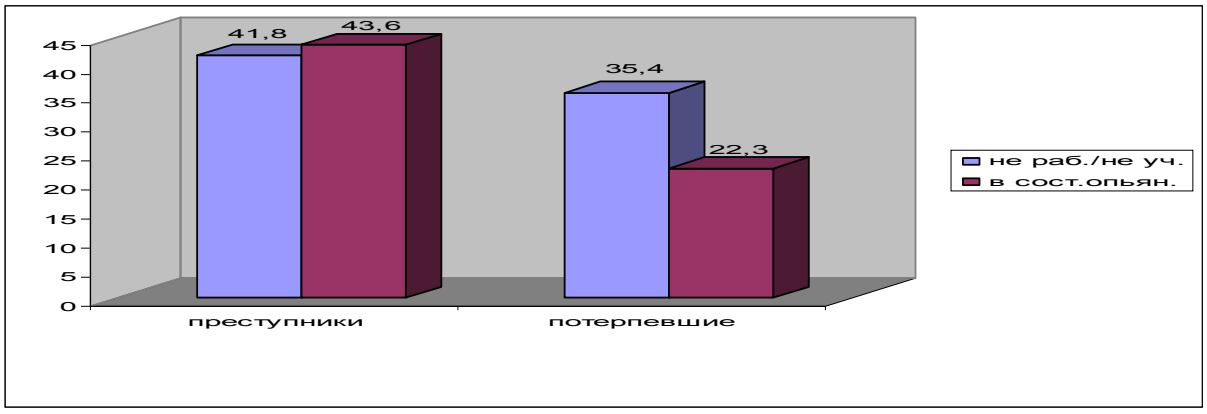

Рисунок 2 – Удельный вес неработающих или находившихся в состоянии алкогольного опьянения преступников, причинивших тяжкие или менее тяжкие телесные повреждения по неосторожности и потерпевших в общем объеме лиц этих категорий, в 2010 году

При этом не препятствовало совместному времяпрепровождению (в основном, для целей распития спиртных напитков) значительное несоответствие возраста преступников и потерпевших. Так, доля преступников в возрасте от 18 до 29 лет составляла 36,4 % (потерпевших – 19,7 %), а от 30 лет и старше – соответственно 61,2 % и 76,4 % [2].

Определенное влияние на виктимность личности играет ее образовательный и интеллектуальный уровень, непосредственно связанный с линией поведения потерпевшего [4, с. 231]. Необходимо отметить, что жертвы неосторожных преступлений имели, в целом, невысокий образовательный уровень (рисунок 3). Так, у 7,9 % погибших в результате причинения смерти по неосторожности не было даже базового образования, 9,5 % – имели только базовое образование, а 76,2 % – среднее и среднее специальное.

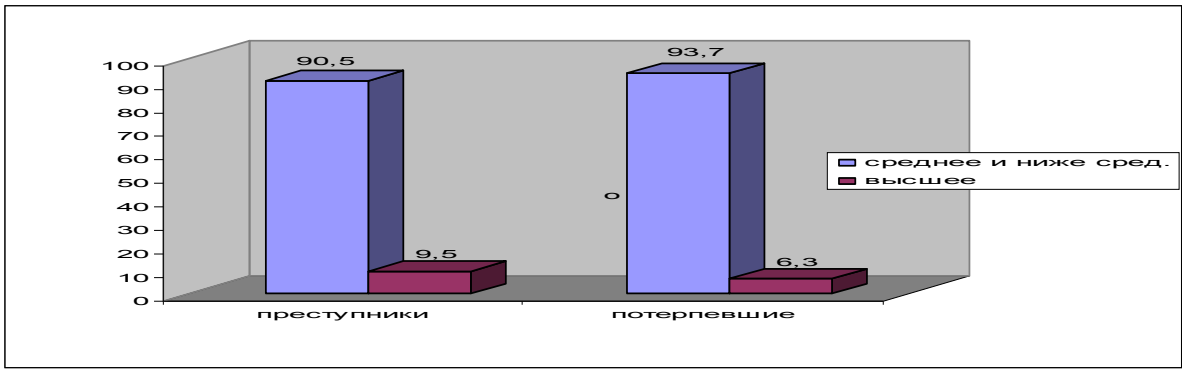

Рисунок 3 – Удельный вес имеющих высшее и среднее (ниже среднего) образование преступников, причинивших смерть по неосторожности и погибших в общем объеме лиц этих категорий, в 2010 году

Высшее образование было лишь у 6,3 % погибших [9]. В то же время удельный вес населения Республики Беларусь, имеющего высшее образование, составляет 17,9 %, а с учетом возраста от 20 лет и старше – 20,5 % [12].

Как видно на диаграмме, не обладали высоким уровнем образования и преступники, причинившие смерть по неосторожности, практически не отличаясь по данному критерию от своих жертв. Причем наиболее высокое образование (чаще всего – высшее) имели правонарушители и погибшие при отсутствии между ними предшествующих преступлению ссор на семейно-бытовой почве, других конфликтных ситуаций. Как правило, эти лица занимались общественно полезной деятельностью, а преступный результат наступил во многом в силу случайного стечения обстоятельств (в частности, причинение смерти по неосторожности из огнестрельного оружия на охоте) [9].

По результатам анализа можно сделать вывод: чем выше образовательный уровень потерпевшего, тем ниже вероятность того, что он станет жертвой неосторожного преступления, в том числе связанного с нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств.

Так, у подавляющего большинства (82,8 %) жертв дорожно-транспортных преступлений было только базовое либо среднее образование, а 6,8 % потерпевших не имели даже базового образования [9]. В целом мож-

но отметить, что участники дорожного движения с более высоким уровнем образования чаще вели себя осмотрительнее по отношению к процессу создания аварийной обстановки.

Одним из условий дорожно-транспортных преступлений является низкий уровень культуры поведения на улицах и дорогах, в том числе, и виктимное поведение потерпевших. Д.В. Ривман отмечает, что потерпевший от дорожно-транспортного преступления является «элементом предкриминальной и непосредственно криминальной ситуации… Нередко жертва выступает в роли соавтора и даже автора провоцирующих преступника ситуаций» [13, с. 94].

Как известно, лица, не занятые общественно полезной деятельностью, нередко с низким образовательным и интеллектуальным уровнем, сложившейся антиобщественной установкой чаще других бывают не только субъектами умышленного преступления, но и потерпевшими от него. В значительной степени эти выводы можно экстраполировать и на отдельные виды преступных деяний, которые согласно части 1 статьи 23 УК считаются неосторожными.

Наиболее очевидное решение в плане общепредупредительного воздействия на правонарушителей и жертв не только умышленных, но и значительной части неосторожных преступлений – это направление усилий на борьбу с алкоголизацией населения. Многочисленные исследования свидетельствуют, что существенную долю виновных в неосторожных преступлениях и потерпевших от них составляют индивиды с деформацией личности, которая в значительной мере явилась следствием злоупотребления алкоголем.

При этом очевидно, что алкоголизация, традиционно являясь не только виктимогенной, но криминогенной детерминантой, как правило, стимулирует конфликтность, агрессивность и другие негативные качества, которые в трезвом состоянии у лица имеют скрытый характер и в поведении не проявляются. В этой связи борьба с пьянством становится общегосударственной задачей и основным мероприятием профилактики виктимогенной деформации личности и ее виктимного поведения [14, с. 261–262]. Не следует, однако, думать, что такие меры должны претворяться в жизнь только в масштабах всей страны в целом. Положительные результаты могут быть достигнуты при условии осуществления системной антиалкогольной предупредительной деятельности, прежде всего, на местном уровне (в областях, районах, городах, сельских населенных пунктах), а также непосредственно в трудовых коллективах и по месту жительства граждан.

Другой наиболее важной проблемой снижения уровня криминализации общества и виктимизации лиц, пострадавших в результате преступлений, в том числе неосторожных, является приобщение граждан к общественно полезной деятельности. Решение этой очень сложной задачи позитивно повлияет на снижение алкоголизации населения и соответственно преступности и виктимности в стране, высокий уровень которых формируется, в том числе за счет определенной части преступных деяний, совершенных (согласно терминологии уголовного закона) по легкомыслию или небрежности.

Список использованных источников

1. Дагель, П.С. Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы / П.С. Дагель – М.: Юрид. литература, 1977. – 144 с.

2. Сведения о регистрации и предварительном расследовании преступлений по Республике Беларусь за 2002–2010 годы: форма № 453 / Информ. центр МВД Респ. Беларусь.

3. Еникеев, М.И. Юридическая психология: учебник / М.И. Еникеев – СПб.: Питер, 2006. – 480 с.

4. Агапов, А.Ф. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых по неосторожности / А.Ф. Агапов // Криминология: учеб. пособие; под ред. С.Я. Лебедева, М.А. Кочубей. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2007. – С. 422–441.

5. Синьков, Д.В. Виктимологическая характеристика дорожно-транспортных преступлений / Д.В. Синьков // Виктимологическая характеристика региональной преступности и ее предупреждение; под ред. А.Л. Репецкой. – М.: ACADEMIA, 2009. – С. 223–250.

6. Лунеев, В.В. Преступное поведение: мотивация, прогнозирование, профилактика / В.В. Лунеев – М., 1980. – 137 с.

7. Танага, И.В. Причины и условия, способствующие дорожно-транспортным преступлениям, и пути их устранения / И.В. Танага // Общество и право. – 2009. – №2. – С. 117–120.

8. Сведения из банка данных о дорожно-транспортных происшествиях / Информ. центр МВД Респ. Беларусь.

9. Сведения из Единого государственного банка данных о правонарушениях / Информ. центр МВД Респ. Беларусь.

10. Сидоренко, Э.Л. Отрицательное поведение потерпевшего и уголовный закон / Э.Л. Сидоренко – СПб: Юридический центр Пресс, 2003. – 308 с.

11. Ривман, Д.В. Виктимология / Д.В. Ривман, В.С. Устинов. – М.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2000. – 332 с.

12. Перепись населения Республики Беларусь 2009 года / Национальный статистический комитет Респ. Беларусь.

13. Ривман, Д.В. Криминальная виктимология / Д.В. Ривман – СПб.: Питер, 2002. – 304 с.

14. Репецкая, А.Л. Общая виктимологическая профилактика региональной преступности / А.Л. Репецкая // Виктимологическая характеристика региональной преступности и ее предупреждение; под ред. А.Л. Репецкой. – М.: ACADEMIA, 2009. – С. 251–265.

Дата поступления статьи – 15.08.2011.

В статье рассматриваются проблемы влияния на процессы неосторожной преступности и виктимизации различных групп населения демографических, половозрастных, образовательных и иных признаков личности преступников и потерпевших, анализируется поведение правонарушителя и жертвы, в том числе способствующее созданию криминогенной ситуации, рассматривается характер криминологически значимых взаимоотношений между преступником и потерпевшим.

Отмечается, что для определенной категории неосторожных преступников преступное деяние не является случайным событием, а повышенный виктимологический риск стать жертвой отдельных видов неосторожных преступлений наблюдается у лиц, находившихся в состоянии алкогольного опьянения, а также неработающих и неучащихся граждан.

Обращается внимание на необходимость направления усилий социальных институтов по профилактике неосторожной преступности на борьбу с алкоголизацией населения и приобщение неработающих и неучащихся лиц к общественно полезной деятельности.

In the article problems of influence on processes of careless criminality and victimization various groups of the population demographic, sex, age are considered, educational and other signs of the person of criminals and victims, the behavior of the offender and a victim, including promoting creation criminal situations is analyzed, character of criminological significant mutual relations between the criminal and the victim is considered.

It is noticed, that criminal action is not casual event for a certain category of careless criminals, and raised victimological the risk to become a victim of separate kinds of careless crimes is observed at the persons who were in a condition of alcoholic intoxication, and also idle and not studying citizens.

On preventive maintenance of careless criminality the attention to necessity of a direction of efforts of social institutes is paid to struggle with alcohol use and familiarizing of idle and not studying persons with socially useful activity.

ФИНАНСОВЫЙ МОНИТОРИНГ КАК СРЕДСТВО БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Чунихина Л Н.

Деятельность организованных преступных групп, которые отмывают «грязные деньги» и финансируют терроризм, стала проблемой многих стран и приобрела ***глобальный международный масштаб***.

Организованные преступные группы, которые действуют на региональном и местном уровнях, заинтересованы в контактах с международными криминальными структурами, как в источнике валютных поступлений, так и в благоприятных условиях для отмывания преступных доходов ***через банковскую систему***. Именно легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, «питает» организованную преступность, дает ей финансовую «подкормку».

Сущностью организованной преступности как вида противоправной деятельности является процесс возвращения в легальные и нелегальные сферы общественной жизни доходов, полученных преступным путем, прежде всего и в основном через банковскую систему. Находясь в постоянном развитии, изменяя структуру, методы и объекты посягательств, криминальные до-

ходы влияют на политическую, экономическую и социальную жизнь государства [1, с. 3–4].

Успех внутренней и внешней деятельности государства в значительной мере зависит не только от того, насколько однозначно сформулированы и воспринимаются субъектами противодействия национальные задачи борьбы с организованной преступностью, интересы и цели предупреждения отмывания «грязных» денег, а и от четкого представления возможных и избранных путей и средств ее реализации.

Мы поддерживаем мнение В. Баяхчева и В. Улейчика, которые утверждают, что квалифицировать преступление иногда сложнее, чем расследовать [2, с. 119–123]. До определенного времени правоохранительные органы вполне обходились традиционными силами, средствами и методами борьбы с организованной преступностью.

Теория предупреждения преступности делит средства предупреждения в зависимости от уровня, масштаба и целевого назначения осуществления предупредительной деятельности.

В зависимости от особенностей процессов детерминации, от сфер общественной жизни, видов преступлений и особенностей преступного поведения разрабатываются и осуществляются разнообразные криминологические мероприятия предупреждения и противодействия преступности.

1) По уровню функционирования преступности, ее детерминации, предупредительная деятельность подразделяется на три уровня:

– индивидуальный уровень, на котором устраняются (нейтрализуются) причины и условия конкретного преступного проявления;

– групповой, на котором осуществляются меры нейтрализации и устранения причин и условий преступных проявлений определенной социальной группы;

– общегосударственный уровень, направленный на устранение причин и условий преступности общегосударственного уровня.

2) По распространенности (то есть по масштабу) предупредительную деятельность подразделяется на:

– общегосударственную, которая осуществляется в масштабах всего государства;

– региональную или отраслевую – в области общественных отношений; в переделах региона, города, района, микрорайона или другого административно-территориального объединения;

– объектную, которая осуществляется на конкретном объекте (предприятии, организации, учреждении);

– индивидуальную – предупредительную деятельность относительно конкретного лица и его микросоциальных условий.

3) В теории предупреждения преступности предупредительные меры подразделятся по целевому назначению на целевые или специальные (специально-криминологические) и общесоциальные.

Если общесоциальные средства предупреждения имеют косвенный эффект предупреждения преступности и направлены на решение других социальных проблем, осуществляются без адресации конкретных причин и условий преступности и конкретных преступлений, то целевые или специальные (специально-криминологические) средства имеют специальную цель предупреждения преступности.

Предупреждение преступности осуществляется различными способами: правовыми и не правовыми; процессуальными; организационно-управленческими и другими.

По характеру применяемых средств различают:

– уголовно-правовые средства противодействия (воздействием уголовного закона, наказанием в виде выполнения им общей и специальной превенции);

– уголовно-исполнительные (пенитенциарные) средства противодействия, которые осуществляются по отношению к осужденному специальными предупредительными исправительно-трудовыми средствами;

– уголовно-процессуальные средства и процедуры, которые прекращают преступления с помощью их раскрытия или оказывают воспитательное влияние на подследственных, обвиняемых, осужденных в процессе досудебного следствия и судебного рассмотрения дела.

Все названные средства предупреждения объединяет то, что они применяются и влияют:

1) только после совершения преступления для предупреждения рецидива;

2) средствами, которые имеют другое специальное назначение и лишь попутно играют предупредительную роль;

3) на сферу, которая регулируется нормами права.

Целью противодействия локализации, нейтрализации, ликвидации легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, является устранение причин и условий существования организованной преступности средствами финансового мониторинга.

Доктор юридических наук, профессор, академик Академии правовых наук Украины, А.П. Закалюк считает, что финансовый мониторинг специально созданных структурных подразделений банков по борьбе с легализацией доходов, полученных преступным путем, должен быть направлен на усовершенствование и повышение эффективности профилактической деятельности в борьбе с организованной преступностью, то есть призван поставить заслон, нейтрализовать и ликвидировать условия, способствующие совершению преступлений организованными преступными группами [3, с. 209–215].

Программы осуществления финансового мониторинга банковской системы практически всех стран в мире разрабатываются на основе рекомендаций ФАТФ и банковских учреждений. По многим аспектам эти программы совпадают и в зависимости от организационных особенностей включают такие направления: идентификацию и изучение клиентов банков; выявление в деятель-

ности клиентов банковских операций, подлежащих обязательному мониторингу; проверку информации о клиенте и информации о финансовой операции клиента; фиксирование информации для возможности дальнейшего ее использования в качестве доказательства в уголовном, гражданском или хозяйственном процессе; накопление и хранение полученной информации; обучение сотрудников финансово-кредитной организации по вопросам противодействия легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем.

Финансовый мониторинг банковской системы за легализацией доходов, полученных преступным путем, должен носить предупредительный характер. Контроль за совершением сомнительных финансово-кредитных операций, реагирование на факты отмывания преступных доходов, является условием, которое предупреждает совершение преступлений. Именно на банковскую систему возложен не только сбор, обработка и анализ информации о подозрительных финансовых операциях, но и полномочия обобщать и передавать информацию органу финансового мониторинга и правоохранительным органам, при условии достаточности оснований считать финансовую операцию связанной с легализацией «грязных» денег.

Определяя место средств и способов реализации криминологической функции финансового мониторинга банков в общей системе предупреждения преступности и преступлений целевого назначения, отметим, что практика применения финансового мониторинга в качестве криминологического средства позволяет определить, что финансовый мониторинг как средство предупреждения легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, осуществляется на всех трех уровнях:

1) По распространенности (то есть по масштабу) финансовый мониторинг в общем можно отнести:

– к индивидуальному средству, которое касается конкретных лиц (клиентов банка, которые имеют намерение осуществить финансовую операцию, направленную на отмывание «грязных» денег;

– к общегосударственному средству предупреждения преступности, которое распространяет свое влияние в переделах всего государства. Действие общегосударственного предупреждения влияет на причины и условия низших уровней – индивидуального и группового, и наоборот. Хотя в большинстве финансовый мониторинг как средство предупреждения легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, по масштабу распространенности можно отнести к отраслевому применению, к средству, которое распространяет свое влияние на сферу банковских операций в области финансовых отношений.

2) По целевому назначению мы относим финансовый мониторинг банковской системы к целевым или специальным (специально-криминологическим) средствам, которые имеют специальную цель предупреждения преступности.

3) По способу осуществления мы относим финансовый мониторинг предупреждения легализации (отмывания) доходов, полученных преступным

путем, не к уголовно-правовому способу, который применяется в сфере, которая регулируется нормами права, а к способу, который используется в пределах, определенных нормами права, за нарушение которых законодательством предусмотрена уголовная ответственность. Многие средства предупреждения преступности влияют не только после совершения преступления, а чаще – до него, в сфере, которая частично регулируется правом, средствами, которые имеют исключительно целевое предупредительное значение, иногда параллельно со средствами указанных выше разновидностей, хотя чаще – после них.

Такие средства в борьбе с преступностью составляют отдельную разновидность предупредительной деятельности – ***чисто криминологическую***.

Средства предупреждения, которые осуществляются в процессе финансового мониторинга, следует отнести исключительно к криминологическим средствам профилактического направления. Они осуществляются ***до формирования мотива преступного проявления и намерения его совершить***. К таким средствам финансового мониторинга мы относим:

– фиксирование информации для идентификации потенциального клиента банка – изучение документов физического лица и уставных документов юридического лица, которые подтверждают его государственную регистрацию;

– оформление уставных документов клиента и документов, подтверждающих государственную регистрацию юридического лица, состав учредителей (участников) юридического лица, размер зарегистрированного и оплаченного уставного капитала или величину уставного фонда, имущества;

– идентификацию лица, которое действует от имени клиента, проверку полномочий такого представителя или третьего лица.

На основе криминологической характеристики средств финансового мониторинга можно сделать как минимум три вывода:

Во-первых, финансовый мониторинг банков – это средство специально-криминологического назначения, общегосударственного уровня и отраслевого масштаба, средство выявления информации о сомнительных финансовых операциях, которые могут свидетельствовать о возможной их причастности к легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем.

Во-вторых, приведенная характеристика финансового мониторинга свидетельствует о ***криминологической составляющей финансового наблюдения*** за финансово-кредитными операциями банков, возможно связанных с легализацией доходов, полученных преступным путем, что дает достаточную возможность считать, что финансовый мониторинг имеет в системе предупреждения отмывания «грязных» денег свое определенное место.

В-третьих, система мер профилактики и борьбы с отмыванием доходов, полученных преступным путем, занимает ***особое место в совместной криминологической*** деятельности финансовых и правоохранительных органов. Банки, как субъекты финансового мониторинга, являются ***актуальным звеном*** этой целостной системы предупреждения и противодействия органи-

зованной преступности, важнейшим средством контроля государства и общества с ее проявлениями.

Список использованных источников

1. Гриб, В.Г. Противодействие организованной преступности: учебное пособие для вузов / под ред. А.И. Гурова, В.С. Овчинского. – М.: ИНФРА-М, 2001. – С. 3–4.

2. Баяхчев, В. Квалифицировать преступление порой не менее трудно, чем его расследовать / В. Баяхчев, В. Улейчик // Закон. – 2001. – № 11. – С. 119–123.

3. Закалюк, А.П. Система финансового мониторинга в Украине и ее возможность противодействовать и противостоять отмыванию доходов, полученных от организованной преступной деятельности // Противодействие отмыванию «грязных» денег и финансированию терроризма: общественная поддержка и контроль: материалы Межд. науч.- практ. конф. (Киев, 20 июня 2003). – К.: Национальная академия внутренних дел Украины. – 2003. – С. 209–215.

4. Чуніхіна, Л.М. Гармонізація фінансового законодавства з міжнародно-правовими рекомендаціями щодо запобігання легалізації доходів, одержаних злочинним шляхом // Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції (Донецьк, 14 листопада 2008 р.). – Донецьк: ДЮІ ЛДУВС, 2008. – С. 276–283.

5. Чунихина, Л.Н. Устранение причин и условий существования организованной преступности средствами финансового мониторинга – международная проблема // Матеріали Всеукраїнської наук.-практ. конф. науковців, викладачів, аспірантів, студентів «Правові засоби забезпечення та захисту прав людини: вітчизняний та зарубіжний досвід». (Луганськ, 21–22 квітня 2010 р.). – С. 289–294 с.

6. Бурбело, О.А. Україна знову у чорному списку! / О.А. Бурбело, Л.М. Чуніхіна // Правові засади забезпечення економічної безпеки в сучасних умовах (Спеціальний випуск № 4). – Вісник Луганського державного університету внутрішніх справі імені Е.О.Дідоренка. – 2011. – № 4. – С. 3–9.

Дата поступления статьи – 08.08.2011.

Деятельность организованных преступных групп, которые отмывают «грязные деньги» и финансируют терроризм, стала проблемой многих стран и приобрела глобальный международный масштаб.

В этой статье автор характеризует финансовый мониторинг банков как средство предупреждения легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, как средство специально-криминологического назначения, общегосударственного уровня и отраслевого масштаба, средство выявления информации о сомнительных финансовых операциях, которые могут свидетельствовать о возможной их причастности к отмыванию «грязных денег».

Банки, как субъекты финансового мониторинга, являются актуальным звеном совместной криминологической деятельности финансовых и правоохранительных органов в системе предупреждения и противодействия организованной преступности, важнейшим средством контроля государства и общества с ее проявлениями.

The activities of organized criminal groups, which launder «dirty money» and fund terrorism, has become a problem in many countries and has acquired a global international scale.

In this article the author characterizes the financial monitoring of banks as a means of prevention of legalization (laundering) of incomes, received by criminal way, as a means of specially-of criminological purposes, the state-level and industry-wide scale, a means of identifying information on suspicious financial transactions, which may indicate a possible involvement in the laundering of «dirty money».

Banks, as the subjects of financial monitoring, are an actual part of the joint criminological of financial and law enforcement bodies in the system of prevention and countering of organised crime, the most important means of control of the state and society with its manifestations.

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

КВАЛИФИКАЦИЯ СОУЧАСТИЯ В УБИЙСТВЕ МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА

Бабий Н.А.

История уголовного законодательства достаточно наглядно иллюстрирует отношение наших предшественников к детоубийству.

В разделе XI Статута Великого Княжества Литовского 1588 г. содержался артикул 60 «О наказании таких распутных женщин, которые бы погубили своих детей или чужих» следующего содержания: «Желая то видеть, чтобы в государстве нашем христианском всяческая почтительность и уважение, положению христианскому приличествующая, была сохранена, а нарушители ее подвергались праведному наказанию, отчего бы и иные люди могли воздержаться от беззакония, устанавливаем, что если бы какая женщина, не будучи в супружестве и ведя непорядочный и распутный образ жизни, забеременела, а потом из-за стыда или боязни наказания лишилась того плода и его умертвила сама или при помощи кого другого и на самом том преступлении была бы поймана сама или вместе с тем, кто это будет делать, или были бы изобличены какими-либо достоверными, точными, значительными и явными доказательствами, таковые, как тот, кто подрядился это сделать и плод погубить, так и та, которая плод свой на пагубу дала, должны быть сами наказаны смертью. А по такому делу суды наши замковые и городские должны производить следствие и предостерегать в этом, а выявленных и законом по тому делу изобличенных наказывать» [1, с. 440].

В статье 26 главы XXII Соборного Уложения 1649 г. также находим подобную норму: «А будет которая жена учнет жити блудно и скверно, и в блуде приживет с кем детей, и тех детей сама, или иной кто по ея велению погубит, а сыщется про то допряма, и таких беззаконных жен, и кто по ея велению детей ея погубит, казнити смертию безо всякия пощады, чтобы на то смотря, иные такова беззаконного и скверного дела не делали, и от блуда унялися» [2].

Времена смягчили нравы, смертная казнь уже не применяется даже к тем детоубийцам, которые прижили детей в блуде. Более того, в отечественном законодательстве предусмотрено значительное смягчение наказания за детоубийство при определенных условиях.

Согласно статье 140 УК Республики Беларусь (далее – УК) преступлением является убийство матерью своего ребенка во время родов или непосредственно после них, совершенное в условиях психотравмирующей ситуации, вызванной родами. Основанием для смягчения ответственности за данное преступление является особое психологическое состояние, пребывая в

котором женщина-мать совершает убийство. Законодатель назвал это состояние травмированной психикой.

Специфической особенностью анализируемого состава преступления является невозможность соучастия в его осуществлении. Привилегирующее обстоятельство относится непосредственно и только к личности женщины, а потому оно не может быть распространено на других возможных участников совершения преступления.

Действия лиц, принявших совместное умышленное участие в совершении убийства матерью новорожденного ребенка (подстрекательство, организация, пособничество), квалифицируются как соучастие в убийстве малолетнего лица по пункту 2 части 2 статьи 139 УК и соответствующей части статьи 16 УК. Соисполнительство совместно с матерью, родившей убиваемого ребенка, квалифицируется как убийство малолетнего лица, совершенное группой лиц, однако действия самой матери и в этом случае должны квалифицироваться только по статье 140 УК.

Если лицо выступило в роли исполнителя преступления, то оно подлежит ответственности только по пункту 2 части 2 статьи 139 УК. Мать, которая выступила в качестве подстрекателя, будет подлежать ответственности по статье 140 УК, если она во время родов либо непосредственно после них при соответствующих обстоятельствах склонила кого-либо умертвить ребенка, а в остальных случаях ее ответственность будет наступать за соучастие в убийстве малолетнего.

В правовой литературе по указанным вопросам высказываются различные мнения.

Так, С.Я. Улицкий полагал, что «если другое лицо является подстрекателем или пособником, то оно должно нести ответственность по ст. 33 и 106 УК РФ» [3, с. 346]. Авторы одного из учебников по уголовному праву утверждают, что действия подстрекателя или пособника квалифицируются по ст. 33 и 106 УК, а убийство новорожденного, совершенное другим лицом, квалифицируется по ч. 1 или ч. 2 ст. 105 УК [4, с. 96]. Авторы другого учебника считают, что соучастие иного лица в этом преступлении должно квалифицироваться по ч. 2 ст. 105 УК РФ независимо от роли соучастника в преступлении [5, с. 41]. В полном курсе уголовного права утверждается, что исполнение преступления по подстрекательству матери должно квалифицироваться не как убийство с квалифицированным составом, а по ч. 1 ст. 105 УК РФ. [6, с. 240].

Противоречивы и подходы к квалификации действий самой матери-убийцы. По утверждению украинской ученой А.О. Драгоненко, мать новорожденного отвечает за привилегированное убийство кроме одного случая, когда она выступает в качестве подстрекателя к убийству ее новорожденного ребенка или в качестве пособника такому убийству (ч. 4 или 5 ст. 27 и п. 2 ч. 2 ст. 115 КК) [7, с. 12]. С.Е. Петрова считает, что если мать является исполнителем преступления, а иное лицо, например, отец – пособником, то ответственность матери наступает по ст. 106, а отца – по этой же статье, но со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ, но если мать оказывает помощь в совершении убийства,

а отец является исполнителем, то отец отвечает по ч. 2 ст. 105, мать – по этой же статье, но со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК, а если мать и отец были соисполнителями, то действия отца должны быть квалифицированы по ч. 2 ст. 105, а матери – по ст. 106 УК. [8, с. 316]. По мнению Д.М. Молчанова, квалификация преступления должна быть следующей: если мать не являлась непосредственным исполнителем преступления, она должна отвечать за соучастие в преступлении, предусмотренном пунктом «в» части 2 статьи 105 УК РФ, а если она выполняла объективную сторону убийства новорожденного, а остальные были пособниками, подстрекателями или организаторами, то они также должны отвечать за «совершенное» преступление, то есть по статье 106 УК РФ со ссылкой на соответствующую часть статьи 33 УК [9, с. 277–279].

В основе противоречивого подхода авторов к оценке одной и той же ситуации лежит некоторая недосказанность, допущенная законодателем по вопросу квалификации соучастия при привилегирующих обстоятельствах. Однако, как нам представляется, в приведенных рассуждениях ссылка на букву закона не может быть признана убедительной. Ссылка неубедительна, даже если принять сделанное Д.М. Молчановым уточнение о том, что к действиям иных соучастников надлежит применять статью Особенной части об ответственности за преступление, совершенное исполнителем. Не убеждает в правильности подобного подхода и ссылка на акцессорность соучастия.

Сложно признать убедительными и попытки обосновать соучастие в рассматриваемом преступлении ссылками на содержание вины соучастников.

Именно содержанием вины обосновывает допущение возможности не исполнительского соучастия в убийстве матерью новорожденного ребенка Н. Иванов: «Итак, если действия мужчины квалифицировать по ст. 105 УК, устанавливающей ответственность за убийство, тогда нарушается принцип вины (ст. 5 УК), согласно которому ответственность наступает только за те деяния, в отношении которых установлена вина субъекта. В данном случае вина касается убийства новорожденного ребенка. Кроме того, квалификация действий мужчины по ст. 105 УК оставляет открытым вопрос о его фактических подстрекательских действиях, которые останутся без должной правовой оценки. А это нарушение общих положений о соучастии (ст.ст. 32, 33 УК).

В описанной ситуации субъект подстрекал не к аффекту, а к конкретному преступлению, причем своими подстрекательскими действиями создал к тому же ситуацию сильного душевного волнения. В таком случае следует оценить его действия как соучастие в преступлении, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 106 УК в виде подстрекательства (изложенное касается и пособничества, и действий организатора). Таким образом, логика рассуждений приводит к выводу о том, что соучастие (в определенных случаях) возможно и в преступлениях, совершенных в состоянии аффекта (разумеется, в таких случаях невозможно соисполнительство)» [10, с. 51].

В отечественной научной литературе позиции Н. Иванова придерживается И.О. Грунтов, который также дифференцировал ответственность соучастников в зависимости от выполняемой ими роли в убийстве матерью ее ново-

рожденного ребенка: «Можно представить себе, что лицо склоняет или оказывает помощь, либо руководит совершением, преступления, предусмотренного ст. 140 или ст. 141 УК. Его умыслом может охватываться, что исполнитель, выполняя объективную сторону преступления, не может в полной мере отдавать отчет своим действиям или руководить ими, поскольку находится в состоянии уменьшенной вменяемости, обусловленной родами, или в состоянии физиологического аффекта, вызванного определенными действиями потерпевшего. В такой ситуации необходимо констатировать, что сознанием соучастника охватываются объективные и субъективные признаки совершаемого исполнителем преступления. Это составляет содержание их вины.

Не учитывать это, вменять лицу соучастие в умышленном убийстве (ст. 139 УК) – значит квалифицировать деяние без учета содержания вины. Такая правовая оценка ставит этих лиц в заведомо худшее, чем у исполнителя, положение» [11, с. 76–77].

Подобный подход к квалификации соучастия вряд ли может быть признан обоснованным, в том числе и применительно к рассматриваемому преступлению.

В составах преступлений со специальным субъектом действительно невозможно соучастие в виде соисполнительства. Однако это положение вовсе не означает, что действия такого «невозможного соисполнителя» по выполнению объективной стороны состава совместно совершаемого преступления должны квалифицироваться по другой статье Уголовного кодекса. Статья остается той же самой, то есть статьей, под которую подпадает совместно совершаемое преступление со специальным субъектом. Вот только действия такого фактически соисполнителя с точки зрения юридической признаются пособничеством специальному субъекту в совершении преступления. И уж если мы признаем возможность соучастия в определенном преступлении, то тем самым мы признаем, что любое соучастие будет подпадать под ту статью Особенной части, которая охватывает именно это совместное преступление. Естественно, что данное положение никак не влияет на правила определения вида соучастника в зависимости от роли, выполняемой в совершении этого преступления.

Не убеждает и обоснование подобного подхода к оценке действий иных соучастников. Действительно верным является утверждение, что соучастники сознают неспособность исполнителя «в полной мере отдавать отчет своим действиям или руководить ими». Но действительно ли это «составляет содержание их вины»? Если продолжить данное рассуждение до логического завершения, то мы придем и совсем уж к парадоксальному выводу. Предположим, что соучастник сознает полную невменяемость «исполнителя», а следовательно, и тот факт, что действия такого «исполнителя» не являются преступлением. Поскольку осознание невиновности и непреступности действий «исполнителя» составляет содержание «вины» соучастника, то такой соучастник также должен признаваться соучастником «непреступления» или невиновным. Возможно, в рамках теории абсолютной акцессорно-

сти соучастия подобное утверждение и имело бы право на существование, однако для избежания подобных умозаключений законодатель прямо в Уголовном кодексе прописал такие действия посредственным исполнением, специально подчеркнув тем самым, что наличие или отсутствие вины «исполнителя» не предопределяет содержание вины другого субъекта.

Необходимо учитывать, что когда речь идет о совместном совершении преступления, то имеется в виду совместная фактическая его составляющая, то есть общественно опасное деяние и причиняемое им общественно опасное последствие. Что же касается правовой составляющей совместного преступления, то квалификация действий соучастников может быть различной в зависимости от наличия или отсутствия на их стороне конкретных обстоятельств, имеющих юридическое значение. Следовательно, единое для всех соучастников преступление применительно к различным соучастникам может быть квалифицировано по различным статьям Уголовного кодекса.

Тот факт, что соучастники знают об особом состоянии матери, не отменяет и не изменяет содержание их вины: они умышленно принимают участие в убийстве именно беспомощного новорожденного ребенка. И не только с субъективной, но и с объективной стороны подстрекатель, организатор и пособник при соучастии в убийстве матерью новорожденного ребенка принимают участие в убийстве беспомощного малолетнего. За соучастие именно в этом убийстве соучастники и должны отвечать, поскольку ни на одного из таких соучастников не только не распространяется, но даже теоретически не может распространяться положение о матери-роженице, которая «не может в полной мере отдавать отчет своим действиям или руководить ими, поскольку находится в состоянии уменьшенной вменяемости, обусловленной родами». При этом изложенная оценка действий соучастников должна быть таковой вне зависимости от их конкретной роли в убийстве, будь то подстрекательство, организация, пособничество или соисполнительство.

Следует отметить, что подобная правовая оценка рассматриваемого состава убийства была практически учебной уже более века назад. Приведем в подтверждение цитату из учебника профессора Императорского Московского Университета С.В. Познышева, который следующим образом рассуждает о влиянии личных обстоятельств одного соучастника на ответственность другого: «Каждый соучастник должен нести ответственность, смотря по его личным обстоятельствам, – таково основное положение, которым следует в данном случае руководствоваться. Оно не вызывает никаких сомнений и споров, когда дело касается чисто личных обстоятельств, свойств, состояний личности и т. п. (напр., несовершеннолетия, рецидива и т. п.). Но не так ясна применимость его к другим личным обстоятельствам, делающим деяние квалифицированным или привилегированным, каковы, например, родственные отношения между соучастником и жертвой. Может показаться, что допускать при соучастии ответственность за разные преступления, например, для одного – за отцеубийство, а для другого – за простое убийство, неудобно, так как соучастие по существу представляет случай ответственности нескольких лиц

за *одно* преступление. Некоторые криминалисты (например, Шютце и др.) утверждают, что подстрекатель всегда должен подводиться под один закон с подстрекнутым, что содеянное подстрекнутым и есть то деяние, за которое должны отвечать все соучастники. Но эта точка зрения не может быть принята. Действительно, если следовать учению Шютце, то пришлось бы, напр., признавать детоубийцей (в смысле привилегированного убийства) постороннее лицо, подстрекнувшее мать к убийству ее новорожденного незаконного ребенка; сын же, подстрекнувший кого-либо убить отца, отвечал бы за простое убийство и т. д. С другой стороны, признавать, что один соучастник должен отвечать за квалифицированное или привилегированное преступление, а другой – за простое, не значит признавать в случаях соучастия два разных преступления. Все квалифицированные и привилегированные виды представляют собою те же преступления, как и соответствующие им простые преступления, но лишь с увеличивающими или уменьшающими вину обстоятельствами. Таким образом, следуя выставленному основному положению, мы будем вменять отдельным участникам одно и то же преступление, но каждому соответственно его обстоятельствам. И законодатель, связывая с известными обстоятельствами квалифицированную или привилегированную ответственность, поступает так в виду связи этих обстоятельств с особым состоянием или настроением того лица, на стороне которого они находятся. Было бы даже странно, в зависимости от этих обстоятельств, изменять в ту или другую сторону ответственность лиц, на стороне которых их нет» [12, с. 397–398].

Таким образом, толкование уголовного закона предполагает учет всей совокупности норм, относящихся к соответствующему институту, а также непременное использование правовых принципов. Объективно единые совместные действия по достижению единого результата вполне могут получить различную правовую оценку. Как отмечалось ранее, объем осведомленности соучастников об обстоятельствах, имеющих юридическое значение, а также наличие у субъектов различных признаков, в том числе и специальных, приводят к тому, что действия различных соучастников могут квалифицироваться по различным статьям Особенной части Уголовного кодекса или различным частям одной статьи.

Значительно сложнее обстоит дело с квалификацией действий самой матери, которая при наличии всех предусмотренных законом обстоятельств выступила соучастницей в убийстве ее новорожденного ребенка в роли, например, подстрекателя к убийству. Действия исполнителя преступления будут оценены как убийство с квалифицированным составом, действия матери-подстрекательницы, как отмечалось ранее, следует квалифицировать как подстрекательство к убийству с привилегированным составом по статье 140 УК Беларуси или статье 106 УК России.

Однако в соответствии с частью 7 статьи 16 УК ответственность организатора, подстрекателя и пособника наступает по той же статье Особенной части УК, что и исполнителя, со ссылкой на данную статью. Поскольку ис-

полнитель привлекается к ответственности за убийство с квалифицированным составом, постольку и мать-подстрекательница должна бы привлекаться к ответственности по этой статье.

Несколько иначе сформулирована ответственность соучастников по УК России. Согласно части 3 статьи 34 уголовная ответственность организатора, подстрекателя и пособника наступает по статье, предусматривающей наказание за совершенное преступление, со ссылкой на статью 33 настоящего Кодекса, за исключением случаев, когда они одновременно являлись соисполнителями преступления. Как видим, в данной норме нет прямого указания квалифицировать действия соучастников по той же статье, что и исполнителя, есть лишь указание на совершенное преступление, что может означать и совершенное самим соучастником преступление.

Как бы то ни было, но при квалификации действий матери-подстрекательницы по статье 140 УК Беларуси или статье 106 УК России со ссылкой на нормы Общей части соответствующих кодексов мы получаем юридическую фикцию: мать подстрекает сама себя к совершению детоубийства, которое фактически совершает другое лицо. Объясняется это тем, что коль скоро исполнителем преступления может быть только мать новорожденного ребенка, то и подстрекать к данному преступлению можно только мать новорожденного ребенка, а поскольку сама мать выступает в роли подстрекателя, постольку она может подстрекать только сама себя. Но сама мать в описанной ситуации не совершает или не исполняет убийство. Следовательно, в данном случае имеет место подстрекательство к совершению преступления несуществующего исполнителя.

Буквальное следование требованию части 7 статьи 16 УК Беларуси приводит к тому, что менее опасное подстрекательство будет квалифицироваться как подстрекательство к убийству малолетнего (убийство при квалифицирующих обстоятельствах), а более опасное исполнение преступления будет влечь ответственность за совершение убийства с привилегированным составом, что неприемлемо.

Список использованных источников

1. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Давед. Камент. / Беларус. Сав. Энцыкл.; рэдкал.: І. П. Шамякін і інш. – Мінск: БелСЭ, 1989. – 573 с.

2. Соборное Уложение 1649 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm. – Дата доступа: 30.10.2009.

3. Улицкий, С.Я. Убийство матерью новорожденного ребенка / С.Я. Улицкий // Актуальные проблемы государства и права на рубеже веков. Часть I: материалы межвуз. науч. конф., посвящ. 40-летию юрид. факультета ДВГУ. – Владивосток, 1998. – С. 344–346.

4. Уголовное право России. Особенная часть. Первый полутом: учебник для вузов / под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комисарова. – М.: ИКД Зерцало-М, 2005. – 456 с.

5. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – Изд. доп. – М.: ИНФРА–М: КОНТРАКТ, 2005. – 742 с.

6. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. – Т. 2: Преступления против личности / А.С. Горелик [и др.]. – 2008. – 682 с.

7. Драгоненко, А.О. Співучасть у вчиненні вбивства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.О. Драгоненко; Харківський національний ун-т внутрішніх справ; МВС України. – Харків, 2011. – 19 с.

8. Петрова, С.Е. Некоторые вопросы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ) в аспекте системности уголовного права / С.Е. Петрова // Системность в уголовном праве: материалы II Рос. Конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая – 1 июня 2007 г. / редкол.: В.С. Комиссаров (отв. ред.) [и др.]. – М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2007. – С. 313–317.

9. Молчанов, Д.М. Соучастие в преступлении со смягчающими обстоятельствами: вопросы квалификации / Д.М. Молчанов // Системность в уголовном праве: материалы II Рос. Конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая – 1 июня 2007 г. / редкол.: В.С. Комиссаров (отв. ред.) [и др.]. – М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2007. – С. 277–279.

10. Иванов, Н. Соучастие со специальным субъектом / Н. Иванов // Российская юстиция. – 2001. – № 3. – С. 50–51.

11. Грунтов, И.О. Специальные вопросы учения о соучастии в судебной практике и науке уголовного права / И.О. Грунтов // Судебная практика в контексте принципов законности и права: сб. науч. тр. / Ин-т переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорус. гос. ун-та. – Минск, 2006. – С. 73–82.

12. Познышев, С.В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издание А.А. Карцева, 1912. – 653 с.

Дата поступления статьи – 01.09.2011.

В статье анализируются спорные теоретические и практические вопросы квалификации соучастия в совершении убийства матерью своего ребенка во время родов или непосредственно после них, совершенное в условиях психотравмирующей ситуации, вызванной родами. Отражая общие проблемы, присущие квалификации соучастия в преступлении со специальным субъектом, соучастие в анализируемом преступлении обладает специфическими особенностями, которые не разъяснены должным образом в действующем уголовном законодательстве.

The article deals with theoretical and practical problems of a criminal responsibility for an accompliceship in a criminal homicide of a newly-born child, which commits by his mother. The author in detail analyses others points of view and argues his own vision on decision of the most difficult questions.

ПРОВОКАЦИЯ И ИНСЦЕНИРОВКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Бранчель И.И.

Под провокацией преступления в уголовном праве понимается склонение к совершению преступного деяния лиц, не проявлявших к этому противозаконных намерений. Поэтому при совершении в процессе оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) действий, направленных на активное побуждение проверяемого лица, не обнаруживавшего до этого противоправных намерений и не собиравшегося их осуществить, совершить какое-либо преступление, это должно расцениваться как провокация. В связи с этим инициатива оперативных работников на совершение преступного деяния во всех случаях должна исходить только от проверяемого лица, а не от должностных лиц оперативных подразделений или лиц, привлеченных к проведению оперативно-розыскного мероприятия (далее – ОРМ). Они должны только лишь создать проверяемому лицу такие условия для преступного посягательства, при соприкосновении с которыми это лицо находилось бы перед добровольным выбором совершения тех или иных действий и имело бы полную свободу выбора вариантов своего поведения – совершить преступление либо отказаться от выполнения противоправных действий. В противном случае органы, осуществляющие ОРД, сами будут искусственно воспроизводить преступность, а не бороться с ней.

Как заявил по этому поводу Президент Республики Беларусь Лукашенко А.Г. 30 июня 2009 г. на совещании с оперативно-начальствующим составом органов внутренних дел, *«выявлена масса случаев, когда люди, призванные бороться с преступностью, но в практику работы которых, вместо создания эффективного механизма профилактики коррупции, вошла система провокаций должностных лиц в получении взяток, пытались, используя предоставленные им права и возможности для достижения личных интересов, спровоцировать должностных лиц к получению взяток»*, в результате чего в этой работе они «*потеряли чувство реальности и забыли про закон», так как «вместо создания эффективного механизма профилактики коррупции они стали допускать факты провокации и подстрекательства должностных к получению взяток»*, и поэтому «*незаконные спецмероприятия в отношении граждан, а тем более различных руководителей, недопустимы»* [4].

Проблема искоренения провокации преступления в работе правоохранительных органов была актуальной еще при царской России. Например, в Инструкции по организации и ведению внутренней агентуры, составленной при Московском Охранном отделении, по этому поводу отмечалось, что *«сотрудники, состоя членами революционных организаций, ни в коем случае не должны подстрекать других на преступные деяния и, таким образом, подводить их под ответственность за сделанное по их же наущению»*, так

как *«...умышленное создание обстановки преступления для получения вознаграждения, из мести или по иным соображениям личного характера является тяжким уголовным преступлением и наказуется на общем основании, согласно существующим на сей предмет законам»* [6, с. 6].

После Октябрьской революции в «Необходимом руководстве для агентов Чрезвычайной комиссии», изданном в 1918 году, также отмечалось, что с доверенным *«сотрудником должны поддерживаться хотя близкие и деликатные отношения, но требования по сообщению розыскного материала и не допуску провокации должны быть абсолютными. Всякая неправда и провокация, даже в слабой степени, не только повлекут за собой прекращение работ по розыску и, кроме того, сотрудник отвечает с всею строгостью, вплоть до расстрела»* [6, с. 8]. В 1922 году Российская Федерация приняла новый Уголовный кодекс, в котором на законодательном уровне закреплялась ответственность за провокацию, но только взятки, которая определялась, как *«заведомое создание должностным лицом обстановки и условий, вызывающих предложение взятки, в целях последующего изобличения давшего взятку»* [5, с. 179].

В белорусском законодательстве ответственность за провокацию, и опять же только взяточничества, впервые была установлена в статье 209 УК Белорусской ССР 1928 г., которая определяла этот состав преступления как *«умышленное создание должностным лицом обстановки и условий, вызывающих предложение или получение взятки, в целях последующего изобличения давшего или принявшего взятку»*. Однако в УК Белорусской ССР 1960 г. аналогичного состава уже не оказалось. Исключены подобные составы были в основном из всех Уголовных кодексов союзных республик бывшего СССР, за исключением Украинской ССР, и, буквально сразу же, всплыла проблема с провокацией взятки. Уже в 1962 году Следственное управление Прокуратуры СССР совместно с Всесоюзным НИИ криминалистики во время проведения учебно-методической конференции по вопросам борьбы с взяточничеством вынесло на обсуждение, в числе прочих, также вопрос о допустимости и законности применения контролируемой передачи взятки с целью изобличения взяточника, так как возникли сомнения, не противоречит ли применение этого тактического приема изобличения взяточников требованиям законности и задаче предупреждения преступлений и не содержит ли он элементов провокации.

В последующие годы ученые-правоведы неоднократно указывали на недопустимость провокации преступлений, в частности, при изобличении взяточников. Например, в методическом пособии для следователей «Тактика отдельных следственных действий», изданном А.Н. Васильевым в 1981 году, в котором говорилось о важности задержания взяткополучателя с поличным сразу же после передачи ему предмета взятки, в то же время особо подчеркивалось, что такая операция не должна носить характера провокации взятки, когда она предлагается по инициативе взяткодателя [2, с. 100].

В методическом пособии «Расследование и предупреждение взяточничества», изданном в 1983 году Всесоюзным институтом по изучению причин

и разработке мер предупреждения преступности Прокуратуры СССР, по этому поводу указывалось, что *«деятельность органов следствия и дознания не может быть использована для искусственного создания доказательств обвинения. Эта деятельность не должна также давать повода заявителю в случае изменения им своих правдивых объяснений и показаний утверждать, что он дал их не по своей воле, а по указанию, например, следователя, прокурора или работников органов дознания»* [17, с. 16].

С средины 1990-х гг., когда вопрос борьбы с коррупцией в странах бывшего СССР, в том числе и в Республике Беларусь, стал особенно актуален, а практика задержания с поличным при даче-получении взятки получила особенно широкое распространение, вновь остро встал вопрос о провокации взятки. Для борьбы с этим явлением в уголовном законодательстве, например, Российской Федерации, была установлена ответственность за так называемую провокацию взятки (ст. 304 УК РФ).

В Республике Беларусь с этой целью в новый УК 1999 г. была введена статья 396 об ответственности за незаконные действия при предупреждении, выявлении, пресечении и раскрытии взяточничества. Однако введенный в УК 1999 г. состав сильно отличался как от названия и формулировки статьи 209 УК БССР 1928 г. В частности, в статье 396 УК 1999 г. эти действия названы «инсценировка получения взятки». От слова «провокация» создатели данного кодекса ушли, так как, по их мнению, при инсценировке получения взятки происходит *имитация преступления без согласия и ведома* должностного лица, а при провокации действия виновных лиц направлены на склонение должностного лица к получению незаконного вознаграждения и должны *рассматриваться* как подстрекательство [13, с. 908]. Наверное, по этой причине вопрос о провокации преступлений в Республике Беларусь является острым и по настоящее время, так как еще в 2005 году Генеральная прокуратура Республика Беларусь констатировала, что *«в последнее время оперативные службы в буквальном смысле в погоне за показателями не соблюдают элементарные требования закона. Их действия порой граничат с провокацией и все чаще приходится сталкиваться с нарушениями законности при проведении оперативного эксперимента, проявлением разного рода провокаций»* [24, с. 22].

Наглядным примером этому может служить уголовное дело в отношении главного механика Витебского СООО «Марко» С., в отношении которого в ОБЭП Первомайского РОВД г. Витебска имелась оперативная информация о получении им взяток за благоприятное решение вопросов, связанных с реализацией бывшего в употреблении оборудования объединения. Оперуполномоченный ОБЭП указанного РОВД Н., выступая по разработанной в отделе легенде представителем некоего индивидуального предпринимателя Я., при встрече с С. предложил выплатить тому материальное вознаграждение за оказание содействия в приобретении продаваемого объединением швейного оборудования, но С. уклонился от ответа на это предложение. После этого Н. еще четыре раза приезжал на СООО «Марко» для обсуждения с С. вопросов приобретения указанного оборудования. Во время встреч Н. на-

стойчиво добивался от С. согласия на принятие вознаграждения за услуги по приобретению в СООО «Марко» оборудования и, в конце концов, уговорил того принять 300 долларов США, которые он 9 сентября 2005 г. вручил С. в личном автомобиле последнего, после чего С. был задержан созданной для этой цели группой захвата [19].

По уголовному делу в отношении главного бухгалтера Главного управления потребительского рынка Минского горисполкома Г., возбужденное по факту получения взятки в размере 1000 долларов США от Р. за содействие в предоставлении торгового места на Комаровском рынке г. Минска. Как оказалось, Р. действовала под контролем сотрудников милиции и дважды в разные дни приходила к Г. на работу и активно пыталась вручить Г. взятку, но последняя отказывалась ее принять, возвращая деньги Р. Только третья попытка привела к тому, что Г. уступила настойчивой посетительнице и приняла указанную сумму денег, после чего была задержана [18].

В описанных случаях можно твердо утверждать об имевшем место активном воздействии на проверяемых лиц со стороны сотрудников органов, осуществляющих ОРМ, и действующих под их контролем лиц. Если в первом случае оперуполномоченный ОБЭП Первомайского РОВД г. Витебска, спровоцировавший С. на получение взятки, из органов внутренних дел был уволен, то во втором случае вопрос об ответственности Р., которая своими действиями склонила Г. к получению взятки, даже не рассматривался.

По иному поступил суд в примере, приведенном в статье А.В. Чуркина «Соотношение оперативного эксперимента и провокации преступления».

Начальник кредитного отдела Медсбытбанка К. неоднократно пытался получить в управлении Банка России разрешение на операции с валютой, однако ему в этом постоянно отказывал Л., уполномоченный сотрудник Банка России, обоснованно ссылаясь на отсутствие у Медсбытбанка необходимых документов. Сотрудники милиции обратились к К. с просьбой помочь им в выявлении коррупции в Банке России и предложили ему передать Л. взятку под контролем оперативных сотрудников. Он согласился и после долгих уговоров склонил Л. к выдаче за взятку разрешения на операции с валютой. После передачи Л. 10000 долларов США он вместе с К. был задержаны. Органы предварительного следствия вынесли решение об освобождении К. от уголовной ответственности в соответствии с примечанием к ст. 291 УК РФ, согласно которому лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если добровольно сообщило органу, имеющему право возбудить уголовное дело, о даче взятки. Однако суд принял решение возвратить уголовное дело прокурору[*] с требованием привлечь К. к уголовной ответствен-

[*]**Примечание**: В Российской Федерации сохранен институт возвращения судами уголовных дел прокурору для устранения препятствий его рассмотрения в судебном заседании в случаях, когда в досудебном производстве были допущены существенные нарушения закона, не устранимые в судебном производстве (ст. 273 УПК Российской Федерации // Консультант Плюс: Россия. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2009).

ности за подстрекательство Л. к получению взятки. Органы предварительного следствия указание суда исполнили, и К. осудили как соучастника (подстрекателя) преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ (получение взятки – расшифровка наша) [22].

Провоцирование преступления в подобных случаях приводит к тому, что должностное лицо, которое до встречи с провокатором являло собой образец законопослушного гражданина, не помышляло совершить преступление и никоим образом не выражало своего намерения пойти на его совершение, в процессе проведения таких мероприятий искусственно подталкивается, побуждается, провоцируется к совершению преступного деяния. Организация в отношении его действий, призванных возбудить у него желание совершить преступление, которого он до вмешательства извне не имел и оно бы без постороннего воздействия у него не возникло бы, приводит к тому, что в итоге у этого должностного лица формируется преступный умысел и он решается совершить преступное деяние. При этом формирование этого умысла происходит при активном и целенаправленном воздействии оперативных работников или действующих по их поручению доверенных лиц на его сознание и волю, конечной целью действий которых является последующее изобличение этого лица, если он не найдет в себе силы противостоять манипуляциям с его сознанием. В результате проверяемые лица, не проявившие в определенный момент необходимой психологической и моральной стойкости, из-за навязанного и внушенного им решения принять взятку, в одночасье становятся преступниками, теряют при этом честь, авторитет, общественное положение, а нередко и семью.

Е.С. Дубоносов по этому поводу пишет, что *«действия, связанные с провокацией, когда чиновники, пользуясь зависимостью и правовой неосведомленностью граждан, провоцируют их на совершение преступлений, представляют большую общественную опасность. В подобных случаях ..., когда чиновник (как правило, работник правоохранительных органов) инициирует действия зависимого лица с целью совершения преступления путем создания искусственных условий, подталкивающих лицо к его совершению, такие действия чиновника являются провокационными»* [6, с. 27].

Аналогичного подхода в вопросе провокации преступления придерживается также Европейский Суд по правам человека, о чем свидетельствует следующий пример из практики его работы *(обстоятельства данного дела происходили в Литовской Республике).*

К Р., работавшему прокурором, в частном порядке обратилось неизвестное ему ранее лицо, оказавшееся сотрудником специального антикоррупционного подразделения полиции, который предложил Р. оказать содействие в оправдании третьего лица, за что пообещал отблагодарить материально суммой в размере 3 000 долларов США. Р. первоначально отказался, но после того как полицейский несколько раз повторил свое предложение, – согласился. О согласии Р. за взятку содействовать в оправдании третьего лица полицейский уведомил свое начальство и в январе 1999 г. заместитель гене-

рального прокурора республики санкционировал в отношении Р. «провокацию взятки» (*наш вариант оперативного эксперимента* – примечание наше). Вскоре после этого Р. принял от полицейского взятку в размере 2 500 долларов США, после чего был задержан и в августе 2000 г. осужден. Отклоняя кассационную жалобу Р., Верховный суд республики отметил, что отсутствуют доказательства того, что первоначальные переговоры с Р. велись по указанию полиции, так как власти были информированы только после того, как Р. согласился принять взятку и они, санкционировав дальнейшие действия полицейского, только присоединились к уже совершавшемуся преступлению. По мнению Верховного Суда, вопрос подстрекательства не влиял на правовую квалификацию деяния Р.

Европейский Суд по правам человека, рассмотрев жалобу Р. на законность действий полиции, в Постановлении от 5 февраля 2008 г. записал, что *«национальные власти не могут быть освобождены от ответственности за действия полицейских только благодаря ссылке на то, что полицейские действовали «от своего имени». Иной вывод открывал бы путь злоупотреблениям и произволу, позволяя обходить применимые принципы»*. Поэтому в данном случае *«власти должны нести ответственность, поскольку начальная стадия операции осуществлялась в отсутствие какой-либо правовой базы или судебной санкции. Более того, уполномочив полицейского симулировать дачу взятки, власти одобрили предварительную стадию операции задним числом и использовали ее результаты»*. Европейский Суд также отметил, что *«действия полицейского и его знакомство с Р. до одобрения симуляции взятки вышли за пределы пассивного контроля существующей криминальной деятельности, так как отсутствовали данные о том, что Р. ранее когда-либо совершал преступления, в частности, связанные с коррупцией; все встречи Р. и полицейского имели место по инициативе последнего, со стороны которого Р. подвергся провокации к совершению преступления, хотя отсутствовали объективные доказательства того, что он имел намерение принять участие в такой деятельности»*. Суд также отметил, что, действия властей в этом случае также *«являлись провокацией Р. к совершению преступления, за которое он был осужден»*, так как *«не имелось никаких указаний на то, что преступление было бы совершено без их вмешательства»* [16].

Подобные факты имели место также в практике работы правоохранительных органов Республики Беларусь, наглядным примером чему может служить уголовное дело в отношении К., осужденного судом Кричевского района Могилевской области, наряду с другими преступлениями, также за покушение на дачу взятки Б., начальнику следственного отдела Кричевского РОВД.

К. за причинение тяжких телесных повреждений Т. и ее истязание был задержан, доставлен в Кричевский райотдел милиции и помещен для дальнейшего содержания в изолятор временного содержания. При задержании у него были изъяты имевшиеся наличные деньги и вещи. Дипломат с ними передан на хранение в РОВД. На следующий после задержания день Б., вызвав

К. из ИВС для допроса, предложил ему за 5 тысяч рублей решить вопрос о непривлечении К. к уголовной ответственности за свершенное им преступление. К. согласился, но так как деньги находились в дипломате и К. лично не мог передать их Б., поскольку они у него были изъяты и сданы в камеру хранения райотдела, работники милиции по указанию Б. принесли в его кабинет дипломат с деньгами К. и передали его последнему. Тот достал из дипломата 5 тысяч рублей и передал их Б., а созданная ранее оперативная группа тут же зафиксировала передачу денег. В итоге К., помимо осуждения за причинение тяжких телесных повреждений и истязание, был также осужден за покушение на дачу взятки Б. Однако судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь, рассмотрев данное дело по протесту первого заместителя Председателя Верховного Суда республики, пришла к выводу, что при таких обстоятельствах действия К. нельзя расценивать как покушение на дачу взятки, так как ее фактически организовали Б. и другие работники милиции, в связи с чем, приговор в части осуждения за покушение на дачу взятки Б. отменила и производство по делу в этой части прекратила за отсутствием в деянии состава преступления [15, с. 27].

Таким образом, отменой приговора в отношении К. в части осуждения его за покушение на дачу взятки высшая судебная инстанция Республики Беларусь фактически констатировала, что незаконное осуждение К. за несовершенное им преступление произошло в результате противозаконных действий Б., руководителя следственного отдела РОВД, который вместо пресечения совершения К. преступления спровоцировал его на дачу взятки.

В связи с этим необходимо иметь в виду, что от провокации преступления правомерное проведение ОРМ отличается целью его проведения. Если целью ОРМ является предупреждение, выявление и пресечение преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, то цель провокации – возбуждение в другом человеке решимости совершить конкретное преступное деяние (например, получить-дать взятку, сбыть наркотик, оружие, похищенное имущество и т. п.) и эта решимость обязательно проявляется в подготовке к совершении данного преступления и в его совершении, когда проверяемому лицу не предоставляется свобода выбора вариантов своего поведения (совершать ему преступное деяние или нет) и при этом на него оказывается психическое или физическое давление (насилие) с целью совершения преступления.

Е.С. Дубоносов по этому поводу пишет, что *«любые активные действия правоохранительных органов при проведении мероприятия относительно гражданина, у которого отсутствует решимость на совершение преступления и не был зафиксирован факт его согласия на его совершение свидетельствует о не сформировавшемся у него преступном умысле, а также о наличии признаков нарушения законности при проведении контрольного мероприятия. В данном случае нарушено основное условие правомерности проведения ОРМ, заключающееся в том, что запрещается активными дей-*

ствиями провоцировать лицо к совершению преступления и искусственно создавать доказательства его совершения» [6, с. 19]. Приведем пример.

По уголовному делу, возбужденному прокуратурой Белыничского района Могилевской области в отношении Н., главного агронома Белыничской районной государственной инспекции по семеноводству, защите и карантину растений, по факту получения взятки в размере 40 000 рублей за благоприятное решение вопроса по выдаче Ш. фитосанитарного сертификата на картофель без проведения соответствующего его обследования, было установлено, что Ш. при проведении оперативного эксперимента предложил Н. вознаграждение за выдачу сертификата на картофель. Невзирая на отказ Н. принять деньги, Ш. положил на стол Н. 40 тысяч рублей, четыре купюры по 10 тысяч рублей, помеченные ранее в отделе милиции специальным карандашом, и ушел из кабинета Н. После этого в кабинет Н., который в тот момент сидел за столом, зашли работники милиции и спросили, имеются ли у него деньги, все ли они принадлежат ему и предложили выдать все имеющиеся у него деньги, в том числе и не принадлежащие ему. Н. ответил, что *«все имеющиеся у него деньги принадлежат ему»* и выдал портмоне, в котором среди других денег, оказались 4 купюры по 10 тысяч рублей каждая, *«на поверхности которых в ультрафиолетовых лучах проявилась надпись «Взятка 11.11.2005»*, то есть Н. фактически принял предложенную Ш. взятку за выдачу фитосанитарного сертификата на картофель без проведения соответствующего его обследования [20].

В данном случае действия Ш., оставившего деньги на столе Н., несмотря на возражение последнего, и подтолкнувшего Н. к принятию взятки за выдачу сертификата на картофель без проведения соответствующего обследования, подпадают под признаки подстрекательства к получению взятки.

На наш взгляд, чтобы исключить случаи провоцирования преступлений, Особенную часть УК необходимо дополнить статьей, описывающей провокацию преступления. Помещена она могла бы быть в главе «Основания и условия уголовной ответственности» после статьи «Соучастие в преступлении». Изложена эта статья могла бы быть следующим образом:

«Провокация преступления

1. Провокацией преступления признаются умышленные действия по созданию обстановки и условий, вызывающих возникновение умысла на совершение преступления у лица, которое не помышляло совершить преступление и никоим образом не выражало своего намерения пойти на его совершение, для последующего изобличения этого лица с целью привлечения к уголовной ответственности или шантажа.

2. Ответственность за провокацию преступления наступает по части пятой статьи 16 настоящего Кодекса и по статье, предусматривающей ответственность за преступление, которое совершило спровоцированное лицо.

3. Должностное лицо, которое использовало свои властные или иные служебные полномочия для провокации преступления, дополнительно несет ответственность по статье 424 настоящего Кодекса по признаку причинения существенного вреда из личной заинтересованности.»

Исключило бы, на наш взгляд, провоцирование оперативными работниками преступлений при проведении ими ОРМ также возложение на них обязанности создания проверяемым лицам таких условий и объектов для преступных посягательств, при соприкосновении с которыми этот лицо находилось бы перед добровольным выбором совершения тех или иных действий и имеет полную свободу выбора вариантов своего поведения.

В связи с этим мы предлагаем статью 8 Закона об ОРД дополнить пунктом 1.1., изложив его в следующей редакции:

«1-1) создавать такие условия и объекты для преступных посягательств, при соприкосновении с которыми проверяемое лицо находится перед добровольным выбором совершения тех или иных действий и имеет полную свободу выбора вариантов своего поведения;».

Вместе с тем вполне допустимым будет однократное действие (например, предложение сбытчику наркотика продать наркотическое средство) *с последующим пассивным поведением лица* (оперативного работника или действующего по его поручению иного лица), *выдвинувшего данное предложение*. Особенно в тех случаях, когда имеется *только оперативная информация* о преступной деятельности конкретного лица, например, о получении им взяток или сбыте наркотиков. *Однако такое поведение оперативного работника или действующего по его поручению иного лица должно подтверждаться результатами проводимых иных ОРМ (например, прослушиванием телефонных переговоров, снятием информации с технических каналов связи, слуховым контролем, наблюдением и др.), а также использованием в ходе проведения ОРМ научно-технических средств* [1, с. 57].

Б.В. Волженкин по этому поводу пишет, что *«другое дело простое предоставление возможности совершить преступление, без элементов подстрекательства к нему. Думаю, что даже у самого строгого ревнителя законности не возникнет сомнений в правомерности действий работников, например, отделов собственной безопасности подразделений милиции, когда они на глазах у инспектора ГИБДД сознательно нарушают правила дорожного движения, чтобы проверить, как последний поведет себя в данной ситуации. И если тот потребует взятку, его действия никак не могут считаться спровоцированными»* [3].

Солидарен с ним также М.В. Лямин, по мнению которого, в данном *«случае речь как раз и идет не об искусственном создании преступления, а об определенном моменте пресечения преступной деятельности вымогателя взятки, с одной стороны, и в то же время о методе закрепления следов уже совершенного им и образующего самостоятельный состав преступления (вымогательстве взятки как опасной разновидности подстрекательства к совершению преступления) – с другой»* [8, с. 87].

Аналогично решается данный вопрос, например, в США, где законодательство и судебная практика также не считают провокацией преступления такие ситуации, когда секретный агент выдает себя за покупателя наркотиков и приобретает их у обвиняемого или когда секретный агент, снабженный

соответствующей легендой, предлагает деньги государственному чиновнику в обмен на услуги или особое обращение, так как *«если чиновник берет деньги – это показывает его предрасположенность к получению взятки. Это не ловушка. Если же чиновник отказывается брать взятку, а секретный сотрудник продолжает пробовать другие, более настойчивые методы убеждения и принуждения, чтобы заставить чиновника принять деньги, то такое поведение агента и представляемого им правоохранительного органа может считаться вовлечением в ловушку. Вопрос будет состоять в том, действовал ли чиновник, беря деньги, исходя из собственных соображений, или же намерение совершить преступление было инициировано настойчивостью и изобретательностью секретного сотрудника»* [22]. В этих случаях *«водораздел между правомерной и активной оперативной разработкой и противозаконной провокацией или «ловушкой» проходит лишь там, где снабженный соответствующей обстоятельствам разработки «легендой» оперативник начинает внедрять в сознание объекта разработки преступный умысел. Если внедрение умысла на то, чтобы совершить преступные действия, места не имело, то в этом случае «режиссеры» и «актеры» от правоохранительной деятельности действуют законно, и полученные ими данные становятся вполне допустимыми доказательствами вины объекта разработки»* [8].

По этому поводу Верховный суд США принял специальное постановление, согласно которому не считается провокацией, если *«лицам, намеревавшимся совершить преступление, предоставляется возможность осуществить свой противоправный замысел»* [6, с. 18], так как «*поведение, которым просто предоставляется лицу возможность совершить посягательство, не составляет вовлечения в «ловушку» совершения преступления»* [8].

В США также законодательно закреплен институт мнимого, или ложного, соучастия, *«который дает возможность агентам и осведомителям правоохранительных органов изображать из себя соучастников преступления без опасения в ряде ситуаций быть привлеченными к уголовной ответственности»* [22]. Их действия провокацией считаются лишь тогда, когда они *«направлены на то, чтобы побудить человека, не имевшего преступного умысла, совершить преступление»* [22].

Такого же подхода в этом вопросе придерживается Европейский Суд по правам человека, о чем свидетельствует следующий пример из его практики.

В июне 1998 г. в специальное антикоррупционное подразделение полиции Литвы обратился знакомый М., которая работала судьей, с жалобой о том, что та потребовала от него взятку в виде нового автомобиля за вынесение решения по гражданскому делу в его пользу. Разговор с М. ее знакомый тайно записал на диктофон и пленку с этим разговором, для подтверждения правдивости своих слов, передал полиции. Заместитель генерального прокурора республики санкционировал применение «модели симуляции преступного поведения» на срок в один год. Когда во время следующей их встречи, проведенной уже под контролем сотрудников полиции, знакомый М. согла-

сился с ее предложением дать взятку за благоприятное рассмотрение гражданского дела, М. сама составила исковое заявление, приняла необходимые меры для передачи ей этого дела и начала его рассматривать. В октябре 1998 г. М. была задержана в своем кабинете при получении от ее знакомого взятки в крупном размере и в 2000 году осуждена.

Европейский Суд по правам человека, рассмотрев жалобу М. на законность действий полиции, в Постановлении от 24 июня 2008 г. записал, что действительно сведения о совершении М. ранее преступлений, связанных с коррупцией, отсутствовали. Однако *«Суд не находит, что полиция допустила злоупотребления ввиду ее обязанности проверять заявления о возбуждении уголовного дела и важности противодействия разлагающему влиянию судебной коррупции на верховенство права в демократическом обществе»*. Ее знакомый хотя и *«имел полицейскую поддержку ... и был снабжен техническими средствами для записи их разговора»*, но, как следует из постановления Европейского Суда по этому делу, *«решающим фактором являлись не роль полиции, а поведение М.»*. При этом Суд отметил, что предварительная информация о готовности М. *«принять взятку подтверждена тем, что она немедленно приняла предложение без какого-либо внешнего давления, в связи с чем, такое предложение не может рассматриваться как активное подстрекательство к совершению преступления»* [11].

Четвертая Секция Европейского Суда по правам человека в Постановлении от 22 июля 2003 г. по делу «Эдвардс и Льюис против Соединенного Королевства» также констатировала, что *«требования, заложенные в принципе справедливого судебного разбирательства, не допускают использование на суде доказательств, полученных в результате подстрекательства полицейских к совершению человеком преступления*» и, хотя «*в английском праве наличие провокации со стороны властей не образует существенного основания для защиты, нормы права, тем не менее, возлагают на судью обязанность – в случае наличия провокации – прекратить производство по делу со ссылкой на использование судебной процедуры в незаконных целях или исключить любое доказательство, полученное путем провоцирования преступления»* [23].

Большая Палата Суда в Постановлении по указанному делу от 27 октября 2004 г. тоже записала, что *«требования справедливого судебного разбирательства исключают использование при рассмотрении уголовного дела доказательств преступления, полученных в результате подстрекательства преступления полицией»*, и вновь констатировала, что «*хотя в английском праве наличие полицейской «ловушки» – провокации преступления с целью его изобличения – не является обстоятельством, освобождающим от ответственности, на судье лежит обязанность при наличии «ловушки» либо прекратить дело со ссылкой на использование судебной процедуры в незаконных целях, либо исключить из рассмотрения судом любые доказательства по делу, добытые посредством провокации преступления»* [23].

В связи с этим мы предлагаем дополнить пятый абзац части седьмой статьи 6 Закона об ОРД записью о том, что:

«Не является провокацией **однократное** предложение органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, либо участника оперативно-розыскного мероприятия лицу, в отношении которого проводится оперативно-розыскного мероприятие, совершить определенные действия, когда такое предложение является неотъемлемой частью проводимого оперативно-розыскного мероприятия, с последующим пассивным поведением лица, выдвинувшего данное предложение, в случае, если предложение является неотъемлемой частью проводимого оперативно-розыскное мероприятия, о чем указывается в постановлении о проведении оперативно-розыскного мероприятия».

При рассмотрении провокации преступления не может быть оставлен без внимания также вопрос о том, как влияет провокация на общественную опасность преступления, совершенного в результате такой провокации, а также на общественную опасность лица, совершившего это преступление.

Предложения об оправдании лица, спровоцированного на совершение преступления, не могут быть поддержаны, так как это лицо все же совершило преступление, в связи с чем оно подлежит уголовной ответственности за содеянное им деяние, так как, например, при взяточничестве *«всякое должностное лицо, независимо от характера и степени провокационного воздействия, поддавшееся искушению принять взятку, нарушает свой служебный долг и должно понести наказание»* [8]. Аналогично и по другим преступным деяниям. Такой же позиции придерживаются ученые-юристы Украины, по мнению которых *«то, что дача или получение взятки состоялось вследствие провокации, не исключает ответственности того, кто дал или получил взятку»* [14, с. 1008]. В связи с этим оправдание лица, поддавшегося на уговоры совершить преступление, приведет к тому, что оправданными могут оказаться настоящие преступники, например, коррупционеры, которые всегда могут заявить, что они оказались спровоцированными на совершение преступления и по этой причине уйти от справедливого возмездия за свою преступную деятельность.

В то же время установленный факт провокации преступления должен снижать степень общественной опасности преступного деяния, совершенного в результате этой провокации, так как совершение преступления в условиях провокации со стороны другого лица является, на наш взгляд, не столько результатом умысла и действий самого лица, совершающего преступление, как в значительной степени итогом действий «провокатора», направленных на достижение каких-то своих определенных целей. Кроме этого, в ряде случаев при провокации преступления велика вероятность того, что без предпринятых провокатором действий лицо, совершившее преступление в результате провокации, вообще вряд ли когда-либо совершило бы самостоятельно данное преступление. Поэтому пониженная общественная опасность преступления, совершенного под влиянием провокационных действий,

должна в итоге отразиться на наказании лица, совершившего это преступление, а именно – смягчить его, в связи с чем было бы уместным пункт 8 части первой статьи 63 УК «Обстоятельства, смягчающие ответственность», дополнить словами:

«либо под влиянием лица, спровоцировавшего преступление».

Необходимость дополнения обстоятельств, смягчающих ответственность, положением о снижении ответственности за преступление, совершенное в условиях провокации, можно подтвердить следующим примером.

Оперативным сотрудникам УБЭП КМ ГУВД Мингорисполкома поступила информация о том, что директор УП «Динекс» С. якобы является посредником при передаче взяток должностным лицам Минского горисполкома за благоприятное решение вопросов по выделению земельных участков в г. Минске под строительство жилых домов и зданий социально-бытового назначения. Во время проверки этой информации работавший под прикрытием сотрудник милиции, якобы являющийся в Республике Беларусь представителем одной из российских коммерческих структур, неоднократно посещал С. в его офисе и настойчиво убеждал последнего оказать помощь в выделении земельных участков якобы под строительство гостиницы класса «5 звезд» и элитного жилого дома по ул. Немига в г. Минске, обещая за это материально отблагодарить как должностных лиц Мингорисполкома, так и С. Однако С. на уговоры не поддавался и отрицал наличие у него каких-либо связей с должностными лицами Минского горисполкома. Но, когда во время их очередной встречи услышал, что на материальное вознаграждение лицам, которые окажут содействие в выделении земельных участков, отпущено полтора миллиона долларов США, он не устоял перед соблазном обогатиться незаконным образом и, намереваясь обманным путем получить в свою собственность крупную сумму денег, «дал» согласие оказать «помощь» в решении вопросов, связанных с выделением земельных участков под строительство гостиницы и жилого дома. При вручении С. первой суммы в 300 тысяч долларов США, якобы предназначенной для передачи в качестве взятки должностным лицам Мингорисполкома за выделение земельных участков, он был задержан и впоследствии осужден [21].

Таким образом, умысел на совершение преступления у С. возник под влиянием работавшего под прикрытием сотрудника милиции. Будучи ранее ни в чем предосудительном не замеченный С., в отношении которого отсутствовала какая-либо достоверная информация о посредничестве во взяточничестве, в результате активного и целенаправленного воздействия на его сознание и волю, не проявил при этом необходимой психологической и моральной стойкости и поддался искушению разбогатеть противозаконным образом. Собираясь обманным путем завладеть при этом крупной суммой денег, он согласился быть посредником между якобы «будущим» застройщиком и должностными лицами Мингорисполкома и помочь в выделении земельных участков под строительство гостиницы и элитного жилого дома.

Законно и обоснованно осуждая С. за покушение на мошенничество в особо крупном размере, суд в приговоре записал, что обстоятельств, смягчающих ответственность С. в содеянном, он в его действиях не находит, хотя преступный умысел на совершение данного преступного деяния у С. возник под активным влиянием работавшего под прикрытием сотрудника милиции, спровоцировавшего его на совершение этого преступления, что, на наш взгляд, должно являться обстоятельством, смягчающим ответственность виновного лица, в данном случае С., в совершенном преступном деянии.

Имеют место случаи, когда сотрудники органов, осуществляющих ОРД, или действующие по их поручению доверенные лица совершают умышленные действия, содержащие элементы искусственного создания доказательств совершения преступления лицом, у которого отсутствовал умысел на совершение преступного деяния и которое никогда и ни при каких обстоятельствах не пошло бы на его совершение (инсценировка преступления).

Такие действия при проведении ОРМ будут иметь место в случае, когда, с целью создания видимости совершения преступления, оперативный работник или действующее по его поручению доверенное лицо подбрасывает в карманы одежды, в сумку, в кабинет, машину, квартиру и другие места, например, деньги, якобы переданные проверяемому лицу в качестве взятки, или предмет, вещество или продукцию, свободная реализация которых запрещена или оборот которых ограничен, например, наркотик, оружие, боеприпасы, либо незаметно оставляет их в определенном месте (на столе, в папке, в документах) после чего подает условный сигнал на задержание лица, находящегося в этом месте. К таким действиям могут быть отнесены также любые *«иные манипуляции, направленные на то, чтобы «всучить» (путем обмана, насилия или введения в заблуждение)»* проверяемому лицу *«этот предмет с целью осуществления непосредственно за этим его «задержания с поличным» и «разоблачения»* [12, с. 78].

Например, 9 ноября 2005 г. сотрудники ОБЭП Лидского РОВД Гродненской области по заявлению некоего П., ранее дважды судимого, провели оперативный эксперимент в отношении К., председателя правления СПК «Жемыславль» Ивьевского района той же области, для подтверждения информации П. о якобы имевшем место вымогательстве К. 120 долларов США за заключение договора о покупке в СПК крупного рогатого скота. После обсуждения условий договора П. перед уходом из кабинета обнял К. на прощание. Вошедшие вслед за этим в кабинет К. работники милиции провели осмотр его кабинета, во время которого в открытом правом наружном боковом кармане куртки К. нашли меченые деньги. Как оказалось, данные деньги ему незаметно положил в указанный карман П. в тот момент, когда перед уходом обнимал К. на прощание. В итоге прокуратура Ивьевского района в возбуждении уголовного дела в отношении К. отказала по п. 2 ч. 1 ст. 29 УПК Республики Беларусь из-за отсутствия в деянии состава преступления [9].

9 июня 2006 г. оперативные сотрудники указанного РОВД с участием всего того же П. провели оперативный эксперимент в отношении Р., предсе-

дателя Лидской РОС ДОСААФ, к которому П. обратился с просьбой о якобы внеочередном «включении» его сожительницы М. на курсы по обучению водителей категории «В», обещая отблагодарить его. Р. отказался принять деньги и после ухода П. зашел в кабинет к главному бухгалтеру автошколы и стал рассказывать ей о попытке П. дать ему деньги. Во время этого разговора в здание автошколы вошли работники милиции, предложили Р. пройти в свой кабинет и в процессе последовавшего за этим осмотра кабинета Р. на письменном столе под стопкой документов нашли меченые специальным карандашом деньги, куда их, как оказалось, незаметно от Р. положил П. В возбуждении уголовного дела в отношении Р. прокуратура Лидского района отказала по п. 2 ч. 1 ст. 29 УПК Республики Беларусь из-за отсутствия в деянии состава преступления [10].

Применительно к подобным ситуациям Е.С. Дубоносов пишет, что *«бесспорно, в случаях подбрасывания предмета взятки или передачи его должностному лицу без его согласия признаки провокационных действий сотрудников правоохранительных органов очевидны, поскольку они предпринимают инициативные действия по искусственному созданию доказательств совершения преступления в условиях, когда подозреваемое лицо не предприняло каких-либо попыток, свидетельствующих о его готовности совершить преступление, так как у этого лица еще не сформировался преступный умысел, а оно, вследствие активных действий правоохранительных органов, уже не имеет возможности выбора и вынуждено совершить «преступление» по заранее разработанному сценарию»* [6, с. 19].

Общественная опасность подобных действий заключается в том, что действиями по инсценировке преступления не только подрывается репутация проверяемого лица, но и искусственно создаются повод и основания к возбуждению уголовного дела и к его дальнейшему производству, поэтому инсценировки преступления отнесены к преступлениям против правосудия, так как объектом этого преступного деяния *«является предусмотренный уголовно-процессуальным законом порядок сбора, проверки и оценки доказательств»* [7], обеспечивающий нормальную деятельность органов уголовного преследования, а посягательство на него может привести к подрыву авторитета и репутации проверяемого лица и повлечь за собой нарушение прав и законных интересов граждан, а также нарушение нормальной деятельности государственных органов.

Выше упоминалось, что с средины 1990-х гг., когда вопросы борьбы с коррупцией в странах бывшего СССР, в том числе и в Республике Беларусь, стали особенно актуальны, а практика задержания с поличным при даче-получении взятки получила особенно широкое распространение, остро встал вопрос о неправомерных действиях оперативных работников при выявлении и пресечении взяточничества. Для борьбы с этим явлением в УК 1999 г. была введена статья 396 «Инсценировка получения взятки или коммерческого подкупа», которой устанавливалась ответственность за передачу «должностному лицу или работнику индивидуального предпринимателя или юридического ли-

ца, не являющемуся должностным лицом, без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества либо оказание услуг имущественного характера в целях искусственного создания доказательств совершения преступления или шантаж». Однако в 2009 году законодатель внес изменения и дополнения в диспозицию данной статьи, исключив из нее слова «*без его согласия*».

Таким образом, предпринята попытка смешения понятий «инсценировка преступления» и «провокация преступления», хотя эти понятия не тождественны, так как, если при провокации действия виновного лица направлены на *склонение* проверяемого лица к совершению преступления, чтобы путем уговоров и иными подобными действиями добиться согласия у этого лица на совершение преступного деяния, например, дать-получить взятку или сбыть наркотик, то при инсценировке *«происходит имитация преступления без согласия и ведома»* [13, с. 908] проверяемого лица с целью искусственного создания доказательств совершения этим лицом преступного деяния, которое оно не совершало и не намеревалось совершить.

В связи с этим предлагается вернуться к прежней редакции статьи 396 УК и вновь включить в нее слова «*без его согласия*», так как инсценировка преступления может быть только в отсутствие согласия проверяемого лица на его совершение. Если же противозаконные действия совершены с ведома и согласия проверяемого лица, но при этом преследовалась цель *«искусственного создания доказательств совершения преступления или шантажа»*, то в таком случае будет иметь место провокация преступления.

Рассматривая вопрос об инсценировке получения взятки, мы вынуждены констатировать, что незаконным действиям оперативных работников органов, осуществляющих ОРД, по искусственному созданию доказательств совершения преступлений данной категории в немалой степени способствует также постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве», в части второй пункта 21 которого записано, что *«не может быть признано инсценировкой получения взятки проведение органами уголовного преследования мероприятий по изобличению взяткополучателей в соответствии с Законом Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности»*. Если исходить из буквального толкования данной фразы, то, как записано в диспозиции статьи 396 УК, *«передача должностному лицу, … денег, ценных бумаг, иного имущества, либо оказание услуг имущественного характера в целях искусственного создания доказательств совершения преступления или шантажа»*, если эта передача состоялась при проведении ОРМ, **не будет являться преступлением – инсценировкой получения взятки**, ответственность за которую установлена данной статьей УК. Такая позиция высшей судебной инстанции республики вызывает недоумение, в связи с чем предлагается из пункта 21 данного постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь часть вторую исключить.

На наш взгляд, было бы более правильным ответственность за инсценировку преступления установить не только за преступления, предусмотренные

статьей 252 УК (коммерческий подкуп), статьей 430 УК (получение взятки) и статьей 433 УК (получение незаконного вознаграждения работниками государственного органа либо иной государственной организации), но и за инсценировку, например, незаконных действий в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, сильнодействующих или ядовитых веществ, а также за инсценировку других преступлений.

В связи с этим название и диспозицию статьи 396 УК предлагается изложить в следующей редакции:

«Статья 396. Инсценировка преступления

Искусственное создание доказательств совершения преступления лицом, у которого отсутствовал умысел на совершение преступного деяния и которое не намерено было его совершить, для последующего изобличения этого лица с целью привлечения к уголовной ответственности или шантажа, –»

Список использованных источников

1. Бачила, В.В. Оперативно-розыскное мероприятие «оперативный эксперимент»: теория и практика / В. Бачила // Судовы веснік – 2007. – № 3. – С. 54–59.

2. Васильев, А.Н. Тактика отдельных следственных действий / А.Н. Васильев.- М.: Юрид. литература, 1981. – 112 с.

3. Волженкин, Б.В. Допустима ли провокация как метод борьбы с коррупцией / Б.В. Волженкин // Консультант Плюс: Россия. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2010.

4. Выступление Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко 30 июня 2008 г. на совещании с оперативно-начальствующим составом органов внутренних дел. / Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http: //www. president.gov.by / html. – Дата доступа 06.07.2009.

5. Горелик, А.С. Преступления против правосудия / А.С. Горелик, Л.В. Лобанова. – СПб.: Издательство Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – 491 с.

6. Дубоносов, Е.С. Провокация взятки либо коммерческого подкупа: лекция / Е.С. Дубоносов. - М.: ЮИ МВД РФ, Книжный мир, 2002. – 40 с.

7. Егорова, Н.А. Провокация взятки либо коммерческого подкупа / Н.А. Егорова. // Консультант Плюс: Россия. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2010.

8. Лямин, М.В. Использование криминалистических методов при расследовании взяточничества в правоохранительных органах. [Электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 –М.: РГБ, 2003. – 231 с.

9. Материал проверки № 1/41пр-2005 // Архив прокуратуры Ивьевского района Гродненской области за 2005 г.

10. Материал проверки №№ 1/66пр-06 и 1/67пр-06 // Архив прокуратуры Лидского района Гродненской области за 2006 г.

11. Милиниине против Литвы (Miliniene v. Lithuania) (жалоба № 74355/01): По материалам Постановления Европейского Суда по правам человека от 24 июня 2008 г. // Консультант Плюс: Россия. Технология 3000. Серия 300 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2010.

12. Мишин, Г.К. Борьба с взяточничеством: некоторые направления совершенствования уголовной политики / Г.К. Мишин // Уголовное право. – 2000. – № 3. – С. 75–80.

13. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.]; под общ. ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. – 2-ое изд., с изм. и доп. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. – 1007 с.

14. Научно-практический комментарий Уголовного кодекса Украины от 5 апреля 2001 года / под ред. Н.И. Мельника, Н.И. Хавронюка. К.: Каннон; А.С. – К., 2002. – 1216 с.

15. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь по делу К. // Судовы веснік. – 1993. – № 4. – С. 27.

16. Раманаускас против Литвы (жалоба № 74420/01): По материалам Постановления Европейского Суда по правам человека от 5 февраля 2008 г. // Консультант Плюс: Россия. Технология 3000. Серия 300 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2010.

17. Расследование и предупреждение взяточничества: метод. пособие / отв. ред. А.Н. Ларьков. – М., 1983. – 136 с.

18. Уголовное дело № 03028110059// Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь за 2004 г.

19. Уголовное дело № 05023010070 // Архив прокуратуры Октябрьского района г. Витебска за 2005 г.

20. Уголовное дело № 05027070551 // Архив прокуратуры Белыничского района Могилевской области за 2006 г.

21. Уголовное дело № 05028110096 // Архив суда Фрунзенского района г. Минска за 2006 г.

22. Чуркин, А.В. Соотношение оперативного эксперимента и провокации преступления / А.В. Чуркин // Консультант Плюс: Россия. Технология 3000 [Электронный ресурс] /ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2010.

23. Эдвардс и Льюис против Соединенного Королевства (Edwards and Lewis v. United Kingdom), жалобы №№ 39647/98 и 40461/98: По материалам Постановлений Европейского Суда по правам человека от 22 июля 2003 г. и 27 октября 2004 г. // Консультант Плюс: Россия. Технология 3000. Серия 300 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2010.

24. Юнчик, Л. Оперативный эксперимент / Л. Юнчик // Экспресс Новости. – № 46 (431), – 17 ноября 2005 г. – С. 22.

Дата поступления статьи – 25.07.2011.

В статье на основе изучения практики расследования уголовных дел отечественной и зарубежной специальной и научной литературы в области оперативно-розыскной деятельности, проанализированы факты совершения оперативными сотрудниками действий, направленных на активное побуждение проверяемого лица, не обнаруживавшего до этого противоправных намерений и не собиравшегося их

осуществить, совершить какое-либо преступление, а также действий, содержащих элементы искусственного создания доказательств совершения преступления лицом, у которого отсутствовал умысел на совершение преступного деяния и которое никогда и ни при каких обстоятельствах не пошло бы на его совершение. Данные действия расцениваются как провокация и инсценировка преступления со всеми вытекающими отсюда последствиями.

In the article, on the basis of study of practice of investigation of criminal cases, of the domestic and foreign special and scientific literature in the field of operative-investigatory activity, the facts of fulfillment by the operative workers of the actions that are directed on active motivation of the checked person, that was not showing before illegal intentions and not preparing to carry out them, or to commit any crime, and also the actions containing elements of artificial creation of proofs of commitment of a crime by the person which did not have an intention on committing of criminal action and which never and under no circumstances could do this are analysed. The given actions are considered as provocation and pretence of a crime with all the consequences following from here.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ «НЕЗАКОННОГО УЧАСТИЯ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» В КОНТЕКСТЕ СТАТЬИ 429 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Войтова Д.А.

Нормы Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) подлежат строгому толкованию. Такое нормативное требование, закрепленное в части 2 статьи 3 УК призвано обеспечить соблюдение одного из основных принципов уголовного закона и уголовной ответственности – принципа законности в процессе применения уголовно-правовой нормы.

Классическая формула *«nullum crimen sine lege»* (лат. – нет преступления без предусматривающего его закона) имеет основополагающее значение на начальном этапе применения уголовно-правовой нормы и выражается в следующем: содеянное может быть квалифицировано как преступление только в том случае, если совершенное общественно опасное деяние предусмотрено конкретной статьей Особенной части действующего УК. Если в совершенном деянии отсутствует хотя бы один признак, предусмотренный уголовно-правовой нормой, который характеризует это деяние как преступление определенного вида, то его нельзя относить к деяниям, запрещенным уголовным законом [1].

Залогом точного, полного и единообразного понимания и интерпретации признаков состава преступления в первую очередь является соблюдение принципов криминализации и правил законодательной техники в процессе создания уголовно-правовой нормы. Еще в XIX веке было отмечено, что

«знаменитые контроверзы законодательства, которые в течение столетий занимают теоретиков и практиков, суть не что иное, как ошибки законодателя» [2, с. 14–15].

Ряд последних изменений и дополнений в УК показывает, что зачастую они содержат предпосылки для неоднозначного толкования норм в силу неудачно использованной терминологии. Наличие множества противоречий и несоответствий в терминологии, употребляющейся во многих статьях действующего УК, свидетельствует о том, что закрепленное в части 2 статьи 3 УК «буквальное» правило толкования уголовного закона является фиктивным [3].

Еще римские юристы говорили, что *omnis definitio periculosa est* (лат. – всякое определение опасно). По существу, наиболее правильным было бы такое состояние законодательства, при котором каждый термин имел бы свое законодательное определение. Но этому мешает ряд обязательств. Первым из них является крайняя трудность полного и точного определения. Возможность пробелов и неправильностей в определении приводит к искажению всего толкования и плодит фикции. Совершенно очевидно, что нормативное определение должно обладать гибкостью и растяжимостью, чтобы покрывать собой и вновь возникающие однородные явления. Закон издается на будущее время и определяет собой вновь возникающие отношения. Наконец, различные юридические понятия в процессе эволюции испытывают разнообразные изменения. Остающийся как будто неизменным правовой институт начинает служить иным практическим задачам и тем самым невольно меняет свое содержание, сохраняя порой прежнюю форму. Естественно, что при таком «перевоплощении» понятий чрезвычайно опасно было бы фиксировать их строгими определениями [2, с. 12].

Таким образом, с одной стороны, не вполне корректно отклоняться от истинной нормы (воли законодателя). С другой, – каким образом распознавать эту волю, если она не охватывается текстом закона? Утверждение о том, что неточно или неясно выраженная в норме воля законодателя всегда может быть установлена исходя из всей системы законодательства [4, с. 287], вряд ли можно принять. «Очень трудно, даже невозможно понять, что представляет собой действительный внутренний смысл нормы в отличие от ее буквального текста, где содержатся объективные критерии нахождения и исследования этого действительного смысла» [5, с. 66].

Реализация требования о строгом толковании уголовного закона затрудняется многочисленными проблемами, связанными с терминологией УК. Полисемичность и противоречивость некоторых терминов УК, отсутствие легальных определений многих терминалов негативно влияют на реализацию принципа законности в процессе квалификации преступления, что требует принятия ряда мер по совершенствованию терминологии уголовного закона [3].

Наличие в действующем УК статьи четвертой, содержащей разъяснения отдельным терминам, несомненно, способствует единообразному и однозначному применению терминологии. Вместе с тем в статье 4 УК дано разъяснение только 15 терминам, определяющим специальные уголовно-

правовые понятия. Однако в УК есть много иных терминов, которые не имеют соответствующего разъяснения. Так, в статье 4 УК даются определения только понятиям «должностное лицо», «начальник», «малолетнее лицо», «несовершеннолетнее лицо» и «престарелое лицо». Но в УК есть иные термины с употреблением слова «лицо», многие из которых нуждаются в разъяснении [3].

Рассмотрим данную проблему на примере применения понятия «доверенное лицо» в статье 429 УК (незаконное участие в предпринимательской деятельности).

С развитием рыночных отношений государственными служащими стали использоваться опосредованные и трудно выявляемые формы коррупционного обогащения. В связи с чем законодатель, стараясь охватить весь спектр коррупционных проявлений, включая скрытые формы, ввел в УК норму, согласно которой, должностное лицо, находящееся на государственной службе, не в праве оказывать покровительство организации, учредителем которой оно является, либо в управлении которой оно участвует лично или через доверенное лицо (статья 429 УК).

Доверенное лицо, через которое виновный участвует в управлении организацией, осуществляющей предпринимательскую деятельность, несет ответственность за пособничество в незаконном участии в предпринимательской деятельности.

Анализируя данные уголовной статистики, необходимо заметить, что на территории Республики Беларусь за период действия УК (начиная с 2001 г.) зарегистрировано всего семь преступлений по данной статье и лишь по двум из них был вынесен обвинительный приговор.

Такой низкий уровень зарегистрированных преступлений по данной статье потенциально обусловлен действием запрета, содержащегося в Законе «О государственной службе», на участие лично или через доверенных лиц в управлении коммерческой организацией, за нарушение которого, государственный служащий подлежит освобождению от занимаемой должности.

Также такая следственная и судебная практика свидетельствует о значительных трудностях в выявлении и доказывании незаконного участия в предпринимательской деятельности государственных должностных лиц, и во многом это обусловлено сложностью и неоднозначностью выражения объективной стороны данного преступления.

Как показывает изучение практики применения статьи 429 УК, наибольшую сложность представляет неясность содержащихся в данной норме законодательных положений, имеющих в основном хозяйственно-правовую принадлежность.

Так, из-за неопределенности понятия «доверенное лицо», выявляются в основном только случаи, когда должностное лицо лично учреждает либо участвует в управлении организацией, которой оно оказывает покровительство. Хотя, как показывает практика и публикации в СМИ, чаще виновный

осуществляет свою незаконную деятельность через родственников, маскируя таким образом свою причастность [6, с. 52].

Чтобы выяснить смысл конкретного слова, интерпретатору за отсутствием законодательно предусмотренных часто приходится обращаться к обыкновенным, прежде всего к толковым и специальным словарям, а также положениям доктрины уголовного права [7, с. 290].

В общей теории права выработаны определенные правила установления значений конкретных слов и выражений, большинство из которых применимо и в уголовном праве. К ним, в частности, относятся:

– словам и выражениям закона следует придавать то значение, которое они имеют в соответствующем литературном языке, если нет оснований для иной их интерпретации;

– если имеется легальная дефиниция термина или если законодатель иным образом определил его значение, то в этом значении и должен пониматься термин, несмотря на его иное значение в обыденном языке;

– если в законе не определены тем или иным способом значения юридических терминов, то им следует придавать то значение, в котором они употребляются в юридической практике и науке;

– если в законе использованы технические или иные специальные термины, значения которых не определены законодателем, то следует придавать им тот смысл, который они имеют в соответствующих отраслях знаний;

– идентичным формулировкам нельзя придавать разные значения, если из закона не следует иное;

– нельзя придавать без достаточного основания разным терминам одно и то же значение [8, с. 40].

Таким образом, исходя из вышеперечисленных доктринальных принципов токования норм уголовного закона, в силу отсутствия понятия «доверенное лицо» в законодательстве Республики Беларусь, оно трактуется в соответствии с его литературным смыслом.

В толковых и специализированных юридических словарях под доверенным лицом предлагается понимать: лицо, осуществляющее свою деятельность на основании доверенности, либо лицо, которому доверяют.

В статье 186 Гражданского Кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) установлено, что доверенностью признается письменное уполномочие, выдаваемое одним лицом другому для представительства перед третьими лицами, удостоверенное в предусмотренном настоящей статьей порядке.

Понятие «доверенное лицо» в составе незаконного участия в предпринимательской деятельности неверно сужать до гражданско-правового смысла термина «доверительный управляющий» при заключении договора, предусмотренного главой 52 ГК «Доверительное управление имуществом», или термина «представитель», предусмотренного главой 10 ГК «Представительство. Доверенность». Так как в ситуациях, когда госслужащие пытаются

обойти законный запрет на занятие хозяйственной деятельностью, оформленная в надлежащем виде доверенность противоречит их интересам.

Таким образом, к доверенным лицам могут относиться близкие родственники виновного, а также лица, с которыми виновный хотя и не состоит в родственных связях, но имеет близкие доверительные отношения (друзья, гражданские супруги), наравне с лицами, с которыми виновный заключил договор (договор доверительного управления имуществом, договор поручения и т. д.) или имеет иное устное соглашение.

Следовательно, исходя из литературного и легального значения понятия «доверенное лицо», для признания лица таковым необходимо соблюдение ряда признаков:

– это лицо, пользующееся доверием обвиняемого;

– оно действует на основании доверенности, которая может быть оформлена как в письменной, так и в устной форме;

– такое лицо действует исключительно в интересах обвиняемого.

Некоторые авторы участие должностного лица в управлении коммерческой организацией через доверенное лицо трактуют как «теневое» участие, осуществляемое через подставных лиц и используемое «для маскировки действий самого должностного лица» [9, с. 359]. Однако такое толкование противоречит гражданско-правовому смыслу понятия «доверенное лицо», поэтому применительно к статье 429 УК под участием в управлении организацией через доверенное лицо следует понимать наделение определенного лица соответствующими полномочиями по участию в управлении этой организацией от имени должностного лица [10, с. 425].

В этом аспекте интересен опыт Украины. В соответствии со статьей 5 Закона Украины «О борьбе с коррупцией» от 5 октября 1995 г. государственные служащие и другие лица, уполномоченные на выполнение функций государства, не имеют права входить самостоятельно (кроме случаев, если государственный служащий осуществляет функции по управлению акциями (частями, паями), которые принадлежат государству, и представляет интересы государства в совете общества (наблюдательном совете) или ревизионной комиссии хозяйственного общества), через представителя или подставных лиц в состав правления или других исполнительных органов предприятий, кредитно-финансовых учреждений, хозяйственных обществ и т. п., организаций, союзов, объединений, кооперативов, которые осуществляют предпринимательскую деятельность [11].

Формулировка «представитель или подставное лицо» более точно охватывает понятие необходимое для правильного применения статьи 429 УК, а также других аналогичных запретов.

С учетом изложенного нами предлагается внести соответствующие изменения в антикоррупционное законодательство и заменить в ряде нормативных актов, устанавливающих запрет на занятие предпринимательской деятельностью государственных служащих, формулировку «заниматься предпринимательской деятельностью лично либо через доверенных лиц» на

«заниматься предпринимательской деятельностью лично либо через представителя или подставных лиц».

Отдельно следует сказать о запретах, связанных с режимом государственной службы. Запрет на занятие предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц достаточно часто не работает. В этой ситуации для усиления антикоррупционной составляющей законодательства о государственной службе целесообразно закрепить положение о том, что государственным должностным лицам и лицам, приравненным к ним, запрещается заключение гражданско-правовых сделок не под своим именем – на подставных лиц, анонимно, под псевдонимом и других. Эти сделки признаются недействительными в установленном законом порядке [12].

Подводя итог вышесказанному, необходимо признать, что весьма затруднительно определить волю законодателя в случаях, когда в тексте закона встречаются грамматическая неясность, противоречие, логическая неполнота закона. Вместе с тем в статье 3 УК предусмотрен запрет применения уголовного закона при наличии в нем неполноты, сопряженной с определением преступности деяния. Что во многом обусловило отсутствие практики привлечения государственных должностных лиц к ответственности за занятие предпринимательской деятельностью.

Закон, сформулированный неоднозначно или содержащий оценочные признаки и тем самым предоставляющий должностным лицам возможность применять его по собственному усмотрению, произвольно с целью личного обогащения, является одним из факторов, благоприятствующих коррупции. Устранить этот фактор коррупции в идеале способен законодатель посредством точно определенного и однозначного формулирования правовых норм [13, с. 4].

Список использованных источников

1. Марчук, В.В. Принцип законности и его реализация в судебной практике по уголовным делам // В.В. Марчук / СС «КонсультантПлюс: Комментарии Законодательства Белорусский выпуск» [Электронный ресурс]. – Минск, 2011. – Абзац 19.

2. Любинский, П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса / Под ред. и с предисловием В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2004. – 248 с.

3. Марчук, В.В. Терминология как средство законодательной техники при конструировании норм Уголовного кодекса / В.В. Марчук // СС «КонсультантПлюс: Комментарии Законодательства Белорусский выпуск» [Электронный ресурс]. – Минск, 2011. – Абзацы 98 – 108.

4. Дурманов, Н.Д. Советский уголовный закон. / Н.Д. Дурманов. – М.: Издательство МГУ, 1967. – 319 с.

5. Пиголкин, А.С. Толкование норм права и правотворчество: проблемы соотношения // Закон: создание и толкование / под ред. А.С. Пиголкина. – М.: Спарк, 1998. – 283 с.

6. Муравьева, Н. Незаконное участие в предпринимательской деятельности / Н. Муравьева // Законность. – 2008. – № 8. – С. 51–53.

7. Энциклопедия уголовного права. Т. 2. Уголовный закон / Издание профессора Малинина. – СПб.: Искусство России, 2007. – 848 с.

8. Черданцев, А.Ф. Толкование советского права / А.Ф. Черданцев. – М.: Юрид. литература, 1979. – 160 с.

9. Уголовное право России. Особенная часть / под ред. Б.В. Здравомыслова. – М.: Юристъ, 1996. – 560 с.

10. Есаков, Г.А. Настольная книга судьи по уголовным делам / Г.А. Есаков, А.И. Рарог, А.И. Чучаев; отв. ред. А.И. Рарог. – М.: Велби, Проспект, 2007. – 576 с.

11. О борьбе с коррупцией: Закон Украины, 5 окт. 1995 года № 356/95-ВР 9: в ред. Закона Украины от 01.12.2006 г. // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс] / Союз ПравоИнформ. – М., 2011.

12. Модельный закон «О борьбе с коррупцией»: постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ, 3 апр. 1999 г., № 13-4 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.

13. Гаухман, Л.Д. Коррупция и коррупционное преступление / Л.Д. Гаухман // Законность. – 2000. – № 6. – С. 2–6.

Дата поступления статьи – 27.09.2011.

Исследование проблем применения ст. 429 УК выявило неясность содержащихся в данной норме положений, что влечет существенные расхождения в следственной и судебной практике относительно понимания незаконного участия в предпринимательской деятельности, в том числе при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности за данное преступление государственных должностных лиц. В статье особое внимание уделено выработке единообразного толкования понятия «доверенное лицо», а также другим вопросам, связанным с уяснением смысла юридической технологии незаконного участия в предпринимательской деятельности.

Research of problems of application of article 429 of the Criminal code has revealed an ambiguity of positions containing in the given norm. This entails essential contradictions in investigatory and judiciary practice concerning understanding of illegal participation in enterprise activity, including the decision of a question of impleading for the given crime of the state officials. In the article special attention is given to the framing of uniform interpretation of notion «authorised representative», and also other questions connected with elucidation of sense of legal technology of illegal participation in enterprise activity.

КВАЛИФИКАЦИЯ ЛОЖНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА)

Гладкий П.А.

Уголовная ответственность за ложную экономическую несостоятельность (банкротство) предусмотрена статьей 238 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК). Объектом данного преступления является установленный порядок признания субъекта хозяйствования экономически несостоятельным (банкротом).

В соответствии со статьей 24 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) индивидуальный предприниматель, который не в состоянии удовлетворить требования кредиторов, связанные с осуществлением им предпринимательской деятельности, может быть признан экономически несостоятельным (банкротом) в судебном порядке. В соответствии со статьей 61 ГК юридическое лицо, являющееся коммерческой организацией, за исключением казенного предприятия, а также юридическое лицо, действующее в форме потребительского кооператива либо благотворительного или иного фонда, в судебном порядке может быть признано экономически несостоятельным (банкротом), если оно не в состоянии удовлетворить требования кредиторов.

Закон Республики Беларусь от 18 июля 2000 г. № 423-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон) отождествляет понятия экономической несостоятельности и банкротства. Согласно статье 1 Закона экономическая несостоятельность (банкротство) представляет собой неплатежеспособность, имеющую или приобретающую устойчивый характер, признанную хозяйственным судом или правомерно объявленную должником в соответствии с требованиями законодательства.

Указ Президента Республики Беларусь от 13 ноября 2003 г. № 508 «О некоторых вопросах экономической несостоятельности (банкротства)» (далее – Указ) различает понятия экономической несостоятельности и банкротства. В соответствии с подпунктом 1.4 пункта 1 Указа под экономической несостоятельностью понимается неплатежеспособность, имеющая или приобретающая устойчивый характер, признанная решением хозяйственного суда об экономической несостоятельности с санацией должника (решение о санации), а под банкротством – неплатежеспособность, имеющая или приобретающая устойчивый характер, признанная решением хозяйственного суда о банкротстве с ликвидацией должника (решение об открытии ликвидационного производства).

Согласно статье 1 Закона неплатежеспособность означает неспособность удовлетворить требования кредитора (кредиторов) по денежным обязательствам, а также по обязательствам, вытекающим из трудовых и связанных с ними отношений, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей.

Постановлением Министерства финансов Республики Беларусь, Министерства экономики Республики Беларусь, Министерства статистики и анализа Республики Беларусь от 14 мая 2004 г. № 81/128/65 утверждена Инструкция по анализу и контролю за финансовым состоянием и платежеспособностью субъектов предпринимательской деятельности, в соответствии с которой определяется порядок признания организации неплатежеспособной (далее – Инструкция от 14 мая 2004 г.).

Источниками информации для проведения анализа финансового состояния организации являются: бухгалтерский баланс, отчет о прибылях и убытках, отчет об изменении капитала, отчет о движении денежных средств, приложение к бухгалтерскому балансу и отчет о целевом использовании полученных средств, заполненные в соответствии с постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 14 февраля 2008 г. № 19 «Об утверждении форм бухгалтерской отчетности, Инструкции о порядке составления и представления бухгалтерской отчетности и признании утратившими силу некоторых нормативных правовых актов Министерства финансов Республики Беларусь» (далее – постановление № 19).

В качестве критериев для оценки удовлетворительности структуры бухгалтерского баланса организации используются следующие критерии:

коэффициент текущей ликвидности – отношение фактической стоимости находящихся в наличии у организации оборотных активов в виде запасов и затрат, налогов по приобретенным товарам, работам, услугам, дебиторской задолженности, расчетов с учредителями, денежных средств, финансовых вложений и прочих оборотных активов к краткосрочным обязательствам организации за исключением резервов предстоящих расходов;

коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами – отношение разности капитала и резервов, включая резервы предстоящих расходов, и фактической стоимости внеоборотных активов к фактической стоимости находящихся в наличии у организации оборотных активов в виде запасов и затрат, налогов по приобретенным товарам, работам, услугам, дебиторской задолженности, расчетов с учредителями, денежных средств, финансовых вложений и прочих оборотных активов.

В соответствии с пунктом 10 Инструкции от 14 мая 2004 г. основанием для признания структуры бухгалтерского баланса неудовлетворительной, а организации – неплатежеспособной является наличие одновременно следующих условий:

– коэффициент текущей ликвидности на конец отчетного периода в зависимости от отраслевой (подотраслевой) принадлежности организации имеет значение менее установленного в приложении 1 к Инструкции;

– коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами на конец отчетного периода в зависимости от отраслевой (подотраслевой) принадлежности организации имеет значение менее установленного в приложении 1 к Инструкции.

Основанием для отнесения неплатежеспособности организации к неплатежеспособности, приобретающей устойчивый характер, служит неплатежеспособность организации в течение четырех кварталов, предшествующих составлению последнего бухгалтерского баланса.

Организация считается устойчиво неплатежеспособной в том случае, когда имеется неудовлетворительная структура бухгалтерского баланса в течение четырех кварталов, предшествующих составлению последнего бухгалтерского баланса, а также наличие на дату составления последнего бухгалтерского баланса значения коэффициента обеспеченности финансовых обязательств активами, превышающего 0,85, данный коэффициент определяется как отношение всех (долгосрочных и краткосрочных) обязательств организации, за исключением резервов предстоящих расходов, к общей стоимости активов.

Установив неплатежеспособность организации и неудовлетворительность структуры ее бухгалтерского баланса, проводится детальный анализ бухгалтерской отчетности организации, целью которого является выявление причин ухудшения финансового состояния организации.

В соответствии со статьей 7 Закона должник вправе подать в хозяйственный суд заявление должника при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что он будет не в состоянии в установленный срок исполнить платежные обязательства и (или) обязательства, вытекающие из трудовых и связанных с ними отношений, ввиду своей неплатежеспособности, приобретающей устойчивый характер (в предвидении банкротства).

Заявление должника подается в хозяйственный суд в письменной форме и должно быть подписано руководителем должника либо должником – индивидуальным предпринимателем.

Статьей 23 Закона определены сведения, которые должны быть указаны в заявлении, а статьей 24 Закона предусмотрено, какие документы прилагаются к заявлению должника. Кроме того, подпунктом 1.12 пункта 1 Указа также предусмотрено, какие документы прилагаются к заявлению должника.

Вопрос о принятии заявления о банкротстве должника решается не позднее 30 дней со дня поступления указанного заявления в хозяйственный суд в судебном заседании (подпункт 1.16 пункта 1 Указа).

Ложное банкротство будет иметь место в том случае, если должник подал в хозяйственный суд заявление о банкротстве при наличии у него возможности удовлетворить требования кредиторов в полном объеме.

Для установления признаков ложного банкротства следует руководствоваться Инструкцией по определению наличия (отсутствия) признаков ложного банкротства, преднамеренного банкротства, сокрытия банкротства или срыва возмещения убытков кредитору и подготовке заключений по данным вопросам, утвержденной постановлением Министерства экономики Республики Беларусь от 20 июня 2008 г. № 129 (далее – Инструкция № 129).

Данная Инструкция применяется временными (антикризисными) управляющими в производстве по делу об экономической несостоятельности

(банкротстве), а также экспертами при определении наличия (отсутствия) признаков банкротства.

В соответствии с пунктом 4 Инструкции № 129 источниками информации для определения наличия (отсутствия) признаков банкротства являются:

– бухгалтерская отчетность должника на исследуемые даты;

– документы, содержащие сведения о составе имущества должника с аналитической расшифровкой каждого вида имущества на последнюю отчетную дату, предшествующую дате подачи заявления о признании должника экономически несостоятельным (банкротом);

– отчеты по оценке имущества должника;

– список дебиторов с раздельным указанием сумм основной задолженности, процентов, неустойки (штрафа, пени) и иных экономических санкций за ненадлежащее исполнение обязательств и сроков исполнения обязательств по каждому дебитору на последнюю отчетную дату, предшествующую дате подачи заявления о признании должника экономически несостоятельным (банкротом);

– документы, подтверждающие принятие мер по истребованию дебиторской задолженности;

– справка о задолженности перед бюджетом соответствующего уровня, в том числе государственными целевыми бюджетными фондами, а также государственными внебюджетными фондами с раздельным указанием сумм основной задолженности, неустойки (штрафа, пени) и иных экономических санкций на последнюю отчетную дату, предшествующую дате подачи заявления о признании должника экономически несостоятельным (банкротом);

– список кредиторов с раздельным указанием сумм основной задолженности, процентов, неустойки (штрафа, пени) и иных экономических санкций за ненадлежащее исполнение обязательств и сроков исполнения обязательств по каждому кредитору на последнюю отчетную дату, предшествующую дате подачи заявления о признании должника экономически несостоятельным (банкротом);

– договоры, на основании которых производились отчуждение или приобретение имущества должника, увеличение или уменьшение кредиторской и дебиторской задолженности, иные документы по сделкам, повлекшим изменения финансового состояния и платежеспособности должника;

– сведения о размере задолженности по возмещению вреда, причиненного жизни или здоровью граждан, а также выплате выходных пособий, оплате труда работников, выплате вознаграждений по авторским договорам и заключенным с физическими лицами гражданско-правовым договорам, предметом которых является выполнение работ, оказание услуг и создание объектов интеллектуальной собственности;

– документы, подтверждающие принятие мер по реструктуризации кредиторской задолженности;

– приказ об утверждении учетной политики должника, действовавший на дату подачи заявления об экономической несостоятельности (банкротстве)

должника и в периоде продолжительностью не менее 2 лет, предшествовавших дате подачи указанного заявления;

– документы, свидетельствующие об учреждении и регистрации должника и внесении изменений и дополнений в его учредительные документы;

– документы, содержащие сведения об учредителях (участниках) должника, собственнике имущества юридического лица – унитарного предприятия, о составе должностных лиц должника, имеющих право давать обязательные для должника указания либо имеющих возможность иным образом определять его действия;

– сведения о лицах, заинтересованных в отношении должника;

– протоколы заседаний органа (органов) управления должника;

– документы налоговых проверок, ревизий финансово-хозяйственной деятельности должника, аудиторских заключений;

– отчеты управляющего о проведенной работе в процедурах экономической несостоятельности (банкротства) и заключения о финансовом состоянии и платежеспособности должника, представляемые в хозяйственный суд.

Признаком ложного банкротства является наличие у должника возможности удовлетворить требования кредиторов в полном объеме на дату обращения должника в хозяйственный суд с заявлением о своей экономической несостоятельности (банкротстве).

Для установления наличия (отсутствия) признаков ложного банкротства рассчитываются коэффициенты текущей ликвидности, обеспеченности собственными оборотными средствами и обеспеченности финансовых обязательств активами (в соответствии с Инструкцией от 14 мая 2004 г.). На основании полученных значений коэффициентов делается вывод о платежеспособности (неплатежеспособности) должника.

В результате проведенного анализа могут быть сделаны следующие выводы, если:

– неплатежеспособность организации не приобретает или не имеет устойчивый характер, то признаки ложного банкротства усматриваются;

– неплатежеспособность организации приобретает или имеет устойчивый характер, то признаки ложного банкротства отсутствуют.

Объективную сторону ложного банкротства образует подача индивидуальным предпринимателем или должностным лицом юридического лица в хозяйственный суд заявления о своей экономической несостоятельности (банкротстве), иных документов, содержащих заведомо недостоверные сведения о неплатежеспособности должника.

Перечень сведений, содержащихся в подаваемом заявлении должника, а также перечень документов, прилагаемых к заявлению должника, установлен Законом и Указом и рассмотрен выше.

Ложными являются документы, содержащие информацию о банкротстве субъекта хозяйствования, который в действительности является экономически состоятельным.

Оконченным преступление считается с момента принятия заявления должника и иных документов хозяйственным судом, а не со дня принятия к производству судом такого заявления.

Согласно статье 33 Закона с момента принятия заявления о банкротстве должника хозяйственным судом устанавливается защитный период (не свыше трех месяцев) и назначается временный управляющий. В процессе защитного периода временным управляющим проводится анализ финансового состояния и платежеспособности должника в целях определения наличия оснований для возбуждения конкурсного производства. Если неплатежеспособность должника имеет устойчивый характер, хозяйственный суд возбуждает конкурсное производство и назначает управляющего.

В соответствии со статьей 31 Закона орган государственного управления по делам о банкротстве представляет предварительное заключение о платежеспособности должника (до возбуждения производств по делу о банкротстве) в случаях, когда он является государственной организацией, организацией, имеющей долю государственной собственности в уставном фонде, либо организацией, имеющей наиболее существенное значение для экономики страны или социальной сферы.

В соответствии с пунктом 3 Инструкции о порядке взаимодействия хозяйственных судов Республики Беларусь и Департамента по санации и банкротству Министерства экономики Республики Беларусь, утвержденной постановлением Министерства экономики Республики Беларусь от 1 ноября 2007 г. № 193, Департамент по санации и банкротству представляет указанное заключение по запросу хозяйственного суда.

В процессе рассмотрения хозяйственным судом дела об экономической несостоятельности (банкротстве) суд может назначить экспертизу финансово-хозяйственной деятельности должника, которую проводит Департамент по санации и банкротству.

Положением об аккредитации (признании полномочий) юридических и физических лиц на осуществление экспертной деятельности по вопросам экономической несостоятельности (банкротства) и улучшения финансового состояния должников, утвержденным постановлением Министерства экономики Республики Беларусь от 11 февраля 2002 г. № 38, предусмотрено, что экспертиза финансового состояния и платежеспособности должника может включать подготовку заключений, в том числе, по наличию признаков ложного банкротства (подпункт 4.7 пункта 4).

С целью подтверждения достоверности и правильности оценки финансового состояния и платежеспособности должника, находящегося в процедуре экономической несостоятельности (банкротства), выводов и заключений, представленных временным (антикризисным) управляющим, может проводиться экспертиза финансового состояния и платежеспособности должника. Такая экспертиза проводится комиссиями по предупреждению экономической несостоятельности (банкротства), созданными в соответствии с Типовым положением о комиссии по предупреждению экономической несостоя-

тельности (банкротства), утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 4 февраля 2004 г. № 126.

Экспертиза проводится в соответствии с Инструкцией по проведению экспертизы финансового состояния и платежеспособности организации, находящейся в процедуре экономической несостоятельности (банкротства), утвержденной постановлением Министерства экономики Республики Беларусь от 27 февраля 2004 г. № 57.

Временные (антикризисные) управляющие и привлеченные эксперты для выяснения вопроса о наличии (отсутствии) признаков ложной экономической несостоятельности (банкротства) руководствуются Инструкцией № 129. Использование содержащихся в ней методик позволяет определить, имеет или приобрела устойчивый характер неплатежеспособность должника, то есть определить наличие признаков состава преступления, предусмотренного статьей 238 УК.

В том случае, когда в представленных в хозяйственный суд должником заявлении и приложенных к нему документах содержатся сведения о неплатежеспособности должника, имеющей или приобретающей устойчивый характер, а временный (антикризисный) управляющий или эксперт установят факты несоответствия действительности представленных документов, имеют место признаки ложного банкротства.

Подделка документов, представленных в хозяйственный суд с целью признания должника экономически несостоятельным (банкротом), охватывается составом ложного банкротства и не требует дополнительной квалификации по статье 427 УК (служебный подлог).

Подачу в хозяйственный суд заявления должника с целью судебного признания его банкротом следует отличать от случаев самостоятельного объявления себя банкротом при отсутствии к тому оснований, которые не влекут ответственности по статье 238 УК.

Объявление себя банкротом возможно юридическим лицом при условии получения письменного согласия всех кредиторов должника и соблюдении иных условий, установленных Законом.

Субъект преступления, предусмотренного статьей 238 УК, специальный, им могут быть индивидуальные предприниматели и должностные лица юридического лица, уполномоченные в соответствии с законодательством на представление в хозяйственный суд заявления и документов о банкротстве. Иные лица, которые по сговору с уполномоченными должностными лицами осуществили подготовку документов, содержащих заведомо недостоверные сведения, подлежат ответственности за пособничество совершению данного преступления. Лица, подготовившие такие документы без сговора с указанными должностными лицами, могут быть привлечены к ответственности за преступления против интересов службы.

Руководитель юридического лица подлежит ответственности за ложное банкротство и в том случае, когда решение о ложном банкротстве принято учредителями (участниками) или собственником юридического лица, а он

знал о ложности такого решения и подал в хозяйственный суд заявление (и другие документы) о банкротстве.

Субъективная сторона преступления характеризуется виной в форме прямого умысла и обязательным признаком – наличием цели признания должника экономически несостоятельным (банкротом). Представляя хозяйственному суду ложную информацию, виновный сознает, что она не соответствует действительности. Обман хозяйственного суда в иных целях, а не с целью признания должника банкротом, а также отсутствие знания о ложности документов, не влекут ответственности по статье 238 УК. Не подлежат ответственности по данной статье лица, которые заблуждались относительно платежеспособности должника, независимо от тог, было ли их заблуждение добросовестным или не добросовестным.

Часть 2 статьи 238 УК предусматривает ответственность за совершение ложной экономической несостоятельности (банкротства), повлекшей причинение ущерба в особо крупном размере.

Согласно примечанию к главе 25 УК особо крупным размером ущерба признается размер ущерба на сумму, в тысячу и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления.

Данный состав является материальным. Под ущербом понимаются прямые материальные убытки кредиторов, вызванные невозвратом должником имущества, в том числе денежных средств. При этом размер ущерба определяется путем суммирования непогашенной задолженности перед всеми кредиторами.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология ПРОФ [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология ПРОФ [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

3. Об экономической несостоятельности (банкротстве): Закон Респ. Беларусь, 18 июля 2000 г., № 423-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология ПРОФ [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

4. О некоторых вопросах экономической несостоятельности (банкротства): Указ Президента Респ. Беларусь, 13 ноября 2003 г., № 508 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология ПРОФ [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

5. Об утверждении Типового положения о комиссии по предупреждению экономической несостоятельности (банкротства): постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 4 февр. 2004 г., № 126 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология ПРОФ [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

6. Об утверждении Инструкция по анализу и контролю за финансовым состоянием и платежеспособностью субъектов предпринимательской деятельности: постановлением Министерства финансов Респ. Беларусь, Министерства экономики Респ. Беларусь, Министерства статистики и анализа Респ. Беларусь, 14 мая 2004 г., № 81/128/65 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология ПРОФ [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

7. Об утверждении Инструкции по определению наличия (отсутствия) признаков ложного банкротства, преднамеренного банкротства, сокрытия банкротства или срыва возмещения убытков кредитору и подготовке заключений по данным вопросам: постановление Министерства экономики Респ. Беларусь, 20 июня 2008 г., № 129 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология ПРОФ [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

8. Об утверждении Инструкции по проведению экспертизы финансового состояния и платежеспособности организации, находящейся в процедуре экономической несостоятельности (банкротства): постановление Министерства экономики Респ. Беларусь, 27 февр. 2004 г., № 57 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология ПРОФ [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

9. Об утверждении Положения об аккредитации (признании полномочий) юридических и физических лиц на осуществление экспертной деятельности по вопросам экономической несостоятельности (банкротства) и улучшения финансового состояния должников: постановление Министерства экономики Респ. Беларусь, 11 февр. 2002 г., № 38 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология ПРОФ [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

10. Об утверждении Инструкции о порядке взаимодействия хозяйственных судов Республики Беларусь и Департамента по санации и банкротству Министерства экономики Республики Беларусь и признании утратившим силу постановления Министерства экономики Республики Беларусь от 16 дек. 2002 г. № 269: постановление Министерства экономики Респ. Беларусь, 1 нояб. 2007 г., № 193 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология ПРОФ [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

11. Об утверждении форм бухгалтерской отчетности, Инструкции о порядке составления и представления бухгалтерской отчетности и признании утратившими силу некоторых нормативных правовых актов Министерства финансов Республики Беларусь: постановление Министерства финансов Респ. Беларусь, 14 февр. 2008 г., № 19 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология ПРОФ [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

Дата поступления статьи – 14.09.2011.

В статье рассмотрены вопросы квалификации преступлений, связанных с экономической несостоятельностью (банкротством): ложной экономической несостоятельности (банкротства) (статья 238 УК); сокрытия экономической несостоятельности (банкротства) (статья 239 УК); преднамеренной экономической несостоятельности (банкротства) (статья 240 УК). Статья содержит анализ уголовного закона (характеристику всех элементов конкретного состава преступления) и тех нормативных правовых актов, знание которых позволяет правильно квалифицировать преступление.

The article contemplates issues of qualification of crimes, connected with economic insolvency (bankruptcy): false economic insolvency (bankruptcy) (art. 238 of the Criminal Code); concealment of economic insolvency (bankruptcy) (art. 239 of the Criminal Code); deliberate economic insolvency (bankruptcy) (art. 240 of the Criminal Code). The article analyses criminal law (characteristics of all elements of specific elements of crime) and legal acts that need to be known to qualify crimes correctly.

ПОНЯТИЕ «УКРЫВАТЕЛЬСТВО ПРЕСТУПЛЕНИЙ» В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Глухова О.В.

Несомненно, что от точности и корректности законодательного определения понятия и признаков преступления напрямую зависит действенность соответствующей нормы, правильность правоприменительной практики и, в конечном итоге, гарантированность основных прав и свобод человека в уголовно-правовой сфере. В полной мере это относится и к понятию «укрывательство преступлений», которое на сегодняшний день является одним из малоизученных в белорусском уголовном праве. Последние глубокие исследования в этой области проводились в 60–80-е годы XX века в монографиях по вопросам прикосновенности к преступлению Г. Баймурзина, И.А. Бушуева, Г. Виттенберга и П. Панченко, М.Х. Хабибуллина и т.д. Затем наблюдается практически 20-летний период забвения рассматриваемой проблематики, интерес к которой возродился только в последние пятнадцать лет среди российских ученых (А.Д. Макаров, В.Г. Трифонов, А.П. Козлов и др.). Белорусскими правоведами исследования в данной области не проводились. Изучение понятия «укрывательство преступлений» предполагает использование общефилософского диалектического метода познания, анализа литературных и правовых источников, обобщения полученных данных, формально-юридического и сравнительно-правового методов.

Укрывательство преступлений в соответствии с действующим уголовным законом бывает двух видов: заранее обещанное и заранее не обещанное.

Объектом данного исследования выступают общественные отношения в связи с заранее не обещанным укрывательством, которое состоит «не в помощи к совершению преступления, а в действиях, имеющих целью парализовать юстицию» [1, с. 160].

В науке уголовного права выработан ряд подходов к определению понятия укрывательства.

Различаются понятия укрывательства в широком смысле (общее понятие) и в узком (заранее не обещанное укрывательство в собственном смысле этого слова). К примеру, определения А.С. Горелика и Л.В. Лобановой:

1. Укрывательство – это сокрытие преступника или преступления, то есть орудий и средств совершения преступления, следов преступления либо предметов, добытых преступным путем.

2. Заранее не обещанное укрывательство – деятельность лица, которое не участвовало в совершении преступления в качестве исполнителя или другого соучастника, то есть не оказывало и заранее не обещало оказать какую-либо помощь исполнителю, но после совершения им преступления приняло меры по сокрытию преступника или следов преступления [2, с. 202–203].

Г. Баймурзин выделяет только укрывательство в собственном смысле слова. Заранее обещанное укрывательство, по его мнению, «правильнее было бы именовать интеллектуальным пособничеством в форме обещания скрыть преступника или следы преступления, поскольку сам факт укрывательства в данном случае не содержит признаков уголовно-наказуемого деяния» [3, с. 96].

Термин «укрывательство» в большинстве изученных источников и в данной работе понимается именно только как деятельность, заранее не обещанная.

Современные российские правоведы подвергают критике понятие укрывательства, отраженное в ст. 316 УК Российской Федерации: «Заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений…». Приведенная диспозиция является простой, называет деяние, не раскрывая его признаков, что и вызывает нарекания. А.Д. Макаров признает более удачными нормы УК РСФСР 1960 г., в Общей части которого имелась статья, раскрывавшая содержание укрывательства. Он также предлагает в диспозиции ст. 316 УК РФ назвать предмет укрывательства – преступник, следы преступления, орудия и средства совершения преступления, предметы, добытые преступным путем [4, с. 92–93].

Не удовлетворяет ученых и наименование статьи «Укрывательство преступления». Имеются суждения о необходимости заменить его на «Укрывательство преступления и преступника» [5, с. 39] либо «Укрывательство преступления и лица, его совершившего» [4, с. 93]. С одной стороны, это более соответствует содержанию нормы, с другой – будет оказывать профилактическое воздействие на граждан даже без ознакомления с ее текстом.

Изучение зарубежного уголовного законодательства показывает, что в абсолютном большинстве нормы об укрывательстве имеют описательные

диспозиции, отличающиеся разной степенью конкретизации признаков наказуемого деяния. Как простые сформулированы диспозиции ст. 396 УК Украины и ст. 180 УК Эстонской Республики, однако в Общих частях этих кодексов содержатся более развернутые определения (ч. 6 ст. 27 УК Украины, ст. 18 УК Эстонской Республики). Для некоторых уголовных законов характерно слишком подробное описание признаков укрывательства, что также неудачно, поскольку делает норму достаточно сложной для восприятия и уяснения сущности рассматриваемого состава преступления. Например, по ст. 451 УК Испании наказывается тот, кто примет участие в преступлении после его совершения: 1) оказывая помощь исполнителям или соучастникам в получении выгоды, дохода или цены за преступление, без умысла собственной выгоды; 2) скрыв, изменив или уничтожив труп, имущество или орудие преступления, с целью помешать его раскрытию; 3) помогая лицам, гипотетически ответственным в преступлении, уклониться от расследования, осуществляемого должностными лицами или представителями власти, либо помогая им скрыться от их розыска или ареста при наличии ряда обстоятельств, указанных в данной статье.

В ч. 1 ст. 405 УК Республики Беларусь содержится следующее определение: «Заранее не обещанное укрывательство лица, совершившего тяжкое преступление, либо орудий и средств совершения этого преступления, следов преступления или предметов, добытых преступным путем». По ч. 2 данной статьи наказывается то же деяние в отношении особо тяжкого преступления. Таким образом, конструкция диспозиции ст. 405 УК выглядит вполне удачной. В ней отсутствует схематичность, не позволяющая однозначно определить сущность укрывательства как преступления, и излишняя детализация его признаков, которая может быть дана в комментарии к законодательству. Тем не менее, на наш взгляд, требуется внести ряд редакционных изменений в рассматриваемую норму уголовного закона.

Во-первых, исчерпывающий перечень способов укрывательства дать не возможно, в законе он должен быть оставлен открытым. В зависимости от конкретных обстоятельств дела, личностных качеств, фантазии, возможностей преступников (укрывателя и укрываемого) способы сокрытия могут быть различными – от самых простых до наиболее изощренных. Поэтому согласимся с А.П. Козловым в том, что более целесообразно сделать акцент в диспозиции статьи на укрывательство, совершенное любым способом [6, с. 99].

С данным вопросом связана обсуждаемая в научной литературе проблема возможности так называемого интеллектуального укрывательства. Его противники ссылаются на то, что: 1) укрывательство – действия только физические «по смыслу закона» [7, с. 48; 8, с. 76], исходя «из филологического значения понятия укрывательства» [3, с. 104]; 2) интеллектуальное укрывательство не имеет самостоятельного уголовно-правового значения, либо вовсе не наказуемо, либо наказуемо как иное преступление против правосудия.

Эти доводы сомнительны, потому что, с одной стороны, на практике вполне вероятны случаи совершения укрывательства, не связанного с физи-

ческими действиями (например, предоставление ложных сведений во время проведения оперативно-розыскных мероприятий, предупреждение преступника о предстоящем задержании, дача советов о том, где и как «безопаснее» укрыться и т. д.). С другой стороны, в понятии укрывательства акцент делается лишь на указание активной формы поведения лица без уточнения ее конкретных проявлений. Возможны ситуации перерастания интеллектуального укрывательства в физическое или их одновременное присутствие в деянии лица, поэтому данная классификация для квалификации в целом безразлична и не нуждается в законодательном закреплении, но должна быть учтена в УК, чтобы правоприменительные органы могли справедливо решать вопрос об ответственности во всех случаях совершения действий, реально способствующих сокрытию преступления, безотносительно к их конкретному способу.

Во-вторых, желательно ввести в ст. 405 УК указание на возможность совершения укрывательства только умышленным действием в отношении преступления, совершенного другим лицом. Сознанием укрывателя должны охватываться: а) характер укрываемого преступления и б) общественная опасность собственного деяния.

В литературе признается обязательным признаком субъективной стороны укрывательства цель – скрыть преступление [9, с. 18–19; 10, с. 77; 11, с. 19]. Думается, что здесь происходит смешение волевого момента умысла и предполагаемой цели укрывательства. Из того, что лицо желает совершать противоправные действия по укрывательству преступления, делается вывод о том, что оно стремится к достижению цели скрыть преступление, противодействовать органам уголовного преследования. Если следовать такой логике, то любое преступление, совершаемое с прямым умыслом, должно иметь цель как обязательный признак субъективной стороны, что неверно. Кроме того, сторонники этого подхода упорно говорят об общественно опасном результате (неизобличение преступления), к которому должен «субъективно стремиться» укрыватель [3, с. 105; 9, с. 18], игнорируя конструкцию объективной стороны укрывательства, имеющего формальный состав. Желание совершить действия по сокрытию преступления не обязательно должно преследовать цель воспрепятствовать органам правосудия в их деятельности. Например, действуя из страха, виновный укрывает преступника, имея цель самозащиты, охраны своего здоровья, имущества и т. п. от посягательств со стороны укрываемого. Укрывательство может иметь и другие цели, в том числе благие, по мнению укрывателя; он может руководствоваться различными мотивами, не только низменными. Таким образом, не следует указывать в понятии укрывательства названную цель в качестве обязательной. Укрывательство следует признавать преступлением независимо от мотивов и целей.

В-третьих, нуждается в корректировке подход законодателя к определению субъекта заранее не обещанного укрывательства преступлений. Уголовные законы многих государств предусматривают возможность освобождения от ответственности родственников укрываемого преступника. В соот-

ветствии с примечаниями к ст. 316 УК Российской Федерации и ст. 363 УК Республики Казахстан не подлежат ответственности за укрывательство супруг и близкие родственники лица, совершившего преступление. Аналогичная рекомендация дана странам-участницам СНГ в примечании к ст. 326 Модельного УК. Согласно § 2 ст. 239 УК Республики Польша, не подлежит наказанию виновный, который укрывает самое близкое ему лицо – супруга, родственников по восходящей и нисходящей линии, братьев и сестер, свойственников по той же самой линии или степени, лиц усыновленных и их супругов, а также совместно проживающих лиц. По ст. 454 УК Испании укрыватель освобождается от наказания, если он является супругом, лицом, находящимся в устойчивой связи, подобной брачным отношениям, восходящим или нисходящим родственником, родным или приемным братом или другим родственником такой же степени родства виновному.

Конституционный Суд Республики Беларусь в Заключении от 25 марта 1999 г. № З-77/ 99 определил, что ответственность за укрывательство близких родственников или членов семьи лица, совершившего преступление, может быть поставлена в зависимость не только от степени общественной опасности совершенного преступления, но и от формы совершаемых действий и мотивов их совершения. Нередко указанные лица могут оказаться в таких ситуациях, когда страх перед угрозой наказания, которому будет подвергнуто близкое им лицо, явится наиболее значимым мотивом, предопределившим характер их поведения. Отсюда не исключается возможность предусмотреть норму об освобождении от ответственности близких родственников и членов семьи лица, совершившего преступление, за его заранее не обещанное укрывательство.

Безусловное освобождение от уголовной ответственности за укрывательство родственников виновного нецелесообразно с точки зрения опасности укрываемого преступления, защиты наиболее важных конституционных прав граждан (жизни, здоровья, общественной безопасности и т. п.).

Вместе с тем можно назвать категории лиц, с которыми у субъекта, совершившего основное преступление, имеются более тесные взаимоотношения, чем даже с членами семьи и близкими родственниками. Поэтому следует при установлении факультативности наказания за укрывательство не обусловливать «близость» только родственными отношениями [12, с. 64]. Употребление в норме об освобождении от ответственности понятия «близкие» позволит охватить все вероятные случаи совершения укрывательства в связи с особыми доверительными, дружескими отношениями между укрываемым и укрывателем.

Изменение наименования ст. 405 УК, на наш взгляд, не вызвано необходимостью. Понятием «укрывательство преступления» охватывается и укрывательство лица, его совершившего, что вытекает из признания субъекта обязательным элементом состава любого преступления. Сокрытие преступника – один из способов укрывательства совершенного им преступления, наравне с со-

крытием орудий, средств, следов преступления, добытых преступным путем предметов, поэтому нет оснований особо выделять его в названии статьи.

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу о необходимости изменения ч. 1 ст. 405 УК Республики Беларусь и определить понятие укрывательства следующим образом: «1. Заранее не обещанные сокрытие лица, совершившего тяжкое преступление, либо орудий и средств совершения этого преступления, следов преступления или предметов, добытых преступным путем, либо иные умышленные действия, направленные на сокрытие тяжкого преступления, совершенного другим лицом (укрывательство преступления)».

Необходимо дополнить ст. 405 УК Примечанием следующего содержания: «С учетом личности виновного и лица, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление, мотивов и целей содеянного, характера и степени общественной опасности совершенного преступления и иных обстоятельств дела, от уголовной ответственности за укрывательство могут быть освобождены близкие лица, совершившего преступление».

Список использованных источников

1. Лохвицкий, А.В. Курс русского уголовного права / А.В. Лохвицкий. – СПб.: Скоропечатня Ю.О. Шрейера, 1871. – 710 с.

2. Горелик, А.С. Преступления против правосудия / А.С. Горелик, Л.В. Лобанова. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2005. – 491 с.

3. Баймурзин, Г. Ответственность за прикосновенность к преступлению / Г. Баймурзин. – Алма-Ата: Наука, 1968. – 188 с.

4. Макаров, А.Д. Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.Д. Макаров. – М., 2004. – 176 с.

5. Косякова, Н. Укрывательство преступления и преступника / Н. Косякова // Законность. – 1998. – № 10. – С. 38–40.

6. Козлов, А.П. Соучастие: традиции и реальность / А.П. Козлов. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 362 с.

7. Хакимов, И.Х. Ответственность за прикосновенность к хищению социалистического имущества / И.Х. Хакимов. – Ташкент: Фан, 1982. – 124 с.

8. Чучаев, А.И. Преступления против правосудия / А.И. Чучаев. – Ульяновск: Дом печати, 1997. – 80 с.

9. Виттенберг, Г. Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву: учеб. пособие / Г. Виттенберг, П. Панченко. – Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1976. – 50 с.

10. Гелашвили, В.С. Заранее не обещанное укрывательство – преступление против правосудия / В.С. Гелашвили // Вестник Московского университета. Серия «Право». – 1978. – № 3. – С. 74–78.

11. Трифонов, В.Г. Заранее не обещанное укрывательство преступлений и несообщение о них как виды прикосновенности к преступлению: автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.Г. Трифонов; Санкт-Петерб. ун-т МВД России. – СПб., 2000. – 26 с.

12. Исаев, М. О наказуемости родственного укрывательства и недоносительства // Советское право. – 1924. – № 1(7). – С. 48–64.

Дата поступления статьи – 14.09.2011.

Настоящая статья посвящена детальному рассмотрению содержания понятия «укрывательство преступления» с позиций науки уголовного права и его законодательного закрепления. Анализируются различные определения данного понятия, предлагаемые учеными-правоведами, а также содержащиеся в нормах уголовных законов некоторых зарубежных стран. Приводятся дефиниции понятия «укрывательство преступлений» в широком и в узком смысле этого слова. Обосновывается правильность его употребления применительно только к составу заранее не обещанного укрывательства преступлений, нецелесообразность распространения на такие же заранее обещанные действия, которые относятся к интеллектуальному пособничеству преступлению. По итогам проведенного исследования автором формулируется и предлагается на обсуждение новая редакция части 1 статьи 405 Уголовного кодекса Республики Беларусь и примечание к данной статье.

The article is devoted to detailed consideration of the essence of “crime concealment” concept from the point of view of criminal Law science and its legislative fastening. Various definitions of this concept offered by scientists-jurists and also those being in the norms of criminal laws of foreign countries are analyzed. The definitions of “crime concealment” concept in the wide and narrow sense of this world are given. The correctness of its use towards the structure of previously non-promised crime concealment, inexpediency of distribution on the same previously promised actions concerning intellectual complicity to crime is proved. According to the carried out research the author formulates and suggests the discussion of a new edition of part 1 of article 405 of Criminal Code of the Republic of Belarus and the notes to the given article.

БОРЬБА С ЛЕГАЛИЗАЦИЕЙ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Жубрин Р.В.

Тенденция роста транснациональной организованной преступности и связанной с ней легализации преступных доходов характерна сегодня для многих стран мира. Получая преступные доходы в одной стране, преступники переводят их за рубеж с целью сохранения и придания правомерного вида обладания ими. Специфика схем по отмыванию преступных доходов такова, что в них практически всегда присутствуют иностранные контрагенты.

В России наиболее распространенными способами совершения легализации преступных доходов по внешнеэкономической деятельности является перечисление по фиктивным контрактам денежных средств со счетов фирм-однодневок, открытых в банках Российской Федерации, на банковские счета

фирм, зарегистрированных за рубежом; совершение множества запутанных сделок с ценными бумагами в интересах зарубежных компаний. Особо крупные денежные переводы осуществляются в пользу зарубежных фирм, зарегистрированных в Великобритании, Кипре, Новой Зеландии на расчетные счета в банках Латвии, Кипра, Литвы, Эстонии. В результате из России ежегодно нелегально вывозится порядка 1,5–2 трлн руб.

Впоследствии незаконно вывезенные денежные средства инвестируются в экономику России. Например, по данным Росстата, Кипр, не являющийся экономически развитой державой, занимает первое место по объему инвестиций в Россию (14,5 млрд. долл. США), опережая Нидерланды (12,3 млрд долл. США) и Виргинские острова (5,8 млрд долл. США).

Правоохранительными органами России уделяется значительное внимание противодействию преступности во внешнеэкономической сфере, в том числе легализации преступных доходов. Ежегодно регистрируется порядка нескольких сотен преступлений данного вида.

Количество преступлений, предусмотренных ст.ст. 174, 174.1 УК РФ, выявленных во внешнеэкономической сфере:

Статьи УК РФ	2006	2007	2008	2009	2010
Ст. 174	178	36	22	41	2
Ст. 174.1	388	408	470	581	131

Анализ статистических показателей свидетельствует о снижении количества зарегистрированных преступлений данного вида в 2010 г. Основной причиной снижения является либерализация уголовного закона. Федеральным законом от 07.04.2010 № 60-ФЗ в шесть раз (с 1 до 6 млн. руб.) повышено значение крупного размера для уголовной ответственности за легализацию преступных доходов (ст.ст. 174, 174.1 УК РФ). При этом указанная сумма является пороговой для привлечения к уголовной ответственности за отмыванием лицом полученных им преступных доходов (ст. 174.1 УК РФ).

Кроме того, ст. 174.1 УК РФ дополнена указанием на цель совершения сделок и финансовых операций с преступными доходами: придание правомерности владению, пользованию и распоряжению ими. Указанную новацию следует оценить как положительную. Ранее следователи в качестве отмывания преступных доходов, в том числе во внешнеэкономической деятельности, зачастую рассматривали малозначительные сделки с имуществом или денежными средствами, полученными преступным путем, направленные на различные формы потребления без цели придания правомерности обладанию ими.

Негативное влияние на уровень зарегистрированных преступлений оказывают и недостатки в деятельности правоохранительных органов. Сталкиваясь при расследовании хищений, корыстных злоупотреблений, связанных с получением значительных преступных доходов, следователи зачастую не выдвигают версий о легализации преступно полученных доходов, не интересуются тем, куда пошли криминальные деньги, иное имущество, какие

операции, сделки совершены с ними. Несмотря на распространенность практики криминального вывоза капитала следователи не всегда обращаются к иностранным государствам за правовой помощью с целью установления и ареста денежных средств, полученных преступным путем. Информация о выводе денежных средств за рубеж, представляемая Росфинмониторингом по запросам правоохранительных органов, не всегда содержит исчерпывающие сведения о совершенных сделках, финансовых операциях, новых владельцах.

Изучение уголовных дел о преступлениях, связанных с отмыванием преступных доходов в сфере внешней экономики, свидетельствует, что преступлениям данной категории во многом способствуют офшорные фирмы и банки, которые имеют свои представительства и осуществляют предпринимательскую деятельность на территории России. По данным Росстата и Федеральной таможенной службы (ФТС) прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в российскую экономику в 2010 году из офшорных стран и колониальных территорий составили 35 % от всех ПИИ. В перечне стран и территорий – прямых инвесторов Российской Федерации появились и вовсе «экзотические»: например, автономные от США Маршалловы острова, Британская территория в Индийском океане, Сейшельские острова, Доминика, Белиз, Британские острова Теркс и Кайкос.

Являясь налоговыми убежищами, офшоры стимулируют приток капиталов, в том числе и криминальных. В надежде на строжайшую секретность коррупционеры и экономические преступники активизируют свою деятельность по сколачиванию капиталов и вывозу их за рубеж, на счета офшоров, откуда они могут быть переброшены в любое место на карте мира. Например, Т. совместно с Г. совершили хищение имущества ОАО «Газпром» путем мошенничества. Полученные в результате хищения денежные средства в сумме 46 млн. долл. США Т., перевел с расчетного счета ЗАО «Медиа-Мост» в пользу КБ «Мост-Банк», после чего денежные средства зачислены на валютные счета иностранных компаний АКОО «Медиа-Мост ЛТД» и АКОО «Медиа-Мост БИ ВИ», открытые в этом же банке. Затем по платежным поручениям денежные средства переведены с валютного счета в ОАО КБ «Мост-Банк» в банк Лойдс Банк (Гибралтар) на счета АКОО «Медиа-Мост ЛТД».

Затем, приобретя за счет этих денежных средств телевизионное оборудование, на сумму 20 млн. долл. США, что было эквивалентно 340 млн. руб., Т. и Г. использовали его в качестве взноса компании НТТ в уставной капитал ЗАО «НТВ-плюс», выкупив 34 млн. его акций. Другую часть телевизионного оборудования, приобретенного за счет похищенных денежных средств, на сумму 785 315 английский фунтов стерлингов, эквивалентную 28 539 360 руб., Т. и Г. от имени компании «НТТ» внесли в качестве взносов в уставной капитал ЗАО «ТНТ-Телесеть», выкупив 3 141 260 акций. Часть денежных средств, полученных от ОАО «Газпром», и обращенных незаконно в свою собственность, Г., по предварительному сговору с Т., использовал в сумме

12,5 млн. долл. США для перевода в Израиль. Таким образом, Т. совместно с Г. совершил легализацию имущества, полученного преступным путем.

Офшорные компании используются также для сокрытия личности реального владельца долей и паев юридических лиц, что позволяет избежать ответственности за совершенные правонарушения. Например, руководство организацией осуществляется управляющей компанией в интересах третьей компании, находящейся в офшоре, или офшорная компания владеет контрольным пакетом акций второй компании, которая в свою очередь владеет контрольным пакетом акций третьей компании и т. д.

По разным оценкам, в офшорах действует от 80 до 100 тыс. российских структур [1, с. 45–47]. Большинство из них временные, регистрируемые на одну – две сделки, для серьезных проектов создаются цепочки фирм. Характерно, что в связи с процессом ликвидации офшоров в Западной Европе, российские предприниматели активно переходят в азиатские или латиноамериканские офшоры.

Значительное негативное влияние легализации преступных доходов на экономику России требует соответствующих мер противодействия. В этих целях предусмотрены существенные ограничения для участия офшорных компаний в предпринимательской деятельности на территории России. В ряде случаев предпринимательская деятельность таких компаний, установление с ними деловых отношений запрещаются. Так, офшорные компании не могут быть акционерами (участниками) специализированного депозитария, заключившего договор об оказании услуг с фондом, осуществляющим формирование накопительной части трудовой пенсии, и управляющей компанией, осуществляющей инвестирование средств пенсионных накоплений [2]. В соответствии со ст. 7 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» кредитным организациям запрещается устанавливать и поддерживать отношения с банками-нерезидентами, не имеющими на территориях государств, в которых они зарегистрированы, постоянно действующих органов управления.

В других случаях установление отношений с офшорными организациями должно отвечать ряду условий. Так, согласно ст. 28 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» [3] уполномоченные банки вправе устанавливать корреспондентские отношения с банками-нерезидентами, зарегистрированными в офшорных зонах при соблюдении одного из следующих условий:

– банк-нерезидент имеет размер собственных средств (капитала) не менее суммы, эквивалентной 100 млн. евро и представил копии аудиторских заключений о достоверности своей финансовой отчетности с ее приложением за последние три года деятельности, документы, подтверждающие наличие у банка-нерезидента постоянного офиса в государстве, где он зарегистрирован;

– банк-нерезидент имеет высокий международный рейтинг [4]. При этом кредитные организации формируют резерв на возможные потери под операции с резидентами офшорных зон [5].

Противодействие нарушениям закона, в частности преступлениям, совершаемым с использованием офшорных компаний, требует повышения прозрачности финансового рынка, для чего устанавливаются законодательные требования о раскрытии истинных владельцев имущества и компаний. Например, в соответствии со ст. 84.1 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [6] в добровольном предложении юридического лица о приобретении более 30 процентов акций открытого общества дополнительно указываются сведения обо всех лицах, которые имеют 10 и более процентов голосов в высшем органе управления этого юридического лица и зарегистрированы в офшорных зонах. При этом представляется также информация о лицах, в интересах которых осуществляется владение акциями (долями) юридического лица, зарегистрированного на территории офшорной зоны.

Однако указанные положения законов хоть и способствуют раскрытию информации, не позволяют в полной мере устанавливать реальных владельцев компаний и противодействовать незаконному использованию офшоров. В целях выявления незаконных операций офшорных компаний представляется необходимым дополнить Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ положением об обязательном контроле операций и сделок, стороной по которым является лицо, проживающее или зарегистрированное в офшорной юрисдикции. В целях противодействия незаконному вывозу капитала в перечень сделок, подпадающих под обязательный контроль, могут быть включены операции по возврату резидентами на свои банковские счета экспортной выручки, а также по возврату средств, уплаченных за неввезенные на таможенную территорию России товары, невыполненные работы, неоказанные услуги либо за непереданные информацию или результаты.

Необходимо внести также изменения в Федеральные законы «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 08 августа 2001 г. № 129-ФЗ [7], «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» от 09 июля 1999 г. № 160-ФЗ [8], предусмотрев обязанность юридического лица – резидента оффшорных государств и территорий раскрывать информацию о своих реальных владельцах при регистрации на территории Российской Федерации с предоставлением регистрирующему органу права отказывать в государственной регистрации в случае не предоставления такой информации.

Деятельности офшорных компаний, связанных с легализацией преступных доходов, способствует также отсутствие в российском законодательстве обязанности для организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, устанавливать структуру собственности юридических лиц - клиентов и лиц, их контролирующих. Указанный

недостаток отмечается экспертами ФАТФ, как нарушение 5 рекомендации ФАТФ.

В соответствии с международными рекомендациями определение выгодоприобретателя (бенефициара) в Федеральном законе «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» требует расширения. В нем необходимо указать, что выгодоприобретателем является любое лицо, к выгоде которого действует профессиональный посредник (владельцы инвестиционных паев, доверяемого имущества и т. п.), а также лицо, контролирующие юридическое лицо – клиента (владельцы акций, долей).

Совершенствованию законодательства о противодействии легализации преступных доходов во внешнеэкономической деятельности будет способствовать ратификация Россией Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и финансировании терроризма (заключена 16 мая 2005 года в Варшаве) и имплементация ее положений в российское законодательство. В соответствии со ст. 14 Конвенции подозрительная операция может быть приостановлена для проверки ее связи с легализацией преступных доходов. Имплементация данного положения позволит расширить основания приостановления подозрительных операций в российском законодательстве. В настоящее время приостановлению подлежат операции только тех субъектов, в отношении которых имеются сведения об их участии в террористической деятельности.

Помимо законодательных мер усилению борьбы с транснациональной легализацией преступных доходов будет способствовать совершенствование деятельности правоохранительных органов. Правоохранительным и государственным контролирующим органам России в общих чертах известны каналы легализации значительных денежных средств, полученных преступным путем, в том числе связанные с незаконным вывозом капитала. Однако деятельность по выявлению организаторов и участников подобных схем осуществляется слабо, чем в значительной степени пользуются недобросовестные работники финансовых организаций, в том числе из стран ближнего зарубежья. Необходима организация из сотрудников Следственного комитета, ФСБ РФ, МВД РФ, ФТС РФ следственно-оперативной группы, которая бы во взаимодействии с Росфинмониторингом на постоянной основе осуществляла выявление и расследование легализации преступных доходов международного характера. Последовательная работа этой группы в течение нескольких лет позволила бы принять меры к выявлению предикатных преступлений и пресечению установленных каналов «отмывания», в том числе посредством ликвидации недобросовестных финансовых компаний, устранения недостатков законодательства и иных факторов, способствующих легализации преступных доходов. Значительную пользу деятельность такой группы принесла бы для борьбы с организованной преступностью, коррупцией.

Важное значение в организации борьбы с легализацией преступных доходов имеет координационная деятельность прокуратуры. Наиболее акту-

альные проблемы организации работы по противодействию легализации преступных доходов необходимо рассматривать на координационных совещаниях руководителей правоохранительных органов, разрабатывать и осуществлять мероприятия по повышению эффективности взаимодействия в этой сфере. Для участия в координационных совещаниях целесообразно привлекать представителей государственных органов, осуществляющих контроль исполнения законов о противодействии легализации преступных доходов.

Опыт работы прокуратуры Российской Федерации свидетельствует о высокой эффективности деятельности постоянных межведомственных рабочих групп, состоящих из сотрудников прокуратуры, правоохранительных и государственных контролирующих органов. Подобные группы обеспечивают слаженное и последовательное взаимодействие различных государственных органов, способствуют выявлению и пресечению деятельности фирм-однодневок, нарушений закона в кредитно-финансовой, внешнеэкономической сфере, в том легализации преступных доходов. Успех межведомственных групп объясняется использованием комплекса средств, включающих прокурорский надзор, государственный контроль, оперативно-розыскную деятельность и следствие. Основываясь на имеющемся опыте, возможно принятие нормативно-правового акта, регламентирующего деятельность таких групп, которая координировалась бы на федеральном уровне.

Список использованных источников

1. Левицкий, Л. Офшоризация всей страны перевела российскую экономику под чужую юрисдикцию // Российская Федерация сегодня. – 2004. – № 11 – С. 45–47.

2. Федеральный закон от 07.05.1998 № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах»//Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 19. – С. 2071.

3. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства РФ, 05.02.1996. – № 6. – С. 492.

4. Указание Банка России от 07.08.2003 № 1317-У «О порядке установления уполномоченными банками корреспондентских отношений с банками-нерезидентами, зарегистрированными в государствах и на территориях, предоставляющих льготный налоговый режим и (или) не предусматривающих раскрытие и предоставление информации при проведении финансовых операций (офшорных зонах)»// Вестник Банка России. – 2003. – № 51.

5. Указание Банка России от 22.06.2005 № 1584-У «О формировании и размере резерва на возможные потери под операции кредитных организаций с резидентами офшорных зон»// Вестник Банка России. – 2005. – № 38.

6. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ. – 1996 – № 1. – С. 1.

7. Федеральный закон от 08 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 33 (часть I). – С. 3431.

8. Федеральный закон от 09 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 28. – С. 3493.

Дата поступления статьи – 30.05.2011.

Статья посвящена вопросам противодействия легализации преступных доходов, как транснациональному преступлению. Дается анализ показателей преступности данного вида во внешнеэкономической сфере, обстоятельств их совершения, связанного с использованием офшорных юрисдикций. Рассматривается совокупность нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность офшорных компаний на территории Российской Федерации. На основе проведенного анализа даются рекомендации о совершенствовании законодательства, направленного на противодействие неправомерному использованию офшорных компаний.

The issues of combating legalization of criminally obtained assets as transnational crime are tackled in the article with analysis of criminal indicators thereof in foreign trade, circumstances of committing such crime in off-shore jurisdictions. Author provides overview of legal authorities regulating activity of off-shore companies in the territory of the Russian Federation. It contains proposals to improvement of laws designed to counteract illegal use of off-shore companies.

НЕДОСТАТКИ, ДОПУСКАЕМЫЕ СУДАМИ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ

Иманбаев С.М.

Анализ практики назначения наказания за преступления в сфере незаконного оборота предметов вооружения свидетельствует о том, что нередко при вынесении приговоров по указанной категории уголовных дел суды допускают ошибки, вызванные как объективными, так и субъективными факторами. В этой связи, в рамках данной статьи остановимся только на некоторых типичных недостатках, допускаемых судами при назначении наказания за преступления в сфере незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Во-первых, не по всем уголовным делам органами предварительного следствия и судами проводились мероприятия, направленные на установление данных, характеризующих личность виновного лица. Как правило, они были ограничены сбором характеристик и сведений о прежней судимости таких обвиняемых без учета мотивации совершения указанных преступлений и их характера, как посягающих на основы общественной безопасности.

Во-вторых, в подавляющем большинстве уголовных дел отсутствуют материалы проверки отрицательных сторон жизни и деятельности виновного, полученные органами следствия. К примеру, только в 23 % изученных уголовных дел, в которых содержались сведения о злоупотреблении виновным спиртными напитками, органами предварительною следствия из медицинского вытрезвителя, наркологического диспансера, по месту жительства были истребованы данные, подтверждающие такую информацию. Из 19 уголовных дел, содержащих информацию о привлечении виновного к административной ответственности, только в 3 делах (16 %) находилась копия протокола об административном правонарушении.

В-третьих, вследствие указанных причин в приговорах суда отсутствует объективная оценка личности виновного лица. Более того, в 38 % уголовных дел приговор вообще не содержит упоминания о личности виновного. В 22 % приговоров оценка личности представлена не в полном объеме, который был определен материалами уголовного дела.

Между тем, на основе проведенного анализа архивных материалов уголовных дел данные, характеризующие личность виновного лица, которые в обязательном порядке должны быть учтены при назначении наказания за преступные деяния, связанные с незаконным оборотом предметов вооружения, имеют значимый характер и для оценки степени общественной опасности при совершении указанных преступных деяний. Оценка общественной опасности данных преступлений как посягающих на общественную безопасность в значительной степени зависит и от общей социально-ориентированной характеристики лиц, совершающих эти преступления. К числу таковых следует отнести:

– характеристики виновного, как положительные, так и отрицательные, включающие отношение лица к ближайшему социальному окружению и правопорядку, к общепринятой системе обеспечения общественной безопасности;

– поведение виновного лица в прошлом, его изменение, наличие антиобщественных установок и привычек, предрасполагающих на совершение деяний общеопасного характера;

– семейное положение и состояние здоровья виновного лица;

– факты привлечения лица ранее к административной ответственности и характер допущенных противоправных деяний;

– прежние заслуги виновного лица.

Следует отметить, что среди изученных уголовных дел имеют место факты (9 %), когда при назначении наказания за преступления в сфере незаконного оборота предметов вооружения суды, давая оценку личности виновного, учитывали наличие у него малолетних детей. Хотя это обстоятельство очень важное, но его следует относить не к личности виновного лица при оценке степени опасности содеянного, а к влиянию условий жизни его семьи на назначаемое наказание.

Для определения вида и размера наказания существенное значение имеют обстоятельства, смягчающие и отягчающие уголовную ответственность и наказание. Обстоятельства, предусмотренные статьями 53 и 54 УК Казахстана, охватывают наиболее типичные и распространенные для разнообразных случаев совершения преступления. Проведенный анализ таких обстоятельств, учитываемых судом при назначении наказания за преступления в сфере незаконного оборота предметов вооружения, позволяет решить ряд проблем:

– выяснить, какие из этих обстоятельств (признаков), находящихся за рамками состава преступления, подлежат установлению при расследовании этих преступлений;

– указать на то, в какой степени они должны быть учтены судом;

– определить степень влияния данных обстоятельств на индивидуализацию назначения наказания.

Перечень обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность и наказание, согласно ч. 2 ст. 53 УК Казахстана не является исчерпывающим. При назначении наказания могут быть учтены и иные обстоятельства, не предусмотренные в ч. 1 ст. 53 УК Казахстана. Проведенный анализ уголовных дел позволяет сделать вывод, что суды при назначении наказания за преступления в сфере незаконного оборота предметов вооружения наиболее часто в качестве смягчающих обстоятельств учитывают такие, как: признание вины и раскаяние; совершение преступления лицом, ранее не судимым и др.

В целом перечень смягчающих обстоятельств, установленный в ходе проведенного исследования, позволяет говорить об относительно небольшом количестве таковых. По-видимому, такой подход суда к оценке смягчающих обстоятельств объясняется особым характером этих преступлений. Однако следует констатировать, что некоторые смягчающие уголовную ответственность и наказание обстоятельства не были установлены в ходе предварительного расследования и рассмотрения уголовных дел, несмотря на то, что их наличие было вполне очевидно.

В подтверждение приведем пример из уголовного дела по обвинению Д. по ч. 1 ст. 255 УК Казахстана. Так, Д., воспользовавшись отсутствием соседа К., тайно проник в его дачный домик, откуда похитил карабин «Сайга-20». В ходе предварительного следствия было установлено, что К. постоянно злоупотреблял спиртными напитками, после чего устраивал стрельбу из карабина рядом с дачным участком Д. На неоднократные замечания Д. прекратить такие действия К. не реагировал и продолжал вести себя крайне агрессивно. В качестве смягчающего обстоятельства суд при назначении наказания учел лишь добровольное возмещение имущественного ущерба (п. «д» ч. 1 ст. 53 УК Казахстана). В приговоре суд, мотивируя обоснованность и справедливость назначенного наказания, указал: «Преступление, совершенное Д., обусловлено сильным волнением, возникшим в связи с нарушением К. спокойствия семьи Д.» [1]. Таким образом, в действиях Д. усматривается еще одно смягчающее уголовную ответственность и наказание об-

стоятельство – противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления (п. «и» ч. 1 ст. 53 УК Казахстана).

По нашему мнению, столь серьезные упущения при установлении смягчающих обстоятельств совершения преступлений в сфере незаконного оборота предметов вооружения могут быть обусловлены, с одной стороны, отсутствием в материалах уголовного дела достаточной совокупности признаков, образующих содержание этих обстоятельств, а с другой стороны, элементарной неосмотрительностью судей при их оценке и учете. Так, по 9 изученным уголовным делам органами предварительного следствия были установлены смягчающие обстоятельства. Однако, несмотря на это, судом при вынесении приговора они не были учтены.

Соответственно, такой подход судов нарушает один из принципов уголовного права – принцип справедливости правосудия при назначении наказания.

Что касается обстоятельств, отягчающих уголовную ответственность и наказание, то анализ правоприменительной практики по делам о преступлениях в сфере незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств показывает, что таковые по 17 % уголовных дел вообще отсутствуют.

Исследование содержания обстоятельств, отягчающих уголовную ответственность и наказание по рассматриваемой категории преступлений, также позволяет обратить внимание на достаточно серьезные недостатки, допущенные как органами предварительного следствия, так и судами при их установлении.

В 27 % изученных уголовных дел упоминание об обстоятельствах, отягчающих уголовную ответственность и наказание, вообще отсутствует. В свою очередь, в ряде случаев в приговорах суда имеют место ссылки на обстоятельства, отягчающие уголовную ответственность и наказание, однако не ясно, как они появились, поскольку их наличие не подтверждается материалами уголовного дела.

Анализ недостатков, имеющих место при отправлении правосудия по уголовным делам в сфере незаконного оборота предметов вооружения, показал, что в 47 % приговоров не содержится обоснования (мотивировки) назначения виновному лишения свободы. Между тем, согласно Нормативному постановлению Верховного Суда от 19 октября 2001 г. «О некоторых вопросах назначения наказания в виде лишения свободы», назначение данного наказания при наличии в санкции другого менее строгого наказания должно быть мотивировано в приговоре [2, с. 197]. Только из материалов уголовных дел (но не из приговора) можно определить те критерии, которыми руководствовался суд при назначении данного вида наказания. Таковыми выступают: использование в последующем незаконно приобретенных предметов вооружения для совершения других более тяжких преступлений; совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом предметов вооружения, из корыстных побуждений.

Помимо этого, не по всем уголовным делам органами предварительного следствия и в суде учитываются характер и степень общественной опасно-

сти анализируемых преступлений. Далеко не всегда устанавливаются вид, количество и боевые свойства изъятых предметов вооружения, место и источники их приобретения и т. д.

Таким образом, судами не в полной мере исполняются требования о том, что при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного, в том числе его поведение до и после совершения преступления, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность и наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи или лиц, находящихся на его иждивении (ч. 3 ст. 52 УК Казахстана).

Рассматривая вопрос, связанный с назначением наказания за преступления в сфере незаконного оборота предметов вооружения, целесообразно, на наш взгляд, акцентировать внимание на особенностях его назначения по совокупности преступлений, поскольку в 67 % изученных нами уголовных дел наказание было назначено именно по совокупности преступлений. Столь высокий показатель не является случайным, и полагаем, вполне объясним.

Так, правовые последствия одних преступлений в сфере незаконного оборота предметов вооружения порождают другие преступления, связанные с незаконным оборотом этих предметов. Например, 51 % преступлений, совершенных в совокупности с хищением предметов вооружения, составляет преступление, предусмотренное ст. 251 УК Казахстана (незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств).

Другой причиной является то, что ряд действий, направленных на создание условий для совершения преступлений в сфере незаконного оборота предметов вооружения, сами по себе уже являются преступными. К таким преступлениям практика относит: служебный подлог, злоупотребление должностными полномочиями, дезертирство и другие, что составляет 34 % от общего числа преступлений, совершенных в совокупности с преступлениями в сфере незаконного оборота предметов вооружения.

Кроме того, предметы вооружения, оказавшиеся в руках преступников, уже сами по себе создают благоприятные условия для совершения других преступлений без особой подготовки к ним. По результатам проведенного исследования, в подавляющем большинстве случаев к ним можно отнести составы преступления, предусмотренные статьями 179 УК (разбой), 257 УК (хулиганство).

Согласно ст. 58 УК Казахстана существует три принципа назначения наказания по совокупности преступлений: поглощение менее строгого наказания более строгим, частичное сложение, полное сложение наказаний.

Результаты проведенного исследования показали, что в случаях совокупности преступлений в сфере незаконного оборота предметов вооружения с другими преступлениями суды при назначении наказания используют все указанные принципы. Так, принцип поглощения менее строгого наказания

более строгим был применен в 30 % случаев; принцип частичного сложения – в 35,2 % случаев; принцип полного сложения – в 7,5 % случаев.

При этом следует отметить, что в 27,3 % случаев назначения наказаний по совокупности преступлений, суды не указали, каким именно принципом они руководствовались при определении окончательного наказания.

На наш взгляд, основная ошибка, допускаемая судами при назначении наказания по совокупности преступлений, заключается в занижении сроков наказания и свидетельствует о необоснованно лояльном подходе судов при вынесении приговоров. Такая ситуация складывается при частичном сложении наказаний. Однако для того чтобы изменить сложившуюся ситуацию, необходимо ставить вопрос о совершенствовании уголовного законодательства в рамках ст. 58 УК Казахстана, что выходит за рамки проводимого нами исследования. Вместе с тем, позволим себе высказать предложение, что при назначении наказания за преступления в сфере незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств по совокупности с другими преступлениями целесообразно применять принцип полного сложения наказаний. Это в большей степени соответствует принципу неотвратимости наказания и повышает эффективность деятельности по предупреждению этих преступлений.

Таким образом, проведенный нами анализ судебной практики применения рассматриваемых уголовно-правовых норм и назначения наказаний за незаконные действия с предметами вооружения позволяет сделать следующие выводы:

– состояние судебной практики назначения наказания за преступления в сфере незаконного оборота предметов вооружения позволяет утверждать, что она нуждается в определенной корректировке. На законодательном уровне в целом, требуется ужесточение мер наказания за рассматриваемые преступления;

– резервы предусмотренных в санкциях рассматриваемых статей размеров наказания остаются в значительной степени судами невостребованными;

– судам рекомендуется акцентировать внимание на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений в сфере незаконного оборота предметов вооружения, тщательнее выяснять мотивы и цели действий виновных лиц, источники и способы завладения предметами вооружения, степень их общественной опасности.

Список использованных источников

1. Архив Ульбинского района г. Усть-Каменогорска, Восточ. Казахстанской обл., 2007.

2. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Казахской ССР, Пленума Верховного Суда Республики Казахстан, нормативных постановлений Верховного Суда Республики Казахстан (1968–2009 годы). – Алматы, 2009.

Дата поступления статьи – 28.10.2011.

По материалам правоприменительной практики Республики Казахстан в работе рассмотрены типичные ошибки, допускаемые судами при вынесении приговоров по преступлениям в сфере незаконного оборота предметов вооружения. С учетом анализа архивных уголовных дел автор вносит ряд предложений по совершенствованию действующего уголовного законодательства и практики назначения наказания за рассматриваемую категорию уголовных дел.

In the work some typical mistakes supposed by judges in making sentences on committed crimes in the sphere of illegal circulation of arm subjects have been examined on the base of the materials of law practice of the Republic of Kazakhstan. Taking into account the analysis of archival criminal cases the author make some offers on perfection of the existing criminal legislation and practice of appointment of punishment for a considered category of criminal cases.

СООТНОШЕНИЕ СРОКОВ ДАВНОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И СРОКОВ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ

Навроцкая В.В.

При рассмотрении гражданского иска в уголовном деле не исключена ситуация, при которой сроки давности привлечения к уголовной ответственности не совпадают со сроками исковой давности. Следует отметить, что эта проблема практически не исследована в юридической литературе. Исключением является лишь кандидатская диссертация Ю.В. Курдубанова, в которой автор без какой-либо аргументации утверждает, что в уголовном процессе не должны применяться положения той главы Гражданского кодекса, которой регулируются сроки исковой давности. Выяснению того, соответствует ли приведенное утверждение действительности, или же возможно иное решение отмеченного вопроса, как раз посвящается данная статья.

Считаю, что для того, чтобы при рассмотрении гражданского иска в уголовном деле можно было защитить нарушенное право, необходимо, как минимум, наличие двух условий:

1) со дня совершения преступления и до вступления приговора в законную силу не должны истечь сроки давности привлечения к уголовной ответственности;

2) требование о защите гражданского права или интереса может быть удовлетворено в пределах срока исковой давности.

В юридической литературе высказывается и противоположное мнение. Так, Ю.В. Курдубанов считает, что «гражданский иск до тех пор, пока находится в уголовном судопроизводстве, следует судьбе уголовного дела, рас-

следование и судебное решение которого ориентируется на сроки давности освобождения от уголовной ответственности» [1, с. 44].

Прежде всего, следует обратить внимание на неправильное использование этим ученым понятия – «сроки давности *освобождения от уголовной ответственности*» [выделено мной – В.Н.]. Такого понятия не существует ни в законодательстве Российской Федерации (которое анализирует этот исследователь), ни в законодательстве Украины. Вероятно, Ю.В. Курдубанов имел в виду сроки давности привлечения к уголовной ответственности. Кроме того, он совсем не аргументирует свой тезис. Отсутствие же обоснования, по-видимому, предопределено тем, что анализ соответствующих положений главы 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (как, впрочем, и положений главы 19 Гражданского кодекса Украины) не дает оснований для такого вывода. Считаю, что если бы законодатель хотел как-то по-другому урегулировать срок, в пределах которого лицо может обратиться в порядке уголовного судопроизводства с требованием о защите своего гражданского права или интереса, то он именно так и сделал бы. Известно, что лицо имеет две альтернативные возможности защитить нарушенное преступлением благо: путем предъявления иска в порядке гражданского судопроизводства или же подачи гражданского иска в уголовном деле. В ч. 2 ст. 256 Гражданского кодекса Украины сказано, что исковая давность – это срок, в пределах которого лицо может обратиться с требованием о защите своего гражданского права или интереса в суд. Причем не конкретизировано, в какой именно суд, рассматривающий уголовные или гражданские дела. Поэтому, как кажется, сроки исковой давности должны одинаково применяться как в гражданском, так и в уголовном судопроизводстве.

Следует обратить особое внимание на следующее обстоятельство: в ст. 256 ГК Украины об исковой давности упомянуто как о сроке, в пределах которого можно обратиться в *суд*. Известно, что дела публичного обвинения возбуждаются не судом, а прокурором, следователем, дознавателем. Если же заявление или сообщение о преступлении поступило все-таки в суд, то он обязан их направить к этим органам (п. 3 ч. 2 ст. 97 УПК Украины), которые и принимают соответствующее решение. Думаю, что когда речь идет об исковой давности при рассмотрении гражданского иска в уголовном деле, то буквальное толкование здесь нецелесообразно. Считаю, что в анализируемом случае указанный срок не будет пропущен, если в течение трех лет со времени, когда пострадавший узнал (должен был узнать) о нарушении своего права, он обратился с требованием о возбуждении уголовного дела и предъявил гражданский иск к обвиняемому (либо к лицам, которые несут материальную ответственность за вред, причиненный его действиями).

То, как проявляется диспозитивность при применении правовых последствий истечения исковой давности, проиллюстрирую на конкретных примерах. Допустим, совершено деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 185 Уголовного кодекса Украины (кража, совершенная повторно). Тогда же пострадавший узнал об этом факте (по общему правилу, истечение исковой давно-

сти исчисляется со дня, когда лицо узнало или могло узнать о нарушении своего права или о его нарушителе – ч. 1 ст. 261 Гражданского кодекса Украины). С целью защиты нарушенного гражданского права (права собственности) уполномоченное лицо предъявило в уголовном деле гражданский иск. В соответствии со ст. 257 Гражданского кодекса Украины в данном случае действует трехлетний срок исковой давности. Поскольку санкция ч. 2 ст. 185 Уголовного кодекса Украины предусматривает наказание в виде лишения свободы сроком до 5 лет, то, согласно ч. 3 ст. 12 того же Кодекса, это деяние относится к преступлениям средней тяжести. В свою очередь, руководствуясь п. 3 ч. 1 ст. 49 Уголовного кодекса Украины, можно определить, что срок давности привлечения к уголовной ответственности за такое преступление составляет 5 лет. Таким образом, в данном случае срок исковой давности является меньшим срока давности привлечения к уголовной ответственности. Допустим, что о факте совершения деяния, запрещенного уголовным законом, правоохранительным органам стало известно не сразу, а через четыре года после его совершения, что послужило основанием для возбуждения уголовного дела. Тогда же был заявлен гражданский иск. То есть, соблюден срок, предусмотренный п. 3 ч. 1. ст. 49 Уголовного кодекса Украины, однако срок исковой давности истек.

Прежде всего, следует выяснить: можно ли принимать гражданский иск к рассмотрению по истечению сроков исковой давности? В таком случае следует руководствоваться ч. 2 ст. 267 Гражданского кодекса Украины, в соответствии с которой «Заявление о защите гражданского права или интереса должно быть принято судом к рассмотрению независимо от истечения исковой давности». При таком же условии (по аналогии) должен быть принят к рассмотрению и гражданский иск в уголовном деле. Кроме того, необходимо решить вопрос о том, какими должны быть последующие действия судьи. При этом нужно принять во внимание положения, изложенные в пунктах 3 и 4 упоминавшейся уже ст. 267 Гражданского кодекса Украины. В частности, в п. 3 ст. 267 Гражданского кодекса Украины указано: «Исковая давность применяется судом лишь по заявлению стороны в споре, сделанному до вынесения им решения». Таким образом, эта норма допускает определенный уровень свободы волеизъявления, который влияет на принятие процессуальных решений, а, следовательно, является проявлением принципа диспозитивности. На основании же п. 4 ст. 267 Гражданского кодекса Украины, истечение исковой давности, о применении которой заявлено стороной в споре, является основанием для отказа в иске.

Наиболее заинтересованным в применении положения об истечении срока исковой давности будет, безусловно, обвиняемый или гражданский ответчик. Интерес этих участников процесса будет проявляться в решении спора в свою пользу, то есть в отказе об удовлетворении гражданского иска. Однако не исключена ситуация, при которой лицо, к которому предъявлен гражданский иск, невзирая на истечение такого срока, все же соглашается на то, что в случае удовлетворения судом гражданского иска, оно будет нести ма-

териальную ответственность за причиненный вред; а с заявлением о том, что такой факт должен учитываться, в суд обратился гражданский истец (его представитель). Правда существование такого случая на практике является маловероятным.

Безусловно, применение аналогии права или закона является далеко не идеальным способом преодоления пробелов в праве. Наилучшим путем является урегулирование такой нерешенной ситуации на законодательном уровне. Поэтому предлагаю дополнить ч. 2 ст. 328 Уголовно-процессуального кодекса Украины следующей нормой: «Суд также отказывает в удовлетворении гражданского иска по истечении срока исковой давности».

Анализируемая проблема была предметом рассмотрения на заседании кафедры уголовного процесса и криминалистики Львовского национального университета им. Ивана Франко. Отдельные члены кафедры выступали против этого предложения. Их аргументы сводились к тому, что рассмотрение дела может затянуться, например, его могут направить на дополнительное расследование. При этом не исключено, что срок исковой давности истечет и это не позволит предъявить гражданский иск еще на досудебных стадиях процесса, хотя для установления обстоятельств, которые составляют предмет иска, могут быть достаточные основания.

Такие рассуждения вызывают два контраргумента. Первый из них касается утверждения, в соответствии с которым истечение срока исковой давности делает невозможным предъявление исковых требований. Такое утверждение не основывается на действующем законодательстве. Ведь исковую давность не следует рассматривать как срок, в течение которого лицо может обратиться в суд с требованием о защите своего нарушенного права. В соответствии с ч. 2 ст. 267 ГК Украины, заявление о защите гражданского права или интереса должно быть принято судом к рассмотрению *независимо от истечения исковой давности* [курсив мой – В.Н]. Речь идет о том, что в течение времени действия исковой давности лицо может рассчитывать на защиту своего нарушенного права судом. Истечение же исковой давности, о применении которой заявлено стороной в споре, является лишь основанием для отказа в удовлетворении иска (ч. 4 ст. 267 Гражданского кодекса Украины).

Кроме того, не понятно, почему в случае предъявления гражданского иска до истечения трех лет со дня, когда лицо узнало (должно было узнать) о нарушении своего права, срок исковой давности может истечь (при условии затягивания рассмотрения уголовного дела). Анализ ст. 256 Гражданского кодекса Украины дает основание для вывода, в соответствии с которым, если в течение этих трех лет пострадавший обратится с исковыми требованиями, то срок исковой давности соблюден; при этом нет надобности ожидать решения дела по сути.

Только что была рассмотрена ситуация, при которой срок исковой давности является меньшим срока давности привлечения к уголовной ответственности. Однако возможна и противоположная ситуация. К примеру, возьмем состав преступления, предусмотренный ст. 193 Уголовного кодек-

са Украины («Присвоение лицом найденного или случайно оказавшегося у него чужого имущества»). Поскольку санкция этой статьи предусматривает наказание менее суровое, чем лишение свободы, то, согласно ч. 2 ст. 12 Уголовного кодека Украины, это деяние принадлежит к преступлениям небольшой тяжести. В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 49 этого же Кодекса срок давности привлечения к уголовной ответственности в таком случае составляет 2 года. Срок же исковой давности в этой ситуации установлен на уровне трех лет (ст. 257 Гражданского кодекса Украины). Таким образом, если с момента совершения данного деяния прошло 2 года, то срок исковой давности еще продолжается, а срок давности привлечения к уголовной ответственности истек.

На основании п. 5 ч. 1 ст. 71 и ч. 2 ст. 111 Уголовно-процессуального кодекса Украины суд в таком случае прекращает уголовное дело (конечно, если обвиняемый не выступает против прекращения уголовного дела на таком основании). На вопрос о том, что же делать в этом случае с гражданским иском, законодатель молчит. В ч. 1 ст. 28 Уголовно-процессуального кодекса Украины указано, что гражданский иск рассматривается судом одновременно с уголовным делом. Таким образом, в анализированной ситуации суд должен был бы оставить его без рассмотрения, что, в соответствии с ч. 4 ст. 28 этого Кодекса, не лишает лицо, предъявившее гражданский иск в уголовном деле, предъявить его в порядке гражданского судопроизводства.

Однако Уголовно-процессуальный кодекс предусматривает, что гражданский иск может быть оставлен судом без рассмотрения лишь в двух случаях: при неявке в судебное заседание гражданского истца или его представителя (ст. 291 Уголовно-процессуального кодекса Украины), за исключением случаев, предусмотренных в ч. 2 ст. 291 Уголовно-процессуального кодекса, а также при оправдании подсудимого за отсутствием в его действиях состава преступления (ч. 3 ст. 328 Уголовно-процессуального кодекса Украины).

Следует отметить, что в п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда Украины от 31 марта 1989 г. №3 (со следующими изменениями) «О практике применения судами Украины законодательства о возмещении материального вреда, причиненного преступлением и взыскании безосновательно нажитого имущества» дано, по сути, такое же разъяснение: «В случае прекращения дела по предусмотренным законом основаниям, гражданский иск не рассматривается. Требования истца о возмещении материального вреда в этом случае могут быть решены в порядке гражданского судопроизводства» [2].

Наличие соответствующих разъяснений является, безусловно, позитивным явлением. Однако этого недостаточно, такой вопрос все же должен найти отражение в Уголовно-процессуальном кодексе. Поэтому предлагаю дополнить ч. 3 ст. 328 Уголовно-процессуального кодекса Украины положением такого содержания: «Суд также оставляет гражданский иск без рассмотрения в связи с прекращением уголовного дела по предусмотренным законом основаниям».

Не исключено, что срок исковой давности пропущен вследствие уважительных причин (например, из-за тяжелой болезни лица, беспомощного состояния и т. п.). В этом случае следует по аналогии руководствоваться положением ч. 5 ст. 267 Уголовно-процессуального кодекса Украины, согласно которому нарушенное право подлежит защите, при признании такого факта судом. Если пропущенный по уважительным причинам процессуальный срок, согласно ч. 1 ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса Украины, должен быть возобновлен органом, ведущим уголовный процесс, лишь по ходатайству заинтересованного лица, то, думаю, и рассмотрение вопроса о признании причин пропуска срока исковой давности (материально-правового срока) возможно лишь по инициативе гражданского истца (либо иного лица, уполномоченного предъявить гражданский иск).

При этом следует выяснить: какой именно орган вправе возобновить пропущенный срок? Как уже отмечалось, в ч. 1 ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса Украины речь идет о том, что пропущенный по уважительным причинам срок возобновляется постановлением органа дознания, следователя, прокурора или постановлением суда. В то же время нормы Гражданско-процессуального кодекса Украины предусматривают право лишь суда осуществить такое возобновление. Считаю, что в данном случае эти полномочия могут реализовать лишь суд (судья). Закрепление соответствующего права за должностными лицами органов дознания, следствия, прокуратуры предоставит им несвойственные полномочия. Ведь решение спорного вопроса о наличии или отсутствии права на удовлетворение исковых требований – это вопрос правосудия.

Безусловно, проанализированные выше проблемы – не единственные, возникающие при рассмотрении гражданского иска в уголовном деле. Их решение может быть предметом последующих исследований.

Список использованных источников

1. Курдубанов, Ю.В. Обеспечение прав гражданского истца при рассмотрении уголовных дел судами: дис ...канд. юрид. наук: 12.00.09: уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность – М., 2002. – 219 с.

2. Постанова Пленуму Верховного Суду України від 31 березня 1989 р. № 3 (зі змінами, внесеними постановами від 25 грудня 1992 р. №13 та від 3 грудня 1997 р. № 12) «Про практику застосування судами України законодавства про відшкодування матеріальної шкоди, заподіяної злочином і стягнення безпідставно нажитого майна» // Постанови Пленуму Верховного Суду України (1972–2004). Офіційне видання. Том 2. Видавничий дім Ін Юре. – К., 2004. – 318 с.

Дата поступления статьи – 06.10.2011.

Анализируются случаи несовпадения сроков давности привлечения к уголовной ответственности со сроками исковой давности при рассмотрении граждан-

ского иска. Требование о защите гражданского права или интереса в уголовном процессе может быть удовлетворено только при условии, что оба вида отмеченных сроков не истекли. Если срок исковой давности еще действует, а срок давности привлечения к уголовной ответственности закончился, то суд должен оставить гражданский иск без рассмотрения, что не лишает потерпевшего права предъявить эти же требования, но уже в порядке гражданского судопроизводства. Предложено дополнить Уголовно-процессуальный кодекс Украины нормой, в соответствии с которой, суд отказывает в удовлетворении гражданского иска по истечению срока исковой давности, а также положением, согласно которому, суд оставляет гражданский иск без рассмотрения в связи с прекращением уголовного дела по предусмотренных законом основаниях.

The cases of uncoincidence of terms of remoteness of bringing in are analysed to criminal responsibility with the terms of limitation of actions at examination of civil claim. A requirement about defence of civil law or interest in a criminal process can be satisfied only on terms, when this both terms did not emerge. If the term of limitation of actions proceeds yet, but the term of remoteness of bringing in made off to criminal responsibility, a court must leave a civil action without consideration which does not deprive a person to produce the same requirements, but already in order of the civil proceeding. It is suggested to complement Criminal Procedural Code of Ukraine a norm in accordance with which a court refuses in accepting a civil claim, if the term of limitation of actions emerged, and also by position in obedience to which a court abandons a civil action without consideration in connection with closing the criminal case from statutory grounds.

АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К БОРЬБЕ С КОНВЕРТАЦИОННЫМИ ЦЕНТРАМИ В РАМКАХ ДЕТЕНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ УКРАИНЫ

Недодаева Н.Л.

Современному этапу развития экономических отношений в Украине свойственны более сложные усовершенствованные схемы оттока капитала в теневую экономику, выводу его за границу, легализации доходов, полученных противозаконным путем. Украина не является исключением, проблема тенизации экономических отношений актуальна практически для всех государств, более того в глобальном масштабе эта проблема имеет негативную динамику. По оценкам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) тенизация мировой экономики за последние 5 лет возрастала ежегодно на 6,2 %, а общий уровень экономического роста составил в среднем 3,5 %. По оценкам Мирового банка уровень тенизации украинской экономики более 50 %, данные международных экспертов существенно отличаются от официальной статистики Министерства экономики Украины, соглас-

но которой в 2010 г. уровень тенизации не изменился и составил 36 % от официального внутреннего валового продукта [1].

В правовом поле обеспокоенность вызывает увеличение количества правонарушений в сфере хозяйственной деятельности, так как они не только негативно влияют на позитивную динамику легальной предпринимательской среды, общие экономические показатели, но и создают угрозу экономической безопасности Украины в целом. Особую роль в криминализации легальных экономических отношений играют противозаконные конвертационные операции. Деятельность конвертационных центров одна из наиболее острых проблем нашего государства, так как они перекачивают значительные бюджетные средства в теневой сектор экономики, являются одним из основных каналов уклонения от уплаты налогов, а также отмывают «грязные» деньги. Расширению деятельности конвертационных центров способствовали, с одной стороны, утрата государством контрольных функций в экономике, перераспределение собственности, неравные стартовые условия для ведения бизнеса, а с другой стороны, несовершенство законодательных подходов к легализации капитала путем амнистии, нестабильность и значительный уровень налогового давления. Практика и статистические данные свидетельствуют, что на современном этапе хозяйственных отношений в Украине еще не сформирован действенный организационно-правовой механизм противодействия созданию и функционированию конвертационных центров, еще не в полной мере исследовано их влияние на экономическую безопасность государства, не разработаны индикаторы роста теневой экономики в зависимости от незаконных конвертационных операций.

Цель данной публикации заключается в анализе проблемных аспектов законодательных актов Украины, тенденций, изложенных в научных публикациях, практической деятельности контролирующих и правоохранительных органов, направленной на борьбу с конвертационными центрами. Объект исследования действующие в Украине правоотношения по борьбе с противозаконной конвертацией денежных средств.

Процесс формирования легальных экономических отношений в Украине проходит сложно и противоречиво, наряду с позитивными изменениями в экономике появились тенденции, которые создают предпосылки для различных правонарушений. Недостатки правового регулирования и фискальной политики способствуют ситуации, при которой криминальные группировки не только создают фиктивные предприятия и организации с целью незаконного приобретения денежных средств, имущества, уклонения от уплаты налогов, но и используют фиктивные предприятия и конвертационные центры для получения незаконной прибыли легальными предприятиями, что крайне опасно и приводит к правовому нигилизму общества.

Следует отметить, что проблематикой борьбы с конвертационными центрами занимались многие украинские ученые. Отдельные финансово-экономические и юридические аспекты нашли отражение в трудах Л. Дудника [2], А. Дудорова [3], С. Чернявского [4], В. Шепитько [5] и др. Значитель-

ное внимание данной проблеме уделяется в исследованиях Национального университета Государственной налоговой службы Украины. В трудах украинских ученых правомерно подчеркнуто, что правовой нигилизм общества, недоверие бизнеса к государственным институтам власти, коррупция в контролирующих и правоохранительных органах явились причинами возникновения организованной преступности и финансового мошенничества. Организованная преступность интегрируется в прибыльных отраслях экономики, прежде всего в финансовой сфере. Финансовое мошенничество неразрывно связано с созданием конвертационных центров, по данным Интерпола доходы финансовых мошенников занимают 2-е место после доходов от наркобизнеса [4, с. 140]. Незаконная конвертация является базисом для уклонения от уплаты налогов легальными субъектами предпринимательской деятельности. Результаты исследований, приведенные в юридической литературе, и статистические данные свидетельствуют о том, что создание конвертационных центров в Украине приобрело массовый характер[2, с. 49]. В юридических публикациях подчеркивается общественная опасность незаконной конвертации средств, практически для всех механизмов конвертации характерным является общественная опасность в виде имущественного ущерба государству, юридическим и физическим лицам, расширения масштабов недобросовестной конкуренции, сокрытия фактов незаконной деятельности, угрозы налоговой системе[3, с. 465].

Конвертационный центр – организованная криминальная группировка, члены которой регистрируют либо приобретают предприятия без цели занятия конкретной предпринимательской деятельностью. В последнее время было принято ряд новаций, усиливших методы борьбы с этим явлением. В частности, налоговые службы ввели автоматическую систему отбора субъектов хозяйствования для проведения проверок и выявления конвертационно-транзитных групп [6, с. 3], с вводом в действие Налогового кодекса Украины с 1.01.2011 [7] внесены изменения в Уголовный кодекс Украины [8] в направлении приоритета финансовых мер ответственности по сравнению с уголовными. Вместе с тем эти меры носят ограниченный характер, попасть в группу риска могут в основном предприятия, задекларировавшие большую сумму автоматического бюджетного возмещения по НДС, находящиеся в стадии банкротства либо ликвидации.

В научных публикациях еще недостаточно уделено внимания правовым конструкциям, которые обусловили благоприятную среду для деятельности конвертационных центров. Многие теоретические положения остаются дискуссионными, а нормативно-правовые акты формальными, основная проблема, по нашему мнению, заключается в том, что теоретические аспекты противодействия конвертационным центрам рассматриваются в контексте общих хозяйственных преступлений, и законодательная база также не содержит отдельных статей, посвященных данной проблеме.

Действующие в законодательном поле нормы уголовного, уголовно-процессуального и налогового права не дают четкой дефиниции правонару-

шений, связанных с созданием и деятельностью конвертационных центров. Термин «конвертация» остается в большей мере бытовым и не находит отражение в законодательстве. Ответственность лиц за создание таких центров рассматривается только как ответственность за соучастие в уклонении от уплаты налогов должностными лицами предприятий, которые сотрудничают с конвертационным центром, соучастие в присвоении бюджетных средств, соучастие в незаконном возмещении НДС, соучастие в создании фиктивных предприятий [8, ст.ст. 191, 205, 212, 398, 364–368]. Отдельной статьи, предусматривающей уголовную ответственность лиц за создание конвертционного центра, не существует, что является явным недостатком законодательной базы Украины. Нормы налогового законодательства предусматривают еще более ограниченный перечень финансовой ответственности: нарушение порядка регистрации и взятия на учет, искажение данных декларации, нарушение сроков сохранности документов, нарушение правил уплаты налогов [7, ст.ст. 117, 120, 121, 126].

Типовые схемы создания и функционирования конвертационных центров известны контролирующим и правоохранительным органам. Основные направления деятельности: предоставление легальным предприятиям документов о проведении безтоварных операций, перевод безналичных средств в наличные и наоборот, предоставление документов для легализации товаров, приобретенных за наличный расчет, погашение векселей наличными средствами, формирование налогового кредита по НДС [9]. Конвертационные центры могут охватывать либо полный цикл операций – имеют постоянно действующую сеть фиктивных предприятий, коррупционные связи с банком, оффшорные фирмы, либо создаваться под конкретную цель – целевые. По сути конвертационный центр является фиктивным предприятием, но с определенной особенностью квалификационного признака – создание организованной группы, стойкое объединение нескольких лиц, совместная цель осуществления правонарушения с распределением функций участников, предварительная договоренность.

Фиктивное предпринимательство определено в ст. 205 Уголовного кодекса Украины как создание либо приобретение субъектов предпринимательской деятельности (юридических лиц) в целях прикрытия незаконной деятельности либо осуществления видов деятельности, относительно которых имеется запрет. При этом отсутствует правовое определение фиктивного предприятия, что затрудняет применение данной статьи, а налоговое законодательство только упоминает дефиницию «фиктивное юридическое лицо», не раскрывая его содержания. Последняя редакция Уголовного кодекса Украины расширила практику применения норм ответственности, юридическая квалификация лица, которое создает или приобретает фиктивную структуру, уже не требует обязательного нанесения ущерба государству, кредитным организациям, другим юридическим и физическим лицам (ч. 1 ст. 205), однако в статье, как и в предыдущих редакциях, не определена в полной мере квалификация объективной стороны преступления, что затрудняет ее примене-

ние при расследовании дел, связанных с незаконной конвертацией денежных средств. Остается неурегулированным вопрос уголовной ответственности руководителей неприбыльных организаций и физических лиц СПД. Особо следует подчеркнуть, что диспозиция ст. 205 Уголовного кодекса Украины создает предпосылки для ухода от ответственности в случае введения фиктивным предприятием в течении некоторого времени определенной уставной деятельности. Целесообразно разработать четкие критерии, являющиеся рискообразующими признаками конвертационного центра. По нашему мнению, такими критериями могут быть: регистрация предприятия лицом без соответствующего образования и опыта ведения бизнеса, работа предприятия не более года, поступление денежных средств от большого количества субъектов предпринимательской деятельности, оплата значительного спектра услуг и товаров, значительные объемы перечисления средств на расчетные счета предприятий (особенно нерезидентов), отсутствие прибыли.

Следующей организационно-правовой проблемой является то, что крупные конвертационные центры представляют собой финансовую систему включающую коррупционные связи с банками. В отдельных случаях банки являются организаторами схем, в других случаях – соучастниками в цепи фиктивных и легальных предприятий. Заинтересованность банков в открытии счетов фиктивным фирмам обусловлена тем, что операции по снятию денежных средств проводятся легально. Банки получают дополнительную прибыль, размер которой прямо пропорционален объему операций, кроме того появляется источник безналичных платежей, что формирует возможность прокрутки денежных средств до момента их зачисления на счет клиента [5, с. 112]. В Налоговом кодексе Украины предусмотрены требования по открытию и закрытию счетов и ответственность банков [7, ст. 128]. Налоговые нормы предусматривают штраф в размере 170 грн. (повторные действия в течение года – 340 грн.) за непредставление либо нарушение сроков подачи в налоговую службу информации об открытии счета. Данные санкции явно занижены и, в определенной степени, лоббируют интересы банков, целесообразно усилить финансовые рычаги воздействия на всех участников конвертационной схемы, кроме того можно усилить финансовые рычаги, установив особые процентные ставки в точках перехода безналичных расчетов в наличные и наоборот, что нанесет существенный удар по теневым доходам.

Проблемным вопросом является и то, что раскрытием противозаконных схем конвертации денежных средств, кроме органов по борьбе с организованной преступностью, в системе МВД занимаются и налоговая милиция, СБУ и прокуратура, таможенные органы и контрольно-ревизионные управления. Объективная необходимость повышения эффективности борьбы с финансово-экономическими правонарушениями требует большей организационной консолидации указанных государственных органов и согласованной деятельности по контролю за реализацией требований законодательства. Методически порядок взаимодействия между контролирующими и правоохранительными органами разработан [10]. Данный порядок направлен на обес-

печение эффективного взаимодействия между органами государственной контрольно-ревизионной службы, органами прокуратуры, МВД и СБУ путем проведения совместных ревизий, оговорена процедура рассмотрения обращений правоохранительных органов, указано на необходимость взаимной передачи информации о правонарушениях, предусмотрен порядок составления планов проверок, в которые включаются предприятия с фактором риска. Порядок взаимодействия налоговой милиции с правоохранительными органами в ходе оперативно-розыскных работ представлен в налоговом законодательстве. Однако складывается парадоксальная ситуация, когда сами органы, в обязанность которых входит контроль за выполнением закона, не исполняют его норм. Причины такой ситуации кроются в том, что законодательные нормы носят абстрактный характер, не имеют прямого указания на их исполнение, а механизм их практического использования не разработан и отсутствуют соответствующие технологии. Ситуация усугубляется тем, что права и обязанности в ходе предварительного следствия и оперативно-розыскных работ налоговой милиции и органов МВД практически полностью дублируются, а предложения о передаче налоговой милиции в структуру МВД не поддерживаются на государственном уровне. Перечисленные органы используют ведомственные информационные системы и технологии. Взаимодействие и обмен информацией, как свидетельствует практика, осуществляется только в порядке «личных контактов». Существующая закрытость ведомственных информационных систем о субъектах предпринимательской деятельности, в первую очередь, их факторах риска, снижает эффективность борьбы с конвертационными центрами. Вопрос о создании единого реестра рискообразующих предприятий поднимался в Верховном Совете Украины, однако не один из законопроектов не был принят. По нашему мнению, целесообразно на общегосударственном уровне объединить информационные системы, содержащие данные различных контролирующих и правоохранительных органов по субъектам предпринимательской деятельности группы риска в единый автоматизированный информационный банк данных с использованием аналогичной информации Интерпола, при этом необходимо разработать специальные коды, обеспечивающие доступ ограниченных лиц контролирующих и правоохранительных органов.

Таким образом, проблема борьбы с конвертационными центрами имеет многофакторный характер. Анализ законодательной базы и организационных подходов к противодействию конвертационным центрам показал, что в Украине еще не сформирован комплексный подход к данной проблеме. Механизм деятельности конвертационных центров постоянно усовершенствуется, что требует применения эффективных мер стратегического и тактического порядка, разработки соответствующих научных рекомендаций, совершенствования законодательной базы. Основной проблемой является то, что в законодательном поле отсутствует отдельная статья, предусматривающая ответственность лиц за создание конвертационного центра, целесообразно дополнить особенную часть «Преступления в сфере хозяйственной деятельности»

Уголовного кодекса Украины новой статьей, что позволит дать квалификацию объективной стороне преступления. Типовые схемы их функционирования известны контролирующим и правоохранительным органам, вместе с тем именно недостатки законодательства, лоббирование интересов отдельных субъектов предпринимательской деятельности и финансовых организаций, ведомственный характер технологий и методик, отсутствие должного информационного обмена между контролирующими и правоохранительными органами не дают возможность сформировать действенный механизм детенизации экономических отношений в Украине.

Список использованных источников

1. Більша половина української економіки пішла у тінь. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://tsn.ua/groshi-ekonomika-.htm.

2. Фіктивне підприємництво, шляхи боротьби з ним: [навч. посіб.] / Л.М. Дудник, В.І. Василинчук, Ю.В. Опалінський, Д.Г. Мулявка. – Ірпінь: Національна академія ДПС України, 2005. – 194 с.

3. Дудоров, О.О. Злочини у сфері господарської діяльності: кримінально-правова характеристика / О.О. Дудоров. – К.: Юридична практика, 2003. – 924 с.

4. Чернявський, С.С. Фінансове шахрайство:методологічні засади розслідування: [монографія] / С.Чернявський. – К.: Хай-Тек Прес.,2010. – 650 с.

5. Розслідування злочинів у сфері господарської діяльності: окремі криміналістичні методики / В.Ю. Шепітько, В.О. Коновалова, В.А. Журавель. – Х.: Право, 2006. – 624 с.

6. Германова, О. Конструктивный діалог / Вестник Налоговой службы Украины. – Май, 2011. – № 17–18.

7. Податковий кодекс України / Верховна Рада України. – Офіц. вид. – К.: Парлам. вид-во, 2011. – 536 с.

8. Кримінальний кодекс України зі змінами та доповненнями станом на 1 груд. 2009 р. / Верховна Рада України. – Офіц. вид. – К.: Парлам. вид-во, 2010. – 207 с.

9. Виявлення,документування та розслідування злочинів, пов’язаних з фактами фіктивного підприємництва [методичні рекомендації] / І.Л. Близнюк, О.Б. Сахарова, В.В. Бут, Д.О. Кознов. – К.:ДНДІ МВС України, 2006.

10. Порядок взаємодії між органами державної контрольно-ревізійної служби та органами прокуратури, внутрішніх справ і Служби безпеки иУкраїни. Наказ N 346/1025/685/53 від 19.10.2006. [Електронний ресурс]. – Режим доступу:zakon.rada.gov.ua › cgi-bin/laws/main.cgi…

Дата поступления статьи – 29.06.2011.

Проведен анализ научно-методических подходов и проблемных аспектов законодательных актов Украины, направленных на борьбу с конвертационными центрами. Определен многофакторный характер функционирования конвертационных центров, и рассмотрены основные причины, негативно влияющие на противодействие контролирующих и правоохранительных органов данной противозаконной

деятельности. Предложены подходы к совершенствованию норм законодательной базы в направлении усиления финансовой и уголовной ответственности, методические и организационные подходы к консолидации действий контролирующих и правоохранительных органов Украины.

The analysis of scientific and methodological approaches and problem aspects of legislative acts of Ukraine intended for fighting with conversional centers is made. The multiple-factor character of function of conversional centers is defined. The main causes influenced negatively on counteraction of governing and law enforcement bodies to this illegal activity are considered. Approaches to improvement of legal norms concerning financial and criminal responsibility, methodological and organizational approaches to consolidation of activity of governing and law enforcement bodies of Ukraine are suggested.

АЛЬТЕРНАТИВЫ УГОЛОВНОМУ ПРЕСЛЕДОВАНИЮ И НАКАЗАНИЮ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ – СЛУЧАЙНОЕ ЗАИМСТВОВАНИЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ИЛИ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ?

Пыталев Р.М.

Президент Республики Беларусь 3 июня 2011 г. провел совещание по вопросам совершенствования деятельности общих судов с участием высших должностных лиц государства, председателей областных (Минского городского), районных (городских) судов, руководителей ряда других государственных органов. В утвержденном по результатам обсуждения Указом Президента Республики Беларусь от 10.10.2011 № 454 «О мерах по совершенствованию деятельности общих судов Республики Беларусь» Послании о перспективах развития системы общих судов Республики Беларусь отмечается о необходимости «шире использовать возможности по прекращению производства по уголовным делам на стадии предварительного расследования с освобождением виновных от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим и по другим основаниям, в том числе, законодательно предоставив право принимать такие решения дознавателям и следователям с согласия прокурора; принимать необходимые меры по дальнейшему сокращению осужденных к лишению свободы при наличии в санкциях статей Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) других, более мягких видов наказания (особенно в отношении несовершеннолетних и лиц, впервые привлекаемых к уголовной ответственности за совершение менее тяжких преступлений)» [1]. «Созвучны» Посланию и нормативные правовые акты, принятые ранее [2]. Правоприменительная практика и научные позиции ведущих отечественных юристов [3] подтверждают

необходимость принятия указанных в этих документах мер[1]. Какие же обстоятельства формируют отрицательную, в смысле неудовлетворительного результата, правоприменительную практику по этому вопросу? В качестве одной из основных причин создавшегося положения видится проблема устранения вреда, причиненного преступлением. Применение, так называемых, альтернатив уголовному преследованию и наказанию в виде лишения свободы, иных мер поощрения позитивного поведения подозреваемого, обвиняемого, осужденного связано с ней напрямую, поскольку в соответствии с действующим законодательством их применение возможно только при наличии определенных условий, одним из которых и является устранение[2] вреда, причиненного преступлением. Поскольку от решения проблемы устранения вреда, причиненного преступлением, во многом зависит возможность применения альтернатив уголовному преследованию, наказанию в виде лишения свободы, иных мер поощрения позитивного поведения подозреваемого, обвиняемого, осужденного, на которые современные юристы возлагают большие надежды, возникает несколько взаимосвязанных вопросов: 1) какие способы устранения вреда, причиненного преступлением, имеются в действующем законодательстве; 2) какие в нем имеются альтернативы уголовному преследованию и наказанию в виде лишения свободы, иные меры поощрения позитивного поведения подозреваемого, обвиняемого, осужденного и 3) достаточны ли имеющиеся юридические инструменты для достижения правосудия по уголовным делам при одновременном обеспечении процессуальной экономии и экономии уголовной репрессии, ответы на которые и образуют предмет настоящей статьи.

По вопросу о том, какие способы устранения вреда закреплены в действующем законодательстве, следует отметить, что в уголовно-процессуальной учебной и научной литературе как единственный способ устранения вреда, причиненного преступлением, описывается институт гражданского иска в уголовном процессе. Например, О.В. Петрова констатирует, что «в настоящее время единственным средством возмещения вреда, причиненного преступлением, остается гражданский иск» [4]. Но это не совсем так, а вернее совсем не так. Предвосхищая дальнейшие рассуждения, отметим, что понятие «способ», как известно, раскрывается следующим определением: «способ – 1. образ действий, прием, метод для осуществления, достижения чего-либо; 2. возможность, средство, реальные условия для осуществления чего-либо» [5]. В соответствии с такой общей этимологией понятия «способ» и будет рассмотрено его юридическое определение. Во-первых, способы возмещения вреда, причиненного преступлением [6], и способы защиты гражданских прав (ст. 11 Гражданского кодекса Республики Беларусь

[1] В 2009 году (всего осужденных 62064 чел.) к наказанию в виде лишения свободы приговорены 14726 осужденных, или 23,7 % от общего числа осужденных, аресту – 6911, или 11,1 %.

[2] Термин устранение здесь использован потому, что его содержание поглощает другие встречающиеся в законодательстве термины (оказание помощи, возмещение, компенсация, заглаживание вреда и другие).

(далее – ГК)) – разные, и по форме, и по содержанию, способы. А во-вторых, если в цивилистическом понимании способа защиты права, исходя из принципа – nemo invitus agere cogitur[1], удовлетворение лица за причиненный ему вред полностью зависит от способа действий самого пострадавшего лица[2] (то есть имеется в виду определение понятия «способ» в первом из приведенных выше значений), то, в уголовно-процессуальном понимании, исходя из принципа публичности[3], удовлетворение пострадавшего зависит от разных действий разных участников, включая и само пострадавшее лицо (то есть «способ» во втором из приведенных выше значений). Иными словами, способ устранения вреда, причиненного преступлением, в уголовном процессе – установленная уголовно-процессуальным законодательством процедура (процессуальные возможности) уголовно-процессуальной деятельности (действий) участников по устранению вреда, причиненного преступлением. Эта задача (устранение вреда, причиненного преступлением) может решаться как деятельностью самих физических или юридических лиц, которым преступлением причинен вред (предъявление гражданского иска, примирение, прощение, отказ от иска и др.), так и деятельностью (действиями) других участников уголовного процесса (иные способы). В частности, задача устранения вреда, причиненного преступлением, может быть решена подозреваемым, обвиняемым, осужденным добровольно и должна быть решена органом, ведущим уголовный процесс, как по инициативе физического или юридического лица, которым преступлением причинен вред, так и в описанных действующим Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – УПК) случаях по собственной инициативе. В любом случае, орган, ведущий уголовный процесс, обязан принять меры по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением (ч. 2 ст. 27, ст. 156, 284 УПК), потому что уголовная ответственность призвана способствовать восстановлению социальной справедливости (ч. 3 ст. 44 УК). При этом результат – устранение вреда, причиненного преступлением, достигается, как было уже отмечено, в результате разной уголовно-процессуальной деятельности (действий) разных участников уголовного процесса.

Поскольку в действующем законодательстве имеются разные способы устранения вреда, причиненного преступлением, уместной будет их классификация по отраслевому признаку: 1) уголовно-правовые; 2) уголовно-процессуальные; 3) гражданско-правовые; 4) гражданско-процессуальные; 5) не юридические. К первой группе способов относятся: 1) оказание медицинской или иной помощи потерпевшему непосредственно после преступления (п. 4 ч. 1 ст. 63 УК); 2) добровольное возмещение ущерба (вреда) (п. 4 ч. 1 ст. 63, ст. 86, 88 – 88[1] УК); 3) устранение вреда, причиненного преступ-

[1] Лат.– никто не может принудить истца обратиться к суду за защитой.

[2] Как правило, это обращение в суд с исковым заявлением, т.е. исковой способ защиты права.

[3] В соответствии с ч. 2 ст. 27 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь орган уголовного преследования обязан обеспечить доступ потерпевшего к правосудию и принять меры по обеспечению возмещения причиненного вреда.

лением (п. 4 ч. 1 ст. 63 УК); 4) иные действия, направленные на заглаживание вреда (п. 4 ч. 1 ст. 63,ст. 86, 88 УК); 5) иные условия освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные законодательным актом (ст. 88[1] УК). Ко второй группе: 1) примирение с потерпевшим (ст. 89 УК; п. 5 ч. 1 ст. 29 и п. 2 ч. 1 ст. 30 УПК) [7]; 2) реституция вещи (п. 20 ч. 1 ст. 50, ч. 2 ст. 51, п. 20 ч. 1 ст. 53, ч. 4–5 ст. 97, ч. 4–5 ст. 98 УПК; 3) иск прокурора (ч. 6 ст. 149 УПК); 4) иск государственного обвинителя (ч. 6 ст. 293 УПК); 5) разрешение вопроса о возмещении вреда судом по собственной инициативе (ч. 8 ст. 149 УПК). К третьей группе: 1) договор (ст.378 ГК); 2) отступное (ст. 380 ГК); 3) прекращение обязательства зачетом (ст. 381 ГК); 4) прекращение обязательства совпадением должника и кредитора в одном лице (383 ГК); 5) прекращение обязательства новацией (ст. 384 ГК); 6) прощение долга (ст. 385 ГК); 7) возмещение вреда в натуре или возмещение убытков (ст. 951). К четвертой группе: 1) отказ от иска, признание иска[1], 2) мировое соглашение сторон (ст. 285 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь)[2]. К последней, пятой группе, относятся такие способы как, например, экстренная медицинская помощь, психологическая помощь, социальная реабилитация и адаптация, добровольные пожертвования, возмещение причиненного вреда членами семьи, близкими родственниками, организацией, иными лицами и прочие не юридические способы, часто встречающиеся в правоприменительной практике.

Несложно заметить, что действующее законодательство содержит множество разнообразных способов устранения вреда, причиненного преступлением, то есть формальные условия для решения задач уголовного процесса[3] законодателем созданы. Поскольку применение и уголовного, и гражданского закона в случае совершения преступления происходит в уголовно-процессуальной форме, большинство из этих способов применяется, разумеется, в уголовном процессе. Однако в теории уголовного процесса эти способы ни в виде определенной системы, ни по отдельности не разработаны в должной мере, что создает трудности в их применении. Вместе с тем их разработка представляет актуальную теоретическую и прикладную задачу, решение которой создаст предпосылки для более широкого использования в правоприменительной практике альтернатив уголовному преследованию, наказанию в виде лишения свободы, иных мер поощрения позитивного поведения подозреваемого, обвиняемого, осужденного.

Переходя к вопросу о том, какие имеются в действующем законодательстве альтернативы уголовному преследованию, наказанию в виде лише-

---

[1] Признание иска ответчиком прямо не предусмотрено УПК, однако, например, признание лицом, как это сформулировано в ч. 1 ст. 452 УПК, «своей причастности к совершению преступления» охватывает содержанием и признание в «причастности» к причинению вреда.

[2] Во-первых, иск о возмещении вреда, причиненного преступлением, в соответствии с ч. 5 ст. 149 УПК может быть предъявлен в порядке гражданского судопроизводства, а, во-вторых, эти способы частично заимствованы и УПК - отказ от иска (ст. 154 УПК), примирение (п. 5 ч. 1 ст. 29 и п. 2 ч. 1 ст. 30 УПК).

[3] Задачи уголовно-процессуального закона и уголовного процесса закреплены в ч. 1 ст. 2 и ч. 1 ст. 7 УПК соответственно, одна из них – восстановление социальной справедливости в широком смысле и устранение вреда, причиненного преступлением в частности.

ния свободы, а также иные меры поощрения позитивного поведения подозреваемого, обвиняемого, осужденного [8] можно с уверенностью утверждать, что таких мер в действующем уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве также немало. Поощрение позитивного поведения подозреваемого, обвиняемого, осужденного, в том числе и добровольное устранение вреда, причиненного преступлением, как неотъемлемый и главный, на наш взгляд, элемент этого поведения[1] имеет юридическое значение, что выражается в: 1) назначении наказания при наличии смягчающих обстоятельств (ст. 69 УК); 2) назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (ст. 70 УК); 3) осуждении с отсрочкой исполнения наказания (ст. 77 УК); 4) осуждении с условным неприменением наказания (ст. 78 УК); 5) осуждении без назначения наказания (ст. 79 УК); 6) осуждении несовершеннолетнего с применением принудительных мер воспитательного характера (ст. 117 УК); 7) освобождении от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности (ст. 86 УК); 8) освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 88 УК); 9) освобождении от уголовной ответственности в связи с добровольным возмещением причиненного ущерба (вреда) (ст. 88^1 УК); 10) освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 89 УК); 11) освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности (ст. 118 УК); 12) возможности условно-досрочного освобождения от наказания (ст. 90, 119 УК); 13) освобождении судом несовершеннолетнего осужденного из специального учебно-воспитательного или лечебно-воспитательного учреждения (ст. 441 УПК); 14) замены неотбытой части наказания более мягким (ст. 91, 120 УК); 15) применении амнистии (ст. 95 УК); 16) возможности помилования (ст. 96 УК); 17) возможности отказа от гражданского иска (ст. 154 УПК) и обвинения (ст. 28 УПК); 18) возможности примирения по делам частного обвинения (ч. 2–3 ст. 26, п. 5 ч. 1 ст. 29 УПК) и 19) применении мер поощрения, установленных ст. 42, 54, 61, ч. 2–3 ст. 69, ст. 110, 127, 146, 159, ч. 6–7 ст. 173, ст. 185 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь [9].

Представленный обзор действующего законодательства свидетельствует о том, что правовых и процессуальных возможностей применения тех или иных из указанных выше мер у органов, ведущих уголовный процесс и органов, исполняющих наказание, достаточно. Поэтому, на первый взгляд может показаться, что разнообразие способов устранения вреда, причиненного преступлением, и возможностей для применения альтернатив уголовному преследованию и наказанию в виде лишения свободы, иных мер поощрения позитивного поведения подозреваемого, обвиняемого осужденного неизбежно должно обеспечивать позитивную, в смысле эффективности устранения причиненного преступлением вреда, правоприменительную практику. Но, к сожалению, это не так. Как свидетельствует анализ статистических данных эф-

[1] Внешним проявлением соответствующего поведения может быть как факт, так и каким-либо определенным образом проявленное желание устранения вреда, причиненного преступлением.

фективность устранения вреда, причиненного преступлением, имеет устойчивую тенденцию к снижению (с 81,8 % в 1999 году до 25,1 % в 2010 году в досудебных стадиях [10] и с 71,4 % в 1999 г. до 36,5 % в 2009 году при исполнении взысканий по приговору суда [11]), при этом альтернативные уголовному преследованию и наказанию в виде лишения свободы правовые и процессуальные возможности, предусмотренные действующим законодательством, оказываются практически не востребованными практикой[1]. В этой связи главная проблема заключается не столько в том, что действующее законодательство не совершенно или что орган, ведущий уголовный процесс или ведающий исполнением наказания, недостаточно эффективно применяет имеющиеся возможности, сколько в том, что в большинстве случаев нет оснований для их применения.

Осознавая неудовлетворительность ситуации и с устранением вреда, причиненного преступлением, и с назначением и исполнением уголовных наказаний и ученые, и практики, и законодатель начали поиск путей выхода из нее и обратились к зарубежному опыту, что стало уже традиционным в процессе законотворчества и само по себе замечательно, но требует большой осторожности при последующем заимствовании[2]. Зарубежный опыт свидетельствует, что многие страны современного мира связывали, а некоторые еще продолжают связывать совершенствование модели уголовного процесса с идеей медиации в различных ее вариантах (процессуальных и вне процессуальных). Стала популярной эта идея и у наших юристов [12]. Более того, в виде намерений эта идея уже закреплена в действующем законодательстве [13]. Какие же перспективы у этой меры в Беларуси? Согласно данным статистики большинство лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, являются неработающими[3]. Уже само по себе это обстоятельство является серьезным аргументом для сомнений в эффективности медиации, поскольку достаточно сложно представить примирение без устранения вреда, причиненного преступлением. В противном случае под угрозой оказывается социальная справедливость такой процедуры, когда вопреки задачам уголовного закона и соответственно уголовного процесса уголовно-процессуальная деятельность способствует освобождению лица, совершившего преступление, и от имущественной ответственности за причиненный вред (примирение без устранения причиненного преступлением вреда) и от уголовной ответственности за совершенное преступление (освобождение от уголовной ответственности на основании примирения). Конечно, возможно предположить, что медиация и могла бы занять свое определенное и наверняка не значительное

[1] Например, за период 2005–2010 гг. в среднем ст. 70 УК (и ниже низшего и более мягкое наказание в совокупности) применялась судами по 0,4% рассмотренных уголовных дел, ст. 77 УК (отсрочка) – 4 %, 78 УК (условное неприменение) – 3 %, 79 УК (без назначения) – 0,4 % уголовных дел.

[2] Достаточно вспомнить процесс разработки Статутов Великого княжества Литовского и судебную реформу в Российской Империи, результатом которой стали судебные Уставы.

[3] В 2010 году из общего количества зарегистрированных преступлений (140920 преступлений), при том что нераскрыто было 57249 преступлений, 54781 преступление или 65,5 % от общего количества раскрытых преступлений было совершено лицами, не работающими и не учащимися.

место в практике разрешения уголовных конфликтов, но вряд ли имеются серьезные основания рассчитывать на нее, как на меру, способную обеспечить социальную справедливость, в широком смысле, и повысить эффективность устранения вреда, причиненного преступлением, в частности.

Резюмируя, отметим, что по справедливому замечанию А.А. Квачевского, одного из первых исследователей уголовного преследования и иска о взыскании за вред и убытки, причиненные преступлением: «Хотя преступление может быть так велико, что порожденное им для общества зло не истребится никаким наказанием; хотя бедствие пострадавшего может быть так сильно, что его не вознаградит ценное удовлетворение; но в наказании и денежном вознаграждении заключаются все средства, какими располагает человеческое правосудие» [14]. Следовательно, главный вопрос современной теории и практики правосудия по уголовным делам[1] заключается в том, как наказывать за преступление, и как устранять причиненный преступлением вред. Особенно, когда лица, привлекаемые или привлеченные к уголовной ответственности, не желают или не могут устранить последствия преступления, что и является в подавляющем большинстве случаев одной из основных причин невостребованности практикой альтернатив уголовному преследованию, наказанию в виде лишения свободы, иных мер поощрения позитивного поведения подозреваемого, обвиняемого, осужденного. Именно на решении этой задачи необходимо сосредоточить усилия теоретиков и практиков, которые рано или поздно научатся, сочетая воздействие на преступника имущественным взысканием и уголовным наказанием достигать правосудия по уголовным делам. Иными словами необходимо сместить не совсем корректно расставленные акценты в решении поставленной задачи. Так как же быть – случайно заимствовать зарубежный опыт или последовательно развивать отечественное законодательство и правоприменительную практику?

Пожалуй, единственным надежным способом обеспечения социальной справедливости и решения проблемы устранения последствий преступления является принудительный труд, и именно он должен стать одним из ключевых звеньев в преобразовании применяемых к преступникам мер воздействия. Как заметил в своей Утопии Т.Мор – «Зачем нам сомневаться в пользе того способа кары за злодеяния, который, как мы знаем, был так долго в ходу у римлян, весьма опытных в управлении государством? Именно, уличенных в крупных злодеяниях они присуждали к каменоломням и рудникам, держа их, кроме того, постоянно в кандалах, однако если совершение кражи не осложнено преступлением, то похитителей не сажают в тюрьму, избавляют от кандалов, и они свободно и беспрепятственно занимаются общественными работами. Если же преступники уклоняются от них или производят их слишком вяло, то их не столько наказывают кандалами, сколько поощряют ударами» [15].

[1] Собственно этот вопрос является «тенью» правосудия по уголовным делам во все времена и у всех народов.

Список использованных источников

1. Указ Президента Республики Беларусь от 10.10.2011 № 454 «О мерах по совершенствованию деятельности общих судов Республики Беларусь» // [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://etalonline.by/text.aspx?RN=P31100454&hash=0305F7B92A706674F154C7371B216CF. – Дата доступа: 19.10.2011.

2. Указ Президента Республики Беларусь от 23.12.2010 № 672 «Об утверждении Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения» // Национальный реестр правовых актов. – 2011. – № 1. – 1/12207.

3. Бибило, В. Необходимость реформы уголовного и уголовно-процессуального законодательства / В. Бибило, В. Хомич // Судовы Веснік. – 1993. – № 1. – С. 34–35.

4. Петрова, О.В. Восстановительное правосудие: новое направление в решении задач уголовного процесса / Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр. / редкол.: В.М. Хомич [и др.]; Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь.– Минск: БГУФК, 2009. – С. 303.

5. Словарь // [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://www.edudic.ru/efr/113092/. – Дата доступа: 20.07.2011.

6. Гражданский иск в уголовном процессе: предъявление, доказывание, рассмотрение / Р.М. Пыталев. – Минск: Амалфея, 2003. – С. 17–28.

7. О конкуренции норм, регламентирующих примирение см.: Зайцева Л.Л. Примирение как основание прекращения производства по делу в уголовном процессе Республики Беларусь // Правосудие и прокурорский надзор в Республике Беларусь: законодательство и практика применения: сб. науч. трудов / редкол.: А.В. Барков [и др.]. – Минск: БГУФК, 2010. – С. 253–268.

8. Еще Н.Макиавелли точно подметил, что: «… чтобы поддерживать страх наказаний за дурные поступки, необходимо награждать за хорошие, как было в Риме», но и сегодня многие ученые видят в этом возможность повышения эффективности уголовного закона. См.: Полный курс уголовного права: В 5 т. / Под ред. докт. юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ А.И. Коробеева. Т. I: Преступление и наказание. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. – С. 23.

9. В отношении обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу см.: П. Мытник. Обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу (ст. 29 УПК): иллюзия общеизвестности? / Юстиция Беларуси. – 2006. – № 1. – С. 47–51.

10. Согласно сведениям о состоянии преступности, следственной и прокурорской работе Прокуратуры Республики Беларусь (обобщенным сведениям о состоянии преступности, прокурорском надзоре и результатах следственной работы Генеральной прокуратуры Республики Беларусь) за период с 1999–2010 гг.

11. Опубликованная судебная статистика: Юстиция Беларуси. – 1998. – № 1. – С. 17–18; 2000. – № 1. – С. 15; 2001. – № 1. – С. 15–16; 2002. – № 4. – С. 14–17; 2005. – № 2. – С. 12–13; 2005. – № 8. – С. 18–21; 2006. – № 3. – С. 20–24; 2007. – № 2. – С. 21–25; 2008. – № 2. – С. 20–24; 2009. – № 3. – С. 41–46; 2009. – № 8. – С. 13–18; 2010. – № 3. – С. 15–19.

12. Материалы международной конференции «Альтернативы лишению свободы в системе уголовного правосудия Республики Беларусь: практика и перспективы». Минск, 26–27 ноября 2003 г.. – 91 с.; Рекомендации по более широкому применению международных стандартов в области прав человека в процессе отправления правосудия в Республике Беларусь. Минск. ««Рэйплац». – 2009. – 392 с.; О.В. Петрова. Восстановительное правосудие: новое направление в решении задач уголовного процесса / Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр. / редкол.: В.М. Хомич [и др.]; Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь.– Минск: БГУФК, 2009. – С. 302–310.

13. Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 23.12.2010 № 672; Послание о перспективах развития системы общих судов Республики Беларусь, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 10.10.2011 г. № 454 «О мерах по совершенствованию деятельности общих судов Республики Беларусь».

14. Квачевский, А.А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. Ч 1: [Об уголовном преследовании и об иске о вознаграждении за вред и убытки от преступления]. – 1866. – С. 54.

15. Мор, Т. Утопия / пер. с латин. и коммент. А.И.Малеина и Ф.А. Петровского. Вступит. статья В.П. Волгина [с. 5–39. Послесл.: Ф.А. Петровский. «Томас Мор». Биогр. очерк]. – 2-е изд., доп. – М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1953. – С. 70–72.

Дата поступления статьи – 17.10.2011

Актуальность альтернатив уголовному преследованию, наказанию в виде лишения свободы, иных мер поощрения позитивного поведения подозреваемого, обвиняемого, осужденного, социально и экономически обоснована, и подтверждается правоприменительной практикой. Поиск путей ее совершенствования свидетельствует об обращении ученых и практиков к зарубежному опыту разрешения уголовного конфликта и в частности к институту медиации. Вместе с тем действующее законодательство содержит достаточные возможности для применения альтернатив уголовному преследованию, наказанию, иных мер поощрения позитивного поведения подозреваемого, обвиняемого, осужденного. В статье обосновывается тезис о том, что акцент в совершенствовании действующего законодательства и правоприменительной практики должен быть сделан на последовательном развитии имеющихся в нем правовых и процессуальных возможностей обеспечения эффективности правосудия по уголовным делам, а не на случайном заимствовании зарубежного опыта.

The relevance of alternatives to prosecution, punishable by imprisonment and other measures to encourage positive behavior suspect, accused, convicted, and socially and economically justified, and confirmed by law enforcement. Finding ways to improve it testifies to the outstanding scholars and practitioners of international experience to resolve criminal conflict and in particular to the institution of mediation. However, the legislation provides sufficient opportunities for the use of alternatives to prosecution, punishment and other measures to encourage positive behavior suspect, accused or convicted person. The article substantiates the idea that the emphasis in improving the existing legislation and practice should be made available to the gradual development of its legal and procedural options for ensuring the effectiveness of criminal justice, and not on random borrowing of foreign experience.

КВАЛИФИКАЦИЯ ХИЩЕНИЯ, СОВЕРШАЕМОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ И ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

Хилюта В.В.

В судебно-следственной практике имеют место случаи, когда дача-получение взятки сочетается с хищением. Это неудивительно, потому как взяточничество, как корыстное преступление, тесно связано с приобретением материальных ценностей, их присвоением. В то же время, перед работниками правоохранительных органов нередко возникают трудности, связанные с разграничением получения взятки (ст. 430 УК) и хищением путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК), либо квалификации указанных деяний по совокупности. Дело в том, что сопоставимые посягательства имеют внешне схожие признаки, неправильно оценив которые, можно ошибочно констатировать наличие состава получения взятки, тогда как в действительности совершено хищение чужого имущества [1, с. 114].

Поэтому в практике нередко имеют место случаи, когда правильно установив все обстоятельства дела, правоприменительный орган ошибочно приходит к выводу о наличии в действиях должностного лица одновременно признаков получения взятки и хищения.

Комитетом государственной безопасности было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, состав которого предусмотрен ч. 4 ст. 210 УК, в отношении троих граждан Беларуси (один из них – директор ОАО). Эти граждане подозревались в том, что, вступив в сговор, похитили не менее 130 тыс. евро из денежных средств инновационного фонда концерна «Белнефтехим» при следующих обстоятельствах. Так, на ОАО проводился конкурс по закупке технологического оборудования, а именно – баллонов для хранения и транспортировки окиси этилена. Победу в конкурсе одержала фирма из Кипра, которая предложила баллоны по цене, завышенной в четыре раза. Победитель заключил контракт на поставку в адрес ОАО пар-

тии из 100 баллонов общей стоимостью около 300 тыс. евро. Поставленное оборудование не соответствовало необходимым техническим характеристикам, но деньги за него были перечислены на счет кипрской фирмы. Затем часть средств (около 130 тыс. евро) была переведена на счета оффшорной структуры на Виргинских островах и похищена. Директор ОАО был задержан сотрудниками КГБ после того, как он получил причитающуюся ему долю в сумме 32 тыс. евро. В отношении него также возбуждено еще одно уголовное дело по ч. 3 ст. 430 УК – получение взятки.

Определенным поводом для подобной квалификации может служить п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве», в котором хотя прямо и не дается ответ на поставленный вопрос, но отмечается, что «ответственность за дачу и получение взятки не исключает одновременного привлечения к уголовной ответственности за действия, хотя и не связанные со взяточничеством, но образующие самостоятельное преступление: незаконное участие в предпринимательской деятельности, соучастие в хищении имущества (например, получение в качестве взятки имущества, похищенного по подстрекательству взяткополучателя). В таких случаях содеянное также надлежит квалифицировать по совокупности преступлений». Это заставило ряд исследователей заключить, что совершение за взятку другого преступления с использованием служебных полномочий, предусмотренного иными главами УК вследствие особенностей объекта посягательства, следует квалифицировать по совокупности преступлений (например, хищение имущества путем злоупотребления служебными полномочиями – по ст. 430 и ст. 210 УК) [2, с. 1084; 3, с. 20].[1]

Однако в указанном разъяснении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, полагаем, содержится лишь отдельный случай квалификации взяточничества и хищения, который не позволяет достоверно разрешить квалификационную задачу в вышеприведенном примере. На практике же их (случаев) гораздо больше, и варианты квалификации взяточничества и хищения могут быть различными, потому как нельзя предложить одинаковый критерий для ситуаций, когда взятка передается из денежных средств, ранее похищенных виновными лицами и получением должностным лицом своей «доли» от совершенного преступления. Проблемы отграничения взятки от хищения возникают и при незаконных начислениях должностными лицами заработной платы или премиальных вознаграждений подчиненным с последующим получением от них определенной суммы необоснованно полученных денежных средств.

[1]Считаем, что поводом к подобной квалификации послужило разъяснение, содержащееся в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 23 сентября 1977 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве», в котором указывалось: «Получение в виде взятки должностным лицом по предварительному сговору со взяткодателем заведомо похищенных государственных или общественных средств надлежит квалифицировать по совокупности преступлений как получение или дача взятки и хищение государственного или общественного имущества».

Представляется, что определяющим моментом в разрешении данного вопроса будет являться анализ объективной стороны состава преступления, то есть тех действий, которые выполняло непосредственно должностное лицо. Немаловажным обстоятельством также является выяснение роли должностного лица в преступной деятельности, установление направленности его умысла. Проанализировав следственную ситуацию, приведенную выше и рассмотренные обстоятельства, можно заключить, что передача части похищенных денег одним участником хищения другому лицу не может рассматриваться как дача и получение взятки, т.к., являясь, например, основным исполнителем хищения денежных средств, должностное лицо одновременно не может быть их взяткополучателем. То есть, если должностное лицо участвует вместе с другими субъектами в хищении, то получение им своей доли похищенного не может рассматриваться как взяточничество. Вместе с тем, если сумма заключенной сделки объективно соответствует стоимости приобретаемого имущества, но должностное лицо ставит условие выплаты ему суммы от стоимости сделки, то имеет место получением этим лицом взятки [4, с. 151–156].

Р., начальнику цеха завода, вменялось получение от председателя колхоза Д. в виде взятки денежной суммы за благоприятное решение вопроса о ремонте коробки передач трактора. Как было установлено в судебном заседании, Д. передал денежную сумму Р. в качестве оплаты за ремонт коробки передач. Однако Р. не отремонтировал эту коробку передач, а изъял из числа неоприходованных на складе новую, и передал ее Д., о чем последний не знал. Исходя из этих обстоятельств, суд переквалифицировал действия Р., который являясь должностным лицом, злоупотребил своими служебными полномочиями, с корыстной целью передал в собственность колхоза отремонтированную неоприходованную коробку передач, находившуюся на складе готовой продукции завода, с получения взятки на хищение путем злоупотребления своими служебными полномочиями [5, с. 49].

Тем не менее, как нам представляется, в данной ситуации не до конца остались выясненными следующие обстоятельства. Ведь если никакой договоренности между Р. и Д. о передаче последнему новой коробки передач не было, то Р., безусловно, совершил хищение. Однако без правовой оценки остался факт получения им взятки за благоприятное решение вопроса, причем, когда Д. передавал деньги Р. за ремонт коробки передач, какой-либо договоренности между ними о ее замене (тем более хищении) не было (взятка не передавалась за действия, облегчающие совершение хищения). Не учитывать данное обстоятельство, будет не совсем правильным.

Полагаем, что правила квалификации взяточничества и хищения могут быть следующими (данные рекомендации также могут быть учтены при редактировании постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О судебной практике по делам о взяточничестве»):

– если должностное лицо получает материальные ценности или иное имущество за действия, совершенные им с использованием своих служебных

полномочий, которые и являются элементом объективной стороны хищения данного имущества, то такого рода деяние образует только хищение (например, участники хищения заранее договорились о совершении преступления, распределили роли, а затем должностное лицо получило свою «долю» от похищенной суммы) [6, с. 276–277; 7, с. 72–75; 8, с. 225–227];[1]

– если должностное лицо получает материальные ценности или иное имущество за действия, совершенные им с использованием своих служебных полномочий, и размер его вознаграждения не зависит от полученной преступниками выгоды (как правило, в такой ситуации взятка дается до совершения предполагаемого преступления), то подобные действия должностного лица подлежат квалификации как получение взятки (ст. 430 УК) и злоупотребление властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК);[2]

– если должностное лицо, используя свои полномочия, противоправно завладевает чужим имуществом (например, судебный исполнитель незаконно арестовывает чужое имущество и изымает его), а затем за вознаграждение (взятку) передает его другим лицам, то имеет место совокупность преступлений – ст.ст. 210 и 430 УК;

– если должностное лицо получает вознаграждение (взятку) за выдачу (оформление) фиктивных документов, дающих право на получение пенсий, пособий, надбавок к заработной плате и других выплат, то имеет место получение взятки (ст. 430 УК) и соучастие в хищении этих денежных средств или иного имущества (например, ст. 16 и ст. 209 УК);[3]

– если должностное лицо склоняет взяткодателя (или посредников) к передаче ему чужого имущества в виде взятки, то его действия необходимо расценивать как получение взятки (если передача состоялась) и соучастие в хищении (в форме подстрекательства);

– если должностное лицо (или его близкие) в качестве «вознаграждения» оформляется по совместительству в штат другой организации, и, не выполняя там никакой работы, получает за это заработную плату (оплата является незаконным вознаграждением за выполнение взяткополучателем определенных действий по основному месту работы), то содеянное должно образовывать хищение и получение взятки;

– если лицо предоставляет взятку за счет средств организации и в интересах этой организации, то такие действия не могут рассматриваться как

---

[1] Тем не менее, на практике очень трудно установить отношение должностного лица к передаваемому имуществу, т.е. считает ли оно это взяткой, платой за участие в совершении преступления либо участием в распределении преступного дохода.

[2] Если в первом вышеприведенном примере работникам следственных органов не удастся доказать тот факт, что должностное лицо получило свою «долю» от похищенного, то его действия будут свидетельствовать о получении им взятки и причинения ущерба организации (закупка оборудования по завышенной цене), т. е. о злоупотреблении властью или служебными полномочиями.

[3] Подобная квалификация объясняется тем, что должностное лицо само непосредственно не участвует в совершении хищения (не выполняет его объективную сторону), однако если эти денежные средства похищаются в организации, где работает это должностное лицо и посредством действий которого совершается преступление, и затем делятся между участниками, то содеянное будет образовывать хищение имущества.

хищение, а должны квалифицироваться как дача взятки (ст. 431 УК) и получение взятки (ст. 430 УК);[1]

– если должностное лицо получает взятку за счет ранее похищенных денежных средств (оно не является участником этого группового хищения, но заранее дало согласие на получение таких средств) за совершения каких-либо действий с целью сокрытия совершенного хищения, то оно должно нести ответственность за получение взятки (ст. 430 УК) и соучастие в хищении;

– если должностному лицу известно, что взятка дается или будет дана за счет имущества, заведомо добытого преступным путем (при этом взяткополучатель в завладении имуществом участия не принимал), то содеянное будет образовывать совокупность преступлений: получение взятки (ст. 430 УК) и приобретение либо сбыт материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем (ст. 236 УК).[2]

Список использованных источников

1. Владимиров, В.А. Социалистическая собственность под охраной закона / В.А. Владимиров, Ю.И. Ляпунов. – М.: Юрид. литература, 1979. – 200 с.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под общ. ред. А.В. Баркова. – Минск: Тесей, 2003. – 1200 с.
3. Барков, В.Н. Получение взятки: вопросы квалификации: автореф. дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.Н. Барков. – Омск, 2002. – 22 с.
4. Яни, П.С. Экономические и служебные преступления / П.С. Яни. – М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1997. – 208 с.
5. Добродей, А. Получение взятки и хищение имущества: разграничение и соотношение преступлений / А. Добродей // Судовы веснік. – 2001. – № 3. – С. 49 – 50.
6. Волженкин, Б.В. Служебные преступления / Б.В. Волженкин. – М.: Юристъ, 2000. – 368 с.
7. Яни, П.С. Взяточничество и должностное злоупотребление: уголовная ответственность / П.С. Яни. – М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез», 2002. – 120 с.
8. Светлов, А.Я. Ответственность за должностные преступления / А.Я. Светлов. – Киев: Наукова думка, 1978. – 304 с.
9. Клепицкий, И.А. Получение взятки в уголовном праве России. Комментарий законодательства / И.А. Клепицкий, В.И. Резанов // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2009.

[1] В судебно-следственной практике Российской Федерации известен случай, когда лицо было осуждено за хищение денежных средств, которые оно получило в кооперативе в подотчет и передало в интересах кооператива вымогавшему взятку должностному лицу, от которого зависела деятельность кооператива. Общее собрание кооператива в последующем приняло решение о списании переданных денег должностному лицу на убытки. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что в действиях виновного лица (сотрудника кооператива) отсутствует состав хищения [9]. В то же время, следует иметь ввиду, что если взяткодатель передавал имущество в своих личных интересах, то состав хищения будет иметь место.

[2] Некоторые ученые в данном аспекте полагают, что если взятка дается в пользу организации в безналичной форме, то в таком случае имеет место легализация («отмывание») материальных ценностей, приобретенных преступным путем (ст. 235 УК) [9].

Дата поступления статьи – 12.05.2011.

В статье рассматриваются актуальные проблемы квалификации должностного хищения (хищения, совершаемого с использованием должностных полномочий) и получения взятки. Автором анализируется судебно-следственная практика, правовая доктрина и рассматриваются различные варианты квалификации должностных хищений и взяточничества. Разработаны правила квалификации взяточничества и хищения с использованием должностных полномочий. Автором предлагается вариант рекомендаций по квалификации преступлений при соответствующей корректировке постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О судебной практике по делам о взяточничестве».

In the article actual problems of qualification of official plunder (the plunder made with use of official powers) and reception of a bribe are considered. The author analyzes judicial-investigatory practice, the legal doctrine and various variants of qualification of official plunders and bribery are considered. Rules of qualification of bribery and plunder with use of official powers are developed. The author the variant of recommendations about qualification of crimes is offered at corresponding updating of the decision of Plenum of the Supreme Court of Byelorussia «About judiciary practice on affairs about bribery».

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ: РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КВОТ НА ВНЕШНЮЮ ТОРГОВЛЮ ТОВАРАМИ

Шакель Н.В.

Статья 15 Закона Республики Беларусь от 20.07.2006 № 165-З «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон о борьбе с коррупцией) [1] в целях предупреждения коррупции устанавливает требования к порядку принятия отдельных решений государственными органами и иными государственными организациями в сфере экономических отношений. Особое внимание при этом уделено вопросу распределения квот. При принятии соответствующих решений государственные органы и иные государственные организации обязаны проводить открытые конкурсы или аукционы, кроме случаев поставки товаров (работ, услуг) естественным монополистом, а также в случаях, когда законодательством Республики Беларусь допускается иной порядок распределения квот (ст. 15 Закона о борьбе с коррупцией).

Квотой (от лат. *quota* – часть) является количественное ограничение (производства, сбыта, потребления, экспорта, импорта товаров), вводимое на определенный период времени [2].

Квотирование широко развито в сфере внешней торговли. Под внешней торговлей товарами понимается импорт и (или) экспорт товаров (Закон

Республики Беларусь «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» (далее – Закон о госрегулировании ВТД) [3]. При этом под импортом понимается ввоз товара на таможенную территорию Республики Беларусь для использования на территории Республики Беларусь и реализация этого товара на территории Республики Беларусь (п. 1.10 Закона о госрегулировании ВТД). Под экспортом товара, в свою очередь, понимается вывоз товара с таможенной территории Республики Беларусь в целях реализации за ее пределами (п. 1.12 Закона о госрегулировании ВТД).

Одним из основных методов государственного регулирования внешнеторговой деятельности является нетарифное регулирование, осуществляемое путем введения, прекращения действия количественных ограничений и иных мер государственного регулирования внешнеторговой деятельности, отличных от мер таможенно-тарифного регулирования (п. 1.17 Закона о госрегулировании ВТД).

Соответствующие действия осуществляются исходя из интересов экономической политики Республики Беларусь (меры экономической политики) или по основаниям неэкономического характера Президентом либо по его поручению Правительством Республики Беларусь [4].

С помощью нетарифных методов регулирования государство, с одной стороны, ограничивает использование иностранных товаров на внутреннем рынке, с другой, создает благоприятную среду для экспортных производств, защищая отечественных производителей и потребителей [5].

В частности, путем введения квотирования (контингетирования) как одного из способов нетарифного регулирования государство ограничивает ввоз (вывоз) товаров в определенных количестве и сумме за установленный период.

Следует отметить, что Всемирная торговая организация в своих документах, в частности, Генеральном соглашении по тарифам и торговле, предусматривает отказ от количественных ограничений на импорт, за некоторыми исключениями. Такие ограничения рассматриваются как крайняя мера, применение которой не должно быть чрезмерным и дискриминационным по отношению к каким-либо третьим странам, а возможно только на временной основе при неэффективности иных используемых решений [6].

Согласно части 3 ст. 15 Закона о борьбе с коррупцией метод и порядок распределения квоты на внешнюю торговлю товарами определяются Президентом Республики Беларусь или по его поручению Правительством Республики Беларусь. Причем, данная норма расположена в главе 3 Закона о борьбе с коррупцией, озаглавленной «Предупреждение коррупции».

На практике процедура установления и распределения квот на внешнюю торговлю товарами является достаточно сложной, регулируются нормативными правовыми актами, имеющими значительный объем и не всегда очевидное соотношение между собой.

В первую очередь обратимся к механизму распределения квот в Таможенном союзе, который нацелен на создание торгово-экономического объе-

динения, имеющего *единую таможенную территорию* и *режим, не допускающий каких-либо тарифных и нетарифных ограничений* (лицензирование, квотирование) во взаимной торговле, за исключением случаев, предусмотренных самим Договором (ст. 21 Договора о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве (далее – Договор о ТС 1999 г.) [7]. В ст. 12 Договора о ТС 1999 г. закреплено, что стороны устанавливают *единый порядок принятия согласованных* решений по *нетарифным мерам регулирования в торговле с третьими странами* (за исключением торговли продукцией военного назначения, ядерными материалами, товарами и технологиями двойного назначения и др. товарами, указанными в ст. 14 Договора о ТС 1999 г.).

Соглашением о единых мерах нетарифного регулирования при формировании Таможенного союза 1997 г. [8] было установлено, что *меры нетарифного регулирования* (количественные ограничения экспорта и (или) импорта, в том числе распределение квот, выдача лицензий экспортерам и (или) импортера) могут вводиться только в исключительных случаях (обеспечение национальной безопасности, выполнение международных обязательств, защита внутреннего рынка, ответные меры на дискриминационные ограничения третьими странами (ст. 6).

В соответствии с Соглашением о единых мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран 2008 г. [9] экспорт и импорт товаров в ходе осуществления торговли с третьими странами *на единой таможенной территории* осуществляются без количественных ограничений. Только в определенных случаях могут устанавливаться запреты и временные ограничения экспорта товаров (для предотвращения либо уменьшения критического недостатка на внутреннем рынке товаров, существенно важных для внутреннего рынка), а также ограничения импорта сельскохозяйственных товаров или водных биологических ресурсов, ввозимых в любом виде (в частности, в целях снятия с рынка временного излишка аналогичного отечественного товара).

Соглашение о порядке введения и применения мер, затрагивающих внешнюю торговлю товарами, на единой таможенной территории в отношении третьих стран (далее – Соглашение 2009 г.) [10] устанавливает процедуру применения нетарифных мер регулирования. Установлено, что предложение о введении, применении и отмене мер нетарифного регулирования в отношении отдельного вида товара может быть представлено по инициативе как Стороны (Сторон) Соглашения, так и Комиссии таможенного союза (КомТС). КомТС рассматривает предложение и принимает решение, которое подлежит опубликованию и вступает в силу на позднее 45 дней с даты публикации (ст. 2 Соглашения 2009 г.). Публикации подлежит информация о применении экспортной и (или) импортной квот, их объемах и сроках действия, а также о распределении импортной квоты между третьими странами (ст. 4 Соглашения 2009 г.).

При введении КомТС количественных ограничений применяются экспортные и импортные квоты, которые устанавливаются на определенный срок.

При экспорте количественные ограничения применяются только в отношении товаров, происходящих с единой таможенной территории и содержащихся в перечне товаров, являющихся существенно важными для внутреннего рынка таможенного союза (ст. 3 Соглашения 2009 г.). Такой перечень утверждается КомТС. В настоящее время действует перечень, утвержденный решением КомТС от 27.01.2010 № 168 «Об обеспечении функционирования единой системы нетарифного регулирования таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации» [11].

При импорте количественные ограничения применяются только в отношении товаров, происходящих из третьих стран. При этом КомТС доводит до третьей страны информацию о выделенной ей импортной квоте (ч. 4 ст. 3 Соглашения 2009 г.). КомТС распределяет импортные квоты между третьими странами на основе результатов консультаций со всеми поставщиками третьих стран, которые имеют долю 5 % и более в импорте данного товара на единую таможенную территорию, а при невозможности этого – с учетом объема поставок товара из этих стран в течение предшествующего периода (как правило, последние 3 года) (ч. 5 ст. 3 Соглашения 2009 г.).

Государства имеют право в одностороннем порядке временно вводить меры, затрагивающие внешнюю торговлю товарами и не носящие экономического характера, в том числе квоты, при направлении уведомления об этом КомТС за 3 дня до их введения (с указанием размера квоты). КомТС незамедлительно информирует таможенные органы Сторон о введении в одностороннем порядке временных мер, после чего такие органы не допускают ввоз и вывоз товаров без лицензии, выданной уполномоченным государственным органом исполнительной власти государства Стороны. КомТС также может принять решение о введении соответствующей меры на всей единой таможенной территории (ст.ст. 8–9 Соглашения 2009 г.).

Кроме указанных договоров, регулирование ввоза на единую таможенную территорию отдельных видов товаров осуществляется на основании отдельных соглашений.

Так, Решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества (высшего органа таможенного союза) от 27.11.2009 № 19 «О едином нетарифном регулировании таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации» [12] утвержден Единый перечень товаров, к которым применяются запреты или ограничения на ввоз или вывоз государствами – участниками таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества в торговле с третьими странами (Единый перечень товаров ЕврАзЭС).

Правительствами Республики Беларусь, Республики Казахстан и России в целях содействия экономической интеграции и добросовестной конкуренции 12.12.2008 подписано Соглашение об условиях и механизме применения тарифных квот (далее – Соглашение от 12.12.2008) [13]. Оно предусматривает применение при ввозе на единую таможенную территорию определенного количества (в натуральном или стоимостном выражении) отдель-

ных видов сельскохозяйственных товаров, происходящих из третьих стран, *более низкой ставки ввозной таможенной пошлины* при ввозе товара по сравнению со ставкой ввозной таможенной пошлины, применяемой в соответствии с Единым таможенным тарифом. Установлено требование наличия лицензии на ввоз на единую таможенную территорию в рамках тарифных квот товаров, выдаваемой на основании заявлений участников внешнеторговой деятельности, которым выделены квоты. При этом установлено, что метод и порядок распределения тарифной квоты между участниками внешнеторговой деятельности определяется КомТС (ст. 4 Соглашения от 12.12.2008).

КомТС также устанавливает тарифные квоты и ставки ввозных таможенных пошлин на товары, ввозимые на единую таможенную территорию в рамках тарифной квоты. Установление таких квот допускается, если аналогичные товары производятся (добываются, выращиваются) на единой таможенной территории. К товарам, ввозимым сверх квоты, применяются ввозные таможенные пошлины в соответствии с Единым таможенным тарифом.

Так, решением КомТС от 18.11.2010 № 505 утверждены Перечень товаров, в отношении которых с 1.01.2011 устанавливаются тарифные квоты, а также объемы тарифных квот для ввоза этих товаров на территории государств-членов Таможенного союза [14].

В рамках реализации данного решения постановлением Совмина от 21.01.2011 № 71 «О распределении тарифных квот на ввоз говядины, свинины и мяса птицы в 2011 году» [15] детализированы конкретные аспекты осуществления ввоза соответствующих товаров в рамках тарифных квот. В качестве органа, ответственного за распределение тарифных квот между юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, заявившими потребность в использовании тарифных квот для собственного производства, определен Минсельхозпрод. Министерство торговли Республики Беларусь должно не только выдать лицензии соответствующим участникам внешнеторговых отношений, но и информировать Минсельхозпрод об их количестве. Государственный таможенный комитет, в свою очередь, обязан обеспечить помещение ввозимых товаров под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления (на основании лицензий), а также информировать Минсельхозпрод об объемах ввоза говядины, свинины и птицы в 2011 г. как в рамках тарифных квот, так и вне них.

Таким образом, установление и распределение внешнеторговых квот осуществляется, по сути, в активном взаимодействии с зарубежными государствами, на основании целого ряда межгосударственных соглашений различного уровня.

Процедура распределения квот должна быть публичной, адекватной и недискриминационной. Это связано с тем, что, как отмечается в юридической литературе, монопольная власть чиновников, в частности, при установлении квот на экспорт и (или) импорт товаров и лицензировании экономиче-

ской деятельности называется в литературе в качестве одного институциональных условий, влияющих на возникновение и уровень коррупции [16].

Полагаем, однако, что действующая редакция ст. 15 Закона о борьбе с коррупцией, устанавливающая порядок определения метода и порядка распределения квоты на внешнюю торговлю, является по своей сути декларативной, так как никоим образом не влияет на предупреждение коррупции.

Представляется, что само по себе определение метода и порядка распределения квот не может способствовать предупреждению коррупции, не гарантирует, что итоговое решение о распределении квот будет гласным, открытым, доступным. Отметим, что Закон о борьбе с коррупцией не содержит соответствующих требований.

Вместе с тем, в ст. 15 Закона о госрегулировании ВТД закреплено следующее положение: «При принятии решения о введении квоты на внешнюю торговлю товарами Президент Республики Беларусь или по его поручению Правительство Республики Беларусь определяют метод и порядок распределения квоты. Распределение квоты осуществляется исходя из принципов равноправия участников внешнеторговой деятельности в отношении получения квоты и их недискриминации по признакам формы собственности, места регистрации и положения на рынке».

Полагаем, что именно в данной редакции рассматриваемая норма может быть признана направленной на недопущение коррупционных практик в соответствующих отношениях.

Вместе с тем, согласно требованиям нормотворческой техники следует избегать дублирования нормативных предписаний и их множественности по одному и тому же вопросу (ст. 23 Закона Республики Беларусь от 10.01.2000 № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» [17], п. 43 Указа Президента Республики Беларусь от 11.08.2003 № 359 «О мерах по совершенствованию нормотворческой деятельности» [18]. При этом предусмотрена возможность применения в нормативном правовом акте ссылок на иные действующие нормативные правовые акты, их структурные элементы применяются в случаях, если необходимо показать взаимную связь нормативных предписаний либо избежать их дублирования.

Как следствие, вызывает сомнения обоснованность в целом включения рассматриваемого положения в имеющейся редакции в Закон о борьбе с коррупцией. Более целесообразным, по нашему мнению, было бы исключение части 3 ст. 15 из Закона о борьбе с коррупцией либо добавление после имеющегося текста части 3 ст. 15 Закона о борьбе с коррупцией отсылки к Закону о внешнеторговой деятельности, соответствующее положение которого (ст. 15) следует признать более удачным и верным.

Таким образом, в Республике Беларусь возможно применение количественных ограничений во внешней торговле. Вместе с тем, законодательное регулирование указанного вопроса требует своего совершенствования, в частности, вызывает сомнения целесообразность включения соответствующих

положений в Закон о коррупции с учетом их более полного раскрытия в Законе о госрегулировании ВТД.

Список использованных источников

1. О борьбе с коррупцией: Закон Респ. Беларусь, 20.07.2006, № 165-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

2. Райзберг, Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцев // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.

3. О государственном регулировании внешнеторговой деятельности : Закон Респ. Беларусь от 25.11.2004 N 347-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

4. Постатейный комментарий к Закону Республики Беларусь от 18 февраля 1991 года «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» в редакции Закона от 19 июля 2005 года / Авторский коллектив. – 2006 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

5. Толочко О.Н. Современные методы государственного регулирования внешней торговли товарами, услугами и объектами интеллектуальной собственности (общий подход) / О.Н.Толочко // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

6. Ожигина, В.В. Количественные ограничения внешней торговли товарами в Таможенном союзе / В.В. Ожигина // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

7. Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве, 26.02.1999, г. Москва // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

8. Соглашение о единых мерах нетарифного регулирования при формировании Таможенного союза, 22.10.1997, г. Москва // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

9. Соглашение о единых мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран, 25.01.2008, г. Москва // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

10. Соглашение о порядке введения и применения мер, затрагивающих внешнюю торговлю товарами, на единой таможенной территории в отношении третьих стран, 09.06.2009, г. Москва // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

11. Об обеспечении функционирования единой системы нетарифного регулирования таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации: решение Комиссии Тамож. союза, 27.01.2010, № 168. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

12. О едином нетарифном регулировании таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации: решение Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества, 27.11.2009, № 19, с изм. от 22.06.2011) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

13. Соглашение об условиях и механизме применения тарифных квот, 12.12.2008, г. Москва // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

14. О Перечне товаров, в отношении которых с 1 января 2011 года устанавливаются тарифные квоты, а также объемы тарифных квот для ввоза этих товаров на территории государств-членов Таможенного союза: Решение Комиссии Таможенного союза, 18.11.2010, № 505. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

15. О распределении тарифных квот на ввоз говядины, свинины и мяса птицы в 2011 году: пост. Совета Мин. Респ. Беларусь, 21.01.2011, № 71 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

16. Мартыненко, Б.К. Причины коррупционного насилия в современной России / Б.К. Мартыненко // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.

17. О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 10.01.2000, № 361-З, с изм. и доп. от 02.07.2009 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

18. О мерах по совершенствованию нормотворческой деятельности (вместе с «Правилами подготовки проектов нормативных правовых актов»): Указ Президента Респ. Беларусь, 11.08.2003, № 359, с изм. и доп. от 28.01.2010 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

Дата поступления статьи – 15.09.2011.

В настоящей статье автором изучены некоторые вопросы осуществления государственного регулирования внешней торговли путем установления, применения и прекращения действия квот. Законодательство Республики Беларусь в целях предупреждения коррупции устанавливает некоторые требования, касающиеся метода и порядка распределения квот. Вместе с тем, установление квот на внешнюю торговлю требует активного взаимодействия государств в данной области. Автором анализируется ряд нормативных правовых актов, регулирующих сферу квотирова-

ния в рамках Таможенного союза. В заключение автором предлагаются варианты совершенствования законодательства Республики Беларусь

In the article theauthor begins with studying some of the issues of external trade regulation by establishing, applying and terminating of quotas. Belarusian legislation with a view to prevent corruption establishes some requirements that deal with method and procedure of quota allocation. However, imposing of quotas for outer trade requires active interaction between states in this sphere. Author also analyses a number of legislative acts that regulate sphere of quota allocation in the Customs Union. In the final part of the article author proposes ways to enhance legislation of Belarus.

АССОЦИАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ КАК РЕЗУЛЬТАТ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Яремко Г.З.

Современное развитие общественных отношений, их специализация, видоизменение настолько мобильные, что законодатель, если не желает, чтобы право было тенью, которая двигается лишь вслед, должен настолько же оперативно реагировать на наименьшие такие движения. Особенно остро этот вопрос появляется в уголовном праве, поскольку от того, насколько быстро прореагирует законодатель на смены в развитии правоотношений, будет зависеть их правовая охрана. Однако на сегодня правовая наука имеет в своем арсенале такую юридическую технику, которая позволяет формулировать нормативные предписания так, чтобы они охватывали широкий круг общественных отношений, невзирая на их вариации. В частности, речь идет об абстрактном способе изложения норм.

В доктрине права бесспорным является разделение норм права за уровнем обобщения изложения на казуальные (содержание нормы раскрывается индивидуализируемыми понятиями, путем перечня определенных фактов, случаев, действий, признаков и тому подобное) и абстрактные (содержание нормы раскрывается не индивидуализируемыми, а общими понятиями). Понятно, казуально и абстрактно изложенные нормы имеют свои позитивные и негативные стороны. В частности, казуальные нормы (диспозиции) более понятны гражданам, превентивное влияние их значительнее, чем такой диспозиции, где все признаки состава описаны обобщенно [6, с. 248–249; 10, с. 96]. Однако, абстрактная норма (диспозиция) точнее вписывается в систему права; более удобная для правоприменения; может охватывать более широкий круг деяний [12, с. 17]. Кроме этого, беспрекословным свойством именно абстрактного способа изложения уголовно-правовых норм является способность идти в ногу с непрестанным развитием общественных отношений, обеспечивать их правовой охраной. А поэтому, справедливо подчеркивал в

свое время Н.Д. Дурманов, что казуальная норма явно неприемлема для нашего права [4, с. 141].

Невзирая на это, законодатель не спешит отказываться от казуального способа изложения уголовно-правовых норм, продолжает «мельчить», расчленять их за счет выделения норм, которые предусматривают разные составы одного преступления, выделенных за степенью общественной опасности (с помощью квалифицирующих и льготных признаков; выделения, так называемых, специальных норм). Очевидно идет речь о процессах дифференциации уголовной ответственности, которая, безусловно, объективно необходима. Как указывает В.А. Навроцкий, качественный уголовный закон должен отображать криминогенную действительность, учитывать принципы уголовно-правовой политики (одним из которых и признается дифференциация уголовной ответственности), предоставлять правоохранительным органам и судам возможности для учета типичных признаков, которые определяют степень и характер общественной опасности посягательства [9, с. 442]. А поэтому определенный уровень казуальности норм объективно необходим и неминуем, поскольку обусловленный стремлением законодательно дифференцировать уголовную ответственность. Однако смущает то, что такой процесс осуществляется в значительной мере хаотически, непоследовательно, научно и социально необоснованно, а поэтому внешне такое «мельчение» уголовно-правовых норм выглядит, по меньшей мере, искусственно. Нередко законодатель на конкретные общественно опасные проявления реагирует нормой «спецназначения», как, например, в отношении криминализации Законом Украины от 22 декабря 2010 г. № 2852-VI занятия игральным бизнесом (ст. 203-2 Уголовного кодекса (далее – УК) Украины). Хотя и без такой «спецнормы» соответствующие деяния охватывались ст. 203 УК Украины, которая устанавливает ответственность за занятие запрещенными видами хозяйственной деятельности. Помимо прочего, стоит отметить, что нововведенная норма предусматривает еще и более мягкое наказание. Так что является критерием, основанием такой дифференциации?! Очевидно, право становится в руках законодателя не средством эффективного регулирования и охраны общественных отношений, а средством демонстрации «эффективности» политики конкретных лиц.

В целом дифференциация уголовной ответственности, которая не имеет под собой научно обоснованной основы, не зиждется на принципах, которыми следовало бы руководствоваться, напоминает движение корабля без штурвала. Понятно, что и последствия такого неуправляемого движения могут быть не меньше, чем от движения корабля. Иногда такие законодательные конструкции, созданные в процессе дифференциации, обезоруживают тех, кто пытается руководствоваться логикой во время поисков и выбора необходимой уголовно-правовой нормы. В связи с этим появляется вопрос о выработке единой концепции, теоретических основ, которые бы могли быть положенные в основу выделения разных составов одного и того же преступления за степенью общественной опасности. Более того, такие составы одного преступления

должны быть размещены в одной структурно выделенной нише, которая является предпосылкой стройности системы уголовного закона.

В науке уголовного права вопросы выделения разных составов одного и того же преступления по степени общественной опасности рассматриваются, обычно, в плоскости дифференциации уголовной ответственности, в частности, при рассмотрении норм о квалифицированных и привилегированных (льготных) составах преступлений, общих и специальных норм. При этом в литературе признают, что такие нормы предусматривают одно единое преступление. В.А. Навроцкий указывает на наличие у них единственной основы [9, с. 436]. Вместе с тем в общей теории права еще в 70-х годах прошлого века С.С. Алексеевым было указано на существование ассоциаций норм. Именно нормы, которые предусматривают разные варианты одного и того же преступления, которые связаны с разной степенью общественной опасности деяния, образуют, по мнению этого автора, в уголовном праве ассоциации норм [1, с. 77]. К сожалению, такой новый для научного сообщества термин, который помечает своеобразную группу норм, не нашел отзвук в трудах теоретиков права, тем более, в трудах криминалистов. Возможно, это нежелание ломать «священную» триаду системы права – «норма-институт-отрасль», возможно, обычный конформизм. И хотя не без основания отмечается в литературе, что специалисты в отрасли уголовного права, как правило, лишенные возможности обосновать свои идеи конкретными трудами, выполненными в рамках общей теории права [8]. Однако представляется, что теоретические разработки относительно ассоциаций правовых норм (хотя и незначительные) заслуживают внимание, являются именно тем незаменимым оплотом в исследовании и правильном применении норм, которые входят в такие объединения норм.

Поэтому исследование ассоциаций уголовно-правовых норм даст возможность определить их понятие, признаки, критерии выделения, структуру, системные связи между элементами, что является предпосылкой формирования концепции дифференциации уголовной ответственности. Однако для начала выясним, что является критерием объединения уголовно-правовых норм в ассоциации.

Этимологически слово «ассоциация» заимствовано из французского языка (фр. *association* происходит от латинского *associatio* – сочетание, связь) [5, с. 581]. Толковые же словари разъясняют такой термин, в частности, как соединение чего-либо в единственное целое [11, с. 67]. То есть ассоциацию образуют элементы, которые являются частицами одного целого. Таким образом, упрощенно ассоциация норм – это своеобразная «вязка», множественное число правовых предписаний, которые являются равноправными частями одного целого. При этом С.С. Алексеев подчеркивал, что нормы, которые образуют ассоциацию, условно по их месту и значению в такой целостности можно разделить на такие [1, с. 76–77]: основные (генеральные) – нормативные предписания, которые устанавливают общие правила; детализирующие – нормативные предписания, которые дают более точное решение той или дру-

гой детали регуляции; вариантные – нормативные предписания, рассчитанные на регуляцию в соответствии с генеральной нормой в специфических ситуациях, в особенных условиях, при своеобразных вариантах конкретных обстоятельств.

Безусловно, найти соответствующую ассоциацию норм бывает не так просто, однако чрезвычайно важно. И только зная структуру, все элементы такой системы норм, возможно, правильно установить связи между ними и избрать в процессе квалификации необходимую норму. Поэтому установление ассоциаций норм и их структурных связей является залогом правильной квалификации. Известно, что общими условиями существования любой структурной части права, которое определяет единство и однородность содержания, выступает единство предмета правовой регулирования и функциональное назначение [2, с. 49]. Поскольку, ассоциация также является структурной частью права, это дает основания утверждать, что в основе ее выделения также лежат эти два критерия: предмет правового регулирования и назначение.

Так, предметом правового регулирования есть то, на что оно направлено, а именно – правоотношения. В уголовном праве правоотношения, взятые под охрану, совпадают с понятием объекта уголовно-правовой охраны. В конечном итоге, именно объект преступления является основным критерием при построении системы Особенной части криминального закона. Систематизация же норм Особенной части по другим признакам (субъект, субъективная сторона, характер санкции и тому подобное) привела бы к объединении в одной главе или разделе абсолютно разных по своей сущности преступлений [7, с. 295]. Правда, законодатель далеко не всегда последователен при создании системы уголовного закона.

В чем же особенности предмета правовой регулирования ассоциаций уголовно-правовых норм? Как указывалось, нормы, которые образуют ассоциацию, предусматривают ответственность за посягательство на одни и те же правоотношения, однако расчленяющие («измельченные») с помощью вариантных указаний, в связи с чем посягательство на них образует отдельные составы одного преступления в зависимости от степени его общественной опасности. Ведь общественная опасность деяния определяется не только важностью объекта посягательства, но также, в ряде случаев, способом деяния, тяжестью последствий, характером вины, мотивов, обстановкой совершения преступления, в других случаях, – свойствами субъекта преступления [3, с. 132]. То есть объединительным звеном ассоциаций является то, что такие нормы предусматривают ответственность за посягательство на тождественные правоотношения. Это, в свою очередь, дает основания считать, что предметом охраны соответствующих ассоциаций уголовно-правовых норм является единственный для них непосредственный объект, то есть лишь те отношения, которые данным преступлением всегда нарушаются или ставятся в опасность нарушения [7, с. 299].

Однако необходимо учитывать сложный характер объектов. Большое количество составов преступлений имеет не один, а два или больше охраняемых объектов. Справедливо замечает В.Н. Кудрявцев (правда, относительно ранее действующего уголовного законодательства), что посягательства на жизнь предусмотрены едва ли не в каждом разделе Особенной части уголовного закона, но в каждом разделе они имеют свои специфические особенности в зависимости от других общественных отношений, которые при этом нарушаются. А потому классификация объектов, которая дана системой Особенной части, делает вывод автор, не имеет надлежащей точности [6, с. 170–171].

Покажем это на примере. Пункт 8 ч. 1 ст. 115 УК Украины предусматривает ответственность за умышленное убийство лица или ее близкого родственника в связи с выполнением этим лицом служебной или общественной обязанности. Рядом с этим в других разделах Особенной части УК Украины есть ряд статей, которые предусматривают ответственность за умышленное посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 112 УК Украины), судьи, народного или присяжного заседателя (ст. 379 УК Украины) и тому подобное. Очевидно, что в статьях 112 и 379 УК Украины основным непосредственным объектом выступают соответственно национальная безопасность в политической сфере и порядок осуществления правосудия. А жизнь человека выступает непосредственным, однако дополнительным обязательным объектом. Этот факт не создает препятствий для признания указанных норм частями ассоциации, которая предусматривает ответственность за умышленное лишение жизни. Определяющим является то, что, во-первых, в указанных нормах общий обязательный непосредственный объект и, во-вторых, в основе этих норм единственное ядро – привязка к общей норме, которой в этой ситуации есть норма, закрепленная в ст. 115 УК Украины, варьируемая в статьях 112 и 379 УК Украины.

Поэтому можно сделать вывод, что *предметом регулирования ассоциаций уголовно-правовых норм* является общий для всех таких норм непосредственный объект. При этом такой непосредственный объект выступает в так называемой генеральной норме лишь как основной, тогда как в вариантных нормах может выступать как основной, так и дополнительный. Это значит, что нормы, образующие ассоциацию, могут находиться как в одной статье, так и в разных статьях одного или разных разделов Особенной части УК Украины.

Что же касается второго критерия выделения структурных частей права – их *назначение* – таким для ассоциаций уголовно-правовых норм, очевидно, является обеспечение дифференцированной охраны определенных тождественных общественных отношений от преступления в зависимости от степени его общественной опасности. То есть фактически в ракурсе этого исследования означает установление отдельных видов ответственности за разные составы одного и того же преступления с помощью, собственно, таких вариантных (конкретизирующих) указаний.

Поэтому по результатам такого обзорного исследования можно утвердить, что уголовно-правовые нормы, которые предусматривают разные составы одного и того же преступления в зависимости от его общественной опасности, являются частями системного образования – ассоциаций, которые являются результатом законодательного процесса дифференциации уголовной ответственности.

Список использованных источников

1. Алексеев, С.С. Общая теория права: в 2-х томах / С.С. Алексеев. – Том II. – М.: Юрид. литература, 1982. – 360 с.
2. Алексеев, С.С. Структура советского права / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. литература, 1975. – 264 с.
3. Дурманов, Н.Д. Понятие преступления / Н.Д. Дурманов; отв. ред. М.Д. Шаргородский. – Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1948. – 316 с.
4. Дурманов, Н.Д. Советский уголовный закон / Н.Д. Дурманов. – М.: Издательство Московского университета, 1967. – 320 с.
5. Загуройко, О.Я. Великий універсальний словник української мови / О.Я. Загоруйко. – Харків: ТОРСІНГ ПЛЮС, 2009. – 768 с.
6. Кудрявцев, В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1963. – 324 с.
7. Курс советского уголовного права (Часть Общая) / [Отв. редакторы Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский]. – Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1968. – Том 1. – 646 с.
8. Навроцький, В.О. Місце теорії кримінально-правової кваліфікації в системі науки / В.О. Навроцький // Інтернет-вид@нння «Юриспруденція on-line». – Режим доступу: http://www.lawyer.org.ua.
9. Навроцький, В.О. Основи кримінально-правової кваліфікації: навчальний посібник / В.О. Навроцький. – К.: Юрінком Інтер, 2006. – 704 с.
10. Наумов, А.В. Приминение уголовно-правовых норм (по матеріалам следственной и прокурорско-судебной практики): учеб. пособие / А.В. Наумов. – Волгоград: Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел, 1973. – 176 с.
11. Словник української мови. – Том перший (А-В) / [І.К. Білодід, А.А. Бурячок, В.О. Винник та інші]; заг. ред. П.Й Горецький, А.А. Бурячок, Г.М. Гнатюк, Н.І. Швидка. – К.: Видавництво «Наукова думка», 1970. – 800 с.
12. Тарарухин, С.А. Квалификация преступлений в судебной и следственной практике / С.А. Тарарухин. – К.: ЮРИНКОМ, 1995. – 208 с.

Дата поступления статьи – 14.09.2011.

В статье рассматриваются ассоциации уголовно правовых норм как системное образование норм, которые предусматривают дифференцированную уголовную ответственность за разные составы одного и того же преступления в зависимости от его общественной опасности. Речь идет, в частности, о нормах, которые

предусматривают квалифицированные и привилегированные составы преступлений, а также об общих и специальных нормах.

Указывается, что элементы ассоциаций – уголовно-правовые нормы – есть частями одного целого. Обосновывается, что критерием выделения ассоциаций уголовно-правовых норм является предмет охраны (общий и единственный непосредственный объект) и назначения (обеспечение дифференцированной охраны определенных тождественных общественных отношений от преступления в зависимости от степени его общественной опасности).

Целью разработки понятия ассоциаций уголовно-правовых норм является формирование концепции дифференциации ответственности в уголовном законе.

In the article associations of criminal norms as such system formation of norms are examined. Such norms fasten foresee the differentiated criminal responsibility for different the same corpus delicts depending on his public danger. The question is, in particular, about norms which foresee skilled and privileged compositions of crimes, and also about general and special norms.

Marked, that elements of associations of criminal norms are parts one whole. Grounded, that the criterion of selection of associations of criminal norms are the article of guard (general direct object) and setting (providing of the differentiated guard depending on the degree of public danger of crimes).

The purpose of development of concept of associations of criminal norms is forming of conception of differentiation of responsibility in a penal law.

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СТАДИИ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ПО ВНОВЬ ОТКРЫВШИМСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Букато Л.Г.

Правовое регулирование стадии производства по уголовным делам по вновь открывшимся обстоятельствам нуждается в комплексном и системном совершенствовании. Дело в том, что Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – УПК) правоотношения, возникающие в ходе рассматриваемой стадии процесса, урегулированы не в полной мере, кроме того, в главе 43 УПК имеются и очевидные противоречия действующих норм. Вследствие указанных обстоятельств правоприменители сталкиваются с неизбежными трудностями реализации положений УПК о производстве по уголовным делам по вновь открывшимся обстоятельствам, от разрешения которых напрямую зависит обеспечение надлежащих гарантий участникам уголовно-процессуальных отношений. В контексте обозначенной проблемы тематика исследования представляется актуальной и обоснованной ввиду необходимости дальнейшего продуманного, основанного на глубокой теоретической проработке вопроса, совершенствования нормативных предписаний о производстве по уголовным делам по вновь открывшимся обстоятельствам.

Исторически первое упоминание о пересмотре решения суда относится к 1588 г.: в Уставе Великого княжества Литовского этого года предусматривалась возможность апелляции по «кровавым делам» (артикул 67) [1, с. 179]. Об апелляции упоминается и в Кратком изображении процессов или судебных тяжб 1715 г., а правила производства апелляционных дел были сформулированы в виде отдельного документа уже в 1762 г. [2, с. 840; 3, с. 882–884]. В последующем порядок апелляции и кассации был более детальным образом урегулирован Уставом уголовного судопроизводства 1864 г., в который, вместе с тем, впервые были включены положения о возобновлении уголовных дел.

Таким образом, до принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – Устав) какого-либо упоминания о возможности возобновления дела по вновь открывшимся и новым обстоятельствам в законодательстве не имелось. В Устав уголовного судопроизводства 1864 г. были включены положения, ставшие, в последующем, основой законодательного формирования института возобновления уголовных дел ввиду вновь открывшихся и но-

вых обстоятельств. Так в общих положениях Устава предусматривалось, что «оправданный вошедшим в законную силу приговором надлежащего суда не может быть вторично подвергнут следствию и суду по тому же самому преступлению, если бы даже открылись к его изобличению новые обстоятельства» (ст. 21) и что «присужденный вошедшим в законную силу приговором к наказанию или взысканию не может быть вновь судим по тому же делу, хотя бы впоследствии были обнаружены обстоятельства, увеличивающие его вину». В то же время, в соответствии со ст. 23 Устава указанные правила не распространялись на случаи, когда судом признавалось, что состоявшийся приговор был последствием подлога, подкупа или иного преступления. Аналогичные положения были закреплены и в ст.ст. 24–26 Устава: «обвиняемый, о котором дело было прекращено в установленном порядке, но без постановления судебного приговора, может быть привлечен к ответственности, по особому о том определению суда, когда прежде истечения срока давности будут обнаружены к его изобличению новые обстоятельства» (ст. 24); «открытие доказательств невиновности осужденного или понесение им наказания, по судебной ошибке, свыше меры содеянного, признается законным поводом к возобновлению о нем дела в установленном на то порядке» (ст. 25); «восстановление чести и прав невинно осужденного допускается во всякое время, не смотря ни на протечение давности, ни на смерть осужденного» [4]. В соответствии со ст. 180 Устава допускалось возобновлять уголовные дела в «мировых судебных установлениях» в случае открытия новых обстоятельств, обнаруживающих невиновность осужденного или подложность доказательств, на которых основан вошедший в законную силу приговор мирового судьи или мирового съезда, но не иначе как с разрешения кассационного департамента по уголовным делам Правительствующего Сената. Возобновление уголовных дел в «общих судебных местах» осуществлялось в соответствии со ст.ст. 934–940 главы пятой раздела пятого «О порядке обжалования решений общих судебных установлений» книги II Устава «Порядок производства в общих судебных местах». Возобновление уголовных дел допускалось также Правилами об устройстве судебной части и производстве судебных дел в местностях, в которых введено Положение о земских участковых начальниках (издание 1892 г.): в соответствии со ст. 243 отделения девятого главы третьей раздела второго Правил «в случае открытия новых обстоятельств, обнаруживающих невиновность осужденного или подложность доказательств, на которых основан вошедший в законную силу приговор земского начальника, городского судьи или уездного съезда, дело может быть возобновлено, но не иначе как с разрешения соединенного присутствия первого и уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената». В соответствии с Уставом возобновление уголовных дел в различных судебных инстанциях осуществлялось с соблюдением общих правил, установленных в ст.ст. 936–940 Устава.

В соответствии со ст. 935 Устава законными причинами возобновления дела признавались: осуждение различными приговорами нескольких лиц

за одно и то же и притом такое преступление, совершение которого одним из осужденных доказывает невозможность совершения его другими; осуждение кого-либо за убийство человека, оказавшегося впоследствии живым, или за иное преступление, которое не совершилось, и вообще открытие доказательств невиновности осужденного или понесения им наказания по судебной ошибке, свыше меры содеянного; открытие подложности документов или лживости показаний, на которых основан приговор, и другие.

Нормы Устава о возобновлении дел действовали вплоть до революции и в дальнейшем не сразу нашли свое отражение в законодательстве советского периода развития нашего государства. Так, в Декрете № 1 советской власти о суде упоминалось лишь об апелляционном и кассационном порядках пересмотра приговоров и иных судебных решений, в Декрете № 2 советской власти о суде предусматривалось, что обжалования в апелляционном порядке отменяются и допускается только кассация решения, а Декретом № 3 советской власти о суде для рассмотрения кассационных жалоб на решения окружных народных судов как по гражданским, так и по уголовным делам взамен судебного контроля в г. Москве был временно учрежден Кассационный суд [5, с. 124–126, 466–474]. В Положении Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (далее – ВЦИК) о народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (далее – РСФСР) от 30 ноября 1918 г. и Положении ВЦИК о народном суде РСФСР от 21 октября 1920 г. также определялся лишь порядок кассационного обжалования приговоров и решений народного суда [6, с. 97–110; 7, с. 81–94]. О кассации упоминалось и в Декрете ВЦИК об утверждении Положения о революционных трибуналах [8, с. 39–41].

Первое указание на рассматриваемый институт содержалось в Положении о революционных военных трибуналах от 20 ноября 1919 г., ст. 38 которого предусматривала, что в случае открытия указанных в ней новых обстоятельств дело могло быть возобновлено, но не иначе как с разрешения революционного военного совета, при котором состоял революционный военный трибунал, постановивший приговор [9, с. 296]. В последующем, в постановлении Народного комиссариата юстиции РСФСР от 26 ноября 1920 г. «Об отделах Наркомюста» указывалось, что на отдел судебного контроля возлагается функция возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам [10]. Особенности возобновления дел ввиду вновь открывшихся обстоятельств были предусмотрены в Положении Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о высшем судебном контроле от 10 марта 1921 г. (далее – Положение) [11, с. 188–190]. В соответствии с п. 1 названного Положения разрешение вопроса о возобновлении судебных дел ввиду вновь открывшихся обстоятельств, независимо от того, каким органом РСФСР эти дела были рассмотрены, возлагалось на Народный комиссариат юстиции и допускалось лишь в следующих случаях: а) открытие новых, не имеющихся в виду суда доказательств невиновности осужденного; б) установление по суду ложности свидетельских показаний

или подлога документов, на которых основаны приговор или решение; в) установление по суду корыстных или недобросовестных действий, допущенных кем-либо из состава суда при рассмотрении данного дела (п. 4). В соответствии с пп. 5 и 6 Положения заявления о возобновлении дела могли подаваться не только непосредственно в Народный комиссариат юстиции, но также и в судебный орган, рассматривавший дело по существу, который в двухнедельный срок со дня получения им заявления о возобновлении дела или требования Народного комиссариата юстиции о высылке дела представляет в Народный комиссариат юстиции все производство по делу со своим заключением по вопросу о возобновлении дела. В случае признания дела подлежащим возобновлению Народный комиссариат юстиции передавал дело в надлежащий орган на новое рассмотрение.

Дальнейшее законодательное становление рассматриваемого института связано с процессом кодификации уголовно-процессуальных норм. Так, в принятом 25 мая 1922 г. первом УПК РСФСР глава 27 была посвящена производству по возобновлению дел по вновь открывшимся обстоятельствам и более детально, по сравнению с Положением, регулировала порядок возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам. В частности, УПК РСФСР 1922 г. устанавливались основания возобновления дел, по которым состоялись вошедшие в законную силу приговоры народного суда (ст. 378) и уточнялся порядок их применения (ст. 380), определялся круг субъектов, имеющих право ходатайствовать о возобновлении дела (ст. 381), а также особенности разрешения ходатайств о возобновлении дела, направленных заинтересованными лицами и учреждениями прокурору (ст.ст. 382–383). УПК РСФСР 1922 г. в качестве органа, уполномоченного на рассмотрение ходатайства о возобновлении дела, был назван Народный комиссариат юстиции, имеющий право в случае вынесения определения об отмене первоначального приговора, по которому осужденный отбывает наказание, приостанавливать дальнейшее отбывание наказания до нового рассмотрения дела. УПК РСФСР 1922 г. определялся и порядок производства по делу, по которому первоначальный приговор был отменен: ст. 387 предусматривала, что народный суд рассматривает дело и постановляет приговор на общем основании, а постановленный приговор может быть обжалован на общем основании в совет народных судей [12]. Практически полностью нормативные предписания об институте возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам, изложенные в УПК РСФСР 1922 г., дублировались и в следующем УПК РСФСР, утвержденном постановлением ВЦИК от 15 февраля 1923 г. [13]. В качестве нововведений УПК РСФСР 1923 г. следует отметить внесение в порядок производства по возобновлению дел по вновь открывшимся обстоятельствам изменения об органе, уполномоченном на рассмотрение вопроса о возобновлении дела: в соответствии со ст. 378 УПК РСФСР 1923 г. таким органом являлся Верховный Суд, а точнее, его кассационная коллегия. Данное существенное обстоятельство в регулировании рассматриваемого института было сформулировано и в Основах уголовного судопроизводства

Союза ССР и союзных республик, утвержденных постановлением Президиума ЦИК от 31 октября 1924 г. В соответствии со ст. 30 Основ возобновление уголовных дел по вновь открывшимся обстоятельствам допускалось лишь по постановлениям верховных судов союзных республик и высших или главных судов Автономных Республик и Верховного Суда Союза ССР по представлению прокурорского надзора и лишь по делам, отнесенным к их компетенции, иные органы и суды не могли постановить самостоятельно о возобновлении судебного рассмотрения дела и пересмотре дела [14].

Правом возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам, если приговоры и определения по ним были вынесены народными судами, обладали суды среднего звена в Узбекской ССР (ст. 175 УПК Узбекской ССР 1929 г.) и Таджикской ССР (ст. 154 УПК Таджикской ССР 1935 г.) [15, с. 77]. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 августа 1954 г. «Об образовании президиумов в составе Верховных судов союзных и автономных республик, краевых, областных судов и судов автономных областей» президиумы областных и равных им по своим полномочиям судов, ставшие органами судебного надзора, также не были наделены правом рассмотрения дел по вновь открывшимся обстоятельствам [16]. Дальнейшее развитие рассматриваемый институт получил в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. Так, в ст. 50 документа предусматривалось, что вступивший в законную силу приговор может быть отменен по вновь открывшимся обстоятельствам, при этом пересмотр оправдательного приговора допускается лишь в течение установленных законом сроков давности привлечения к уголовной ответственности и не позже одного года со дня открытия новых обстоятельств [17, с. 29]. Формулировка ст. 50 исчерпывалась лишь указанными выше положениями и не предусматривала ни перечня оснований к возобновлению дел по вновь открывшимся обстоятельствам, ни процессуальный порядок такого возобновления, поэтому дальнейшее совершенствование института было необходимым и воплотилось в соответствующих нормах уголовно-процессуальных кодексов союзных республик. Так, в принятом 29 декабря 1960 г. УПК БССР глава 34 (полностью дублировавшая содержание главы 31 УПК РСФСР 27 октября 1960 г.) была посвящена регулированию института возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам и наряду с главой 33, регулирующей порядок производства в порядке надзора, входила в раздел VII «Пересмотр приговоров, определений и постановлений, вступивших в законную силу». Незначительные изменения в главу 34 УПК БССР 1960 г. были внесены указами Президиума Верховного Совета Республики Беларусь от 22 сентября 1983 г. и 30 ноября 1989 г. [18]. Окончательно институт возобновления уголовных дел по вновь открывшимся обстоятельствам оформился в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. Нормы о производстве по уголовным делам по вновь открывшимся обстоятельствам были включены в УПК в качестве самостоятельного раздела XIII и с момента введения УПК в действие неоднократно корректировались: Законом Респуб-

лики Беларусь от 11 мая 2000 г. «О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь», Законом Республики Беларусь от 20 декабря 2007 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь», Законом Республики Беларусь от 27 декабря 2010 г. «О внесении дополнений и изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь», Законом Республики Беларусь от 1 ноября 2007 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь, признании утратившими силу некоторых актов законодательства Республики Беларусь и отдельных положений актов законодательства Республики Беларусь в связи с принятием Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей», Законом Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. «О внесении дополнений и изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам совершенствования правового механизма пересмотра судебных постановлений».

В числе существенных изменений и дополнений в главу о производстве по вновь открывшимся обстоятельствам, внесенных в УПК с момента введения его в действие, – изменения и дополнения, внесенные Законом Республики Беларусь от 27 декабря 2010 г., которым заявителям предоставлено право обжаловать постановление прокурора об отказе в возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам не только вышестоящему прокурору, но и в суд, а также Законом Республики Беларусь от 18 июля 2011 г., которым предусмотрено, что в отношении постановлений Президиума Верховного Суда Республики Беларусь разрешение вопроса о возобновлении производства по уголовному делу осуществляется Пленумом Верховного Суда Республики Беларусь [18].

Таким образом, действующее законодательство Республики Беларусь во многом было основано на демократических по своей сути нормативных предписаниях дореволюционной России. Последнее, в частности, выразилось в преемстве в уголовном процессе института, направленного на всемерную охрану прав и законных интересов граждан с целью эффективной реализации целей и задач правосудия, – института возобновления уголовных дел по вновь открывшимся обстоятельствам. Однако действовавшее в советский период развития нашего государства уголовно-процессуальное законодательство, регламентировавшее стадию возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам, было не лишено серьезных пробелов, которые появились и в действующем белорусском законодательстве в результате механического перенесения нормативных предписаний. В то же время, некоторые положения, прогрессивные по своему характеру, по неизвестным причинам не были восприняты законодателем в ходе подготовки УПК. Так, в соответствии с пп. 1–3 ч. 2 ст. 418 УПК основаниями возобновления производства по уголовному делу по вновь открывшимся обстоятельствам являются установленные вступившим в законную силу приговором указанные в этих пунктах преступные действия, повлекшие постановление незаконного приговора, вынесение незаконных определения или постановления, а в соответствии с ранее

действовавшим УПК 1960 г. допускалось также нарушение такого предъявляемого к приговору требования, как обоснованность. УПК 1960 г. однозначно определялась лишь одна форма установления наличия либо отсутствия оснований для возобновления уголовного дела – их расследование, а УПК предусматривается, что наряду с расследованием может проводиться проверка, при этом порядок ее, объем полномочий прокурора и некоторые иные вопросы не разрешаются, что влечет за собой ряд трудностей при правоприменении.

Как видится, в процессе дальнейшего совершенствования законодательства необходимо изучить и надлежащим образом оценить указанные выше обстоятельства и формулировать дополнения и изменения в главу 43 УПК на основе такой оценки и сравнительного анализа, основы которого отражены в проведенном исследовании.

Список использованных источников

1. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г. / пер. на сучасную бел. мову А.С. Шагун. – Мінск: Беларусь, 2010. – 207 с.: іл.

2. Законодательство Петра I / В.М. Клеандрова [и др.]; отв. ред. А.А. Преображенский. – М.: Юрид. литература, 1997. – 880 с.

3. Законодательство Екатерины II: в 2 т. / О.И. Чистяков (отв. ред.) [и др.]. – М.: Юрид. литература, 2001. – Т. 2. – 984 с.

4. Свод законов Российской Империи / Т. 16, ч. 1: Судебные уставы. – Санкт-Петербург, 1892.

5. Декреты советской власти: в 17 т. / Том I: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – 626 с.

6. Декреты советской власти: в 17 т. / Том IV: 10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г. – М.: Издательство политической литературы, 1968. – 732 с.

7. Декреты советской власти: в 17 т. / Том XI: октябрь–ноябрь 1920 г. – М.: Издательство политической литературы, 1983. – 468 с.

8. Систематический сборник важнейших декретов 1917–1920 гг. / Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. – М., 1920. – 272 с.

9. Декреты советской власти: в 17 т. / Том VI: 1 августа 1919 г. – 9 декабря 1919 г. – М.: Издательство политической литературы, 1973. – 584 с.

10. Об отделах Наркомюста: постановление Народного комиссариата юстиции РСФСР, 26 ноября 1920 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. – 1920. – № 90. – Ст. 465.

11. Декреты советской власти: в 17 т. / Том XIII: 1 февраля – 31 марта 1921 г. – М.: Изд-во политической литературы, 1989. – 573 с.

12. Об Уголовно-процессуальном кодексе: постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, 25 мая 1922 г. // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 4000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2011.

13. Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, 15 февраля 1923 г. // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 4000 [Электронный ресурс] / ООО »ЮрСпектр». – М., 2011.

14. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик : постановление Президиума ЦИК, 31 октября 1924 г. / [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://www.lawmix.ru/sssr/16982. – Дата доступа: 04.10.2011.

15. Громов, Н.А. Вновь открывшиеся обстоятельства в уголовном процессе / Н.А. Громов. – М.: Спарк, 1999. – 220 с.

16. Об образовании президиумов в составе Верховных судов союзных и автономных республик, краевых, областных судов и судов автономных областей : Указ Президиума Верховного Совета СССР, 14 августа 1954 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1954. – № 17. – Ст. 360.

17. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. – М.: Юрид. литература, 1965. – 32 с.

18. КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 4000 [Электронный ресурс] / ООО »ЮрСпектр». – Минск, 2011; Збор законаў Беларускай ССР, указаў Прэзідыума Вярхоўнага Савета Беларускай ССР, Пастаноў Савета Міністраў Беларускай ССР. – 1989. – № 35. – Ст. 389

Дата поступления статьи – 20.10.2011.

В настоящей статье исследован вопрос исторического становления и развития законодательства о производстве по уголовным делам по вновь открывшимся обстоятельствам. Основная часть работы посвящена рассмотрению дореволюционного уголовно-процессуального законодательства и законодательства советского периода, вместе с тем, автором дается и краткая характеристика действующего уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь по проблематике, анализируются некоторые нормы, нуждающиеся в дальнейшем совершенствовании.

In the article below has been given the research of the question of the historical formation and development of the legislation on criminal proceedings on newly discovered circumstances. Most of the work is devoted to the investigation pre-revolutionary criminal procedure law and the law of the Soviet period, however, the author gives a brief description of current legislation on criminal procedure of the Republic of Belarus on the issues, analyses some rules that need further improvement.

ВИДЕОФИКСАЦИЯ ХОДА И РЕЗУЛЬТАТОВ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Гучок А.Е., Солтанович А.В.

Под фиксацией информации в уголовном процессе понимается **документальное** удостоверение факта производства, содержания и результатов процессуальных действий, выполненное в порядке, установленном законом.

Основным средством фиксации информации при этом является протокол процессуального действия. В статье 5 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) протокол определяется как документ, в котором удостоверяются факт производства, содержание и результаты процессуальных действий, составленный в порядке, установленном Кодексом.

Для обеспечения полноты протокола могут применяться стенографирование, звуко- и видеозапись. Полученные стенографические записи, фотографические негативы и снимки, диапозитивы, фонограммы допроса, кассеты видеозаписи, видеограммы прилагаются к протоколу соответствующего процессуального действия и хранятся при уголовном деле. Упомянутые приложения к протоколам следственных действий рассматриваются в качестве дополнительных средств фиксации.

Наиболее распространенным среди дополнительных средств фиксации информации в уголовном процессе является видеозапись. Она позволяет отображать на материальных носителях ход и результаты процессуальных действий в динамике, со звуком, с максимальной полнотой.

Несомненные достоинства видеозаписи в сравнении с иными средствами фиксации состоят в следующем. Видеозапись может выполняться в условиях ограниченной освещенности, без использования в отдельных случаях дополнительных осветительных приборов. При видеозаписи контролируется качество съемки. Один и тот же носитель информации может использоваться для видеозаписи многократно. Автономное питание, небольшой вес и малые габариты аппаратуры, видоискатели в виде жидкокристаллических мониторов, сочетаемость с портативными компьютерами позволяют воспроизводить полученные видеограммы непосредственно на месте производства следственного действия. Переход к цифровым носителям информации практически не ограничивает объемы фиксируемых данных и не требует значительных финансовых вложений на расходные материалы.

По мнению А.И. Кострова, применение видеозаписи позволяет решить следующие практические задачи. Во-первых, она с документальной точностью фиксирует исследуемое событие в динамике (например, при проверке показаний на месте, при следственном эксперименте и т. д.). Во-вторых, позволяет сохранить зафиксированную информацию о динамических признаках объекта, воспроизводить и оценивать ее в любое время на предварительном следствии и в суде. В-третьих, дает возможность изучать недоступные человеческому восприятию быстропротекающие процессы. В-четвертых, фикси-

рует события не только в динамике, но и во времени. В-пятых, материалы видеозаписи становятся готовыми уже на месте производства следственных действий. Это предполагает, что при оперативной надобности видеозапись может быть передана по телевизионным каналам связи, например, для установления личности задержанного, для организации опознания неизвестных лиц на расстоянии и других следственных действий [2, с. 83].

Следует обратить внимание и на иные, весьма важные преимущества использования технических средств видеозаписи при проведении следственных действий. К таковым относится возможность отображения психического состояния участников следственного действия, особенности их поведения, голоса, речи. Так, при проведении допросов лиц, не способных последовательно излагать сведения о происшедших событиях ввиду неразвитой речи и ограниченного словарного запаса, в структуре данного следственного действия практически полностью отсутствует стадия свободного рассказа. Получение информации от таких субъектов состоит в том, что им вынужденно задаются серии вопросов, которые зачастую требуют однозначных ответов. При этом сущность вопроса должна охватывать все возможные, а чаще всего просто альтернативные варианты ответов. При такой тактике проведения следственного действия получаемые сведения обобщаются следователем и записываются в протокол без отображения существенных индивидуальных речевых признаков лица, дающего показания, особенностей его состояния и отношения к происходящему. В случае отказа допрошенным субъектом от ранее данных показаний при реализации описанных тактических особенностей допроса и назначения судебно-авторoведческой экспертизы, результаты таковой однозначно укажут, что автором текста, изложенного в протоколе, является именно следователь.

Очевидно, что применение видеозаписи при проведении следственных действий существенным образом влияет на тактику их проведения. Так, при производстве допроса без использования видеозаписи и соответственно изготовления протокола в процессе проведения следственного действия проблематичным становится использование тактических приемов изобличения, а результаты применения психологических реагентов и ловушек отражаются в протоколе далеко не точно. Применение технических средств видеозаписи позволяет следователю в полной мере сконцентрировать усилия на познавательной деятельности, контролировать поведение участников следственного действия, предъявлять допрашиваемому вещественные доказательства и документы, а по окончании свободного рассказа оглашать показания, имеющиеся в уголовном деле, воспроизводить звуко- и видеозапись или киносъемку. Запечатленная с помощью средств видеозаписи информация обеспечивает последующее ее восприятие со всеми особенностями поведения, состояния и реакций допрашиваемых лиц.

Существенное снижение стоимости видеозаписывающих устройств, их постоянно увеличивающиеся возможности, повышающееся качество фиксации, уменьшающиеся размеры аппаратуры – все это открывает перспективы

более активного использования видеотехники при проведении процессуальных действий. По нашему мнению, наиболее актуальными направлениями использования технических средств видеозаписи являются:

– стационарная установка видеокамер с дальнейшим постоянным их расположением в соответствующих помещениях с целью фиксации в предусмотренном законом порядке процессуальных действий;

– выполнение видеосъемки при фиксации следственного действия с повышенной активностью участников вне помещений органа предварительного расследования двумя, а при необходимости, и большим количеством носимых камер. При этом одной камерой уполномоченным субъектом выполняется видеозапись следственного действия по известным правилам, с использованием традиционных приемов и способов и с соблюдением всех процессуальных норм. Другая камера, компактных размеров, будучи прикрепленной к одежде участника следственного действия, выполняет функцию видеорегистратора в автоматическом режиме, непрерывно, на протяжении хода всего следственного действия. Такая камера фиксирует пространство, находящееся непосредственно перед субъектом, на теле которого она закреплена. Это позволит детально отразить работу, например, специалиста-криминалиста по обнаружению, фиксации, предварительному исследованию и изъятию следов. Ее назначение – фиксация работы конкретных специалистов на месте проведения следственного действия с целью последующего контроля ее качества, деятельность и особенности поведения других участников и собственно фиксация хода и результатов данного следственного действия с иных, по отношению к основной камере, точек съемки. Условно данный метод может быть обозначен как метод сплошного сканирования места проведения следственного действия.

Применение таких технологий позволяет в перспективе поставить вопрос об ограниченном привлечении в уголовном процессе таких субъектов, как понятые.

Очевидно, что все более широкое применение рассматриваемого средства фиксации в уголовном процессе обусловлено общетехническими тенденциями, доступностью технических средств видеозаписи, а также простотой их использования. По нашему мнению, дальнейшее распространение технических средств видеозаписи в практике расследования преступлений в значительной степени может повлиять на формирование подходов и совершенствование способов фиксации хода и результатов следственных действий, вопросов их организации и тактики проведения, а также потребовать ряд изменений в уголовно-процессуальный закон.

Таким образом, можно утверждать, что в ближайшей перспективе в необходимых случаях вполне возможна видеофиксация всех процессуальных действий, проводимых в процессе предварительного следствия по конкретному уголовному делу.

Исходя из этого, мы прогнозируем актуализацию вопроса о соотношении эффективности таких средств фиксации хода и результатов следственных действий, как протоколирование и видеосъемка.

Как ранее было отмечено, видеозапись, будучи дополнительным средством фиксации информации в уголовном процессе, применяется для обеспечения полноты соответствующих протоколов. То есть, можно констатировать, что законодатель признает преимущества видеограмм перед протоколами в части объективности, полноты и всесторонности отображаемых сведений.

При этом следует обратить внимание на ряд довольно существенных проблем, возникающих при одновременном использовании протоколирования и видеозаписи в той форме, которая на сегодняшний день регламентирована уголовно-процессуальным законом.

Так, при выполнении видеозаписи допроса продолжительностью четыре часа с последующим изготовлением протокола, последний будет готов не менее чем через 16–20 часов по следующим причинам. Во-первых, в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона видеозапись допроса после его окончания должна быть продемонстрирована всем участникам следственного действия. Во-вторых, изготовление протокола допроса, по возможности дословно, как это регламентировано уголовно-процессуальным законом, то есть, по сути, стенограммы, предполагает поэтапный просмотр видеограммы, с множеством пауз, в процессе которых выполняется запись в протокол воспринимаемой в ходе воспроизведения видеозаписи информации.

Составление протоколов таких следственных действий как проверка показаний на месте и следственный эксперимент по выполненным в ходе их проведения видеограммам требует еще больших временных затрат. Это связано с необходимостью отражения в протоколе не только речевой информации, но и особенностей поведения участников следственных действий, выполняемых ими операций и опытов, направлений и характера перемещений, условий, в которых проводится соответствующее следственное действие.

Нередко демонстрация видеозаписи следственного действия всем его участникам, с целью экономии времени, выполняется в ускоренном режиме, что не вызывает вопросов даже у адвокатов.

Очевидно, что требования уголовно-процессуального закона относительно обязательного просмотра всеми участниками следственного действия его видеозаписи с целью удостоверения ее правильности, а также требования о необходимости составления протокола следственного действия в ходе его производства или непосредственно после его окончания на практике выполняется далеко не всегда.

Рассматривая проблему соотношения протоколирования и видеозаписи как средств фиксации хода и результатов следственных действий, мы не можем обойти вниманием особенности обеспечения достоверности информации, отображенной на видеоносителях, степень ее защищенности от вторжений в содержание видеограмм с целью их монтажа и последующих фальсификаций. Аналогичная проблема, касавшаяся вопросов сохранения первона-

чального содержания доказательственной информации, отображаемой с помощью цифровой фотоаппаратуры, а точнее зафиксированной на машинных носителях информации, решалась на этапе перехода от пленочных фотокамер к цифровым. В результате обеспечение защиты информации, передаваемой, обрабатываемой, хранящейся в цифровом виде и ее достоверности предложено осуществлять путем применения научно-обоснованной системы правовых, технических, программных и организационных решений. Примечательно, что система таких решений, разрабатывавшихся для цифровой фотографии, оказалась вполне пригодной и эффективной для работы с файлами, содержащими информацию, записанную с помощью видеоаппаратуры, и практически с любыми машинными носителями информации.

Мы полагаем, что одним из наиболее эффективных подходов обеспечения достоверности цифровых фотоснимков является предложение В.В. Шалькевича использовать хеш-функцию, под которой понимается математическое преобразование файла любого размера, в котором сохранен фотоснимок, в цифровом формате. Результатом такого преобразования становится хеш-значение в виде последовательности двоичных цифр (бит) фиксированной длины. При этом отмечается, что цифровая природа информации делает применение хеш-функции независимым от содержания информации, а следовательно действенным при работе с текстовыми документами, звуко- и видеозаписью следственного действия, зафиксированного цифровым устройством [3, с. 53–54].

При использовании таких подходов защищенность информации, зафиксированной на видеоносители, нисколько не уступает протокольной форме фиксации информации, а в сочетании с правовыми и организационными мерами исключает не только любую возможность их изменений, дополнений, но и почву для дискуссии на эту тему.

Исходя из изложенного, мы полагаем возможным вести речь о принципиальном изменении подходов к фиксации информации в уголовном процессе и заявляем о процессуальном равенстве в этом аспекте протоколов процессуальных действий и их видеозаписей. Так, в соответствии с частью 2 статьи 88 УПК, источниками доказательств являются показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля; заключения эксперта; вещественные доказательства; **протоколы следственных действий**, судебного заседания и оперативно-розыскных мероприятий, **иные документы и другие носители информации**, полученные в порядке, предусмотренном Кодексом.

В соответствии со статьей 100 УПК иные **документы** признаются источниками доказательств, если обстоятельства и факты, изложенные в них, удостоверены должностными лицами организаций или гражданами и имеют значение для уголовного дела. К другим носителям информации относятся материалы фото- и киносъемки, звуко- и **видеозаписи** и иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке, предусмотренном статьей 103 Кодекса.

Исходя из приведенных соображений, а также из того, что одним из видов документов в криминалистике рассматриваются видеодокументы, мы не видим каких-либо препятствий объективного характера в изменении подходов к фиксации информации в ходе предварительного следствия, суть которых заключается в следующем.

Основным средством фиксации информации может рассматриваться видеозапись следственного действия, выполненная с соблюдением всех требований уголовно-процессуального закона, защищенная правовыми, техническими и программными средствами. В качестве приложений к основной видеозаписи для обеспечения ее полноты могут использоваться видеограммы с компакт-камер видеорегистраторов, на которых зафиксирована работа специалистов. Обязательным приложением к основной видеозаписи следственного действия, по нашему мнению, должен являться протокол-отчет специально разработанной формы, в котором сведения о ходе и результатах проведенного следственного действия излагаются в формализованном виде. В основе такой формализации лежит установленная законом система обстоятельств, подлежащих доказыванию.

По нашему мнению, изложенный подход, при его должной проработке на методическом уровне, позволит существенно повысить организацию всего процесса расследования преступлений, значительно экономить время и обеспечить полноту, всесторонность и объективность исследования доказательств.

Список использованных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: с изм. и доп. по состоянию на 12 февр. 2010 г. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2010. – 432 с.

2. Костров, А. И. Криминалистическая фотография и видеозапись: учеб.-метод. комплекс / А. И. Костров. – Минск: Изд-во МИУ, 2004. – 95 с.

3. Шалькевич, В. В. Обеспечение достоверности цифровых фотоснимков // Законность и правопорядок. – 2008. – № 1.

Дата поступления статьи – 11.11.2011

Статья посвящена вопросам совершенствования технологий фиксации информации в уголовном процессе посредством более широкого использования технических средств видеозаписи. По мнению авторов, видеозапись, выполненная в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона, может рассматриваться как основное средство фиксации информации при условии обеспечения ее достоверности путем применения научно-обоснованной системы правовых, технических, программных и организационных решений. Основным из них является использование хеш-функции, под которой понимается математическое преобразование файла любого размера, в котором сохранена видеозапись в цифровом формате. Результатом такого преобразования становится хеш-значение в виде последова-

тельности двоичных цифр (бит) фиксированной длины. Такой подход позволяет защитить видеозапись от любого рода изменений и обеспечить ее достоверность как источника доказательств. В качестве дополнительных средств фиксации информации допускается использование видеозаписывающих устройств – видеорегистраторов, закрепляемых на одежде специалистов и отражающих ход и результаты их работы, что позволяет в значительном количестве ситуаций отказаться от привлечения для участия в проведении следственных действий понятых. В качестве обязательного дополнительного средства фиксации информации при таком подходе должен составляться протокол-отчет специально разработанной формы, в котором сведения о ходе и результатах проведенного следственного действия излагаются в формализованном виде. Основу такой формализации может составить установленная законом система обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Article is devoted questions of perfection of technologies of fixing of the information in criminal process by means of wider use of means of videorecording. According to authors, the videorecording executed according to requirements of the criminally-remedial law, can be considered as the basic means of fixing of the information under condition of maintenance of its reliability by application of the scientifically-proved system of legal, technical, program and organizational decisions. The core from them is hesh-function use which is understood as mathematical transformation of a file of any size in which videorecording in a digital format is kept. Hesh-value in the form of sequence of binary figures (bats) of the fixed length becomes result of such transformation. Such approach allows to protect videorecording from any sort of changes and to provide its reliability as source of proofs. As additional means of fixing of the information use of video recorders - the video registrars fixed on clothes of experts both reflecting a course and results of their work that allows to refuse in a significant amount of situations attraction for participation in carrying out of investigatory actions understood is supposed. As obligatory additional means of fixing of the information at such approach the protocol-report of specially developed form in which data on a course and results of the spent investigatory action are stated in the formalized kind should be made. The system of the circumstances which are subject доказыванию established by the law can make a basis of such formalization.

ЛАТЕНТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Зорин Р.Г.

Уголовно-процессуальные правоотношения невозможно подчинить абсолютному нормативному регулированию в силу великого многообразия их проявлений и форм человеческих взаимоотношений, складывающихся в такой специфической правовой сфере как уголовное судопроизводство. Специфичность отношений обусловлена их реализацией в условиях состязатель-

ности сторон, противодействия, противоположности интересов, в отношениях, несущих публичный, государственно-властный, распорядительный характер. Деятельность сторон защиты и обвинения на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования носит усеченно-гласный характер. *Уже одно то обстоятельство, что уголовный процесс не является гласным, свидетельствует о его наполнении латентными формами, средствами, способами деятельности (криминалистической, уголовно-процессуальной, оперативно-розыскной) по доказыванию.* Это обусловлено распространенным действием предусмотренных законом следственной и адвокатской тайн, а также рядом норм, в силу которых уголовно-процессуальная информация носит конфиденциальный характер. Вместе с тем сохраняется допустимость, правомерность латентной деятельности сторон защиты и обвинения по доказыванию. Латентные механизмы, средства, способы доказывания берут свое начало из основ тактики, методики расследования преступлений и обязаны своим правовым происхождением принципу состязательности сторон в уголовном процессе. Латентная деятельность сторон защиты и обвинения выражается в следующих основных ее направлениях:

– установление, выявление и использование негативных обстоятельств, служащих интересам той или иной стороны;

– выявление, установление и использование обстоятельств инсценировочного характера;

– выявление, установление и использование ошибок (криминалистического, уголовно-правового, психологического, организационного, уголовно-процессуального характера) в интересах той или иной стороны;

– выявление, установление и использование существенных уголовно-процессуальных нарушений допущенных сторонами обвинения или защиты в интересах противодействующей стороны;

– провокация процессуального оппонента в целях допущения последним процессуальных ошибок и существенных уголовно-процессуальных нарушений;

– искусственное создание конфликтной обстановки между участниками уголовного процесса. [1, с. 113–117]. Специфические особенности деятельности сторон защиты и обвинения по доказыванию в условиях состязательности, противодействия объясняют ее во многом скрытый характер. Далеко не все то, что становится известным сторонам защиты и обвинения должно быть выставлено для всеобщего обозрения и ознакомления в уголовном процессе. Напротив, на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования стороны защиты и обвинения предпринимают все меры по установлению предмета и пределов доказывания в условиях недоступности информации процессуальному оппоненту, без чего становится невозможной реализация состязательности сторон. Так, например, сторона обвинения, получая доказательственную информацию, сохраняет ее целостность и лишает к ней доступа со стороны защиты вплоть до окончания предварительного расследования и ознакомления с материалами уголовного дела.

«Одним из приемов правомерного психического воздействия является сокрытие от подозреваемого, обвиняемого пробелов в системе доказательств». [2, с. 246]. Вместе с тем орган, ведущий уголовный процесс, компетентен частично оглашать участникам процесса информацию по уголовному делу, если это, в первую очередь, не противоречит нормам уголовно-процессуального закона. Однако подобное оглашение информации также преследует, как правило, цели и задачи уголовного преследования, функции обвинения и носит тактический, стратегический характер. Например, сторона обвинения оглашает показания участникам уголовного процесса в случаях установленных законом, когда с их стороны последует отказ от дальнейшей дачи показаний, если их показания противоречат данным ранее, в случае дачи ими ложных показаний. Латентность доказывания стороной обвинения обеспечивается и самой возможностью, выраженной в полномочиях определять направления следственной деятельности (уголовно-процессуальными правоотношениями), их изменять, прекращать. Орган уголовного преследования компетентен принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий. Действительно, сторона защиты должна знать об этом, если предусмотрено ее участие в данных действиях. Однако из тактических соображений сторона обвинения вправе не оглашать все истинные цели и задачи планируемых следственных действий, ограничиваясь указанием целей и задач следственных действий, прямо указанных в уголовно-процессуальном законе. Таким образом, *оглашение сторонами защиты и обвинения о намерениях их дальнейшей (уголовно-процессуальной, криминалистической) деятельности, ее целях, задачах, направленности, средствах, способах, сроках выполнения, как истинных, так и ложных, может выступать тактическим приемом в тех или иных случаях, непротиворечащих закону.* В этом может таиться *провокация, обман.* И этими факторами обусловлена латентность деятельности сторон обвинения и защиты по доказыванию. Совершенно очевидно, что искусно осуществляемая деятельность сторон обвинения и защиты по искусственному созданию (ложных) целей, задач, направлений деятельности является эффективными средством и способом защиты и обвинения. Данная деятельность может носить как явный, так и латентный характер. По сути, следует признать, что обман сопровождает в той или иной степени, форме весь процесс производства стадий возбуждения уголовного дела, предварительного расследования, допускаемый в деятельности обеих сторон, как защиты, так и обвинения. Обман присутствует в уголовном процессе, как и в любой игре, в целях опережения оппонента. В любой деятельности носящей состязательный характер всегда, как правило, усматривается обман (хитрость). Понимание, признание определенных закономерностей, присущих данному явлению позволит глубже понять сущность самого процесса состязательности, а также содержание, направленность, цели, задачи функций обвинения и защиты. Следует признать, что обман выступает вполне закономерным и объяснимым явлением в уголовном процессе в деятельности сторон обвинения и защиты. При этом обман не должен спо-

собствовать шантажу, оговору, самооговору, нарушению принципов и норм уголовно-процессуального закона, его источников, не может быть основан на незнании норм права участниками уголовного судопроизводства. Иначе говоря, к допущению обмана применимы те же требования, как и к тактическому приему. Ведь ложь и обман при определенных условиях становятся вполне допустимыми средствами и способами, непротиворечащими закону. Следует ли отождествлять всякий тактический прием, комбинацию с обманом? Большая часть тактических приемов в действительности содержит обман, является обманным. Например, ряд реализуемых тактических приемов на практике не урегулирован законом, но используется обеими сторонами. Содержание тактического приема, его наполнение, как и сам факт его применения, может нести в себе ложное начало в виде ложных целей, задач, содержания, средств и способов. *Распознание и восприятие такого тактического приема адресатом полностью возлагается на ответственность последнего.* Стоит отметить, что обман может быть содержанием тактического приема, комбинации, как и факт его использования, цели, задачи, а может выходить за рамки тактических приемов, комбинаций, следственных и иных процессуальных действий. Проблемным выступает вопрос о допустимости – недопустимости обмана в подобных условиях. Известно, что общение, взаимодействие сторон обвинения и защиты происходит в уголовном судопроизводстве не только в рамках уголовно-процессуальных действий, но и вне процессуальных, следственных действий, вне составления и сопровождения процессуального документа, предусмотренного законом. В процессе такого общения происходит обмен, передача информации в виде высказываний, убеждений, мнений, оценок, обозначения противоречий, пробелов и т. п. Эта деятельность не свободна от состязательности сторон, интриг психологического, уголовно-процессуального характера, от лжи и обмана. Таким образом, распознание обмана, правомерности, условий содержания, формы оснований позволит определить истинные цели и задачи, исследовать процесс состязательности сторон изнутри. И в усмотрениях органа, ведущего уголовный процесс, в отдельных случаях кроется обман. В усмотрениях именно как условии принятия решений. Например, оглашение о намерениях производства того или иного следственного действия, иных процессуальных действий с определенными целями, задачами, порядком и содержанием. В результате, орган уголовного преследования принимает только часть из них, но уже с иными целями, задачами, содержанием, либо вообще их не принимает. *Важен сам эффект ожидания, как и эффект неполучения желаемого результата.* Так, например, одной из форм проявления обмана в уголовном судопроизводстве является обман в ожиданиях процессуального оппонента. Классифицировать обман в ожиданиях сторон можно следующим образом:

– в ожидаемых намерениях, целях, задачах процессуального оппонента;

– в оглашении убеждений, оценок, суждений, не совпадающих с перспективными принимаемыми (уголовно-процессуальными, тактическими, организационными) решениями;

– в бездействии, но ожидаемом результате процессуальным оппонентом;

– в демонстрации избыточной активности в деятельности сторон;

– в широком применении и сопровождении (процессуальном, тактическом) тактического приема «допущение легенды. По мнению профессора Ратинова А.Р., целями тактической комбинации является:

1. Формирование у подозреваемого, обвиняемого ошибочного представления об обстоятельствах, которые в действительности могли бы привести к нежелательным решениям и действиям. Например, создание у него преувеличенного представления об объеме и весе имеющихся по делу доказательств. При этом следователь не формирует такое представление, не воздействует в этом направлении на указанное лицо, а он лишь создает такие условия, при которых это формирование становится возможным, а случится это или нет – зависит целиком от подозреваемого, обвиняемого, от свободно выбранной им позиции.

2. Формирование целей, попытка достижения которых поставит недобросовестного подозреваемого, обвиняемого в проигрышное положение.

3. Формирование желательного следователю метода решения задачи и образа действий подозреваемого, обвиняемого. При этом в комментариях криминалистов отмечается, что такой прием не должен превращаться в провокацию. Этот вариант цели типичен для рефлексивного управления.

4. Формирование у подозреваемого, обвиняемого ошибочного представления о целях отдельных действий следователя.

5. Формирование у заинтересованных лиц ошибочного представления об осведомленности следователя относительно подлинных целей, которые они преследуют, или о неосведомленности следователя относительно ложности выдвинутых объяснений и представленных доказательств.

6. Формирование у подозреваемого, обвиняемого намерения воспользоваться негодными средствами противодействия расследованию. По мнению Белкина Р.С., здесь правильнее говорить либо о непротиводействии такому намерению подозреваемого, обвиняемого, либо даже о создании условий реализации этого намерения. У криминалистов, процессуалистов и судебных психологов нет единого мнения по поводу правомерности и допустимости исчерпывающего перечня методов борьбы с противодействием расследованию[3, с. 216–230]. Одним из проявления латентных средств и способов противодействия в деятельности сторон защиты и обвинения является *искусственное создание причин и условий игнорирования участия в следственном действии, как и выхода из него.* Причинами выхода из следственного и иного процессуального действия вполне могут послужить:

– отсутствие подготовки к участию в данном следственном действии;

– низкая эффективность участия, доходящая до тактического, стратегического (процессуального) проигрыша;

– потеря контроля (управления) над процессуальной ситуацией;

– непредвиденные объективные обстоятельства негативного характера, ставящие под угрозу ранее полученные, либо ожидаемые положительные результаты;

– основания отвода, прекращения участия субъектов уголовного судопроизводства, другие. Разумеется, выйти из следственного действия защитнику и его подзащитным подозреваемому, обвиняемому чрезвычайно трудно, а уголовно-процессуальный закон прямо не предусматривает подобных случаев. Однако, по всей видимости, и не исключает этого. К подобным условиям и основаниям, по мнению автора, целесообразно отнести следующие:

– неудовлетворительное состояние здоровья субъекта уголовного процесса, не позволяющее отстаивать, защищать свои законные права и интересы;

– существенное изменение показаний участниками данного следственного действия;

– возникновение существенных противоречий, устранение которых возможно лишь посредством иных следственных действий;

– нарушение принципов УПК и иные существенные уголовно-процессуальные нарушения;

– неполнота расследования, его необъективность, не позволяющие осуществлять следственное действие;

– нарушение законных прав и процессуальных гарантий субъектов уголовного процесса;

– возникновение необходимости производства иных неотложных следственных действий;

– несоблюдение тактических, методических рекомендаций;

– выявление, установление существенных ошибок организационного, криминалистического, процессуального, психологического характера;

– наличие уголовно-процессуальных условий, оснований, не позволяющих проводить следственное действие, а также иных уважительных причин. Профессор Р.С.Белкин указывает, что обман ничем не может быть оправдан, если он основывается на:

– *правовой неосведомленности участников процесса, на ошибочных представлениях их о правовых последствиях своих действий;*

– *заведомо ложных обещаниях участникам уголовного процесса* (нереальных льгот, незаконных послаблений или иных недопустимых выгод, неправомерного изменения меры пресечения на более мягкую, неосновательного изменения процессуального статуса);

– *фальсифицированных доказательствах;*

– *дефектах психики и иных болезненных состояниях уголовно-процессуального оппонента.*

Таким образом, обман (с соблюдением перечисленных ограничений) служит одним из средств преодоления противодействия расследованию. Допустимость обмана, даже тогда, когда он представляется единственно возможным средством преодоления оказываемого следствию противодействия, определяется, помимо названных оснований, безусловной избирательностью

и недопущением опасных последствий, к которым он может привести. Такими последствиями могут быть: унижение чести и достоинства личности, признание несуществующей вины, оговор – самооговор, развитие у обвиняемого низменных чувств, побуждений. Как видно, условия допустимости обмана весьма узки и достаточно жестки, но принципиально его следует признать допустимым. [4, с. 107–115]. Понятно, что обман сам по себе является психическим воздействием или несет его в себе. *Правомерное психическое воздействие само по себе не является ни целью, ни задачей.* Оно выступает проводником между субъектом воздействия и его адресатом. Вне зависимости от того, является ли *психическое воздействие* правомерным или нет, оно может быть как активным – пассивным, тактическим – стратегическим, осознанным – неосознанным, явным – латентным, непосредственным – опосредованным, и выраженном в виде действия – бездействия [5, с. 27–29]. Поэтому психическое воздействие в уголовном процессе также может служить латентному механизму доказывания. Иначе говоря, оказывая латентное психическое воздействие прямо или косвенно, преследуются цели и задачи изменения направлений деятельности процессуального оппонента, а также избрания им иных средств и способов доказывания, в том числе ненадлежащих, неэффективных, ошибочных. В состязательности, соперничестве сторон обязательно будет присутствовать обман в той или иной степени, форме. Это следует признать. Однако для преодоления данного явления необходим комплекс знаний в целях распознания, диагностики и предотвращения обмана в уголовном судопроизводстве. *Диагностика лжи и обмана в уголовном судопроизводстве включает в себя следующий алгоритм действий:*

– установление, распознание, содержания процессуального действия – бездействия;

– установление направленности действия – бездействия субъекта уголовного процесса;

– установление используемых средств и способов защиты и обвинения в процессе реализации действий – бездействий обманного характера;

– установление адресата обращения воздействия и субъекта–инициатора воздействия;

– установление, выявление негативных обстоятельств в процессе диагностики интересуемых действий – бездействий, механизма их реализации;

– установление, выявление существенных уголовно-процессуальных нарушений;

– установление, выявление ошибок психологического, уголовно-процессуального, криминалистического характера;

– выявление, установление признаков деятельности инсценировочного характера;

– установление круга заинтересованных лиц;

– установление мотивации, намерений, желаний субъекта реализации деятельности с содержанием лжи и обмана. Как ни парадоксально, но и путь к истине, ее познанию сторонами защиты и обвинения проложен порой посредст-

вом обмана процессуального оппонента. Распознание обмана, его правомерности, условий, содержания, формы, оснований позволит определить истинные цели и задачи сторон в уголовном процессе, а также исследовать деятельность по состязательности изнутри. Латентные формы деятельности сторон прямо или косвенно предусматривается уголовно-процессуальным законом. Латентным в деятельности по доказыванию является все то, что не регламентировано уголовно-процессуальным законом и при этом не противоречит ему. Это находит свое проявление в потенциях уголовно-процессуальной деятельности участников уголовного судопроизводства по доказыванию, реализуемых ими вне восприятия, осознания процессуальным оппонентом. Латентным может быть процесс формирования, преобразования информации (процессуальной, доказательственной, криминалистически значимой):

– ход и результаты оперативно-розыскной деятельности как источник доказательств;

– выдвижение версий определение хода и направленности расследования;

– реализация тактических приемов и комбинаций при производстве расследования

– использование материалов уголовного дела, содержание которых выступает в качестве следственной тайны;

– конфликт между сторонами защиты и обвинения, а также между иными субъектами уголовного процесса. Важно определить уголовно-процессуальные и криминалистические условия, основания по обеспечению латентной деятельности по доказыванию в уголовном судопроизводстве. Так, например, общие цели и задачи следственного эксперимента определены уголовно-процессуальным законом. Из тактических соображений орган уголовного преследования не обязан ставить в известность обо всех истинных (специальных) задачах эксперимента. Ознакомление стороны защиты с планируемыми задачами повлечет подготовленность заинтересованной стороны с ожидаемым результатом, что, в итоге, исключает объективность следственного действия. В состязательности обе стороны предпринимают меры к поставлению процессуального оппонента в проигрышную ситуацию. Данная деятельность подготовительного характера также является латентной. Латентные формы возникновения, преобразования и использования криминалистически значимой информации рассматривается как процесс, скрытый и непознанный результат, как причины, условия и основания возникновения развития и прекращения латентных явлений. *Данный процесс обладает рядом признаков и свойств:*

– многозначность причин и условий процесса, развития, преобразования его результатов;

– неопределенность, непредсказуемость направлений криминалистической (уголовно-процессуальной) деятельности, носящей латентный характер;

– дефицит исходной информации данных, связанных с латентными объемами информации;

– высокий уровень содержания неопределенности известных составляющих объема исходных данных;

– неточность либо неизвестность внешней формы, структуры системы элементов исследуемой информации

– неопределенность в оценке складывающейся процессуальной (криминалистической) ситуации и другие. Латентными могут быть средства и способы воздействия на процессуальную ситуацию. При этом воздействие выступает непосредственным и опосредованным. В определенных случаях латентная информация вызывает потребность в использовании интуитивного мышления. Латентные формы возникновения, преобразования и использования криминалистически значимой информации можно легко узреть в тех случаях, когда мы имеем дело с обращаемым ее объемом в ходе процессуальных, следственных действий, но не имеющих по тем или иным причинам процессуальной фиксации. К латентным формам существования латентной информации следует отнести:

– наличие существенных противоречий между сторонами защиты и обвинения, а также иными субъектами уголовно-процессуальных правоотношений, но по объективным либо субъективным причинам ставшие неизвестными для одной из сторон;

– противоречия в содержании источников оправдательных – обвинительных доказательств;

– процесс собирания (оперативной, криминалистической, уголовно-процессуальной) информации ориентирующего характера;

– принимаемые меры, направленные на обеспечение безопасности участников уголовно-процессуальных правоотношений и другие. Таким образом, для одних субъектов доказывания та или иная информация известна на определенном этапе и стадии уголовно-процессуальной деятельности, для других, напротив, остается неизвестной по субъективным или объективным причинам. Поэтому обладание информацией одной из противодействующих сторон не исключает ее латентности (происхождения, самого факта ее существования) для процессуального оппонента. Необходимо подвергнуть анализу и синтезу знания о системе криминалистических приемов и методов собирания, проверки доказательств (процесса доказывания), носящих в их реализации неявный, латентный характер. Это позволит глубже понять сущность и закономерности познания действительности исследуемого преступного явления в уголовном процессе сквозь призму противодействия, состязательности сторон закономерности, обработки (преобразования) информации (оперативно-розыскной, уголовно-процессуальной, криминалистически значимой). Это позволит понять закономерности оценки доказательств, закономерности компрометации доказательств и их источников, закономерности возникновения и развития искусственного конфликта между сторонами защиты и обвинения и иными субъектами в уголовном процессе, закономерности построения позиций обвинения и защиты с учетом фактора латентного противодействия непротиворечащего действующему законодательству и неправомерного.

Список использованных источников

1. Зорин, Р.Г. Провокационное поведение защитника как элемент противодействия стороне обвинения в уголовном процессе // Проблемы повышения эффективности раскрытия и расследования отдельных видов преступлений: Материалы Международ. науч.-практ. конф. / под ред. Б.М. Нургалиева. – Караганда: КарЮИ МВД РК им. Б. Бейсенова, 2008. – С. 113–117.

2. Еникеев, М.И. Юридическая психология: учебник для вузов. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА,1999 – 246 с.

3. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. – М.: Изд-во Норма (Издательство группа НОРМА-ИНФРА-М), 2001. – 240 с.

4. Белкин, Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. № 1 Криминалистические средства, приемы, рекомендации. – М.: Юрист, 1997. – 480 с.

5. Зорин, Р.Г. Криминалистическая характеристика тактического (психического) воздействия в системе следственных действий / Р.Г. Зорин // Юридическая психология, Издательская группа «Юрист». – 2008. – № 3. – С. 27–29.

Дата поступления статьи – 17.08.2011.

Настоящая статья посвящена актуальным проблемам доказывания сторонами защиты и обвинения в условиях состязательности, противодействия. Раскрывается латентный характер деятельности сторон защиты и обвинения иных субъектов уголовно-процессуальных правоотношений. Исследуется правовая природа латентной стороны деятельности по доказыванию, иных форм участия субъектов в уголовном процессе. Исследуются закономерности возникновения, изменения, прекращения латентной деятельности (действий – бездействий объективного и субъективного характера) сторон защиты и обвинения как обязательного элемента уголовно-процессуальных правоотношений.

The article is devoted to actual problems of proving by defence and charge parties in conditions of competitiveness, counteraction. Latent character of activity of the defence and charge parties and other interested subjects of criminally – remedial law relations is uncovered. The legal nature of latent forms of display of defence and charge parties activity, and also other subjects of legal proving is investigated. Laws of occurrence, changing, termination of latent activity on proving (activity – inactivity of objective and subjective character) by defence and charge parties as obligatory element of criminal – remedial law relations are also considered.

КОНТРОЛИРУЕМАЯ ПОСТАВКА КАК ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ, НАПРАВЛЕННОЕ НА ПРЕСЕЧЕНИЕ НЕЛЕГАЛЬНОГО ОБОРОТА КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Мартыненко И.Э.

Усилиями государств–участников СНГ создается комплексная правовая и организационная система противодействия преступности, в том числе и незаконному обороту культурных ценностей. Главный итог совместной работы – сохранение контроля над криминогенной ситуацией на пространстве государств-участников СНГ.

Проанализировав организацию *правоохранительной деятельности стран СНГ по борьбе с нелегальным оборотом культурных ценностей*, в ее структуре усматриваются следующие компоненты:

– профилактика контрабанды культурных ценностей, включающая разработку мер по выявлению и устранению причин и условий, детерминирующих совершение данного преступления;

– предупреждение нелегального перемещения культурных ценностей, заключающееся в деятельности, направленной на недопущение замышляемых или уже подготовленных (но еще не реализованных) преступных посягательств на культурные ценности;

– пресечение, которое представляет собой действия, обеспечивающие прекращение уже начатых преступлений на стадии покушения либо последующих эпизодов при длящихся преступлениях;

– координация и оперативное взаимодействие правоохранительных органов (пограничного и таможенного контроля, субъектов ОРД);

– международно-правовое сотрудничество в договорной форме.

Эффективным правовым инструментом борьбы с нелегальным оборотом культурных ценностей является оперативно-розыскная деятельность. Конкретно – **контролируемая поставка**, основания и порядок проведение которой предусмотрен Модельным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» для государств – участников СНГ [1], который принят на десятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблее государств-участников СНГ (постановление № 10–12 от 6 декабря 1997 года) [2, с. 173–180].

Необходимость использования такого оперативно-розыскного мероприятия в борьбе с транснациональной преступностью вызвана тем, что курьеры, сопровождающие контрабандные предметы, являются рядовыми исполнителями. Их задержание, захват контрабандных товаров (партий культурных ценностей) – это лишь локальный успех правоохранительных органов, так как организаторы и руководители преступного бизнеса остаются неуязвимыми, а контрабандный канал продолжает действовать.

Применение данных ОРД, в том числе и контролируемой поставки, позволяет ликвидировать контрабандный канал, привлечь к ответственности организаторов преступлений и, тем самым, сокращает рынки сбыта, придавая оперативно-розыскной деятельности в целом упреждающий, наступательный характер [3; 4].

Определение контролируемой поставки дается и в *Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности*, которая принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г. и вступила в силу 29 сентября 2003 г. [5]. Эта Конвенция была разработана в качестве ответной реакции международного сообщества на растущую глобализацию организованной преступности. Ведь организованные преступные группы используют прогресс, достигнутый в сфере транспорта и коммуникационных технологий, для поиска новых возможностей развития целого спектра видов преступной деятельности и получения прибыли, в том числе от контрабанды культурных ценностей.

Согласно ст. 2 (п. i) данного международно-правового соглашения, контролируемая поставка означает *метод*, при котором допускается вывоз, провоз или ввоз на территорию одного или нескольких государств незаконных или вызывающих подозрение партий груза с ведома и под надзором их компетентных органов в целях расследования какого-либо преступления и выявления лиц, участвующих в совершении этого преступления.

Таким образом, контролируемая поставка причислена к специальным методам расследования транснациональных преступлений.

Корреспондирующая норма содержится в национальном законодательстве стран СНГ, однако имеются некоторые терминологические особенности.

Так, в ст. 11 **Закона Республики Казахстан** № 154-XIII «Об оперативно-розыскной деятельности» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10 января 2011 г.) [6] предусматривается осуществление *оперативного контроля поставок.* **Закон** Азербайджанской Республики **«Об оперативно-розыскной деятельности«** называет подобное мероприятие как *подконтрольное отправление* (ст. 10) [7].

А вот в **России** Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [8] не дает определения данному оперативно-розыскному мероприятию, отсылая к ведомственному законодательству. Аналогичное положение (отсутствие специальной нормы) – в законе **Украины «**Про оперативно-розшукову діяльність» [9] и законе **Туркменистана** «Об оперативно-розыскной деятельности» от 23 сентября 1994 г. с изменениями от 1 января 2010 г. [10].

Развернутое определение контролируемой поставки как оперативно-розыскного мероприятия содержится в п. 14 ст. 2 Закона **Республики Беларусь** «Об оперативно-розыскной деятельности» [11] и в ст.ст. 1, 6 Закона **Республики Таджикистан** «Об оперативно-розыскной деятельности [12].

По законодательству указанных стран контролируемая поставка – это контролируемое органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятель-

ность, перемещение товаров, ценностей, валюты, а также предметов, веществ и продукции, свободная реализация которых запрещена или оборот которых ограничен, а равно предметов, добытых преступным путем или сохранивших на себе следы преступления, либо орудий и средств совершения преступления с целью предупреждения, выявления, пресечения преступлений и решения других задач оперативно-розыскной деятельности.

Характеризуя контролируемую поставку как оперативно-розыскное мероприятие, отметим следующее.

Содержание данного оперативно-розыскного мероприятия заключается в том, что при обнаружении фактов контрабанды культурных ценностей или получении достоверных сведений о намерении ее совершить, правоохранительные органы не прибегают к немедленному задержанию виновных лиц и изъятию у них предметов контрабанды, а допускают под своим негласным контролем вывоз (ввоз, транзит) контролируемых предметов (объектов). Задержание и изъятие планируется, как правило, в конечном пункте поставки при (или после) передаче груза конкретному получателю.

Цели контролируемой поставки:

1) выявление всех участников хищений культурных ценностей, их контрабандного вывоза и сбыта на внутреннем рынке, а также за пределами страны;

2) установление каналов, источников маршрутов, средств, способов контрабандного вывоза, конечного пункта доставки культурных ценностей;

3) документирование преступных действий участников преступлений, идентификация лиц, причастных к хищениям и контрабанде посредством выявления и исследования их следов на контролируемых предметах.

В правоохранительной деятельности контролируемая поставка может осуществляться в случаях, когда культурные ценности провозятся через территории нескольких стран.

Основания для проведения контролируемой поставки:

1) факт обнаружения культурных ценностей в следующих международным сообщением транспортных средствах, товарных партиях, почтовых отправлениях, а также багаже пассажиров;

2) информация компетентных органов иных государств о прохождении сокрытых, замаскированных культурных ценностей через территорию соответствующего государства.

Этапы организации контролируемой поставки:

1) проведение оперативно-розыскных мероприятий по выявлению преступных намерений совершить контрабанду культурных ценностей;

2) документирование факта подготовки культурных ценностей к контрабандному перемещению (сокрытия, размещения в специально подготовленных тайниках и пр.);

3) выявление и фиксация следов подготавливаемого преступления, их надлежащее закрепление;

4) обеспечение мер негласного контроля за перемещением культурных ценностей (средствами скрытой маркировки, контроля позиционирования в пространстве) и лиц, его сопровождающих (средствами технического наблюдения);

5) привлечение к ответственности лиц, причастных к совершению преступления (контрабанды культурных ценностей) [13, с. 19].

На практике выделяют следующие **способы осуществления контролируемой поставки:**

1) наблюдения за незаконными перевозками партий культурных ценностей, сопровождаемых курьерами;

2) слежения за почтовыми отправлениями (письма, бандероли, посылки, в том числе и на подставные адреса), следующих международным сообщением, а также за багажом и грузами, перемещаемыми в сопровождении курьеров или под видом других предметов или товаров;

3) наблюдения за несопровождаемыми перевозками (железнодорожным, морским, речным, автомобильным, авиационным транспортом, в том числе в тайниках, в которых содержатся незаконные партии предметов старины и искусства).

Контролируемая поставка как *специальный метод расследования транснациональных преступлений* осуществляется при соблюдении следующих **условий**:

1) отсутствуют законодательные и иные препятствия на территориях, через которые будет осуществляться контролируемая поставка культурных ценностей;

2) факт обнаружения контролируемых культурных ценностей не предан огласке в той мере, которая сделает проведение операции невозможной;

3) существует достаточный запас времени для разработки и согласования плана с взаимодействующими органами;

4) имеющиеся средства позволяют на протяжении всего маршрута следования осуществлять надлежащий контроль и, в случае необходимости, беспрепятственно изъять контролируемые предметы;

5) вероятность установления организаторов поставки, оптовых сбытчиков и перекупщиков контролируемых культурных ценностей достаточно высока и оправдывает проведение такой операции.

Подведем **итоги.**

1. Борьба с нелегальным оборотом культурных ценностей представляет комплекс организационных и процессуально-правовых мероприятий по выявлению, пресечению, профилактике и раскрытию нелегального перемещения культурных ценностей (ввоз, вывоз, транзит), осуществляемый с привлечением технологических средств таможенного и пограничного контроля, а также оперативно-розыскных методов и средств. Эффективным правовым инструментом борьбы с нелегальным оборотом культурных ценностей является оперативно-розыскная деятельность, в частности, **контролируемая поставка.**

2. С целью пресечения нелегального оборота культурных ценностей, прежде всего их нелегальной транзитной миграции, целесообразно:

– урегулировать порядок перемещения культурных ценностей через таможенную границу Республики Беларусь посредством принятия специального закона *«О вывозе и ввозе культурных ценностей»*;

– присоединиться к Конвенции ЮНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям 1995 г.

3. В развитие межгосударственных решений СНГ на национальном уровне необходимо:

1) непосредственно в части 2 ст. 228 УК указать культурные ценности в качестве предмета контрабанды, определив тем самым *приоритет уголовно-правовой* нормы при квалификации действий по незаконному перемещению культурных ценностей через таможенную границу Республики Беларусь.

Аналогичная норма содержится в УК РФ (ч. 2. ст. 188), УК Украины (ст. 201), УК Молдовы (ст. 248);

2) изменить диспозицию ст. 230 УК, предусматривающую ответственность за невозвращение в Республику Беларусь историко-культурных ценностей, если такое возвращение является обязательным, распространив ее действие на *все* предметы и документы архивного и музейного фондов, другие предметы, представляющие историческую, художественную, научную или иную ценность, причем не только Республики Беларусь, но и зарубежных стран.

В Республике Беларусь данная уголовно-правовая норма (ст. 230 УК) никогда не применялась.

4. Целесообразно ввести спецкурс дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) для сотрудников органов таможенного и пограничного контроля, следственных и оперативных подразделений, курсантов специальных учебных заведений с названием **«Правоохранительная деятельность в сфере предотвращения нелегального оборота культурных ценностей»**, в рамках которого может быть рассмотрен весь комплекс процессуально-правовых мер (способов), направленных на предотвращение, выявление, раскрытие контрабанды культурных ценностей. В этом плане может быть полезен реализуемый под эгидой Межгосударственного Фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ образовательный проект **«Международная и национальные правовые системы охраны историко-культурного наследия стран СНГ»** [14], завершающийся в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы подготовкой одноименного учебника.

Список использованных источников

1. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств «О модельном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» от 6 декабря 1997 г. // Информационный бюллетень МПА СНГ. – 1998. – № 16.

2. Александров, А. И., Федоров, А. В. Модельный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» для государств-участников СНГ // Правоведение. – 1999. – № 1.

3. Шевораков, А.Н. Правовая характеристика контролируемой поставки как оперативно-розыскного мероприятия, осуществляемого Федеральной Службой Безопасности: дис. ... канд. юрид. наук: 20.02.03. – М., 2005. – 140 с.

4. Демянчук, Е.В. Оперативно-розыскное обеспечение безопасности культурных ценностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Е.В. Демянчук. – МГЮА, 2003. – 16 с.

5. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности: ратифицирована Законом Республики Беларусь от 29 сент. 2003 г. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2003. – № 55. – 2/943.

6. Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Республики Казахстан от 15 сентября 1994 г. № 154-XIII (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.01.2011) // Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан. – 1994 г. – № 13. – Ст. 199.

7. Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Азербайджанской Республики // База данных «Законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс] // СоюзПравоИнформ / ООО «СоюзПравоИнформ» – Москва, 2011.

8. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33.

9. Про оперативно-розшукову діяльність: Закон Украины с учетом изменений и дополнений, внесенных законом от 19.05.2011 // Відомості Верховної Ради України (ВВР). – 1992. – № 22. – Ст. 303.

10. Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Туркменистана // База данных «Законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс] // СоюзПравоИнформ / ООО «СоюзПравоИнформ» – М., 2011.

11. Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 289-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2010 г. // Консультант Плюс: Беларусь [Электрон. ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2011.

12. Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Республики Таджикистан База данных «Законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс] // СоюзПравоИнформ / ООО «СоюзПравоИнформ» – М., 2011.

13. Ходанов, А.И. Организационно-правовое обеспечение оперативно-розыскной деятельности таможенных органов в борьбе с контрабандой культурных ценностей: автореф. дис. … канд. юрид. наук / А.И. Ходанов. – М., 2007. – 29 с.

14. Мартыненко, И.Э. Новая образовательная программа в сфере правовой охраны историко-культурного наследия стран СНГ // Сб. науч. ст. по памятникоохранной работе. – Харьков: Курсор, 2010. – Вып. 1. – С. 233–234.

Дата поступления статьи – 16.09.2011.

В статье рассматриваются актуальные проблемы реализации оперативно-розыскных мероприятий, направленных на предотвращение нелегального оборота культурных ценностей. Автор проанализировал законодательство стран СНГ об оперативно-розыскной деятельности, доказал необходимость активного применения контролируемой поставки в целях выявления каналов контрабанды культурных ценностей. Излагаются цели, условия, способы проведения и этапы организации контролируемой поставки. Предлагаются меры по совершенствованию национального законодательства, заключению новых международных соглашений. Сформулирован важный вывод о необходимость введения новых образовательных программ по подготовке специалистов правоохранительных и контролирующих органов.

In the article actual problems of realization of the operatively-search actions directed on prevention of an illegal turn of cultural values are considered. The author has analysed the legislation of the CIS countries on operatively-search activity, has proved necessity of active application of a controlled delivery with a view of revealing of channels of contraband of cultural values. The purposes, conditions, ways of carrying out and stages of the organization of a controlled delivery are stated. Measures on perfection of the national legislation, the conclusion of new international agreements are offered. The important conclusion about necessity of introduction of new educational programs on preparation of experts of law-enforcement and supervising bodies is formulated.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЕЙ 173 И 174 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Солтанович А.В.

В настоящее время достаточно дискуссионными как в теории, так и на практике являются некоторые вопросы, связанные с применением статей 173 и 174 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) [1]. В частности, к таковым относятся отдельные процедурные аспекты продления сроков проверки заявлений и сообщений о преступлениях, целесообразность внесения изменений в УПК на предмет увеличения указанных сроков, а также возможности их приостановления.

Среди сторонников изменения подходов к порядку продления сроков проверки заявлений и сообщений о преступлениях, в числе которых немало прокурорских работников, можно выделить две группы.

По мнению первых, в статью 173 УПК необходимо внести изменения в части закрепления в ней права начальников соответствующих надзорных подразделений органов прокуратуры и их заместителей на продление сроков проверок до 3-х месяцев. Данное предложение обосновывается тем, что его

реализация позволит заместителям прокуроров областей более рационально использовать освободившееся рабочее время.

Указанный довод нельзя признать убедительным, так как в соответствии со статистическим отчетом формы 2Е из общего количества заявлений и сообщений о преступлениях в 2010 году в срок свыше одного месяца разрешено всего 489 заявлений и сообщений, то есть на каждую областную и приравненную к ней прокуратуру приходилось в среднем по 4,5 заявления и сообщения в месяц, по которым прокуроры областей и их заместители продлевали сроки проверок. Следовательно, приведенные цифры не говорят о повышенной загруженности прокуроров областей и их заместителей материалами проверок со сроками свыше одного месяца.

Суть другой позиции заключается в том, что в статью 173 УПК не требуется вносить какие-либо изменения, так как она и в нынешней редакции предоставляет право начальникам соответствующих надзорных подразделений органов прокуратуры и их заместителям на продление сроков проверок до 3-х месяцев. Такое мнение базируется на расширительном толковании отдельными практическими работниками термина «вышестоящий прокурор», применяемого в статье 173 УПК, исходя из которого, к вышестоящим прокурорам следует относить также начальников соответствующих надзорных подразделений органов прокуратуры и их заместителей. Однако если придерживаться такой позиции, то под понятие «прокурор», применяемое в этой же статье, должны подпадать (путем механического переноса определения прокурора, данного в пункте 32 статьи 6 УПК), например, помощники прокуроров районов и приравненных к ним прокуроров, что, в свою очередь, предоставляет им право продлевать срок проверки по заявлениям и сообщениям о преступлениях до месяца. Однако, на самом деле, уголовно-процессуальное законодательство соответствующих прав указанным должностным лицам не предоставляет. Так, из содержания пункта 7 части пятой статьи 34 УПК следует, что право продления сроков проверок по заявлениям и сообщениям о преступлениях принадлежит не всем прокурорам, перечисленным в пункте 32 статьи 6 УПК, а только прокурорам и их заместителям, то есть руководителям прокуратур. Согласно указанной норме закона продление сроков рассмотрения заявлений и сообщений о преступлениях стоит в одном ряду с продлением сроков содержания под стражей и домашнего ареста, установлением сроков предварительного расследования и их продлением, что, в соответствии со статьями 125, 127 и 190 УПК, относится к компетенции только лишь прокуроров – руководителей прокуратур и их заместителей. В таком понимании термины «прокурор» и «вышестоящий прокурор» используются и в других статьях УПК (36, 253, 409, 411 и др.).

Известно, что своевременное возбуждение уголовного дела является необходимым условием привлечения виновных к ответственности, соблюдения прав и законных интересов потерпевших и иных лиц. Быстрое и обоснованное, в рамках действующего законодательства, реагирование на поступающую в правоохранительные органы информацию о любом совершенном или готовя-

щемся преступлении создает необходимые предпосылки для их успешного расследования [2, с. 10]. Продление сроков проверки должно иметь место в исключительных случаях, когда в этом действительно есть объективная необходимость. Поэтому продление сроков проверки только руководителями соответствующих прокуратур или их заместителями является гарантией недопущения волокиты, искусственного затягивания сроков проверки в силу недобросовестного исполнения служебных обязанностей и низкого профессионального уровня сотрудников органов уголовного преследования.

Еще одной проблемой на стадии возбуждения уголовного дела выступает необходимость принятия законного и обоснованного решения, когда для этого еще не получены заключения экспертиз, акты ревизий, инвентаризаций, ответы на запросы в компетентные органы иностранных государств и другие документы, однако истекает максимальный трехмесячный срок проверки. В связи с этим сотрудниками органов уголовного преследования достаточно настойчиво высказывается мнение о возможности приостановления срока проверки по аналогии с приостановлением предварительного расследования, для чего предлагается внести соответствующие дополнения в статью 174 УПК.

Однако данный подход в уголовном процессе с точки зрения сущности термина «приостановление» неприемлем. Так, часть 3 статьи 247 УПК устанавливает, что «производство по уголовному делу, расследование по которому приостановлено, не допускается». Соответственно, нельзя не согласиться с тем, что производство следственных и иных процессуальных действий по приостановленной проверке также невозможно, в том числе и проведение экспертизы, так как полученные с ее помощью доказательства признаются недопустимыми и не будут иметь юридической силы [3, с. 42]. Аналогично решается данный вопрос и в стадии судебного разбирательства. Так, часть 4 статьи 302 УПК предусматривает, что при необходимости производства экспертизы суд может отложить (но не приостановить) судебное разбирательство по уголовному делу на срок ее проведения.

По этой же причине невозможно разделить мнение о том, что «в случае, если принять решение о возбуждении уголовного дела по материалам проверки невозможно в течение трех месяцев ввиду отсутствия достаточных данных, указывающих на признаки преступления, единственно верным в рамках действующего законодательства является отказ в возбуждении уголовного дела на основании пункта 2 части 1 статьи 29 УПК. Впоследствии при появлении новых обстоятельств (заключение эксперта и т.д.) проведение дополнительной проверки возможно только после отмены прокурором вышеуказанного решения» [3, с. 43]. В данной ситуации полученные после отказа в возбуждении уголовного дела доказательства также нельзя признавать допустимыми, так как производство по материалам завершено.

Как представляется, возможны два пути разрешения указанной проблемы. Первым может быть увеличение максимального срока проверки заяв-

лений и сообщений о преступлениях до шести месяцев с указанием исчерпывающего перечня оснований для этого.

В связи с этим статья 173 УПК должна быть дополнена частью 4–1 следующего содержания: «В исключительных случаях при необходимости получения заключений экспертиз, актов ревизий, инвентаризаций, ответов на запросы в компетентные органы иностранных государств и других документов для принятия решения по заявлению, сообщению о преступлении Генеральным прокурором Республики Беларусь или лицом, исполняющим его обязанности, либо заместителем Генерального прокурора Республики Беларусь срок проверки по заявлению или сообщению о преступлении может быть продлен до шести месяцев. Дальнейшее продление срока проверки не допускается».

Второй путь, несомненно, наиболее предпочтительный, требует кардинального изменения на практике подходов к вопросам возбуждения и прекращения уголовных дел.

Дело в том, что положение части 1 статьи 167 УПК о возбуждении уголовного дела только в тех случаях, когда имеются достаточные данные, указывающие на признаки преступления, означает, что, во-первых, для возбуждения уголовного дела достаточно сведений об отдельных чертах события, которые характерны для преступления. Во-вторых, основания для возбуждения уголовного дела вовсе не должны раскрывать преступную сущность содеянного. Как справедливо отмечается, «на момент возбуждения дела не требуется наличия всех элементов состава преступления. Доказать их можно только на последующей стадии в ходе предварительного расследования» [4, с. 11]. В-третьих, в каждом конкретном случае решение о достаточности данных для возбуждения уголовного дела, имеющее оценочный характер, принимается лицом, правомочным его возбуждать. При возбуждении уголовного дела, как правило, бывают неизвестны многие детали предполагаемого преступного факта.

Поэтому нельзя согласиться с некоторыми процессуалистами (Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н., Михайленко А.Р.), которые, по существу, исходят из необходимости устанавливать все обстоятельства совершенного преступления для законного возбуждения уголовного дела, то есть требуют больше того, что предписывает закон. Однако для этого, как правило, необходимо производство следственных действий. В связи с этим, что вполне закономерно, сторонники указанной позиции как и ранее, так и в настоящее время высказывают предложения о разрешении производства на стадии возбуждения уголовного дела обыска, выемки, осмотра предметов и документов, допроса очевидцев и других следственных действий [5, с. 9; 6, с. 5–30]. Как известно, в действующем УПК применительно к экспертизе, а также некоторым процессуальным действиям такие предложения реализованы. Если такая тенденция сохранится, то это приведет к фактической ликвидации стадии возбуждения уголовного дела. Но хуже всего, что рассматриваемая позиция поддерживается многими практическими работниками. К сожалению, послед-

ние, в т.ч. прокуроры, расценивают сам факт прекращения уголовных дел дознавателем или следователем, особенно за отсутствием события и состава преступления, как следствие их неосновательного возбуждения, как брак в работе. В такой ситуации дознаватель или следователь вынуждены любой ценой устанавливать все имеющие значение обстоятельства преступного события, продлевая сроки проверки и прибегая к проведению следственных действий в завуалированных формах. Как справедливо отмечается, производство обыска маскируется проверкой соблюдения правил противопожарной безопасности, в материалах проверок появляются ничем не предусмотренные протоколы «добровольной выдачи», «случайного обнаружения» и т. п. И что самое главное, лица, в отношении которых проводится проверка, длительное время не имеют какого-либо процессуального статуса, кроме как положения лица, дающего объяснения, что никак не соответствует реальному положению дел.

Итак, как уже говорилось, основания для возбуждения дела вовсе не обязательно должны раскрывать преступную сущность содеянного. Иными словами, при возбуждении уголовного дела может иметь место определенная степень вероятности преступного события. Однако как установить необходимую для законного возбуждения уголовного дела вероятность преступления?

Вот здесь как раз очень ценными представляются взгляды на эту проблему таких процессуалистов, как Строгович М.С., Карнеева Л., Никандров В.И. Суть данной позиции заключается в следующем.

На стадии возбуждения уголовного дела принимается одно из двух взаимно противоположных и исключающих друг друга решений: о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела. [7, с. 11]. Основания принятия этих решений, как и сами решения, находятся в диалектической взаимосвязи единства и противоположности. В основе их принятия лежит знание о наличии преступного факта, единый предмет доказывания. Наличие одних оснований исключает возможность других и наоборот. Следовательно, основания возбуждения уголовного дела могут быть установлены, исходя из оснований отказа в возбуждении дела [8, с. 57]. Решение об отказе в возбуждении уголовного дела может быть принято лишь при наличии перечисленных в статье 29 УПК оснований. Поэтому, в каждом случае, когда все допустимые для первой стадии процесса 1) проверочные действия будут выполнены, 2) предусмотренные законом сроки исчерпаны, но 3) ни одно из указанных в статье 29 УПК обстоятельств не будет установлено как истинное, должно возбуждаться уголовное дела. В каждом из таких случаев будет иметь место та искомая необходимая и достаточная вероятность совершения уголовно наказуемого деяния, которая нужна для законного и обоснованного возбуждения уголовного дела. В связи с этим вполне может иметь место законное прекращение законно возбужденного уголовного дела. В свою очередь, случаи прекращения уголовных дел не всегда свидетельствуют о браке в работе дознавателя или следователя.

Список использованных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, 16 июля 1999 г. // Ведомости Национального Собрания Республики Беларусь. – 1999. – № 28-29. – Ст. 433.

2. Шарихин, А.Е. Прокурорский надзор за законностью возбуждения уголовного дела: лекция / А.Е. Шарихин; Акад. Ген. Прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2010. – 44 с.

3. Данько, И.В. Деятельность органов уголовного преследования Министерства внутренних дел в стадии возбуждения уголовного дела : метод. рекомендации / И.В. Данько, В.М. Орловский, О.Г. Шевченко; МВД Респ. Беларусь, Аккад. МВД.– Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2008. – 121 с.

4. Кукреш, Л.И. Уголовный процесс. Особенная часть: учеб. пособие. – Минск: «Тесей», 2000. – 272 с.

5. Михайленко, А.Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе/ А.Р. Михайленко. – Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 1975. – 150 с.

6. Жогин, Н.В. Предварительное следствие в советском уголовном процессе / Н.В. Жогин, Ф.Н. Фаткуллин. – М.: Юрид. литература, 1965. – 367 с.

7. Никандров, В.И. Возбуждение уголовного дела / Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. – М.: ВЮЗИ, 1990.– 22 с.

8. Карнеева, Л. Основания отказа в возбуждении уголовного дела // Соц. законность. – 1977. – № 3. – С. 57.

Дата поступления статьи – 02.09.2011.

В статье рассматриваются некоторые аспекты применения статей 173 и 174 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, в частности, отдельные процедурные аспекты продления сроков проверки заявлений и сообщений о преступлениях, целесообразность внесения изменений в законодательство на предмет увеличения указанных сроков, а также возможности их приостановления, предлагаются меры по совершенствованию прокурорско-следственной практики.

The article discusses some aspects of the implementation of articles 173 and 174 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus, particularly, certain procedural aspects of the prolongation terms of verification of applications and reports of crimes, the expediency of amending the legislation to increase the determined, as well as their suspension, measures to improve the prosecution and investigative practices are proposed.

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

К ПРОБЛЕМЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ АКТОВ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

Сенько А.С.

В системе правовых средств прокурорского реагирования центральное место по праву занимают акты прокурорского надзора. От полноты и всесторонности их правовой регламентации, создания действенной системы гарантий, обеспечивающих на практике реальное исполнение требований прокурора, содержащихся в актах прокурорского надзора, во многом зависит эффективность достижения задач, стоящих перед органами прокуратуры в целом и отдельным прокурором, в частности, при исполнении им профессиональных обязанностей по осуществлению прокурорского надзора и иных, возложенных на прокуратуру, функций.

Сказанным и обуславливается столь пристальное внимание к актам прокурорского надзора, уделяемое теорией прокурорского надзора. По рассматриваемой тематике представлено значительное количество научных и научно-практических публикаций [1; 2; 3; 4]. Учеными и практиками-юристами неоднократно отмечалось, что акты прокурорского надзора должны соответствовать определенным требованиям: быть юридически безупречно составленными, грамотными, написанными общепонятным языком, обоснованными и аргументированными, посвящены актуальному, значительному событию, относящемуся к нарушению законодательства, что обуславливает процессуальную необходимость вмешательства прокурора и принятия им соответствующего решения, своевременными и т. п. [5, с. 15; 6, с. 144–145; 7, с. 108–109].

В то же время результаты произведенного анализа широкого круга литературных источников позволяют утверждать, что с поля зрения авторов выпало одно из существенных, на наш взгляд, требований, которому должны отвечать в настоящее время акты прокурорского надзора – требование о государственном языке составления актов прокурорского надзора.

В качестве основного аргумента данного предложения выступают, как полагаем, правовые предписания статьи 17 Конституции Республики Беларусь, объявившие в стране в качестве государственных два языка – белорусский и русский. В соответствии с приведенной конституционной нормой, а также статьей 17 Закона Республики Беларусь от 26 января 1990 г. «Об языках в Республики Беларусь» акты прокурорского надзора подлежат составлению на белорусском либо русском языке.

Рассматриваемые правовые предписания являются общими основаниями для предъявления к актам прокурорского надзора требования о государственном языке их составления, так как в них не оговариваются конкретные основания и условия применения прокурором того или иного государственного языка. Данные аспекты, как правило, не находят своего правового разрешения и в текущем законодательстве, в том числе в Законе Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. «О прокуратуре Республики Беларусь», в приказах, распоряжениях Генерального прокурора Республики Беларусь. Тем самым, по существу, в правоприменительной практике вопросы о языке составления актов прокурорского надзора отданы на разрешение самого прокурора с учетом общекультурных (языковых) ожиданий субъектов прокурорско-надзорных отношений.

Вместе с тем, следует отметить, что в законодательстве все же прослеживаются, наряду с общими основаниями, специальные основания выделения предлагаемого нами нового требования к актам прокурорского надзора. Указанные основания находятся на первоначальной стадии становления и не приобрели еще своего конечного системного состояния. Однако их контуры уже содержатся в правовых предписаниях и требуют со стороны прокурора принятия их во внимание в процессе осуществления прокурорско-надзорной деятельности.

В качестве таковых, в первую очередь, следует привести институт языка судопроизводства, регламентированный различными нормативными правовыми актами. Прежде всего, Конституцией (ст. 17) и Кодексом Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей от 29 июня 2006 г. (далее – Кодекс). В соответствии с частью 1 статьи 13 Кодекса судопроизводство в судах Республики Беларусь ведется на белорусском или русском языке. Данное положение конкретизируется в процессуальном законодательстве – Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь от 11 января 1999 г. (ст. 16), Процессуальном исполнительном кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях от 20 декабря 2006 г. (ст. 2.11), Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. (ст. 21), Хозяйственном процессуальном кодексе Республики Беларусь от 15 декабря 1998 г. (ст. 20). В случае ведения судом судопроизводства на белорусском языке прокурору необходимо составлять акт прокурорского надзора (к примеру, протест) на этом же языке.

Специальные требования о языке составления акта прокурорского надзора закреплены, на наш взгляд, и в Законе Республики Беларусь от 18 июля 2011 года «Об обращениях граждан и юридических лиц», нормы которого обязывают прокурора излагать письменные ответы на письменные обращения граждан и юридических лиц на языке поступившего обращения, то есть на белорусском или русском языке (ст. 18) и др.

Необходимо подчеркнуть, что в правоприменительной деятельности прокурора крайне редко акты прокурорского надзора составляются на белорусском языке. Как полагаем, подобная ситуация обусловлена недостаточно-

стью лингвистического обеспечения института языка составления актов прокурорского надзора, под которым в статье понимается прежде всего наличие официально-опубликованных на обоих государственных языках нормативных правовых актов (далее по тексту – правовые акты), а также белорусско-русских и русско-белорусских словарей юридических терминов, которым придан официальный статус применения.

Решение данной проблемы невозможно лишь в рамках теории прокурорского надзора, так как она обусловлена различными внешними факторами. Так, в настоящее время в республике большинство правовых актов опубликовано только на русском языке. Нет, в частности, ни одного опубликованного на белорусском языке кодекса, в том числе процессуального. Такое положение не способствует составлению актов прокурорского надзора на белорусском языке, ибо для этого необходимо свободное знание прокурором действующего законодательства на белорусском языке, основанного на изучении и анализе белорусскоязычных текстов правовых актов.

Прокурор самостоятельно не в состоянии качественно восполнить сложившийся пробел в области официального опубликования правовых актов. Лишь в отдельных случаях он решается на самостоятельный перевод норм материального и процессуального права на белорусский язык. Однако такой, по существу кустарный перевод, несет в себе негативные риски и, прежде всего, влечет за собой ошибки и неточности в тексте перевода, что, в свою очередь, сказывается на юридической грамотности акта прокурорского надзора. Таким образом, в рассматриваемом плане несколько декларативно, без эффективного механизма реализации, выглядят предписания законодательства о возможности составления акта прокурорского надзора на белорусском языке.

Изложенные предпосылки требуют детального рассмотрения существующей модели лингвистического обеспечения норм права о государственном языке составления акта прокурорского надзора и представления предложений по ее совершенствованию.

Решая поставленные задачи, стоит, прежде всего, обратиться к опыту европейских государств, объявивших государственными языками два и более языка. Здесь весьма показательна модель лингвистического обеспечения деятельности субъектов правоотношений, сложившаяся в Республике Кипр. Конституцией Республики Кипр от 16 августа 1960 г. установлено, что официальными являются греческий и турецкий языки. Законодательные, исполнительные и административные акты и документы составляются на обоих официальных языках. Если же по Конституции требуется их опубликование, то они публикуются на обоих официальных языках. Любые противоречия между греческим и турецким юридическими текстами разрешаются судом [8, ст. 3].

Согласно Союзной конституции Швейцарской конфедерации от 18 апреля 1999 г. национальными языками конфедерации являются немецкий, французский, итальянский и ретороманский языки. В качестве официальных языков названы немецкий, французский и итальянский языки. В отношениии с лицами ретороманского происхождения официальным языком

также является ретороманский язык. Все юридические тексты публикуются на официальных языках, и все официальные тексты на этих языках имеют одинаковую юридическую силу [9, ст. 4, 70]. Национальным языком Мальтийской Республики является мальтийский язык. Официальными языками – мальтийский и английский языки и «другой язык, который может быть предписан Парламентом (законом, принятым не менее чем двумя третями всех членов Палаты представителей)» [10, ст. 5].

Таким образом, анализ Конституционных актов европейских государств позволяет заключить, что страны, провозгласившие государственными (официальными) языками два и более языка, возлагают на себя также обязательства по опубликованию правовых актов на всех государственных языках. Подобные шаги следует предпринять и белорусскому законодателю. Достижение этой цели должно основываться на комплексном решении ряда задач. Одной из них является задача по непосредственному и однозначному закреплению на законодательном уровне требования об обязательном официальном опубликовании правовых актов на белорусском и русском языках. Реализация этой рекомендации, как представляется, требует предварительного проведения комплекса подготовительных мероприятий, направленных на создание условий, способствующих ее эффективному претворению в жизнь в рамках нормотворческого и правоприменительного процессов. Здесь при введении нормы об обязательном опубликовании правовых актов на белорусском языке стоит задача в разрешении существующей проблематики перевода юридических терминов с русского языка на белорусский язык (с белорусского языка на русский язык) и подготовки текстов нормативных актов на белорусском языке.

Перевод большей части юридических терминов с одного государственного языка на другой язык, а также использование в нормотворческом процессе юридических терминов на белорусском языке не вызывает каких-либо серьезных затруднений. В то же время этого нельзя сказать относительно оставшейся части юридической терминологии. Трудности по ее переводу и использованию при написании текстов правовых актов на белорусском языке связаны с необходимостью соблюдения единства терминологии, то есть употребления одних и тех же терминов в одном значении и единой форме. Вместе с тем, представленные русско-белорусские и белорусско-русские словари не позволяют выдержать это требование. Зачастую в качестве перевода того или иного юридического термина предлагаются на выбор несколько вариантов перевода, либо же в словарях вовсе отсутствует вариант их перевода. Чтобы не быть голословными, проиллюстрируем сказанное на конкретных примерах.

Так, в девятом издании второго тома русско-белорусского словаря, подготовленного Институтом языкознания им. Я. Коласа и изданного в 2005 году, представлено два варианта перевода юридического термина «приговор» (судебный), а именно – «прыгавор» и «прысуд» [11, с. 772]. В такой ситуации перед прокурором при подготовке, к примеру, кассационного протеста на белорусском языке встает дилемма – какой термин использовать –

«прыгавор» или «прысуд». В зависимости от выбора варианта перевода юридического термина «приговор» в конечном итоге решается и вопрос о правильности перевода череды однотипных ему других юридических терминов. В частности, юридических терминов «приговорить» (в словарях содержится два варианта перевода – «прыгаварыць» и «прысудзіць» [11, с. 772]), «приговоренный» («прыгавораны» и «прысуджаны» [11, с. 772]) и др.

Сегодня нет никаких гарантий занятия прокурором в этом вопросе единой позиции, как того требует правило об единстве использования юридических терминов. Напротив, практика нормотворческой деятельности свидетельствует об обратном. В правовых актах, опубликованных на белорусском языке, используются два варианта перевода юридического термина «приговор», что противоречит основам нормотворческой техники. В частности «Дагавор паміж Рэспублікай Беларусь і Рэспублікай Польшча аб прававой дапамозе і прававых адносінах па грамадзянскіх, сямейных, працоўных і крымінальных справах», подписанный в г. Минске 26 октября 1994 г., оперирует термином «прыгавор». В отличие от указанного договора, «Пагадненне паміж Урадам Рэспублікі Беларусь і Урадам Каралеўства Бельгія аб павятранных зносінах», заключенное в г. Брюселе 26 марта 1996 г., содержит термин «прысуд» и др.

Возникают определенные сложности при переводе с русского на белорусский язык и иных процессуальных форм принятия судом решений в ходе отправления правосудия и осуществления иных, возложенных на суд функций. Как известно, суд, помимо приговора, уполномочен также принимать определения и постановления. Однако в русско-белорусских словарях отсутствуют приемлемые варианты перевода данных юридических терминов, позволяющие при переводе передавать и сохранять их юридическую сущность и значение. Важно также иметь в виду, что в отдельных случаях для перевода юридических терминов «приговор», «определение» и «постановление» в словарях предлагается использовать одну и ту же терминологию, что приводит к искажению содержания переводимого юридического текста. В частности, юридический термин «постановление», согласно словарям, возможно перевести словом «пастанова» [11, с. 772]. Параллельно в качестве перевода юридического термина «определение» составители словарей предлагают на выбор два варианта – «пастанова» и «прысуд» [11, с. 353]. Таким образом получается, что отличные друг от друга по своему содержанию и значению юридические термины «приговор» и «определение» суда возможно перевести на белорусский язык с помощью слова «прысуд», а юридические термины «постановление» и «определение» – с помощью слова «пастанова».

Затруднения, возникающие при переводе юридических терминов «приговор», «определение» и «постановление» с русского языка на белорусский, еще более усугубляются при обратном переводе акта прокурорского надзора с белорусского на русский язык. К примеру, при первоначальном переводе на белорусский язык юридического термина «определение» было использовано слово «прысуд». Обратный перевод юридического термина «прысуд» возмо-

жен лишь посредством слова «приговор» [12, с. 181]. Тем самым происходит подмена содержания переводимого текста акта прокурорского надзора, ибо в первоначальном русскоязычном варианте акта прокурорского надзора речь шла о такой процессуальной форме принятия судом решения как «определение» суда. При обратном же переводе данного текста с белорусского языка на русский язык уже указывается, в отличие от подлинника, на другую процессуальную форму принятия судом решения – «приговор» суда.

Обозначенные выше трудности возникают и при переводе многих других юридических терминов с русского на белорусский язык. В качестве перевода юридического термина «грабеж» в словарях предлагается три варианта перевода – «грабеж», «рабунак» и «рабаванне» [13, с. 328]; юридического термина «деяние» – два варианта перевода – «дзеянне» и «учынак» [13, с. 366]; юридического термина «мошенник» – четыре варианта перевода – «махляр», «круцель», «ашуканец» и «жулік» [11, с. 85]; юридического термина невменяемость – три варианта перевода – «поўная адсутнасць памяці», «непрытомнасць» и «бессвядомасць» [11, с. 185]; юридического термина «повестка» – два варианта перевода – «павестка» и «позва» [11, с. 569]; юридического термина «пособник» – два варианта перевода – «саўдзельнік» и «хаўруснік» [11, с. 707]; юридического термина «умысел» – два варианта перевода – «намер» и «задумка» [14, с. 612]; юридического термина «хищение» – три варианта перевода – «крадзеж», «раскраданне» и «раскрадванне» [14, с. 683] и многие другие.

Таким образом, определение надлежащего механизма одновременного официального опубликования правовых актов на обоих государственных языках невозможно без предварительного решения проблемы терминологического перевода юридических терминов с русского на белорусский язык и обратно. Одним из государственных органов, призванных решать данные вопросы, является Национальный центр правовой информации Республики Беларусь (далее по тексту – НЦПИ).

В сфере развития и совершенствования юридической терминологии НЦПИ проводится определенная работа. Так, в рамках выполнения научно-исследовательских работ НЦПИ в 2011 году завершается формирование словаря юридических терминов. Словарь юридических терминов представляет собой совокупность устойчивых выражений, пояснений (толкования) более 8 тысяч терминов национального законодательства, представленных в структурированном виде на государственном (белорусском и русском) и английском языках. Думается, что деятельность по разрешению вопросов перевода юридической терминологии должна быть значительно активизирована. К ее поэтапному осуществлению под эгидой НЦПИ необходимо привлечь всех субъектов нормотворческого процесса, в том числе представителей и органов прокуратуры. На первоначальном этапе этой деятельности разумно было бы при непосредственном участии прокуроров выявить и определить, с разбивкой по отраслям законодательства, перечень юридических терминов, перевод которых затруднителен либо вовсе невозможен в связи с отсутствием в бело-

русском языке аналога переводимого юридического термина. На втором этапе необходимо подготовить русско-белорусские и белорусско-русские словари юридических терминов и придать им официальный статус (обязательность соблюдения субъектами нормотворческого процесса и правоприменительной практики закрепленных в словарях вариантов перевода).

Основной целью следующего этапа должно являться создание достаточной белорусско-язычной платформы для перехода к сплошному официальному опубликованию правовых актов на обоих государственных языках. В рамках этого этапа, в частности, целесообразно последовательное проведение работ по переводу и официальному опубликованию на белорусском языке действующих в республике декретов, указов, законов (кодексов); планирование и осуществление комплекса мероприятий по повышению уровня владения субъектами нормотворческой и правоприменительной деятельности юридической терминологией на белорусском языке, что в конечном итоге позволит снять проблему лингвистической составляющей деятельности органов прокуратуры Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Акты прокурорского надзора: учеб. пособие / Г.И. Бровин [и др.]; ответ. ред. А.Ф. Козлов. – Свердловск: [Б.и.], 1979. – 80 с.

2. Акты прокурорского надзора (образцы основных актов) / С.Г. Березовская [и др.]; ответ. ред. М.П. Маляров. – М.: Юрид. литература, 1968. – 124 с.

3. Дьяченко, М.С. Акты прокурорского надзора (лекции для студентов ВЮЗИ) / М.С. Дьяченко. – М.: [Б.и.], 1974. – 34 с.

4. Кириллов, И.Ф. Акты прокурорского надзора: учеб. пособие / И.Ф. Кириллов. – Воронеж: [Б.и.], 1975. – 22 с.

5. Акты прокурорского надзора / А.Х. Казарина [и др.]; под ред. Ю.И. Скуратова. – М.: Юристъ, 1997. – 280 с.

6. Басков, В.И. Прокурорский надзор: учебник / В.И. Басков. – 2-е изд. – М.: изд-во БЕК, 1996. – 558 с.

7. Прокурорский надзор в СССР: учебник / С.Г. Березовская [и др.]; под ред. Б.А. Галкина. – М.: Юрид. литература, 1982. – 304 с.

8. Конституция Республики Кипр // Конституции государств Европы: В 3 т.– Т. 2 / под общ. ред. Л.А. Окунькова. – М.: Изд-во НОРМА, 2001. – С. 210–283.

9. Союзная конституция Швейцарской конфедерации // Конституции государств Европы: В 3 т. – Т. 3 / под общ. ред. Л.А. Окунькова. – М.: Изд-во НОРМА, 2001. – С. 537–580.

10. Конституция Мальтийской Республики // Конституции государств Европы: В 3 т. – Т. 2 / под общ. ред. Л.А. Окунькова. – М.: Изд-во НОРМА, 2001. – С. 468–538.

11. Русско-белорусский словарь: В 3 т.: около 110000 слов. Т. 2. Л-П / НАН Беларуси, Ин-т языкознания им. Я. Коласа. – 9-е изд. – Минск: БелЭн, 2005. – 783 с.

12. Беларуска-рускі слоўнік: У 3 т.: больш за 110000 слоў. Т. 3. П-Я / НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства ім. Я. Коласа. – 3-е выд. – Минск: БелЭн, 2003. – 1120 с.
13. Русско-белорусский словарь: В 3 т.: около 110000 слов. Т. 1. А-Л / НАН Беларуси, Ин-т языкознания им. Я. Коласа. – 9-е изд. – Минск: БелЭн, 2005. – 735 с.
14. Русско-белорусский словарь: В 3 т.: около 110000 слов. Т. 3. П-Я / НАН Беларуси, Ин-т языкознания им. Я. Коласа. – 9-е изд. – Минск: БелЭн, 2005. – 800 с.

Дата поступления статьи – 20.10.2011.

В статье рассматриваются общие требования, предъявляемые к актам прокурорского надзора. На основании существующих в теории прокурорского надзора подходов, к правовой сущности средств прокурорского реагирования и анализа действующего законодательства о государственных языках автором предлагается в качестве самостоятельного требования выделять положение о государственном языке составления актов прокурорского надзора. Исследуются также вопросы лингвистического обеспечения актов прокурорского надзора и приводятся конкретные, поэтапные мероприятия, направленные на усиление лингвистических гарантий прокурорско-надзорной деятельности в Республике Беларусь.

The article discusses the general requirements to the acts of Directorate Public Prosecutions. On the basis of existing approaches in the theory of Directorate Public Prosecutions, legal entity of means of the prosecutor's response and analysis of the existing legislation on official languages by the author is offered as a separate requirement to select the tenet about the official languages in the acts of Directorate Public Prosecutions. The problems of linguistic support of the acts of Directorate Public Prosecutions are also investigated and specific phased measures aimed at strengthening the linguistic guarantees of the activity of Directorate Public Prosecutors in the Republic of Belarus are provided.

РОЛЬ КООРДИНАЦИОННОЙ ФУНКЦИИ ПРОКУРАТУРЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Хиревич М.Л.

Предупреждение правонарушений предполагает комплексную систему действий со стороны государства, обеспечивающую согласованность деятельности, объединение усилий всех органов и организаций, и в первую очередь путем осуществления эффективного взаимодействия субъектов профилактики на прочных законодательной и организационной основах. Координация правоохранительной деятельности государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью и коррупцией, а также иных организаций,

участвующих в борьбе с преступностью, выступает в качестве одной из функций органов прокуратуры.

Анализ становления и развития координирующей функции показывает, что органы прокуратуры осуществляли деятельность по данному направлению уже с первых лет функционирования. Так, в циркуляре № 67 от 1922 года Народного Комиссариата Юстиции РСФСР «Временная инструкция губернским прокурорам об общих задачах, возлагаемых на прокурора», действовавшего и на белорусских землях, конкретизировалось, что прокурор и его помощники обязаны присутствовать на всех заседаниях губисполкома и уисполкомов с совещательным голосом, а также во всех заседаниях других учреждений по вопросам борьбы с преступностью и проведением революционной законности. Последующая правовая регламентация организации и деятельности органов прокуратуры Республики Беларусь нашла свое отражение в Положении о судоустройстве БССР от 15 июля 1924 г., Положении о судоустройстве БССР от 31 октября 1925 г., Положении о судоустройстве БССР от 25 апреля 1931 г., Положении о прокуратуре Союза ССР от 17 декабря 1933 г., Положении о прокурорском надзоре СССР от 24 мая 1955 г. Приведенные законодательные акты напрямую не возлагали на прокуратуру обязанности по осуществлению координирующей функции, однако на практике она реализовывалась. В последующие годы прослеживалась тенденция постепенного усиления реализации органами прокуратуры исследуемой функции [1, с. 244–245].

Руководящая роль органов прокуратуры в координации впервые на общегосударственном уровне была непосредственно определена в постановлении ЦК КПСС от 25 января 1972 г. по Брянской партийной организации, в котором правоохранительным органам предлагалось создать единый фронт по борьбе с преступностью и иными нарушениями законности. В качестве отдельного самостоятельного направления деятельности прокуратуры координирующая функция получила правовое закрепление в Законе СССР от 30 ноября 1979 г. «О прокуратуре СССР». В начале 90-х годов прошлого столетия центр тяжести по координации деятельности правоохранительных органов, направленной на борьбу с преступностью и иными правонарушениями, был перенесен на Временные комитеты по борьбе с преступностью (в последующем на союзном уровне – на Комитет при Президенте СССР по координации деятельности правоохранительных органов), возглавляемые соответственно первым заместителем Председателя Верховного Совета СССР, в союзных и автономных республиках – на Председателей Президиумов Верховных Советов республик, в краях, областях и городах – на председателей исполнительных комитетов Советов народных депутатов. Принимая во внимание тот факт, что прокуроры в обязательном порядке включались в состав Временных комитетов, следует отметить, что в этот период они все же продолжали на своем уровне осуществлять координирующую функцию[1, с. 247].

При принятии Закона Республики Беларусь «О Прокуратуре Республики Беларусь» от 29 января 1993 г. белорусский законодатель первоначально также отказался от идеи монопольного осуществления прокуратурой координирующей функции. Эта функция была передана Межведомственной комиссии по борьбе с преступностью, коррупцией и наркоманией при Совете Безопасности Республики Беларусь. Однако в последующем стало очевидным, что именно прокуратура способна, в дополнение и развитие проводимой указанной комиссией политики по противодействию преступности, на базовом уровне наиболее полно осуществлять координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. В связи с этим Законом Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. «О прокуратуре Республики Беларусь» на органы прокуратуры была вновь возложена обязанность по реализации координирующей функции [2].

Наделение прокуроров координационными полномочиями обусловлено именно их особым статусом. Данные субъекты располагают обширной и объективной информацией о состоянии законности правопорядка в стране, включая данные о совершенных преступлениях, их раскрываемости и качестве расследования, причинах и условиях, способствующих их совершению, а также о результатах рассмотрения уголовных дел в судах. Прокуратура, осуществляя надзор за исполнением законов, имеет возможность выявлять недостатки в деятельности органов, проводящих оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, принимать меры, направленные на их устранение [3, с. 434].

Основная цель координации состоит в том, чтобы согласованными действиями правоохранительных органов способствовать снижению количества преступлений и иных правонарушений и укреплению законности и правопорядка на определенной территории. В качестве промежуточных целей можно выделить способствование согласованными действиями решению каких-либо частных вопросов: улучшению раскрываемости преступлений, выявлению и предупреждению ошибок и недостатков предварительного следствия, усилению борьбы с отдельными видами правонарушений [4, с. 8].

Координационная деятельность может осуществляться в таких формах как обмен информацией по вопросам борьбы с преступностью, проведение совместных проверок, семинаров, конференций, выпуск совместных бюллетеней (сборников) и других информационных изданий и некоторых других. Однако наиболее значимой и распространенной в Республике Беларусь является организация и проведение координационных совещаний по борьбе с преступность и коррупцией.

Координационное совещание является постоянно действующим межведомственным органом по координации правоохранительной деятельности государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью, противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, распространению наркомании и борьбе с коррупцией, и деятельности по борьбе с преступностью и коррупцией государствен-

ных органов и иных организаций, участвующих в борьбе с преступностью и коррупцией [5].

В своей деятельности координационные совещания руководствуются Положением о координационном совещании по борьбе с преступностью и коррупцией, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 17 декабря 2007 г. № 644, Законом от 8 мая 2007 г. «О прокуратуре Республики Беларусь», Законом от 20 июля 2006 г. «О борьбе с коррупцией», Законом от 27 июня 2007 г. «О борьбе с организованной преступностью», Законом от 31 мая 2003 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», Законом от 10 ноября 2008 г. «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», правовыми актами Генерального прокурора Республики Беларусь, нижестоящих прокуроров, методическими рекомендациями.

В Республике Беларусь действуют республиканское координационное совещание, координационные совещания в областях и г. Минске, в районах, районах в городах, городах, а также координационные совещания в Вооруженных Силах Республики Беларусь, других войсках и воинских формированиях, государственных органах, в которых предусмотрена военная служба, и на транспорте.

Возглавляют координационные совещания Генеральный прокурор Республики Беларусь и нижестоящие прокуроры территориальных и специализированных прокуратур. В их состав на правах членов входят руководители государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью и коррупцией, руководители государственных органов и иных организаций, участвующих в борьбе с преступностью и коррупцией. Персональный состав совещаний определяется их председателями.

Рассматривая состав членов координационных совещаний, следует отметить, что круг государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью и коррупцией, и государственных органов и иных организаций, участвующих в борьбе с преступностью и коррупцией, значительно уже перечня субъектов профилактики, указанных в Законе «Об основах деятельности по профилактике правонарушений». Так как только совместными усилиями всех государственных органов и иных организаций, с помощью различных социальных, правовых, экономических и иных мер возможно добиться снижения уровня преступности, то представляется целесообразным привлекать при рассмотрении отдельных вопросов предупреждения правонарушений и включать в состав членов координационных совещаний, по возможности, всех субъектов профилактики, предусмотренных законом.

Координационные совещания осуществляют свою деятельность в форме заседаний, которые созываются председателями по мере необходимости, но не реже одного раза в полугодие.

Координационное совещание наделено достаточно широкими полномочиями, позволяющими эффективно бороться и предупреждать совершение преступлений и иных правонарушений. Однако практика показывает, что нередко, особенно на уровне прокуратур районов, районов в городах, городов и приравненных к ним специализированных прокуратур, они носят формальный характер, не всегда учитывается реальная ситуация в регионе, и соответственно они не могут надлежащим образом выполнять возложенные на них задачи [6, с. 19]. Во многих случаях решения, выносимые по итогам заседаний, носят общий, неконкретный характер.

Для преодоления указанных проблем в организации и деятельности координационных совещаний представляется необходимым учитывать следующие аспекты.

Так, тематика заседаний координационных совещаний должна определяться прокурорами с учетом складывающейся криминогенной ситуации в регионе. Анализ состояния и динамики преступности, тенденций и закономерностей криминогенной ситуации должен осуществляться на плановой основе и способствовать своевременной выработке мер профилактического характера и реализации согласованных предупредительных действий субъектов профилактики правонарушений. Вопросы, включаемые в план работы, должны носить системный и своевременный характер, быть актуальными и значимыми в масштабах региона.

Анализ тематики координационных совещаний показывает, что в основном обсуждаются такие значимые проблемы как профилактика преступлений против жизни и здоровья, умышленных убийств и тяжких телесных повреждений, а также профилактика пьянства и алкоголизма. Следует отметить правильный подход к выбору вопросов, выносимых на заседание, например, в прокуратуре Минской области. В данном регионе наиболее остро стоит проблема соблюдения местными исполнительными комитетами требований Указа Президента Республики Беларусь от 27.12.2007 № 667 «Об изъятии и предоставлении земельных участков» и выполнении функций по осуществлению государственного контроля в части использования и изъятия земель. По этому вопросу 19 сентября 2011 года под председательством прокурора Минской области было проведено координационное совещание, по итогам которого был принят ряд конкретных решений [7].

Таким образом, именно качественное проведение информационно-аналитической работы позволяет не только правильно определять приоритетные направления борьбы с преступлениями, выявлять неблагоприятные тенденции, возникающие в правоприменительной практике, но и формировать, исходя из намеченных целей, прогнозы и планы совместных согласованных действий правоохранительных органов по профилактике правонарушений. Совместный анализ информации должен способствовать выявлению и определению совокупности причин и условий совершения преступлений и на ее основе выработке превентивных мер.

Вопрос о профилактике правонарушений является одним из основных и актуальных в нашем государстве. В связи с чем представляется необходимым предусмотреть 1 раз в год в обязательном порядке проведение координационных совещаний всех уровней по эффективности организации и деятельности по предупреждению правонарушений.

Следует отметить, что в Витебской и Брестской областях в декабре 2010 года состоялись заседания по вопросу соблюдения требований Закона Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений». В то же время указанный Закон обязывает совещания именно координировать деятельность субъектов профилактики, а не только ее контролировать, что также необходимо учитывать при проведении заседаний.

К типичным недостаткам можно отнести неиспользование многих форм согласованной деятельности, перечисленных в Положении о координационном совещании по борьбе с преступностью и коррупцией. Так, в целях повышения эффективности профилактики отдельных видов правонарушений (преступность несовершеннолетних, организованной, рецидивной преступности и т. п.) либо для решения конкретных вопросов, связанных с профилактикой правонарушений, видится целесообразной практика создания рабочих групп, действующих на долговременной основе. В качестве одной из задач деятельности координационных совещаний выступает привлечение специалистов (ученых) в области правоохранительной деятельности для подготовки аналитических материалов и предложений по совершенствованию правового, криминологического и криминалистического обеспечения деятельности по борьбе с преступностью и коррупцией. Данное средство также надлежит использовать на практике более широко, и при выявлении потребности в правовом регулировании определенной группы общественных отношений вносить соответствующие предложения и активно участвовать в правотворческой деятельности.

Следует также более активно привлекать к работе координационных совещаний по предупреждению отдельных правонарушений органы местного самоуправления и общественные объединения, приглашать их представителей на заседания. Их деятельное участие может обосновываться тем, что они, как правило, выступают обладателями информации о существующем положении в определенной сфере деятельности и в наибольшей степени заинтересованы в предупреждении конкретных правонарушений, затрагивающих их интересы. Так, к примеру, 30 мая 2011 года состоялось заседание координационного совещания Минской области по вопросу о состоянии и эффективности работы правоохранительных и других государственных органов по профилактике преступлений против жизни и здоровья граждан, в котором приняли участие председатели сельских исполкомов, представители общественных объединений (ОО «БРСМ»). По результатам обсуждения принят ряд решений, направленных на повышение эффективности работы. В частности, предусмотрено более широкое привлечение к профилактической работе органов местного самоуправления, общественных формирований. Прокурорам

районов, где отмечается рост числа умышленных убийств и причинений тяжких телесных повреждений, поручено инициировать рассмотрение этих вопросов на заседаниях райисполкомов, сессиях местных Советов депутатов с заслушиванием отчетов руководителей государственных органов, субъектов профилактики правонарушений [8].

В целях профилактики правонарушений надлежит также наиболее полно освещать в средствах массовой информации результаты и решения, принимаемые на заседаниях. Анализ публикаций о проведенных координационных совещаниях в средствах массовой информации, в частности, в сети Интернет, показывает, что только некоторые заседания в районах, районах в городах (Смолевичский, Крупский, Лельчицкий, Ельский, Новобелицкий район г. Гомеля) были освещены в прессе. Однако даже представленные сообщения не содержат исчерпывающего объема информации. В большинстве случаев в них указывается, что в районе проведено совещание, в нем участвовали представители правоохранительных органов, органов местного управления, раскрываются вопросы, которые были рассмотрены, а также констатируется, что по результатам заседания принято соответствующее решение. Информация о деятельности областных координационных совещаний представлена намного шире. Стоит, однако, отметить, что такие данные имеются не по всем областным прокуратурам. На сайте Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, например, отсутствуют сведения о координационных совещаниях, проведенных в Гродненской и Гомельской областях.

Что же касается решений, принимаемых по итогам совещаний, то они должны содержать конкретные поручения субъектам профилактики правонарушений, порядок их взаимодействия при решении совместных задач, сроки исполнения и ожидаемые результаты. В формулировках решений не должны содержаться выражения, суть которых в основном сводиться к общим призывам: «повысить», «улучшить», «усилить» и т. п. Не раз высказывалась точка зрения о том, чтобы на заседаниях в обязательном порядке заслушивались отчеты об исполнении решений предыдущих совещаний и давалась принципиальная оценка качества и эффективности проделанной работы [9, с. 28]. Но на практике она так и не была воспринята, несмотря на то, что ее закрепление способствовало бы повышению ответственности и преодолению формализма в деятельности координационных совещаний.

Тем не менее, прокурорам, как основным субъектам координации, необходимо постоянно проверять организацию реализации решений совещаний. Контроль должен выражаться в следующем: выполняют ли субъекты профилактики свои обязанности; соответствуют ли их действия решениям по содержанию и процедуре; не нуждаются ли решения в корректировке; не требуется ли повторное обсуждение вопроса на координационном совещании. Только таким образом прокурор может отслеживать и своевременно корректировать реализацию решений совещаний.

Таким образом, роль прокуратуры как координирующего органа, безусловно, велика. И от того, насколько ответственно прокурорские работники будут подходить к выполнению данной функции, зависит качество взаимодействия между всеми субъектами профилактики и состояние профилактической работы в целом.

Список использованных источников

1. Сенько, А.С. Становление и развитие координирующей функции прокуратуры / А.С. Сенько // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. Выпуск 2: сб. науч. тр. / редкол. : В. М. Хомич [и др.]; Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь.– Минск: БГУФК, 2009. – 426 с.
2. О прокуратуре Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2007 г. № 220-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 03.07.2011 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
3. Григорьев, В.Н. Прокурорский надзор: учебник / В.Н. Григорьев, А.В. Победкин, В.Н. Яшин, В.Н. Калинин. – М.: Эксмо, 2006. – 496 с.
4. Загорный, А.В. Координация деятельности органов внутренних дел с другими государственными органами и общественными организациями в предупреждении правонарушений и укреплении общественного порядка / А.В. Загорный. – М.: Изд-во Всесоюз. ин-та по изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1981. – 68 с.
5. Об утверждении положения о деятельности координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией: Указ Президента Респ. Беларусь, 17 декабря 2007 г. № 644: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 29.09.2010 № 505 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
6. Шелемет, О. Успех возможен лишь при организации эффективного взаимодействия / О. Шелемет // Законность и правопорядок. – 2009. – № 1 (9). – С. 17–19.
7. На координационном совещании по борьбе с преступностью и коррупцией в Минской области рассмотрен вопрос о соблюдении органами местной исполнительной власти требований законодательства о земле. – Режим доступа: http://prokuratura.gov.by/main.aspx?guid=10335. – Дата доступа: 19.09.2011.
8. На координационном совещании по борьбе с преступностью и коррупцией в Минской области рассмотрен вопрос о состоянии и эффективности работы по профилактике преступлений против жизни и здоровья граждан, 30.05.2011. – Режим доступа: http://prokuratura.gov.by/main.aspx?guid=13896#doc. – Дата доступа: 15.09.2011.
9. Координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупцией: пособие / рук. авт. кол. А.В. Кудашкин. – М.: Акад. Ген. Прокуратуры Рос. Федерации, 2011. – 136 с.

Дата поступления статьи – 17.09.2011.

В статье рассматривается одно из основных направлений деятельности прокуратуры – координация деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью и коррупцией. Анализируется история становления и развития данной функции, исследуются основные проблемные вопросы организации и деятельности координационных совещаний по вопросу профилактики преступлений и иных правонарушений. По результатам исследования высказаны предложения, направленные на повышение эффективности работы координационных совещаний по профилактике правонарушений.

One of the basic directions of activity of Public Prosecutor's Office – coordination of activity of law enforcement bodies in struggle against criminality and corruption is considered in the article. The history of formation and development of the function is analyzed; the basic issues of the organization and activity of coordination meetings concerning preventive maintenance of crimes and other offences are investigated. The offers directed to improve performance of coordination meetings on preventive maintenance of offences are stated by results of research.

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ И ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА НА ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Хомич М.В.

Уголовное преследование как собирательное обозначение процессуальной деятельности появилось в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве с принятием Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь 1999 г. (далее – УПК). В формате уголовно-процессуального закона уголовное преследование – это процессуальная деятельность, осуществляемая органом дознания, дознавателем, следователем, ***прокурором***, частным обвинителем в целях установления факта и обстоятельств совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, и совершившего его лица, а также для обеспечения применения к такому лицу наказания либо иных мер уголовной ответственности или принудительных мер безопасности и лечения (п. 48 ст. 6 УПК). Совершенно очевидно, что определение уголовного преследования построено по линейно-целевому методу в соответствии с этапами и принципами его осуществления на досудебной стадии уголовного судопроизводства. С учетом уголовно-правового и функционального аспекта уголовного преследования его основной целью является обеспечение ***неотвратимости*** уголовной ответственности лица, совершившего преступление. Собственно об этом и сказано в заключительной части приведенного определения (хотя стилистически не совсем удачно) – «а также

для обеспечения применения к такому лицу наказания либо иных мер уголовной ответственности или принудительных мер безопасности и лечения». Это есть единая корпоративная процессуальная функция органов, осуществляющих уголовное преследование, в комплексном ее видении и предназначении. В этой связи, дискуссия относительно уголовного преследования как базисной процессуальной функции (сложного образования с точки зрения аспектов и особенностей деятельности различных органов, ее осуществляющих), достаточно сложна и пока далека от окончательного разрешения [1, с. 56–65; 2, с. 32–195; 3, с. 55–60]. Отчасти обусловлено это преувеличением значимости сугубо процессуальной специализации (автономии) научного анализа проблем, связанных с пониманием и процессуально-правовой регламентацией уголовного преследования.

Так, М. Шостак сводит содержание уголовного преследования только к процессуальной (и не только процессуальной) деятельности в целях обнаружения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, и выявлению лица (подозреваемого лица), его совершившего [3, с. 60]. У автора вызывает недоумение то, что в части 2 статьи 36 УПК фиксируется положение, что следователь обязан осуществлять уголовное преследование лица, в отношении которого собраны достаточные доказательства, указывающие на совершение им преступления, путем привлечения его в качестве обвиняемого, предъявления обвинения, применения в отношении его мер пресечения, передачи дела прокурору для направления в суд. На самом деле в указанной норме закрепляется доказательственная сторона или гарантия (материальные – уголовно-правовые основания) осуществления (продолжения или прекращения) уголовного преследования.

Много вопросов возникало и возникает о процессуальном статусе прокурора в уголовном преследовании, который, конечно же, зависит от конструкции уголовного процесса и объема надзорных полномочий прокурора как представителя государственной надзорной власти за соблюдением законности. Между тем, проблема четкого и однозначного разрешения вопроса о статусе прокурора в уголовном процессе и уголовном преследовании сегодня как никогда актуальна. К этому обязывает Послание Главы государства от 10 октября 2011 г. «О мерах по совершенствованию деятельности общих судов Республики Беларусь», наконец, создание следственного комитета и выделение функции предварительного расследования из полномочий органов прокуратуры.

Сегодня однозначно установлено, что функции обвинения, защиты и разрешения дела по существу отделены друг от друга, а суд не является органом уголовного преследования и не выступает на стороне обвинения. Одновременно УПК относит прокурора к участникам уголовного процесса ***на стороне обвинения*** наряду с дознавателем и следователем.

Само по себе это означает, что на прокурора возложена функция уголовного преследования от имени государства по делам публичного и частно-публичного обвинения. В свою очередь, прокурор осуществляет надзор за

законностью процессуальной деятельности органов дознания и предварительного следствия, которые наряду с прокурором реализуют и выполняют функцию уголовного преследования на досудебной стадии уголовного судопроизводства (ч. 1 ст. 34 УПК). Здесь то и возникает вопрос, является ли это проявлением двух самостоятельных функций прокурора в уголовном преследовании или все-таки это единая функция, основанная на особом статусе прокурора в уголовном процессе и его позиции как гаранта законности при осуществлении уголовного преследования и поддержании государственного обвинения на указанных стандартах. Именно с этих позиций следует обсуждать вопрос о наделении прокурора или оставления за прокурором соответствующих полномочий по осуществлению функции уголовного преследования посредством надзора в связи с созданием следственного комитета. Полагаем, что это единая (процессуально-надзорного характера) функция уголовного преследования, основанная на особом статусе прокурора в уголовном процессе как стороны обвинения и гаранта его законности [4, с. 127; 5, с. 11].

Анализ сохраняющихся проблем в процессуальной деятельности органов дознания и предварительного следствия, препятствующих эффективному доказыванию обвинения в суде, свидетельствует о серьезных проблемах, существующих не только в деятельности указанных органов, но и в сфере прокурорского надзора за расследованием уголовных, не обеспечивающих его законности на всех этапах уголовного преследования.

Так, при общем снижении количества находящихся в производстве уголовных дел по всем органам предварительного расследования в течение 8 месяцев 2011 г. количество граждан, необоснованно подвергнутых уголовному преследованию, значительно возросло. Уголовное преследование без достаточных уголовно-правовых оснований возбуждалось и осуществлялось в отношении 230 лиц (за аналогичный период 2010 г. – 132 лиц), из которых 107 или 46,5 % содержалось под стражей с предъявлением им обвинения. В отношении 208 (105) лиц вследствие ненадлежащей оценки прокурорами обоснованности обвинения по материально-правовым и (или) процессуальным основаниям уголовные дела были направлены в суд, который постановил оправдательные приговоры в отношении указанных лиц. И только в отношении 22 лиц уголовное преследование было прекращено прокурорами на досудебной стадии уголовного судопроизводства.

И это на фоне того, что прокурорам за истекший период все-таки удалось существенно сократить случаи проведения проверочных закупок и оперативных экспериментов без достаточных к тому оснований (как и общее количество указанных оперативно-розыскных мероприятий (с 349 до 215); увеличилось количество дел, возвращенных прокурорами для производства дополнительно предварительного расследования (с 492 до 538), а также прекращенных по реабилитирующим основаниям производств по уголовным делам (1 597 дел).

Основные причины необоснованного уголовного преследования (особенно с преданием обвиняемых суду) кроются в следующих недостатках

прокурорского надзора: в ненадлежащей критической оценке допустимости, достоверности и достаточности доказательств обвинения, полученных в ходе расследования; в очевидном позиционировании обвинительного уклона в прокурорском надзоре за дознанием и предварительным следствием вопреки приоритету обеспечения принципа законности; в несвоевременном устранении нарушений норм материального и процессуального законодательства на начальных этапах предварительного расследования.

В порядке статьи 179 УПК прокурорами за указанный период отменено 409 незаконных постановлений о возбуждении уголовных дел. Тем не менее, значительное количество граждан длительное время находились в статусе подозреваемых (обвиняемых). Из общего количества прекращенных производством уголовных дел за 8 месяцев 2011 г. конституционные права граждан в связи с признанием их подозреваемыми (обвиняемыми) были ограничены в отношении 2 608 лиц. При этом в отношении 2 110 лиц – на срок до 2 месяцев, 333 – до 6 месяцев, 78 – до 12 месяцев, свыше 12 месяцев – 87.

Основаниями же оправдания судами обвиняемых в этот же период в 34 % случаев было отсутствие в деянии состава преступления; в 62 % – недоказанность участия лица в совершении преступления; в 3 % – отсутствие общественно-опасного деяния, предусмотренного уголовным законом. Новое обвинение в порядке части 2 статьи 301 УПК в истекшем периоде в связи необоснованностью первоначального предъявлялось в 146 случаях. Подавляющее количество таких уголовных дел – 118 (78,6 %) расследовано следователями и дознавателями МВД.

В адрес прокуроров судами вынесено около 300 частных определений по результатам судебного рассмотрения уголовных дел в связи установленными в ходе судебного разбирательства нарушениями уголовно-процессуального либо уголовного закона, что на 32 % больше, чем за аналогичный период 2010 г.

Вопросы обеспечения органами прокуратуры соблюдения законности при принятии решений, связанных с возбуждением уголовного преследования и привлечением граждан к уголовной ответственности, были и остаются приоритетными. Значимость прокурорского надзора за законностью уголовного преследования на досудебной стадии существенно возрастает в условиях создания следственного комитета и выделения предварительного расследования в самостоятельную процессуальную деятельность, поднадзорную прокуратуре на общих принципах обеспечения законности уголовного преследования и поддержания государственного обвинения.

Однако выведение следственных подразделений из системы органов прокуратуры в целях обеспечения большей процессуальной самостоятельности предварительного следствия как формы выражения уголовного преследования, осуществляемого следователями, актуализирует значимость полноты и качества прокурорского надзора за уголовным преследованием, смещая акцент полномочий прокурора на обеспечение уголовного преследования на принципах и гарантиях законности обвинения.

Если уголовное преследование – это осуществляемая стороной обвинения уголовно-процессуальная деятельность, направленная на изобличение подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления – то, как правильно считают некоторые авторы, осуществляется она на протяжении всех стадий уголовного судопроизводства, предопределяет всю уголовно-процессуальную деятельность соответствующих участников уголовного процесса, поскольку ведется разными субъектами в различных процессуальных формах и разными способами [5, с. 24–25].

Завершение уголовного преследования на досудебной стадии обычно увязывают с фактом предъявления обвинения, хотя это один из этапов (способов ведения) уголовного преследования. Наконец, следует разобраться, в каком смысле употребляется в уголовном процессе термин обвинение. На практике (в профессиональной документации) очень часто факт предъявления обвинения расценивается как привлечение к уголовной ответственности, хотя до уголовной ответственности еще далеко даже по временным рамкам уголовного процесса. Акт обвинения на досудебной стадии уголовного судопроизводства – это утверждение (тезис) о совершении лицом конкретного преступления, в материально-правовом смысле – фабула обвинения с перечислением деяний, совершенных лицом и предусмотренных соответствующей статьей УК, а в уголовно-процессуальном смысле – предмет обвинительной процессуальной деятельности, которая проводится с целью доказывания обвинения (п. 17 ст. 6 УПК). Отсюда обвинение должно предъявляться при достижении определенной степени определенности как относительно того, в чем обвиняется лицо, так и относительно того, чем это доказывается. Тем не менее, этим процессуальная обвинительная деятельность не завершается. Обвинение является предметом доказательственной деятельности, то есть уголовного преследования и на судебной стадии уголовного судопроизводства. Так, часть 6 статьи 34 УПК предоставляет государственному обвинителю (прокурору) отказаться от обвинения, и следствием такого отказа является прекращение уголовного преследования и в материально-правовом, и процессуальном смысле.

Уголовное преследование как деятельность, направленная на установление подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, (то есть как обвинительная деятельность) совпадает с доказыванием – изобличение подозреваемого, обвиняемого происходит в процессе доказывания посредством их собирания и процессуального закрепления путем производства следственных и иных процессуальных действий, что составляет основное содержание досудебного этапа уголовного преследования. Необходимость уголовного преследования как особой формы ведения уголовного процесса на досудебной стадии уголовного судопроизводства обусловлено потребностью предварительного выявления и доказывания оснований для предъявления лицу обвинения в материально-правовом смысле и передачи уголовного дела на рассмотрение суда. Этот аспект осуществления уголовного преследования является основным на досудебной стадии уголовного судопроизводства и

фактически возлагается на органы, ведущие расследование – дознавателя или следователя. Можно сказать, что предварительное расследование – это основная процессуальная форма уголовного преследования до передачи уголовного дела в суд с обвинением лица в совершении определенного преступления.

В аспекте рассматриваемого вопроса можно предположить, что осуществление прокурором уголовного преследования и надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия целесообразно рассматривать в единстве как особую форму осуществления прокурором функции уголовного преследования. Следует согласиться с В.А. Лазаревой, что «возвращение прокуратуры к своей изначальной роли – представлять обвинительные интересы государственной власти в уголовных делах путем осуществления преследования лиц, совершивших преступления, их изобличения на досудебных стадиях и обвинения в суде не умаляет ее значения…., а наоборот, обеспечивает эффективность и целенаправленность ее правоохранительной деятельности» [5, с. 31]. Более того, прокурорские полномочия на досудебной стадии уголовного преследования должны реализовываться на принципах правосудного надзора.

Обеспечение законности при приятии процессуальных решений, связанных с осуществлением уголовного преследования граждан на досудебной стадии (возбуждение уголовного дела, дача указаний органам расследования по вопросам процессуального обвинительного доказывания, задержание, применение мер пресечения, предъявление обвинения, предание обвиняемого суду или отказа от уголовного преследования посредством освобождения обвиняемого от уголовной ответственности), остаются приоритетными формами надзора при осуществлении прокурором функции уголовного преследования.

На первый план выдвигается задача обеспечения законности и обоснованности обвинения (как по материально-правовым, так и по процессуальным основаниям доказывания обвинения) при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, дознания и предварительного расследования.

Соблюдение законности и обоснованности принимаемых органами дознания и предварительного расследования решений (действий), включая принятие прокурором решения о направлении уголовного дела в суд, должно обеспечиваться и разрешаться органами прокуратуры в строгом соответствии ее надзорными полномочиями, установленными уголовно-процессуальным законодательством, на основе всесторонней оценки материально-правовых оснований уголовного преследования, соблюдения процессуального порядка осуществления процессуальных действий, особенно в части получения, процессуального оформления (закрепления) доказательственной базы обвинения на принципах полноты, достаточности, достоверности и допустимости.

В этой связи предлагается внедрить системный подход в организацию прокурорского надзора за дознанием и предварительным расследованием уголовных дел на основе процессуального взаимодействия надзирающих

прокуроров с дознавателями и следователями, с одной стороны, и с прокурорами, принимающими решения о направлении уголовных дел в суд и поддерживающими государственное обвинение, с другой стороны.

Надзор за состоянием и качеством осуществления процессуального (ведомственного) контроля за расследованием уголовных дел исходя из необходимости обеспечения полноты и законности проведенных следственных действий, а также объективности получения, исследования и оценки собранных доказательств обвинения с учетом соблюдения принципа процессуальной самостоятельности следователя.

Список использованных источников

1. Ефимчев, С.П. Функции в уголовном судопроизводстве: понятие, сущность, значение / П.С. Ефимчев // Журнал российского права. – 2005. – № 7. – С. 56–65.

2. Тушев, А.А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации / А.А. Тушев. – СПб: Изд-во Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2005.

3. Шостак, М. Уголовное преследование как процессуальная функция / М. Шостак, И. Горовая // Законность и правопорядок. – 2011. – № 3. – С. 55–60.

4. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. И.Л. Петрухин. 2-е изд. – М: Проспект, 2006.

5. Лазарева, В.А. Прокурор в уголовном процессе / В.А. Лазарева. – М: Изд-во Юрайт, 2011.

Дата поступления статьи – 14.10.2011

В статье рассматриваются вопросы содержания и функционального назначения уголовного преследования с позиции процессуальной и надзорной деятельности прокурора как одного из субъектов, осуществляющих уголовное преследование на досудебной стадии уголовного процесса. Отстаивается позиция, что реализация надзорных полномочий прокурора за обеспечением законности возбуждения уголовного преследования и доказывания обвинения является формой участия прокурора в уголовном преследовании.

In this paper, the content and functionality of prosecution from the perspective of procedural and supervisory activities prosecutor as one of the entities in a criminal prosecution pre-trial stage of criminal proceedings. Defended the position that the implementation of the supervisory authority of the prosecutor for the legality of prosecution evidence and the prosecution is a form of participation of the prosecutor in a criminal prosecution.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Щербакова А.В.

Прокуратуре в сфере борьбы с преступностью отведена особая роль, поскольку кроме расследования преступлений, которые имеют соответствующую подследственность, на нее возложена обязанность осуществления надзора за соблюдением законов органами, которые проводят оперативно-розыскную деятельность, дознание и досудебное следствие, а также поддержание государственного обвинения в суде.

В связи с этим, при осуществлении своей профессиональной деятельности прокурору наряду со знаниями норм материального и уголовно-процессуального законодательства необходимо на достаточном уровне владеть криминалистическими знаниями.

Следственно-прокурорская практика постоянно нуждается в научно-методических рекомендациях по расследованию определенных преступлений, а также по осуществлению прокурорского надзора за их расследованием. В связи с этим в структуре Генеральной прокуратуры Украины создан отдел научно-методического обеспечения. Задачей этого отдела, кроме прочего, является разработка и внедрение в практическую деятельность рекомендаций, направленных на совершенствование организации прокурорско-следственной деятельности. В научно-методических рекомендациях рассматриваются и вопросы по использованию криминалистических знаний во время расследования уголовных дел следователями прокуратуры, а также при осуществлении прокурором надзорной деятельности.

Несмотря на значительное практическое значение вопросов криминалистического обеспечения прокурорской деятельности, в отечественной правовой науке последних десятилетий этой проблематике не уделялось надлежащего внимания, что, в свою очередь, указывает на необходимость ее глубокой теоретической разработки.

Общая теория криминалистики, равно как и используемые частные теории (теория криминалистической идентификации, теория криминалистического доказывания; теория криминалистического выявления преступлений и т. д.), которые активно разрабатываются, должны стать методологической базой теории криминалистического обеспечения деятельности прокурора.

Условно его можно поделить на:

– обеспечение использования криминалистических знаний в расследовании преступлений следователями прокуратуры;

– обеспечение применения основ криминалистики при осуществлении прокурорского надзора и организации эффективной координации усилий правоохранительных органов в борьбе с преступностью;

– криминалистическое обеспечение прокурорской деятельности по поддержанию государственного обвинения в суде.

Причем невозможно точно определить, какой из них в деятельности прокурора превалирует и является важнейшим, их необходимо рассматривать только в совокупности.

Рассмотрим детальнее сущность криминалистического обеспечения прокурорской деятельности при расследовании преступлений, подследственных органам прокуратуры.

Статья 4 Уголовно-процессуального кодекса Украины [5] (далее УПК) требует, чтобы органы следствия и дознание, возбудив уголовное дело, использовали все предусмотренные законом средства для установления события преступления, лиц, виновных в его совершении, и привлечения их к ответственности.

Некоторые авторы указывают, что процесс доказывания носит исключительно процессуальный характер. Исходя из этого, собирание, оценка, исследование и проверка доказательств как элементы процесса доказывания регламентированы уголовно-процессуальным законодательством. Это положение подлежит уточнению, поскольку в доказывании применяются также и методы, которые нормами УПК не регулируются, а именно: методы построения версий, планирование, последовательность и тактика проведения следственных действий. Содержание доказывания, то есть деятельности следователя, прокурора по уголовному делу раскрывается в ряде характеристик этого процесса: правовой, психологической и криминалистической характеристиках [9, с. 47].

Согласно криминалистической характеристике доказывание можно определить как целенаправленный планомерный процесс, который предусматривает реконструкцию прошлого события преступления по выявленным следам познания следователем действительного. С этой целью проводятся следственные действия и мероприятия, направленные на выявление доказательственной информации.

Как известно, криминалистика разрабатывает систему приемов, методов и средств собирания, исследования и использования доказательств. Кроме того, она является каналом внедрения научно-технических достижений в процессе доказывания [12, с. 11]. Так как основной субъект процесса доказывания – следователь, именно он выступает преимущественно как пользователь достижениями научно-технического прогресса.

В юридических источниках не так давно указывалось, что криминалистика представляет собой продолжение или специальный курс уголовного процесса [3].

В настоящее время, конечно, никто не опровергает самостоятельности криминалистики, но при этом высказывание процессуалистов о роли и месте криминалистической деятельности в уголовном процессе очень осторожны. С одной стороны, признается то, что криминалистика имеет свой предмет в общем объекте исследования, то есть в уголовном процессе, и поэтому играет определенную самостоятельную роль, а, с другой – эта роль отводится ей

опять в уголовно-процессуальной деятельности, так как ни одной другой в рамках процесса якобы нет и быть не может.

А.Н. Васильев писал, что криминалистика «свои» методы, приемы и средства разрабатывает и предоставляет не для «своей» деятельности, а для какой-то «чужой», у которой нет «своих» методов, приемов и средств... Также отмечал, что основное назначение криминалистики в этом и заключается, чтобы своими методами помочь наиболее правильному и полному выполнению требований уголовно-процессуального закона [2, с.63].

Следует признать, что использование криминалистики носит уголовно-процессуальный характер, поскольку и положения по ее применению входят в состав уголовно-процессуальной деятельности по расследованию преступлений. Но если бы уголовно-процессуальная деятельность по расследованию вдруг оказалась без криминалистических методов, приемов и средств, то она была бы неспособной решить задачи, указанные в законе.

Процесс доказывания на досудебном следствии определяется его содержанием, в котором объединяются познавательные, коммуникативные, обосновывающие элементы. Все указанные аспекты деятельности субъектов доказывания имеют криминалистический характер, что отображает существование специфической деятельности, направленной на решение задач процесса доказывания криминалистическими приемами, методами и средствами. В свою очередь, решение этих задач невозможно без наличия соответствующей, самостоятельно функционирующей сферы криминалистической деятельности, которая, по сути, служит инструментом обеспечения процесса доказывания.

Указанные обстоятельства являются характерными для обеспечения расследования любым органом досудебного расследования. На сегодня, согласно ст. 111 УПК Украины [5], к такому органу относятся также следователи прокуратуры. Специфика криминалистического обеспечения такой деятельности заключается в особенностях методики расследования преступлений, им подследственных, тактических приемов и применения специальных знаний.

При осуществлении надзорных полномочий прокурору также необходимо использовать криминалистические методы для осуществления своих функций относительно криминалистической составляющей деятельности поднадзорных субъектов. Кроме того, невозможно давать указания органам досудебного следствия по вопросам расследования преступлений без надлежащего знания основ криминалистики (в частности, методики расследования).

Прокурорско-надзорная тактика, так же как и криминалистическая, тесно связана с методикой прокурорского надзора [1, с. 10], поскольку рекомендации тактики реализуются через методику надзора в определенной сфере правоотношения, с учетом их специфических черт.

Алгоритм реализации криминалистических знаний прокурором, состоит из следующих элементов: построение модели криминальной ситуации; построение процессуальной модели деятельности по реализации своей ком-

петенции; построение криминалистической модели деятельности по выявлению преступлений; выявлению и устранению недостатков деятельности поднадзорных органов; определение тактики и методики наиболее эффективного осуществления проверки, оценки криминалистических средств и методов доказывания; определение криминалистической тактики и методики подготовки и ведения поддержания государственного обвинения в суде; осуществление профилактической деятельности.

С другой стороны, система криминалистического обеспечения деятельности прокурора включает в себя: криминалистическое образование, криминалистические знания, методическое обеспечение практической реализации этих знаний в ходе осуществления прокурорско-надзорной деятельности [10, с. 87].

Безусловно, деятельность прокурора едина, ее нельзя механически разграничивать на процессуальную и криминалистическую. Есть элементы деятельности прокурора, которые научно обеспечиваются криминалистикой, криминальным процессом, юридической психологией и т. п. Для того чтобы прокурор имел возможность анализировать деятельность уполномоченных субъектов, он должен знать все составляющие поднадзорной деятельности, в том числе и процессуальную, и содержательную, и криминалистическую. Некоторые ученые довольно обоснованно указывают на необходимость размежевания уголовно-процессуальных и криминалистических средств, а значит и содержания деятельности прокурора по процессуальному руководству досудебным расследованием [10, с. 227].

Криминалистическая составляющая деятельности субъектов доказывания, представляет собой систему средств, приемов и действий, направленную ними на наиболее эффективное проведение следственных и других действий в процессе уголовно-процессуального доказывания.

Цель, содержание и направленность уголовно-процессуальной и криминалистической деятельности единые, но у нее разные методика и тактика достижения результата. Тогда как, при единой цели исследования, разделить процессуальную и криминалистическую составляющую деятельности по доказыванию и, соответственно, «изъять» криминалистическую составляющую деятельности прокурора из его процессуальных полномочий по надзору за этим процессом, в данном контексте невозможно. При указанном подходе можно вести речь лишь о применении криминалистических средств и приемов эффективного проведения следственных действий в процессе доказывания и осуществления прокурорского надзора за всесторонностью, полнотой и объективностью установления всех обстоятельств дела. Следует отметить, что доказывание невозможно рассматривать только в плоскости процессуальных отношений. Как и любая деятельность, доказывание – это симбиоз разных ее составных. В данном случае – и процессуально-правовых, и психологических, и организационно-управленческих, и, в конце концов, криминалистических.

В статье 22 УПК Украины подчеркивается, что «прокурор, следователь и лицо, которое проводит дознание, обязаны использовать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить не только обстоятельства, которые разоблачают, но и те, что оправдывают обвиняемого либо смягчают его ответственность». Также следует отметить, что надзор за соблюдением сформулированных в ст. 22 УПК Украины [5] требований означает необходимость самого глубокого исследования материалов уголовного дела, которое дает основания к широкому вмешательству в расследование, прежде всего путем дачи указаний по делу. Данные требования указывают на то, что прокурору при осуществлении своих полномочий по всестороннему, полному и объективному исследованию материалов дела обязательно нужна система криминалистических знаний.

Именно криминалистические методы проверки и оценки выявленных уполномоченными субъектами фактических данных является основой механизма реализации компетенции прокурора по осуществлению надзора за соблюдением законов органами, которые проводят оперативно-розыскную деятельность, дознание и досудебное следствие. Результаты этой деятельности являются для прокурора критерием оценки при определении правильности принятия следователем тех или других процессуальных решений, а также основанием для дачи письменных указаний.

Таким образом, несмотря на широкий спектр правоотношений, которые возникают и влияют на процесс реализации прокурором своей компетенции, эмпирической основой механизма регулирующего влияния прокурорского надзора является, безусловно, комплекс криминалистических методов и средств проверки и оценки, выявленных субъектами доказывания фактических данных. Полученные данные составляют содержание как судебных доказательств, так и другой информации, которая имеет ориентирующее значение.

Криминалистика изучает и разрабатывает содержание деятельности субъектов уголовного судопроизводства, которое направлено на выявление уголовно-наказуемых деяний и их эффективную процессуальную реализацию в ходе доказывания на всех этапах борьбы с преступностью. В предмет науки прокурорского надзора должны быть интегрированы указанные знания, направленные именно на криминалистическое обеспечение деятельности прокурора. Результаты исследования вопросов по криминалистическому обеспечению деятельности прокурора обогатят как криминалистику, так и криминальный процесс, и прокурорский надзор.

Прокурору во время проведения профессиональной деятельности нельзя обойтись без применения криминалистических знаний. Это объясняется тем, что кроме внутреннего убеждения, знания процессуальных норм и правил прокурор, осуществляя собирание, проверку и оценку доказательств, должен сам уметь осуществлять доказывание, реализовывать имеющиеся фактические данные. Именно это умение объективно позволяет прокурору давать письменные указания по делу на этапе досудебного следствия, а так-

же, определять тактику поведения в суде во время поддержания государственного обвинения [11, с. 5–6]. Вклад государственного обвинителя в правильное разрешение дела определяется не только знанием и исполнением процессуальных правил, но и в значительной мере, умелым использованием приемов и методов, разрабатываемых современной криминалистикой [6, с. 312]. Прокурор, поддерживающий государственное обвинение в суде будет явно уступать стороне защиты, если не владеет криминалистическими знаниями [7, с. 76].

Функционирование прокурорского надзора обязательно связано с установлением недостатков деятельности поднадзорных субъектов в исследуемой сфер, но ни прокурорский надзор, ни наука криминального процесса не оперируют понятиями «эффективность проведения следственных действий», «выявление и устранение недостатков при формировании системы доказательств и отдельных ее элементов, а также во время реализации доказательств и их систем», «разработка и реализация криминалистической тактики доведения инкриминированных обвиняемому преступлений в суде».

Поддерживаем А.М. Кустова, который отмечал, что криминалистическая наука стоит на пороге своего следующего этапа развития – важного расширения границ, предмета науки, изменения системы науки [8, с. 66], и мы добавим – интеграции ее с другими науками, которые обеспечивают эффективное осуществление борьбы с преступностью.

Интеграция научных знаний в криминалистике позволяет объединить отдельные дифференцированные идеи, методы, функции взаимодействующих наук в единое целое [4, с. 373].

Перспективы развития прокурорского надзора зависят, в первую очередь, от развития методологических основ прокурорско-надзорной деятельности, а также укрепления межотраслевых связей.

Указанные выше доводы и обстоятельства обуславливают существенную необходимость наполнения прокурорского надзора криминалистическим содержанием, как следствие этого, возникает также потребность в разработке теории криминалистического обеспечения деятельности прокурора.

Учитывая вышеизложенное, отметим, что формирование теории криминалистического обеспечения деятельности прокурора предоставит возможность интегрировать криминалистические знания для практической оптимизации этой деятельности.

Список использованных источников

1. Басков, В.И. Курс прокурорского надзора: учебник для студентов юридических вузов и факультетов с приложением нормативных актов / В.И. Басков, Б.В. Коробейников. – М.: Изд-во «Зерцало», – 2000. – 512 с.

2. Васильев, А.Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений // Социалистическая законность. – 1975. – № 4. – С. 63

3. Гросс, Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. – СПб, 1908. – С. IX.

4. Когутич, І. Тенденції пристосування криміналістичних знань у здійсненні судочинства // Вісник Львівського університету. – Вип. 52. – С. 373–378.

5. Кримінально-процесуальний кодекс України. Затверджений Законом від 26 грудня 1960 р. // Відомості Верховної Ради України. – 1961. – № 2. – Ст. 15; Закон України "Про внесення змін до Кримінально-процесуального кодексу України" від 21 червня 2001 року № 2534-III // Голос України. – 2001. – № 116 (2616).

6. Кудрявцев, В.Л. Теоретические основы и проблемы реализации криминалистического обеспечения поддержания государственного обвинения в суде // Актуальные вопросы криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 24 ноября 2009 г., – Иркутск: БГУЭП, 2010. – С. 312–328.

7. Кулик, Н.В. О современных технологиях предоставления доказательственной информации в деятельности государственного обвинителя/ Н.В. Кулик, А.В. Холопов //Криминалистъ.2009. – №1 (4) – С. 75–80.

8. Кустов, А.М. Поэтапное развитие науки криминалистики // Уголовное право. – 2002. – № 4. – С. 66–69.

9. Новик, В.В. Криминалистические аспекты доказывания по уголовным делам: проблемы теории и практики. Спб.: Юрид. Центр Пресс. – 2005. – 471 с.

10. Романюк, Б. Участь прокурора-криміналіста на стадії досудового слідства // Вісник прокуратури. – 2003. – № 1. – С. 44–49.

11. Рубис, А.С. Основы теории криминалистического обеспечения деятельности прокурора в сфере борьбы с преступностью: моногр. – Минск: Харвест, 2006. – 416 с.

12. Салтевский, М.В.Криминалистика: учеб. пособие. – 1996. – 594 с.

Дата поступления статьи – 08.09.2011.

В статье рассматриваются современные подходы к исследованию понятий криминалистического обеспечения следственной деятельности, обеспечение доказывания; обосновывается необходимость глубокой теоретической разработки проблематики криминалистического обеспечения прокурорской деятельности.

The current approaches to examining such concepts as criminalistic ensuring of investigation and proving are considered in the article. The necessity of deep theoretical development of criminalistic ensuring prosecutorial activity is grounded.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К КЛАССИФИКАЦИИ СЛЕДОВ НА МЕСТЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ

Вечерский Д.А.

Выявление и анализ следов на месте дорожно-транспортного происшествия (далее – ДТП) позволяет с достаточной степенью вероятности делать выводы о фактах, имевших место в прошлом и предшествовавших ДТП, таких как, например, «механизм ДТП, опасная и аварийная обстановка, момент возникновения опасности, сенсомоторная реакция водителя, место наезда (столкновение, опрокидывание, выпадение), причинные связи между действиями водителя и наступившими аварийными последствиями, техническая и психофизиологическая возможность-невозможность предотвращения происшествия, психологическое состояние водителя в момент ДТП, техническое состояние транспортного средства (далее – ТС) и дорожного покрытия на месте ДТП и ряд других производственных факторов» [1, с. 42].

«Обнаружение материальных объектов-носителей-источников криминалистической информации следует рассматривать как первоначальную задачу всего процесса криминалистической деятельности по раскрытию и расследованию преступлений» [2, с. 11], при этом систематизированное описание следов ДТП облегчает задачи их поиска в процессе осмотра места происшествия, определения вероятных условий произошедшего и построения версий, может быть использовано для нахождения и разграничения так называемых парных следов, характерных следов в зависимости от вида ДТП, которые еще не обнаружены, а также негативных обстоятельств, которые свидетельствуют о том, что рассматриваемая версия не соответствует действительности.

Кроме этого, систематизация помогает максимально полно и объективно исследовать место происшествия, так как «многолетняя практика показывает, что на месте ДТП нет следов и объектов главных и второстепенных» [3, с. 5].

В 1976 году О.М. Глотов предложил схему системы следов дорожного происшествия, в которую входили: преступник, средство транспорта, жертва, место происшествия [4, с. 91], указывая на парное взаимодействие – «структурный элемент системы, состоящий из двух элементов взаимодействия..., следового контакта между ними и пары взаимных следовых переносов» [4, с. 92], отмечая, что «при практическом исследовании места происшествия систему следов следует изучать, разбив ее мысленно на соответствующие парные взаимодействия», потому что при доказывании они удостоверяют факт взаимного контакта [4, с. 94].

В современной литературе эта схема не получила распространения, однако приводятся разнообразные описания следов ДТП, как с указанием целей их классификации, так и без:

С.А. Евтюков и Я.В. Васильев систематизируют следы ДТП в зависимости от видов происшествий в целях разработки методики экспертного исследования обстоятельств, определяющих механизм ДТП [5, с. 51–53, 86, 209]. По нашему мнению, деление следов ДТП на виды должно производиться по нескольким критериям независимо, а цели такого деления должны быть обусловлены общими целями осмотра места ДТП: созданием мысленной модели происшедшего события, обнаружением следов и иных материальных объектов, выяснением иных обстоятельств, имеющих значение для дела. [6, с. 119–120].

Подробная классификация следов ДТП приводится в методическом пособии НИИПККиСЭ: следы колес транспортных средств, следы деталей транспортных средств на преградах, с которыми они взаимодействовали во время ДТП, следы отделившихся от ТС деталей, частей, а также различного рода веществ (сыпучий груз, масло и пр.), следы от потерпевших, следы на транспортных средствах [7, с. 34]. В дальнейшем авторы просто перечисляют известные им следы, группируя их без указания критериев классификации на: следы качения, торможения (скольжения), заноса; следы мотоцикла; повреждения дорожного покрытия после столкновения; следы, оставляемые потерпевшими; следы, возникающие на одежде и обуви потерпевших; следы контакта частей салона ТС с пассажирами и водителем; следы, возникающие при столкновении ТС; следы, возникающие при наезде ТС на неподвижные объекты; следы, возникающие при наезде на пешеходов; следы, возникающие на ТС при его опрокидывании; следы, возникающие до происшествия, при наезде ТС на твердые и острые предметы на дороге [7, с. 34–46]. На наш взгляд, при классификации следов на виды недопустимо смешение различных критериев, как это сделано в указанном пособии. Наличие критериев деления как раз и позволяет создать систему классификации следов ДТП с соответствующими подсистемами.

Помимо следов, понимаемых криминалистикой в узком смысле, в данном методическом пособии описаны объекты, которые могли оказать влияние на процесс развития и завершения ДТП: ограничивающие обзорность объекты (здания, сооружения, заборы, зеленые насаждения, стоящие транспортные средства и т. п.), препятствия, которые могли вынудить участников ДТП изменить скорость или направление движения (ограждения, стоящий транспорт, дефекты дороги и т. п.), технические средства регулирования движения (разметка, светофоры, указатели, дорожные знаки и т. п.) [7, с. 9]. Подобные объекты относятся к системному окружению криминалистической структуры дорожно-транспортного происшествия.

В.М. Коршунов выделяет следы, образованные ТС при его движении, отделившиеся от транспортного средства части и детали, следы транспортного груза, следы причинения телесных повреждений [8, с. 77] в качестве того, что обычно обнаруживают на месте происшествия. Следует отметить, что в

данном пособии автор ограничивается перечислением известных следов, не уделяя внимания их классификации.

Р.Г. Зорин приводит следующее деление следов по видам: следы на дороге, следы на пострадавшем пешеходе и следы на транспортном средстве, при этом выделяет наличие различных следов в зависимости от стадии ДТП – предшествующей, кульминационной и последующей [9, с. 62–63]. Следует отметить, что пострадавшим в ДТП может быть не только пешеход, в связи с чем уместно говорить о следах на человеке без оценки характера его участия в ДТП. Кроме того, указывается на важность сопоставления следов на следообразующих и следовоспринимающих частях транспортного средства [9, с. 68–69], а, по нашему мнению, следует рассматривать в общем виде и следообразующие, и следовоспринимающие объекты, не ограничиваясь только транспортными средствами.

В.Г. Семенов осуществляет деление следов ДТП на следы-отображения, следы-предметы, следы-вещества, а также указывает на их местонахождение (на транспортном средстве, дороге, объектах окружающей обстановки, теле, одежде и обуви пострадавшего) [10, с. 10–16], однако дальнейшее деление на подразделы проводит: для следов на транспортном средстве – в зависимости от вида ДТП, для следов на дороге – в зависимости от следообразующего предмета, а для следов на объектах окружающей обстановки, на теле, одежде и обуви потерпевших дальнейшее деление на подразделы отсутствует.

Некоторые авторы ограничиваются только перечислением следов транспортных средств [11, с. 14–15], либо указывают на возможные следы на месте ДТП без какой-либо классификации [1, с. 58–67; 12, с. 56–60].

Коллективом авторов под редакцией А.М. Кривицкого и Ю.И. Шапорова предложено деление, во-первых, на следы-отображения, следы-предметы и следы-вещества, и, во-вторых, по месту их нахождения (на дороге, на одежде и обуви пострадавших, на объектах окружающей обстановки, на транспортных средствах и на теле пострадавшего) с последующим перечислением этих следов в виде иерархически упорядоченных списков, однако без должной их систематизации [3, с. 7–17]. Так, при описании следов на дороге критерием дальнейшего деления является следообразующий объект, при описании следов на одежде и обуви пострадавших и следов дальнейшего деления нет, а вместо этого перечислены следы при наезде и переезде тела человека и следы контакта с частями салона (кабины) транспортного средства, при описании повреждений на ТС критерием деления является вид ДТП, описание следов на объектах окружающей обстановки также произведено без дальнейшего деления, а описание следов и повреждений на теле пострадавшего произведено в связи с фазой причинения травмы и механизмом образования повреждений.

С нашей точки зрения, система следов дорожно-транспортного происшествия должна иметь следующий вид:

1. Подсистема сущности следов:

1.1. следы-отображения (образуются при контакте разнообразных объектов в процессе ДТП, отражают внешние признаки одного объекта на другом);

1.2. следы-предметы (предметы или части предметов, местонахождение или состояние которых несет информацию о ДТП);

1.3. следы-вещества (вещества или микровещества, местонахождение или состояние которых несет информацию о ДТП).

2. Подсистема следов по времени их образования:

2.1. до ДТП;

2.2. в момент ДТП;

2.3. после ДТП.

К следам дорожно-транспортного происшествия, образовавшимся до его кульминационной фазы, на наш взгляд, следует относить следы, не имеющие непосредственного отношения к самому ДТП, но свидетельствующие о его причинах или условиях, ему предшествовавших. Характерным примером могут служить следы шин транспортного средства на обочине, возникшие вследствие усталого или сонного состояния водителя, или повреждения колесного диска от дефектов дорожного покрытия, вызвавшие потерю управления транспортным средством. К следам, образовавшимся после окончания дорожно-транспортного происшествия, могут относиться как его последствия (например, рассыпавшийся груз, следы от разлетающихся частей транспортного средства, потеки и лужи крови и технических жидкостей и т. п.), так и следы действий по сокрытию преступления. Следы, возникающие в момент ДТП, непосредственно к нему относятся, и являются его отражением в материальном мире.

3. Подсистема следов по степени удаленности от эпицентра ДТП:

3.1. следы в эпицентре;

3.2. следы на участках, прилегающих к эпицентру;

3.3. следы на участках вне границ ДТП.

Данное деление является условным и приведено в целях организации оптимального осмотра места происшествия по убыванию количества следов, которые могут быть обнаружены.

4. Подсистема объектов, участвующих в ДТП, которые оставляют следы и на которых находятся следы:

4.1. следы от людей и на людях (элементы криминалистической структуры ДТП – виновник ДТП, потерпевшие в ДТП);

4.2. следы от ТС и отделившихся от них частей и на транспортных средствах и отделившихся от них частях (элементы криминалистической структуры ДТП и системное окружение криминалистической структуры ДТП);

4.3. следы на дорожном покрытии, объектах организации дорожного движения и от дорожного покрытия, объектов организации дорожного движения (системное окружение криминалистической структуры ДТП);

4.4. следы на прилегающей территории и объектах и от прилегающей территории и объектов (системное окружение криминалистической структуры ДТП).

Указанные объекты подсистемы лучше рассматривать попарно ввиду того, что между ними происходит взаимодействие в процессе ДТП, в резуль-

тате чего возникают соответствующие следы-отображения, следы-предметы и следы-вещества:

1. Следы от виновника ДТП или потерпевших в ДТП на виновнике ДТП или потерпевших в ДТП (кровоподтеки, ссадины, синяки, ушибы, переломы).

2. Следы от виновника ДТП на транспортных средствах и отделившихся от них частях (деформация рулевого колеса, деформация приборного щитка, повреждения стекол изнутри, деформация руля мотоцикла, велосипеда, отпечатки, мазки, лужи, брызги, потеки крови внутри салона, следы рук на руле, отпечатки обуви и грязь на педалях управления, волокна одежды на ткани сиденья водителя и ремне безопасности, волосы, зубы, ткани тела внутри салона) и следы от ТС и отделившихся от них частей на виновнике ДТП (кровоподтеки, ссадины, синяки, ушибы, переломы, частицы стекла на теле и одежде, разрывы и порезы тканей тела, отпечатки педалей управления на обуви, отпечатки ремня безопасности на теле и одежде водителя).

3. Следы от потерпевших в ДТП на ТС и отделившихся от них частях (повреждения стекол изнутри, волокна одежды на ткани сидений и ремне безопасности, волосы, зубы, ткани тела внутри салона, отпечатки рук на капоте, крыльях, стеклах, повреждения лобового стекла с внешней стороны, вмятины на капоте, крыльях, крыше, облицовке радиатора, повреждения стекол световых приборов, повреждения наружных зеркал, деформация руля мотоцикла, руля велосипеда, обрывки одежды и отпечатки фактуры одежды, волосы, зубы, ткани тела, отпечатки, мазки, лужи, брызги, потеки крови внутри салона, на внешних поверхностях, деталях и агрегатах транспортных средств, отделившихся от них частях) и следы от ТС и отделившихся от них частей на потерпевших в ДТП (частицы стекла на теле и одежде, отпечатки ремня безопасности на теле и одежде, отслоения лакокрасочного покрытия на руках потерпевших, отпечатки рельефа деталей на теле и одежде потерпевших, кровоподтеки, ссадины, синяки, ушибы, переломы, разрывы и порезы тканей тела).

4. Следы от виновника ДТП или потерпевших в ДТП на дорожном покрытии, объектах организации дорожного движения (отслоения от подошвы обуви, отброшенная обувь, головной убор, вещи и предметы потерпевшего, волосы, зубы, ткани тела, отпечатки, мазки, лужи, брызги, потеки крови, фрагменты одежды) и от дорожного покрытия, объектов организации дорожного движения на виновнике ДТП или потерпевших в ДТП (следы трения на обуви при ударе транспортным средством потерпевшего, следы грязи на теле, одежде, кровоподтеки, ссадины, синяки, ушибы, переломы, разрывы и порезы тканей тела, разрывы, разрезы и скручивания одежды).

5. Следы от виновника ДТП или потерпевших в ДТП на прилегающей территории и объектах (отброшенная обувь, головной убор, вещи и предметы потерпевшего, волосы, зубы, ткани тела, отпечатки, мазки, лужи, брызги, потеки крови на грунте, снегу, бордюрах, столбах, деревьях, дорожных ограждениях, фрагменты одежды) и от прилегающей территории и объектов на виновнике ДТП или потерпевших в ДТП (следы грязи на теле, одежде, крово-

подтеки, ссадины, синяки, ушибы, переломы, разрывы и порезы тканей тела, наслоения лакокрасочного покрытия бордюров, столбов, древесины на теле, одежде, разрывы, разрезы и скручивания одежды).

6. Следы от ТС на ТС (повреждения стекол, световых приборов, зеркал, вмятины, царапины, деформация элементов кузова, деталей и агрегатов транспортных средств, наслоения и отслоения лакокрасочного покрытия).

7. Следы от ТС и отделившихся от них частей на дорожном покрытии, объектах организации дорожного движения (следы качения, скольжения шин на дорожном покрытии, следы скольжения элементов кузова, деталей и агрегатов транспортного средства на дорожном покрытии, наслоения лакокрасочного покрытия, потеки, лужи рабочих жидкостей на дорожном покрытии, осыпи стекла, груза, следы скольжения груза) и от дорожного покрытия и объектов организации дорожного движения на ТС и отделившихся от них частях (наслоения грязи, снега на шинах, повреждения шин, царапины, деформация элементов кузова, деталей и агрегатов, повреждения шин, дисков, подвески транспортных средств)

8. Следы от ТС и отделившихся от них частей на прилегающей территории и объектах (борозды от шин, следы качения, скольжения шин на прилегающей территории, следы скольжения элементов кузова, деталей и агрегатов транспортного средства на прилегающей территории и объектах, борозды в грунте, снеге, повреждения бордюров, деревьев, столбов, дорожных ограждений, потеки, лужи рабочих жидкостей на дорожном покрытии, осыпи стекла, груза) и от прилегающей территории и объектов на ТС и отделившихся от них частях (наслоения грязи, снега на шинах, повреждения шин, царапины, деформация элементов кузова, деталей и агрегатов транспортных средств, наслоения грязи, грунта, снега)

Список использованных источников

1. Мамай, В.И. Дорожно-транспортные происшествия: вопросы ответственности и доказывания / В.И. Мамай. – М.: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2003. – 128 с.

2. Колдин, А.В. Источники криминалистической информации / А.В. Колдин, О.А. Крестотников; под ред. В.Я. Колдина. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2007. – 192 с.

3. Использование специальных познаний в расследовании дорожно-транспортных происшествий / А.М. Кривицкий [и др.]; под общ. ред.: канд. техн. наук А.М. Кривицкого и канд. юр. наук Ю.И. Шапорова. – Минск: Харвест, 2004. – 128 с.

4. Глотов, О.М. Следы преступления как система / О.М. Глотов // Вопросы совершенствования предварительного следствия: сб. ст. Вып. 4 / Прокуратура СССР, Ин-т усовершенствования следственных работников органов прокуратуры и МВД СССР; отв. ред. А.А. Любавин. – Ленинград, 1976. – С. 89–98.

5. Евтюков, С.А. Экспертиза дорожно-транспортных происшествий. Справочник / С.А. Евтюков, Я.В. Васильев – СПб.: Изд-во ДНК, 2006. – 536 с.

6. Вечерский, Д.А. Задачи и цели осмотра места дорожно-транспортного происшествия / Д.А. Вечерский // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. трудов. Вып. 27 / ГУ «Центр судебной экспертизы и криминалистики Министерства юстиции Республики Беларусь»; под ред. д-р юр. наук, проф. Дулова А.В. – Минск, 2010 – С. 113–120.

7. Расследование дорожно-транспортных происшествий: метод. пособие по осмотру места ДТП, проведению следственных экспериментов и назначению судебной автотехнической экспертизы / В.К. Волков [и др.]; под общей ред. Э.П. Леневского / НИИ проблем криминологии, криминалистики и судеб. экспертизы. – Минск: НИИПККиСЭ, 1998. – 111 с.

8. Коршунов, В.М. Следы на месте происшествия. Обнаружение, фиксация, изъятие / В.М. Коршунов. – М.: Экзамен, 2001. – 288 с.

9. Зорин, Р.Г. Защита по уголовным делам о дорожно-транспортных происшествиях. – 2-е изд. / Р.Г. Зорин. – Минск: Амалфея, 2001. – 336 с.

10. Семенов, В.Г. Расследование дорожно-транспортных происшествий / В.Г. Семенов. – Минск: Акад. МВД Республики Беларусь, 2006. – 109 с.

11. Ивашков, В.А. Предварительные исследования материальных объектов на месте происшествия: Методические рекомендации / В.А. Ивашков, Л.И. Слепнева. – М.: ЭКЦ МВД России, 1992. – 24 с.

12. Монид А.А. Предварительное исследование следов на месте происшествия: учеб.-метод. пособие / А.А. Монид, Н.В. Ефременко. – Минск: Акад. МВД Республики Беларусь, 2005. – 67 с.

Дата поступления статьи – 03.10.2011.

В статье проанализированы взгляды различных ученых относительно классификации следов дорожно-транспортного происшествия, проведена систематизация на основании нескольких критериев классификации: по сущности следов дорожно-транспортного происшествия, по времени образования следов, по степени удаленности следов от эпицентра дорожно-транспортного происшествия, по объектам, которые оставляют следы, и на которых находятся следы дорожно-транспортного происшествия. Автор рассматривает указанные объекты как элементы криминалистической структуры дорожно-транспортного происшествия и ее системного окружения, взаимодействующие попарно в процессе дорожно-транспортного происшествия, результатом чего является образование следов.

Considerations of different researchers concerning classification of automobile accident traces are reviewed in the article. The systematization has been performed on different classification criteria: essence of automobile accident traces, time of traces occurrence, location of traces on automobile accident scene, objects making traces and objects containing traces. The author considers these objects as elements of crime structure interacting pairwise within automobile accident process having traces occurrence as a result.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: БЕСКОНЕЧНОСТЬ ДИСКУССИИ

Гучок А.Е.

Преступление, как ключевая категория предмета криминалистики, попрежнему мобилизует усилия ученых, направленные на совершенствование концепции построения его адекватной модели.

Вопрос о необходимости перехода в науке к объекту исследования как теоретической модели, по нашему мнению, вполне разрешен. «Реальный объект всегда сложен, имеет иерархическую структуру, переплетение значимых для данного исследования и второстепенных свойств, затемненность необходимых, закономерных отношений случайными явлениями, тогда как научные законы и теории в целом формулируются по отношению именно к идеализированным объектам, их свойствам и состояниям, которые выступают в функции особого рода идеальной модели. Модель – это идеализированный объект, наделенный небольшим количеством специфических и существенных свойств, имеющий относительно простую структуру. Все понятия и утверждения теории относятся именно к такому объекту» [1, с. 229].

Необходимость и значимость модели преступной деятельности для криминалистики детерминируется тем, что конкретное преступление как явление объективной действительности практически никогда непосредственно не противостоит исследователю в его предметно-практической и научно-познавательной деятельности и эффективно может изучаться только путем моделирования.

Сегодня можно выделить несколько учений, которые предлагаются в качестве теоретических основ моделирования преступных событий. К числу наиболее распространенных из них относятся учения о криминалистической характеристике преступления, криминалистическом механизме преступления и криминалистической структуре преступления.

Каждое из названных выше учений имеет своих сторонников и оппонентов? вследствие чего научная дискуссия относительно их состоятельности, эффективности излагаемых в них концептуальных основ моделирования преступления и использования его модельного аналога в познавательной деятельности применительно к решению проблем совершенствования теории криминалистики и практики расследования преступлений продолжается до настоящего времени.

Исходя из этого, возникает вполне закономерный вопрос относительно значимости самой такой дискуссии для ученых и практиков и перспектив ее завершения, то есть унификации представлений и ученых-криминалистов и практических работников о преступной деятельности и преступлении как криминалистических категориях.

Рассуждая о значимости дискуссии об эффективных подходах моделирования преступной деятельности в криминалистике для сообщества криминали-

стов, следует не упускать из внимания прикладной характер криминалистической науки. Исходя из этого, вопрос о состоятельности той или иной концепции не может ограничиваться его обсуждением только в научных кругах, а в обязательном порядке должен быть адресован и практическим работникам.

Однако нам представляется, что никто из ученых-криминалистов, в том числе и сторонников того или иного учения о преступлении, активно отстаивающих принятую ими точку зрения? не будет удивлен тем, что подавляющее большинство оперативных работников, следователей, дознавателей, экспертов не имеют представления о том, что упомянутая дискуссия ведется вообще.

Причина такого неведения среди практических работников, как мы полагаем, состоит в осознанно дезориентированном от реальных целей нормальной науки, попросту бесцельном методологическом поиске теоретических форм представления преступной деятельности без исследования их перспективного начала как инструмента поиска нового знания. Главным образом, это проявляется в необоснованном крене методологических основ криминалистики в сторону догматической методологии, ориентированной на некую не вполне определенную теоретическую работу, не имеющую не только очевидной практической значимости, но и перспектив дальнейшего развития и завершения. К таким теоретическим изысканиям относятся: обзоры литературы, исторические экскурсы, уточнения понятий, критический анализ различных точек зрения, декларирование необходимости шире и активнее использовать системный и деятельностный подходы и т. п.

В результате деятельная методология, основное назначение которой как раз и состоит в организации эффективного процесса приращения нового научного знания и решения прикладных задач, отходит на второй план. Все это имеет место наряду с известными и бесспорными установками нормальной науки относительно того, что «венцом» научного творчества является открытие, а технического – изобретение.

Анализируя направления научного поиска эффективных подходов моделирования преступления в криминалистике и оценивая значимость научной дискуссии по данной проблеме, обратимся к зарубежному опыту. Оказывается, уровень технологий практического следоведения и степень оснащенности техническими средствами криминалистических служб стран дальнего зарубежья превосходит положение дел в странах советской школы криминалистики примерно на столько порядков, на сколько советская школа криминалистики «опережает» западные криминалистические школы в деле ведения различных дискуссий, в частности, по проблемам моделирования преступной деятельности.

В связи с этим, мы полагаем, что значимость любой научной дискуссии, не ориентированной на решение конкретных, актуальных проблем не только теоретического плана, в нашем случае – криминалистической теории преступной деятельности, но и решение на ее основе прикладных задач кри-

миналистики, полностью нивелируется и относится к сфере псевдонаучных изысканий.

Рассматривая перспективы завершения дискуссии о состоятельности различных криминалистических моделей преступления и унификации представлений о преступлении как криминалистической категории, необходимо обратить внимание на то, что основывая свои доводы о состоятельности соответствующей концепции моделирования преступления в криминалистике, исследователи, как правило, интерпретируют уже интерпретированные точки зрения авторитетных ученых. При этом предлагаются инновации, в значительной мере усложняющие процесс использования в научно-практической деятельности предлагаемых ими модельных аналогов вопреки тому, что учение о преступлении в криминалистике не должно усложняться в принципе. По своей структуре оно должно быть лишь в необходимой и достаточной степени адекватно реальности, а по функциональности, как отмечалось ранее, быть одним из инструментов решения прикладных задач. Проблема усложнения криминалистических моделей преступной деятельности может привести к тому, что ознакомление исследователя или практического работника с основами моделирования того или иного вида преступления, либо собственно использование готовых моделей, может потребовать больших временных затрат, нежели решение конкретных проблем научно-практической деятельности.

Исходя из этого, абстрагируясь от различного рода интерпретаций и усложнений, мы предприняли попытку обратиться к той теоретической схеме высокой степени обобщенности, которая является первоосновой, прототипом обсуждаемых в современной криминалистике концепций, схеме, основанной на известных в философии и науковедении положениях. Мы полагаем, что предпосылкой построения адекватной модели объекта познания является его онтологическая картина, отражающая наиболее значимые предметные свойства, выполняемые им функции и обеспечивающая эффективный методологический поиск системы корреспондирования методов познания проблемным областям реального объекта. На основе этого может быть синтезирована теоретическая схема решения прикладных задач криминалистики, задающая общее представление о предметной области соответствующей науки и ориентирующая на наиболее эффективные подходы и технологии исследования выделенного предмета.

Мы полагаем, что вопросы построения онтологической картина объекта исследования (преступления) в криминалистике нашло свое отражение в трудах ведущих ученых-криминалистов при рассмотрении проблем специфики моделирования преступной деятельности. Так, М.В. Салтевский отмечает, что как и структура любой социальной деятельности (трудовой, научной, культурной, общественной и т. п.), структура преступной деятельности включает определенные элементы (субъект деятельности, объект деятельности, средство деятельности и связи) [2, с. 86–89].

Характеризуя динамический аспект исследования преступной деятельности, Н. П. Яблоков указывает, что применительно к объективной стороне каждый вид социальной деятельности (в правовом смысле – поведения) складывается из отдельных действий и периодов их отсутствия, а действия – из более детальных поведенческих актов с теми или иными предметами деятельности, с использованием тех или иных средств.

По ряду оснований (пространственно-временные параметры, цели и задачи, методы и средства работы, результаты и т. п.) обычно выделяют определенные этапы (стадии) деятельности с более или менее четкими границами между ними. Чаще всего выделяются подготовительный, начальный, основной и заключительный этапы (хотя их названия могут быть и иными). Это дает возможность моделировать процессы взаимодействия элементов структуры преступления на каждом из этапов и определить «время» и «место» деятельности, многие другие важные ее элементы, значимые для криминалистического следоведения [3, с. 20–21].

Исходя из того, что реальное преступление – это специфический вид человеческой деятельности, своеобразная динамическая система, очевидной становится приоритетная задача криминалистики – изучение не правовой стороны преступной деятельности, а ее динамического аспекта, процессов образования следов преступления, их локализации, идентификационной ценности, возможности их обоснованной интерпретации и прочее [2, с. 86–89].

Таким образом, развитие криминалистической теории преступления предполагает получение новых знаний о лежащем в ее основе идеализированном объекте. А правомерность и степень идеализации объекта исследования, ее познавательная значимость доказываются не столько прямолинейным сопоставлением идеального объекта с действительностью, сколько применимостью на практике той теории, которая создана на основе этой модели [1, с. 229].

Исходя из этого, можно предположить, что вопрос о необходимости унификации представлений об эффективности моделирования преступления в криминалистике несколько некорректен. Состоятельность любой из упомянутых выше моделей при всей неоднозначности их понимания как криминалистических категорий, доказывается их практической применимостью в ходе научно-исследовательской и практической деятельности.

В результате, мы считаем, что дальнейшее развитие теории моделирования преступной деятельности, целесообразно осуществлять с учетом следующих аспектов:

1. Совершенство представления преступной деятельности (преступления) в криминалистике в виде модели в полной мере зависит от того, насколько точно в нем отражаются предметно значимые составляющие реальной системы преступления, а также закономерно существующие и функционирующие в ней связи. В этой части наиболее прогрессивным и проработанным на онтологическом уровне направлением развития учения о преступлении в криминалистике является построение его информационной модели на основе известных в фило-

софии и науковедении концептуальных подходов моделирования различных видов социальной (антисоциальной) деятельности.

2. Состоятельность той или иной концепции не может отстаиваться путем неаргументированных критических атак в отношении не принимаемых исследователем учений без внесения конкретных предложений по их совершенствованию, имеющих очевидные и бесспорные перспективы быть внедренными в практику криминалистической деятельности, либо без внятно сформулированных, обоснованных и объективно очевидных доводов относительно антинаучности критикуемой концепции.

3. Вновь предлагаемые модели преступлений не следует оценивать по своему исключительному сходству с реальным исследуемым событием, количеству и авторитету их приверженцев. Главным образом ценность криминалистических моделей преступления должна определяться возможностью их эффективного использования в научно-познавательной деятельности, то есть в процессе приращения нового научного знания, а также в практике раскрытия и расследования преступлений. Акцентируем внимание и на том, что криминалистические модели преступления должны быть пригодны для использования и в качестве инструментария познавательной деятельности при решении задач практически всех наук уголовно-правового цикла. Исследователи должны ориентироваться и на его адекватность модельного аналога преступления законодательной конструкции представления преступления, то есть уголовно-правовому составу, а также системе обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, что в конечном итоге должно обеспечить объективное, полное и всестороннее их познание по оставленным следам.

4. Не представление исследователем, отстаивающим ту или иную концепцию, конкретных результатов научных изысканий в виде выявленных закономерностей, раскрывающих ранее не известные способы совершения преступлений, разработанных методов, технических средств, устройств, тактических приемов, организационных мероприятий и методик расследования, не позволяет рассматривать такого рода научные исследования как заслуживающие положительной оценки.

При этом каждый из исследователей должен отвечать, в первую очередь, за свою созидательную деятельность на научном поприще, а не ограничиваться паразитированием на чужих работах, даже если в них обнаруживаются спорные моменты или недостатки.

Такой подход, по нашему предположению, позволить исключить прецеденты представления в качестве результатов научной деятельности тезисов научных докладов, научных статей, монографических исследований (в том числе и диссертаций), в которых предлагаются обзор литературы, сомнительный по своей аргументации критический анализ точек зрения отдельных авторов и выводы о собственной правоте или некомпетентности оппонентов. Такого рода дискуссии не имеют никакого научно-практического значения, соответственно не представляют интереса ни для ученых, ни для практических работников, и, как показывают интервьюирования и мониторинг индек-

са цитирования, их опубликование вовсе не означает, что такого рода труды читаются кем-либо вообще.

Список использованных источников

1. Микешина, Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособие / Л.А. Микешина. – М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. – 464 с.

2. Салтевский, М. В. Криминалистика в современном изложении юристов / М. В. Салтевский. – Харьков, 1996.

3. Криминалистика: учебник для вузов / Н. П. Яблоков [и др.]; отв. ред. Н. П. Яблоков. – М.: Изд-во БЕК, 1995. – 708 с.

Дата поступления статьи – 01.11.2011.

В статье рассматриваются проблемы моделирования преступной деятельности в криминалистике, значимость развернувшейся дискуссии о наиболее эффективных подходах построения криминалистических моделей преступления, а также перспективы унификации представлений ученых и практических работников о преступлении как о криминалистической категории. В результате автор приходит к выводу о том, что значимость такой дискуссии нивелируется все более усиливающимся креном методологических основ криминалистики в сторону догматической методологии, ориентированной на теоретическую работу, не имеющую не только очевидной практической значимости, но и перспектив завершения. При этом суть совершенствования известных концепций криминалистического моделирования преступления состоит в попытках обеспечения максимального сходства модели и оригинала. Это приводит к усложнению теории преступной деятельности и самих моделей, в результате чего они становятся малопригодными для использования в научно-практической деятельности. По мнению автора, основой моделирования преступной деятельности в криминалистике является онтологическая картина исследуемого объекта, основанная на известных положениях, лежащих в основе моделирования различных видов социальной деятельности в философии по причине чего и нет необходимости в унификации представлений о преступлении в криминалистике. В качестве выводов предлагается ряд аспектов, которые, по мнению автора, повысят эффективность деятельности по совершенствованию подходов моделирования преступной деятельности в криминалистике, главным из которых является возможность использования разрабатываемых модельных аналогов преступлений в процессе приращения нового научного знания и в практике раскрытия и расследования преступлений.

In article problems of modeling of criminal activity in criminalistics, the importance of the developed discussion about the most effective approaches of construction criminalistical crime models, and also prospect of unification of representations of scientific and practical workers about a crime as about criminalistical categories are considered. As a result the author comes to conclusion that the importance of such discussion is levelled by more and more amplifying list of methodological bases of criminalistics towards the dogmatic methodology focused for theoretical work, not

having not only the obvious practical importance, but also end prospects. Thus the essence of perfection of known concepts criminalistical crime modeling consists of attempts of maintenance of the maximum similarity of model and the original event. It leads to complication of the theory of criminal activity and models therefore they become of little use for use in scientifically-practical activities. According to the author's opinion, a basis of modeling of criminal activity in criminalistics is the ontologic picture of investigated object based on known positions, underlying modeling of various kinds of social activity in philosophy because of what is not present necessity for unification of representations about a crime in criminalistics. As the conclusions a number of aspects which, according to the author, will raise efficiency of activity on perfection of approaches of modeling of criminal activity in criminalistics is offered, the main thing from which is possibility of use of developed modeling analogues of crimes in the course of an increment of new scientific knowledge and in practice of disclosing and investigation of crimes.

НАУЧНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Мохорев А.Н.

Любая наука представляет собой систему знаний о закономерностях развития природы, общества и мышления, в том числе – в каждой отдельной отрасли таких знаний. Не является исключением наука криминалистика.

На необходимость проведения постоянных научных исследований ввиду непрерывного динамичного развития общества, обращал внимание один из основоположников советской научной криминалистической школы профессор Р.С. Белкин. Согласно его мнению, даже самой беглой характеристики тех методологических проблем, в разрешении которых остро нуждается криминалистика, достаточно для того, чтобы сделать вывод о необходимости серьезного философского обоснования теоретических основ криминалистической науки [1, с. 264–265].

В последние годы, раскрывая суть криминалистики и оценивая ее роль в современном мире, одновременно с такими традиционно привычными понятиями, как криминалистическая техника, криминалистическая тактика и криминалистическая методика, ученые все чаще стали использовать термин «криминалистические технологии».

В этой связи представляется актуальным проведение теоретических исследований с целью осмысления понятия «криминалистические технологии» и определения его значения, места и роли не только в криминалистике как науке, но и в практической криминалистической деятельности. Начать следует с непосредственного определения криминалистики.

Так, Н.И. Порубов под криминалистикой понимает науку о закономерностях возникновения, собирания, исследования, оценки и использования

доказательств преступлений, средствах и методах раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, основанных на познании этих закономерностей [2, с. 6].

Отдельные российские ученые используют более широкие подходы. Например, Е.П. Ищенко и Н.Н. Егоров к предмету изучения криминалистики относят также разработку технических средств. Согласно данному ими определению криминалистика рассматривается как наука, изучающая криминальную деятельность, обобщающую опыт борьбы с преступностью, разрабатывающая технические средства, тактические приемы и методы раскрытия и расследования преступлений [3, с. 1].

Несмотря на некоторые различия в дефиницийных подходах, имеющих место в представленных формулировках, четко прослеживается использование различными авторами при характеристике науки криминалистики таких терминов, как «средства», «технические средства», в других случаях – «технико-криминалистические средства» или «криминалистическая техника».

В этой связи представляется уместным обратиться к истокам криминалистики, свидетельствующим о том, что изначально криминалистика возникла как техническая или естественно-техническая наука, происходящая от уголовно-процессуальной теории.

Таким образом, не подлежит сомнению необходимость и уместность использования в криминалистике термина «криминалистическая техника». Причем речь может идти об использовании этого словосочетания в двух значениях: как раздела науки криминалистики и как отрасти общей техники.

При этом очевидно, что к сферам использования криминалистической техники могут быть отнесены практика выявления, раскрытия, расследования, а также профилактика преступлений. Потому в последнее время указанные направления борьбы с преступностью рассматриваются отдельными учеными как специфические криминалистические технологии. Так, профессор В.А. Образцов определяет криминалистику как науку о технологии (механизме) и средствах практического следоведения в уголовном судопроизводстве [4, с. 11].

Потому представляется важным с целью раскрытия содержания понятия «криминалистические технологии» провести разграничение и определить соотношение между собой таких понятий, как техника и технологии, криминалистическая техника, криминалистические технологии, а также технико-криминалистические средства.

Научно-философское осмысление анализируемых понятий следует начать с их грамматического толкования. Так, толковый словарь русского языка Ожегова определяет значение понятия «техника» в нескольких смыслах: как круг наук, связанных с изучением и созданием средств производства, орудий труда; как совокупность средств труда, знаний и деятельности, служащих для создания материальных ценностей; как совокупность приемов, применяемых в каком-нибудь деле, мастерстве; как машины, механические орудия, устройства. Технология же определятся как совокупность производ-

ственных методов и процессов в определенной отрасли производства, а также научное описание способов производства [5, с. 797].

Можно сделать вывод о том, что техника есть изделие или совокупность изделий, под которыми понимается предмет или совокупность предметов производства той или иной технологии.

Философско-методологический слой знаний об исследуемых понятиях базируется в первую очередь на основных положениях философии техники. Ее предмет составляет совокупность проблем, касающихся обсуждения места и роли техники в человеческом обществе [6, с. 313].

Словарь по информатике определяет, что понятие «техника» включает в себя не только предмет или совокупность предметов, но и документ, представляющий из себя материальный объект, содержащий закрепленную информацию (обычно при помощи какой-либо знаковой системы на специально выбранном материальном носителе) и предназначенный для передачи и использования такой информации [7]. Из изложенного можно выделить две качественные особенности, которые связаны с тем, что техника: 1) порождается технологией; 2) определяется документом [8, с. 386].

Согласно устоявшейся позиции уровень развития техники есть продукт взаимодействия трех составляющих: 1) сложившихся инженерных представлений; 2) уже освоенных новаций и естественно научных знаний; 3) социального заказа. Эти три составляющие образуют своеобразный триединый комплекс, характеризующий уровень развития техники.

Если вести речь о понятии технологии, то можно сказать, что триединый комплекс, характеризующий уровень развития техники, составляет также и фундамент современной технологии – системы научно обоснованных знаний об организации и управлении производством, его технических и социально-экономических последствиях.

Следует согласиться с точкой зрения В.А. Канке о том, что технология выступает как развитие техники, достижение ею стадии системности [9, с. 273].

По мнению Б.И. Кудрина, техника образует каркас, структуру технологического процесса, а технология обеспечивает процесс функционирования отдельных машин, агрегатов и технологического процесса в целом. Технология – материализующая душа техники. А в качестве ее основы выступает единичный документированный технологический процесс, акт движения [8, с. 378].

Сравнивая понятия «техника» и «технологии» с понятиями «криминалистическая техника» и «криминалистические технологии», можно говорить о том, что документарный характер присущ как первой, так и второй группе терминов. Однако криминалистические технологии обеспечиваются специфической документацией, а именно совокупностью норм Уголовно-процессуального закона, регламентирующих порядок производства по уголовным делам и порядок использования технико-криминалистических средств в уголовном процессе.

Представляется, что применительно к криминалистической науке, рассматривая понятие «криминалистическая техника» в более узком смысле, термины «технические средства», «технико-криминалистические средства» могут быть использованы как синонимы понятия «криминалистическая техника».

Следует отметить, что сфера применения технико-криминалистических и иных технических средств в практическом следоведении входят в качестве составляющих в систему более высокого порядка – сферу применения технических средств вообще, иными словами – в глобальную техносферу. По мнению Б.И. Иванова, целенаправленное исследование техносферы способно дать результаты в виде знаний о специфических закономерностях развития общей техники [10, с. 99]. При этом знания о закономерностях такого развития будут способствовать развитию знаний о криминалистической технике.

Например, на основе определяемых закономерностей возможно также создание алгоритмов разработки технико-криминалистических средств, формулирование основных положений теории решения изобретательских задач в криминалистике а, следовательно, и проведение разработок технико-криминалистических средств осуществления практического следоведения в уголовном процессе, обеспечивающих эффективное функционирование технологий выявления, раскрытия, расследования и профилактики преступлений.

Руководствуясь вышеизложенным, ряд авторов выделяет такой вид криминалистической технологии как технология поисково-познавательной деятельности, под которой понимается оптимальный способ организации практического следоведения, направленный на выявление, расследование и профилактику преступлений средствами материальной и идеальной техники [11, с. 12].

В связи с этим возникает закономерный вопрос о необходимости внедрения в поисково-познавательную деятельность в уголовном процессе современных технологий (например, информационных и др.) и построение на этой основе технологий предварительного расследования преступлений, объединяющих как этапы применения тех или иных тактических, технических и иных средств, так и этапы анализа результатов их применения.

Обязательными составляющими таких технологий является комплекс информации, касающийся мероприятий организационного характера, гибкость же таких технологий в полной мере зависит от тактического потенциала криминалистики, востребованность которого связывается с проявлением противодействия в ходе расследования. Таким образом, можно сделать вывод о том, что степень технологизации общества выступает в качестве объективного фактора, влияющего, в том числе, на развитие криминалистических технологий.

Таким образом, речь идет о синтезе науки и техники. Указанные процессы нашли свое воплощение в технознании. Технознание (некоторые ученые используют термин «техникознание») представляет собой систему научно-обоснованных сведений о технике и технологиях, взятых в их взаимной связи и рассматриваемых как единое целое. Оно всеобъемлюще охватывает

любую из сфер человеческой деятельности, в которой применяется техника [10, с. 99].

Представляется, что в системе науки криминалистики технознание, как система научно-обоснованных сведений о технике и технологиях, взятых в их взаимной связи, и рассматриваемых как единое целое, должно занимать не последнее место. Тогда можно согласиться с мнением ряда ученых, полагающих необходимым выделить в самостоятельную область изучения техническую криминалистику.

Здесь может идти речь о двух возможных направлениях интегрирования технической криминалистики в систему науки криминалистики.

Первое в большей степени касается исследования технической информации, технических, технологических процессов и технических устройств при производстве расследования.

Второе – направлено на разработку специальных технико-криминалистических методов и научно-технических средств борьбы с преступностью, на создание технологий решения научно-технических криминалистических задач и совершенствование технологий поисково-познавательной деятельности в уголовном процессе именно за счет использования технических средств.

Кроме того, техническая криминалистика как отрасль криминалистической техники способна отразить генезис научно-технического криминалистического творчества – движение от проблемной ситуации к ее полному разрешению – созданию конкретных технико-криминалистических средств, а, следовательно, дает возможность разработки алгоритма такой деятельности.

В связи с этим, по мнению В.К. Лукашевича, отдельные составляющие технологий поисково-познавательной деятельности должны быть доведены до уровня выполнения нормативной составляющей технологий «ноу-хау» (знаю как). Работая по этим технологиям, субъект деятельности не имеет представлений о законах химических, механических, электромагнитных и иных явлений, на которых базируются данные технологии. Однако он обладает четким представлением (изложенным в описании «ноу-хау») о содержании и последовательности выполняемых действий и сопряженном с ними качестве ожидаемого результата. Этот результат, разумеется, может рассматриваться как обоснование приемлемости (эффективности, предпочтительности, оптимальности) данной технологии [12, с. 10].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Анализ содержания учебников по криминалистике и научных трудов известных российских и белорусских ученых-криминалистов свидетельствует о том, что существующие классические подходы не относят изучение криминалистических технологий к предмету науки криминалистики.

Однако если характеризовать криминалистическую технику как раздел криминалистики, то можно определить, что современные подходы включают в это понятие не только познания о технико-криминалистических средствах, но и о криминалистических технологиях, поскольку в указанный раздел

включены также теоретические положения и рекомендации для разработки и применения таких средств, а также способов предупреждения преступных посягательств.

2. Так же как криминалистическая техника соотносится с понятием «техника», так и криминалистическую технологию можно соотнести с понятием «технология» как частное с общим. При этом необходимость использования такого термина в криминалистике связана с возможностью, необходимостью и целесообразностью технологизации практического следоведения в уголовном процессе.

Степень технологизации современного общества вообще и его различных сфер деятельности выступают в качестве объективных факторов, влияющих на развитие технологий поисково-познавательной деятельности в уголовном процессе.

3. Криминалистика, как наука, соотносится со многими другими науками. К их числу можно отнести криминологию, уголовный процесс, судебную экспертизу, оперативно-розыскную деятельность и др., а также технические науки, что свидетельствует о смежном характере криминалистической науки.

Точно так же можно вести речь о необходимости существования пограничного раздела в системе науки криминалистики – технической криминалистики, включающей в себя знания как о криминалистической технике, так и о криминалистических технологиях.

Знания о криминалистических технологиях могут и должны быть использованы при изучении таких разделов науки криминалистики, как криминалистическая тактика и криминалистическая методика.

4. В современной теории криминалистики учение о криминалистических технологиях фактически поглощается разделом, посвященным криминалистической технике. Анализ же имеющихся научных подходов и учений позволяет сделать вывод о том, что понятие «криминалистические технологии» шире понятия «криминалистическая техника». С другой стороны, использование криминалистической техники представляет собой динамику общественных отношений с участием конкретного человека. При этом непосредственное использование такой техники не представляется возможным без применения соответствующих криминалистических технологий.

5. Полагаем, что отсутствие точности в существующих подходах и подмена понятий «криминалистическая техника» и «криминалистические технологии» может повлечь отсутствие должного внимания к научным исследованиям в области криминалистических технологий.

Знания о криминалистических технологиях в практической криминалистической деятельности необходимы для того, чтобы, с учетом развития общества и соответствующего ему научно-технического прогресса, обеспеченному расширением научно-технического творчества, своевременно совершенствовать востребованные временем технологии и обеспечивающие эти технологии криминалистические технические средства (технику). Заблаго-

временная информация о развитии криминалистических технологий может способствовать своевременному формированию бюджетного финансирования органов и организаций, обеспечивающих криминалистическую деятельность в целях наиболее полного выполнения задач, заявленных криминалистикой.

Список использованных источников

1. Белкин, Р.С. Избранные труды / Р.С. Белкин. – М.: Норма, 2008. – 768 с.

2. Порубов, Н.И. Криминалистика: учеб. пособие / Н.И. Порубов, Г.И. Грамович, А.Н. Порубов; под. ред. Н.И. Порубова. – Минск: Выш. шк., 2007. – 575 с.

3. Ищенко, Е.П. Криминалистика для следователей и дознавателей: науч.-практ. пособие / Е.П. Ищенко, Н.Н. Егоров; под общ. ред. А.В. Аничина. – М.: Юридическая фирма «КОНТАКТ»: «ИНФРА-М», 2010. – 688 с.

4. Образцов, В. А. Основы криминалистики / В.А. Образцов. – М. : Юристъ, 1996. – 160 с.

5. Ожегов, С.И. и Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

6. Философия: учеб. пособие для студентов вузов. / В.Ф. Берков [и др.]; под общ. ред. Ю.А. Харина. – 3-е изд. – Минск: ТетраСистемс, 2000. – 416 с.

7. Словарь терминов по информатике. – М.: Наука, 1971. – 359 с.

8. Кудрин, Б.И. Введение в технетику. 2-е изд., перераб. и доп. / Б.И. Кудрин. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1993. – 552 с.

9. Канке, В.А. Философия. Исторический и систематический курс: учеб. для вузов. / В.А. Канке. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательско-книготорговый дом «Логос», 2000. – 344 с.

10. Иванов, Б.И. Формирование и развитие технознания / Б.И. Иванов // История науки и техники: проблемы и перспективы. – М.: Издание Института истории естествознания и техники РАН. – 1995. – С. 99–100.

11. Морозов, В.П. Гипертексты в экономике. Информационная технология моделирования: учеб. пособие / В.П. Морозов, В.П. Тихомиров, Е.Ю. Хрусталев. – М.: Финансы и статистика, 1997. – 256 с.

12. Лукашевич, В. К. Анатомия научного метода: учеб. пособие / В.К. Лукашевич. – Минск: ООО «Мисанта», 1999. – 96 с.

Дата поступления статьи – 14.09.2011.

В последние годы, раскрывая суть криминалистики и оценивая ее роль в современном мире, ученые все чаще стали использовать термин «криминалистические технологии». Автор статьи раскрывает содержание понятия «криминалистические технологии», проводит разграничение со смежными понятиями, определяет место криминалистических технологий и их значение как в науке криминалистике, так и в практической криминалистической деятельности. Опираясь на научно-философские подходы, автор соотносит их с традиционными разработками в науке

криминалистике, с целью дальнейшего развития и совершенствования процесса поисково-познавательной деятельности в деле наиболее полного выполнения задач, заявленных криминалистикой.

Last years, scientists began to use the term «criminalistic technologies» revealing the essence of the science criminalistic and evaluating its role in the modern world. The author of the article discovers the essence of the concept «criminalistic technologies», differentiates adjoining terms and determines the place of criminalistic technologies and their significance in the criminalistic science and practical criminalistic activity. Guided by scientific-philosophical approaches, the author correlates them with traditional elaboration in criminalistic science for the purpose of the further development and perfection of the process of searching the cognitive activity to perform the tasks declared by criminalistics.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭКОНОМИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Саутkин И.В.

Вопросы использования экономико-правового анализа бухгалтерской информации для выявления и раскрытия экономических преступлений освещались в трудах ряда известных ученых. В семидесятых годах 20-го века появилось новое направление, известное сегодня как экономико-правовой или оперативно-экономический анализ. Наиболее существенный вклад в развитие этих исследований внесли такие ученые, как С.П. Голубятников, В.П. Кувалдин, Я.Н. Орлов, Г.К. Синилов, В.Г. Танасевич, И.Л. Шрага и некоторые другие ученые, заложившие методологические основы данного направления использования экономической информации. На этой базе проводились прикладные исследования с целью подготовки методик оперативно-экономического анализа, предназначенных для выявления признаков преступлений практическими работниками правоохранительных органов.

В 1981 году была опубликована монография В.А. Дубровина и С.П. Голубятникова «Использование экономического анализа в расследовании преступлений». Работа обобщает теорию и практику применения специальных экономических знаний органами уголовного преследования. Монография содержит целый ряд практически-значимых рекомендаций по использованию экономического анализа в расследовании преступлений. Глубоко исследована роль экономического анализа в выявлении и предупреждении преступлений, влияние преступного события на изменения в системе экономических показателей. Определены приемы исследования экономических показателей помогающие вскрывать хищения. В это же время разрабатываются и внедряются в практику новые методы, позволяющие выявлять хищения: метод специальных расчетных показателей, метод стереотипов и метод

корректирующих показателей. При применении в сочетании с традиционными методами они позволяли более надежно выявлять в системе экономических показателей признаки события преступления [2, с. 80]. Перечисленные приемы в основном использовались следователем не самостоятельно, а с помощью ревизоров и привлеченных специалистов. Не меньшее значение имеет разработка частных методик, направленных на поиск экономических и учетных несоответствий. Оптимальная структура методик была определена объективностью связей в системе: событие преступления – экономические следы – учетные несоответствия [2, с. 108]. Выделение типичных связей между событием преступления и изменением системы экономических показателей должно было служить целям оптимизации поиска экономических следов преступления, а обнаружение экономических следов должно предшествовать поиску учетных несоответствий.

В работах восьмидесятых годов уже можно найти вопросы использования для выявления преступлений всего спектра бухгалтерской информации – документов, записей на счетах, отчетности. Особенно существенным результатом исследований того времени стало признание необходимости не только опосредованного, но и обязательного самостоятельного использования специальных экономических знаний сотрудниками правоохранительных органов, занимающимися выявлением и раскрытием экономических преступлений. Наибольший клад в исследование затронутой проблемы внесли Т.М. Арзуманян, Г.А. Атанесян, С.П. Голубятников, П.К. Пошюнас, Г.А. Шумак.

В 1985 году была опубликована монография Г.А. Шумака «Бухгалтерский анализ как метод расследования преступлений». В работе исследованы закономерности отражения преступлений в бухгалтерском учете, защитные функции бухгалтерской документации, защитные функции бухгалтерских счетов и метода двойной записи, осмотр и исследование бухгалтерских документов, применение бухгалтерского анализа при допросе, назначение документальных ревизий и судебно-бухгалтерских экспертиз [8, с. 74]. «Необходимо учитывать защитные функции бухгалтерского учета. Защитные функции бухгалтерского учета проявляются в его свойстве отражать изменения в финансово-хозяйственной деятельности, неизбежно возникающие при совершении хищений», – справедливо считает Г.А. Шумак. Методологическую основу использования защитных функций системы бухгалтерского учета в процессе расследования составляет разработанная учеными-криминалистами теория следообразования (Р.С. Белкин, А.И. Винберг, И.М. Лузгин, В.Г. Танасевич и др.), вытекающая из принципов теории отражения.

Формирование доказательственной информации в бухгалтерских документах и других носителях учетной информации происходит путем образования группы следов – отображений, в которой имеет место сочетание двух форм отражения: высшей формы отражения (сознания) и отражения в виде различных знаковых систем, материальных подлогов [8, с.18].

Бухгалтерский анализ тесно связан с методом экономического анализа. Целый ряд закономерностей, определяющих применение рассматриваемых методов, является общим. Но объекты проявления этих закономерностей (а отсюда и использование их при исследовании экономической и бухгалтерской информации) имеют различия, которые необходимо учитывать при теоретической разработке и практическом применении этих методов [8, с. 13].

Так, и в том, и в другом случае используются закономерности связи между последствиями совершения хищения и условиями работы предприятия, учреждения или организации. Однако если метод экономического анализа основан на изучении результатов взаимодействия этих обстоятельств, то метод бухгалтерского анализа – на исследовании самого процесса взаимодействия, его последовательном отражении в учетных данных.

Бесспорно, исследования того времени внесли неоценимый вклад в решение проблемы использования экономической информации для выявления преступлений, в частности, они заложили основы экономико-правового анализа.

В научной литературе есть несколько подходов к определению экономико-правового анализа.

Впервые в научный оборот термин «экономико-правовой анализ» ввел Г.К. Синилов. Развивая теоретические основы экономико-правового анализа, он установил, что содержание такого анализа составляет изучение следующих данных:

– тенденций в технико-экономических показателях производственно-хозяйственной деятельности предприятий, характеризующих состояние сохранности собственности;

– изменений в нормативном массиве, регулирующем хозяйственную деятельность объекта;

– сохранности имущества на объекте и экспертное определение фактического уровня посягательств на него [3, с. 118].

И.И. Басецкий считает, что экономико-правовые исследования рассматриваются, с одной стороны, как весьма важное направление научных изысканий на стыке экономики и права, с другой – как метод выявления негативных явлений и тенденций, а также признаков преступлений в экономике, в силу этого он получил название метода экономико-правового анализа [1, с. 4].

По мнению П.С. Забелова, под экономико-правовым анализом следует понимать процесс познавательной деятельности, проводимый на основе и во исполнение законодательства, осуществляемый уполномоченными правоохранительными органами, направленный на изучение хозяйственного механизма деятельности предприятия (на микроуровне) и национальной экономики (на макроуровне) на основе исследования и выявления несоответствий экономических показателей и правовых норм в целях обеспечения экономической безопасности государства, выполнения функций административной и

уголовной юстиции по предотвращению, своевременному выявлению, пресечению совершений правонарушений и их профилактики [3, с. 118].

Е.А. Орлова считает, что экономико-правовой анализ базируется на системе экономической и правовой информации. Причем экономическая информация в данном случае будет носить первичный характер по отношению к правовой, так как правовые нормы будут являться тем «диагностическим инструментарием», при помощи которого мы будем анализировать «экономическую материю», не забывая при этом о цели нашего исследования – получении оперативно-розыскной информации. Экономико-правовой анализ складывается из экономического анализа хозяйственной деятельности предприятий, проверки найденных им несоответствий оперативно-следственным путем с последующей правовой оценкой полученных результатов. Цель применения – максимизация эффективности использования аппаратами БЭП имеющихся у них сил и средств в целях обнаружения следов преступной деятельности [5, с. 110].

В.А. Тимченко формулирует цель следующим образом: «Целью такого (экономико-криминалистического) анализа является выделение из общей совокупности обслуживаемых предприятий тех, которые наиболее вероятно поражены преступлением» [7, с. 24].

На взгляд Е.С. Лехановой, в чистом виде экономико-правовой анализ является исследованием криминологической эффективности норм права, регулирующих хозяйственную деятельность. Несомненно, он должен осуществляться в целях реализации функции профилактики преступлений. Но когда речь идет о целенаправленном поиске признаков преступлений по системе экономических показателей. Более корректным представляется именно термин «экономико-криминалистический анализ» [4, с. 51].

Что касается соотношения оперативно-экономического и экономико-криминалистического анализа, то оба они относятся к одному и тому же виду поисково-аналитической деятельности и не противоречат, а взаимно дополняют друг друга. В первом акцент делается на одной из главных целей анализа – информационном обеспечении деятельности по оперативному поиску признаков преступлений. Во втором – на главной особенности содержания проводимого анализа, методологической основой которого является криминалистическая диагностика экономической информации [4, с. 51].

Для того чтобы выявленные экономические несоответствия заслуживали оперативно-следственной проверки, надо провести как раз не экономический, а экономико-криминалистический анализ, нацеленный на поиск надежных признаков конкретного способа совершения преступления. В качестве средства выявления экономических преступлений экономико-криминалистический анализ является, прежде всего, важным компонентом методик оперативно-экономического анализа. Прошедшие апробацию и подтвержденные практикой, такие методики должны состоять из четырех основных разделов (С.П. Голубятников, Е.С. Леханова).

В первом разделе «условия применения методики» указывается, на обнаружение признаков какого именно способа (или группы способов) совершения преступлений она рассчитана, в какой сфере этот способ встречается, каков типичный для него состав участников преступной группы.

Во втором – «порядок отбора возможно криминогенных объектов» приводятся приемы анализа, по которым из большой группы однородных (близких по роду финансовой или хозяйственной деятельности, по параметрам уставного капитала, объему основных и оборотных фондов) организаций рекомендуется выделять объекты, где в экономических показателях проявились признаки преступления. В данном разделе даются рекомендации об использовании положений и приемов экономико-криминалистического анализа.

Третий раздел посвящен оперативной проверке результатов экономико-криминалистического анализа.

Четвертый раздел содержит рекомендации по использованию возможностей документальных проверок и ревизий, предшествующих возбуждению уголовного дела.

Структура таких методик основана на закономерных связях между различными уровнями экономической информации и единством отражаемого объекта, то есть способа совершения преступлений. Переход от анализа экономических показателей к приемам исследования данных бухгалтерского учета вполне логичен.

Преступные действия, совершаемые под видом или в процессе законных хозяйственных операций, всегда отражаются одновременно на трех уровнях информации: отчетность, учет, первичные документы.

Однако при составлении методик необходимо принимать в расчет и то обстоятельство, что в определенных ситуациях преступления, изменяя результаты хозяйственной деятельности (что будет замечено по системе показателей), могут не оставить заметных следов на более низких уровнях информации.

Анализируя мнение ученых, можно сделать вывод о том, что нет единого подхода к определению экономико-правового анализа. Ряд ученых (И.И. Басецкий, Г.К. Синилов, Е.А. Орлова, П.С. Забелов) используют в своих работах понятие экономико-правовой анализ, другие (Е.С. Леханова, В.А. Тимченко) полагают, что более корректным следует считать понятие «экономико-криминалистический анализ». Однако, методологические принципы, понятийный аппарат и само содержание вышеназванных методов раскрывается каждым исследователем по-разному.

По нашему мнению, объектами экономико-правового анализа могут стать различные источники информации экономического характера, в которых отражены следы противоправной деятельности. Это может быть бухгалтерский баланс, содержащий недостоверную информацию, который был предоставлен в банк для получения кредита; бестоварные накладные, с помощью которых была скрыта недостача материальных ценностей; безденежные расходно-кассовые ордера, с помощью которых была скрыта недостача де-

нежных средств; учетные регистры, которые не отражает реальную дебиторскую и кредиторскую задолженности. Как следствие, происходит искажение информации перед налоговыми и контролирующими органами, деловыми партнерами, учредителями. Сюда же относятся банковские первичные и сводные документы, по которым перечислялись денежные средства за пределы страны в нарушение действующего законодательства. Бухгалтерская отчетность, содержащая интеллектуальный подлог, умышленно оформленная собственником с целью заключения выгодной сделки либо по продаже предприятия другому собственнику со скрытой кредиторской задолженностью (долгами). Это могут быть данные бухгалтерского учета, бухгалтерские проводки, электронные формы учета (1С бухгалтерия) и расчетов (клиент-банк), а также иные документы, учетные регистры, формы отчетности, в которых будут отражены следы противоправной деятельности [4, с. 51].

Источники информации экономико-правового анализа условно можно разделить на следующие виды:

– по месту возникновения – на учетные и внеучетные источники;

– по месту формирования – на внутренние и внешние источники;

– по степени открытости – на гласные, ограниченного использования, негласные.

Учетные источники представляют собой совокупность экономических показателей хозяйственной деятельности объекта, сконцентрированных в различных документах бухгалтерского, статистического и оперативного учета и отчетности.

К внеучетным источникам относятся сведения и материалы ревизий, инвентаризаций, аудита, налоговых проверок, а также материалы печати, переписка с вышестоящими организациями, финансовыми и кредитными организациями.

Внутренние источники экономико-правового анализа находятся на самом предприятии и подразделяются, в свою очередь, на гласные, ограниченного доступа и негласные.

К гласным источникам относится открытая документация о хозяйственной деятельности предприятия, для ознакомления с которой оперативным работникам не нужно применять оперативно-розыскные силы, средства и методы. Здесь также не требуется специального разрешения (к сведениям, составляющим коммерческую или банковскую тайну).

Под источниками ограниченного доступа подразумеваются источники информации, для использования которых нужно специальное разрешение, и порядок доступа к которым строго регламентирован.

Негласные источники экономико-правового анализа предполагают использование специальных сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности.

Информационное обеспечение в процессе оперативного обслуживания можно совершенствовать по двум направлениям: качественном и количественном. Количественное направление возможно за счет получения большого

объема информации, что, в свою очередь, предполагает увеличение числа источников получения этой информации, как гласных, так и негласных (Е.А. Орлова).

В современных условиях становится наиболее проблематичным не столько выявление, сколько именно доказывание преступлений. Очевидно, что бухгалтерский учет как система наблюдения и регистрации фактов хозяйственной жизни будет способен отразить и зафиксировать следы преступной деятельности только в том случае, если последняя воздействует на хозяйственную деятельность или на процесс отражения хозяйственной деятельности в данных бухгалтерского учета.

Под отражением и фиксацией следов преступной деятельности понимается процесс возникновения потенциальной доказательственной информации в форме изменения состояния и взаимосвязи определенных материальных объектов (М.К. Каминский). Объективные закономерности отражения преступной деятельности в бухгалтерской информации обусловлены методом бухгалтерского учета, который состоит из следующих элементов: документация, инвентаризация, оценка, калькуляция, счета, двойная запись, бухгалтерский баланс и отчетность.

Влияние каждого из этих элементов на закономерность отражения преступной деятельности в бухгалтерской информации определяется следующими факторами:

Документация требует сплошного непрерывного документирования всех хозяйственных операций, которые можно выразить в денежной оценке. Таким образом, документируются и преступные операции. Не документировать их невозможно, так как только на основании документов списываются в расход денежные средства и материальные ценности. Исключение составляет оборот неучтенных ценностей. Например, выпуск и реализация неучтенной продукции. Но в этом случае в учете отражается хозяйственная деятельность, результаты, которой изменены преступлением, и реагировать на эти изменения могут последующие элементы метода, в частности, система экономических показателей, формируемая в счетах бухгалтерского учета и представленная в бухгалтерской отчетности предприятия.

Инвентаризация направлена на проверку соответствия записей в системе бухгалтерского учета фактическому состоянию объектов бухгалтерского учета. Сравнивая сведения об остатках по любому из объектов, отражаемому на счетах бухгалтерского учета, с его фактическим состоянием. Проверяется достоверность учета. Причинами недостоверного учета могут быть и преступные действия. Следовательно, в случаях преступной деятельности инвентаризация должна неизбежно выявить противоречия между реальной действительностью и бухгалтерской информацией. Также следует проводить инвентаризацию расчетов в целях выявления скрытой кредиторской задолженности по налогам, банковским кредитам и другим обязательствам.

Оценка – все хозяйственные операции, отражаемые в системе бухгалтерского учета и обязательно оцениваемые в денежном измерителе. Порядок

оценки регулируется бухгалтерским законодательством. Преступные действия, связанные с корыстными мотивами, могут привести к завышению или занижению стоимостной оценки по сравнению с действующим порядком. Таким образом, при определенных способах преступлений обязательно затрагивается элемент метода бухгалтерского учета – оценка, а, следовательно, она отражает преступную деятельность.

Калькуляция – хозяйственные операции, связанные с приобретением материальных ценностей, определением себестоимости изготовленной и проданной продукции, исчислением финансовых результатов деятельности предприятия. Поэтому преступления, связанные с искажением финансовых результатов (например, налоговые и некоторые другие), неизбежно отражаются в бухгалтерской информации вследствие такого элемента его метода, как калькуляция.

Счета. Записи на счетах бухгалтерского учета выполняются на основании сгруппированных по определенным признакам документов. Поэтому если преступная деятельность отразилась в документах, то она неизбежно должна отразиться и на счетах бухгалтерского учета: аналитических, субсчетах и синтетических. В тех случаях, когда преступление совершается путем подложных записей на счетах бухгалтерского учета, например, путем бездокументных записей или записей, не соответствующих первичным документам, обязательно появляются противоречия между первичными документами и записями на счетах бухгалтерского учета. Таким образом, преступная деятельность также объективно отразится на счетах бухгалтерского учета.

Бухгалтерский баланс и отчетность составляются на основании записей на счетах бухгалтерского учета. В том случае если преступная деятельность отразилась на счетах бухгалтерского учета, то она закономерно отразится и в бухгалтерском балансе и отчетности организации.

Если же преступные действия, изменяя хозяйственную деятельность, не отразились ни в документах, ни в счетах бухгалтерского учета, то в отчетности возникают так называемые экономические несоответствия, которые могут быть обнаружены с помощью специальных аналитических методик. Следует отметить, что иногда преступная деятельность отражается в одном из элементов метода бухгалтерского учета и не отражается в другом. В этом случае возникают так называемые «учетные несоответствия», которые сами по себе могут являться признаками преступлений. Отражение преступной деятельности в бухгалтерской информации обычно вызывает какие-либо противоречия, через которые она и проявляется.

Анализ данных проведенного исследования, изучение мнений ученых и практиков позволяют сделать вывод о том, что сегодня используются четыре основных понятия: «экономико-правовой», экономико-криминалистический», «оперативно-экономический» и «бухгалтерский» анализ, которые можно объединить в группу экономико-криминалистических методов.

В настоящее время необходимо выработать современные и эффективные методики по использованию экономико-правового анализа в раскрытии

и расследовании преступлений. Причем методические рекомендации необходимо разрабатывать, исходя из специфики отраслей национальной экономики. Понимание современной системы бухгалтерского учета, документооборота и применение приемов и способов экономико-правового анализа позволит выявить специфические следы противоправной деятельности, что, в свою очередь, будет способствовать эффективному расследованию, раскрытию и предупреждению экономических преступлений.

Список использованных источников

1. Басецкий, И.И. Современное состояние противодействия коррупции в Республике Беларусь / И.И. Басецкий // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для органов внутренних дел республики Беларусь: тез. докл. Науч.-практ. конф., Минск, 30 янв. 2004 г. /М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2004. – С. 3–4.

2. Дубровин В.А., Голубятников С.П. Использование экономического анализа при расследовании преступлений. – М.: Юрид. литература, 1981. – 120 с.

3. Забелов, П.С. Концепция применения экономико-правового анализа в деятельности милиции/ П.С. Забелов // Проблемы управления. – 2006. – № 3. – С. 117–120.

4. Леханова, Е.С. Экономико-криминалистический анализ как средство обнаружения организованных преступлений / Е.С. Леханова // Вестн. Нижегород. Акад. МВД России. – 2008. – №1(8). – С. 50–53.

5. Орлова, Е.А. К вопросу о роли экономико-правового анализа в оперативном обслуживании экономических объектов. / Е.А. Орлова // Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности органов внутренних дел. Межвузовский сборник научных трудов адъюнктов и соискателей. М.: МЮИ МВД России, 1998. – С. 108–113.

6. Сауткин, И.В. Приоритетные направления использования экономико-правового анализа в расследовании преступлений / И.В. Сауткин // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2009. – № 1 (17). – С. 133–136.

7. Тимченко, В.А. Концепция криминалистической диагностики преступлений на основе бухгалтерской информации: автореф. дис. … докт. юр. наук: 12.00.09 / В.А. Тимченко; Нижегород. Ак. МВД России. – Нижний Новгород, 2001. – 50 с.

8. Шумак, Г.А. Бухгалтерский анализ как метод расследования преступлений. – Минск: Изд-во «Университетское», 1985. – 93 с.

Дата поступления статьи – 14.09.2011.

В статье рассматриваются теоретико-правовые аспекты использования экономико-криминалистических методов в расследовании преступлений. Одним из эффективных методов расследования преступлений в сфере экономики является экономико-криминалистический анализ. Автором проанализированы различные мнения ученых, подходы к определению данного метода. Понимание современной системы бухгалтерского учета и применение экономико-криминалистических

средств и методов позволит выявить следы преступной деятельности, а также будет способствовать эффективному расследованию экономических преступлений.

Economic and theoretical aspects of using economic and criminalistic methods and means during crime investigation are considered in this article. One of the most effective methods of crime investigation in the sphere of economy is economic and criminalistic analysis. Different scientists' opinions and approaches to determination of this method are analyzed. Understanding of contemporary system of accounting and application of economic and criminalistic means and methods will allow to reveal vestiges of criminal activity, also will facilitate effective investigation of economic crime.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ, ВОЗБУЖДЕННЫХ ПО ФАКТУ БЕЗВЕСТНОГО ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Телегина Т.Д.

В России ежегодно рассматривается свыше 70 тыс. заявлений о лицах, пропавших без вести. Большинство из них составляют лица активного возраста – от 20 до 60 лет, из них 80 % уехали из родных мест на заработки [1, с. 124].

Под видом безвестного исчезновения нередко маскируются и тщательно скрываются убийства, которые сложно раскрыть в силу отсутствия основного вещественного доказательства факта преступления – трупа исчезнувшего лица.

Хотя считается, что лишь небольшой процент из пропавших без вести стали жертвами преступлений (5–8 %) [2, с. 28; 3, с. 80]. По иным данным, этот процент гораздо ниже – 1,76 % [4, с.78].

Годами наработанные криминалистические рекомендации по расследованию подобных преступлений гласят: приступая к проверке поступившего заявления, следует помнить, что чем раньше возбуждено дело, тем труднее лицам, совершившим убийство, скрыть следы преступления[5, с. 693]; вероятность обнаружения без вести пропавшего снижается пропорционально времени, прошедшему с момента его исчезновения, а во-вторых, величина этой вероятности с каждым годом становится все меньше [2, с. 15].

Разумность тезиса о необходимости немедленного реагирования на заявление о безвестном исчезновении человека не вызывает сомнения. Однако на практике он оказывается слабо реализуемым. Правоохранительные органы стараются приложить максимум усилий по отказу в возбуждении уголовного дела по факту безвестного исчезновения лица.

Определенным сдерживающим фактором активизации розыска выступают оперативно-розыскная и следственная практика. По некоторым данным

[6, с. 285], примерно две трети объявленных в розыск без вести пропавших граждан находятся (или возвращаются) через 3–15 дней.

Волокита, связанная с расследованием безвестного исчезновения граждан связана и с перегруженностью правоохранительных органов. Так, по данным П.Е. Букейханова [2, с. 12], каждому сотруднику подразделения горрайорганов внутренних дел приходится вести несколько десятков дел по пропавшим без вести (иногда более сотни).

Организованный розыск пропавших без вести и в царской России, и долгие годы после установления советской власти начинался лишь тогда, когда имелись основания полагать, что пропавшее лицо стало жертвой преступления.

Только в конце 40 – начале 50-х годов розыск был распространен на всех пропавших, поскольку возобладало мнение, что каждый из них может быть потенциальной жертвой скрытно совершенного преступления.

В настоящее время основания для возбуждения уголовного дела по факту безвестного исчезновения лица установлены в совместном указании Генеральной прокуратуры РФ от 20 ноября 1998 г. № 83/36 и МВД России от 24 сентября 1998 г. № 1 /19934. В нем определен ряд признаков, дающих основание полагать, что пропавший без вести стал жертвой преступления [1, с. 125–127]:

1. Отсутствие данных о намерении человека уехать и причин для сокрытия от близких своего отъезда, ухода из дома на длительное время, смены жилища.

2. Отсутствие заболевания, которое может обусловить скоропостижную смерть, потерю памяти, ориентирования во времени и пространстве.

3. Наличие по месту жительства или работы пропавшего личных документов, вещей (одежды) и денежных средств, без которых он не может обойтись в случае длительного отсутствия, наличие у пропавшего денежных средств или других ценностей, которые могли привлечь внимание преступников.

4. Наличие длительных или острых конфликтов в семье.

5. Безвестное отсутствие малолетнего (до 14 лет) или несовершеннолетнего (до 18 лет) лица.

6. Наличие преступных связей, угроз в адрес исчезнувшего лица, противоречивые объяснения и нелогичное поведение тех, кто контактировал с ним перед исчезновением.

7. Наличие в жилище, салоне автомашины, рабочем помещении или ином месте следов, свидетельствующих о возможном совершении преступления.

8. Наличие объяснений опрошенных лиц, указывающих на возможное совершение преступления.

9. Несообщение об исчезновении человека в правоохранительные органы лицами, которые в силу родственных или иных отношений должны были это сделать, беспричинно запоздалое или несвоевременное заявление.

10. Внезапный ремонт квартиры, где проживал (временно находился) пропавший, или помещения, из которого он исчез.

11. Поспешное решение членами семьи пропавшего и (или) другими лицами различных вопросов, которые можно решать только при уверенности, что пропавший не возвратится (обращение в свою пользу сбережений, переоформление собственности, имущества пропавшего, вступление в сожительство с другим лицом и т. п.).

12. Исчезновение с автотранспортом.

13. Исчезновение, связанное с отторжением собственности (в том числе недвижимой), обменом жилой площади.

14. Исчезновение несовершеннолетних, а также женщин при следовании по безлюдной или малолюдной местности, особенно в вечернее или ночное время. Безвестное отсутствие беременной женщины.

15. Исчезновение сотрудников правоохранительных органов.

Очевидно, что перечисленные в Указании признаки охватывают практически любой случай безвестного отсутствия, поэтому со стороны его составителей было бы более логичным потребовать каждого пропавшего считать жертвой преступления со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями. Более того, отсутствие перечисленных в Указании обстоятельств или признаков все-таки не гарантирует того, что пропавший не стал жертвой преступного посягательства.

Следует отметить, что когда следователь все-таки усматривает наличие признаков преступления, совершенного в отношении безвестно отсутствующего лица, уголовное дело в любом случае возбуждается по ч. 1 ст. 105 УК РФ (умышленное причинение смерти другому человеку), и лишь впоследствии может быть переквалифицировано на иное деяние.

По данным исследователей [4, с. 120], убийства, маскируемые под безвестное исчезновение человека, как правило, совершают лица, находящиеся в близких, родственных, дружеских отношениях с потерпевшим (85,8 %), на почве алкоголизма членов семьи (56 %). В числе других мотивов выделяются: сокрытие другого преступления (как правило, изнасилования) – 16,3 %; корысть – 12,7 %; месть – 7,2 %; неосторожное убийство – 3,6 %. Преступления, совершаемые посторонними людьми, сопряжены, как правило, с завладением автотранспортом потерпевшего, иными ценностями.

С учетом применяемых способов сокрытия трупа в науке сделаны следующие выводы [4, с. 110]:

1) Сокрытие имеет место в тех случаях, когда «без вести пропавший» и заявитель, который может выступать как в роли исполнителя, так и в роли организатора преступления, находились в родственных или иных близких отношениях (сожительство, интимная связь, партнерство по бизнесу).

2) Сокрытие трупа имеет место в случаях, когда причина конфликта, факта неприязненных отношений, иные возможные мотивы преступления очевидны или известны определенному кругу лиц.

Таким образом, исходя из заданных векторов исследования фактической ситуации на первоначальном этапе необходимо проводить следственную работу в следующих направлениях:

1) Тщательно изучить личность без вести пропавшего и характер его взаимоотношений с окружающими. Через информационные массивы и оперативные учеты органов внутренних дел проверяется его причастность к совершению преступлений, наличие-отсутствие судимостей, выяснить, состоит ли он на учете в специализированных медицинских учреждениях.

Изъять биологические, дактилоскопические, почерковедческие, фотопортретные образцы разыскиваемого для последующего проведения экспертиз.

2) Изучить обстоятельства безвестного исчезновения. При изучении поведения человека необходимо уделять внимание жизненным планам личности, реализация или крушение которых отражаются на внутреннем и внешнем облике. Опрашиваются лица, которые в последнее время общались с пропавшим, а также могущие сообщить о его взаимоотношениях с окружающими, наличии врагов, эмоциональном состоянии в день и часы исчезновения. Проверяется место проживания пропавшего, осматриваются прилегающие к жилому строению участки, автотранспорт, рабочее место;

3) принять во внимание гидрометеорологические условия в период исчезновения разыскиваемого, чрезвычайные происшествия в данной местности, несчастные случаи, а также тяжкие преступления. Проверить пропавшего по учетам Бюро регистрации несчастных случаев, направить запросы в лечебные учреждения, морги.

Основные задачи расследования по розыску без вести пропавшего лица в рамках уголовного дела сводятся к следующему: а) создание необходимой и достаточной базы для последующей идентификации лица при установлении его местонахождения либо обнаружении его трупа; б) установление факта смерти либо жизни безвестно отсутствующего, и, соответственно, посмертная идентификация погибшего либо определение его местонахождения; в) установление факта совершения преступления в отношении разыскиваемого лица.

Таким образом, основные векторы расследования уголовных дел по фактам безвестного исчезновения граждан сводятся к трем основным векторам: а) созданию базы для последующей идентификации; б) изучению личности пропавшего; в) изучению окружения пропавшего и ситуации исчезновения. Приемы и методы сбора и анализа информации особой спецификой не выделяются, сводятся к диагностике поведения лиц из окружения пропавшего, осмотру предметов и документов.

Тем не менее, при внешне простом алгоритме расследования уголовных дел указанной категории изучение российской следственной практики выявило ряд существенных недостатков.

По результатам изучения уголовных дел, возбужденных по заявлениям о безвестном исчезновении граждан и расследуемых подразделениями Следственного комитета РФ по г. Москве, удалось выявить некоторые общие не-

достатки в качестве проводимого расследования. Так, по уголовным делам, связанным с переходом права собственности на объекты недвижимости (в основном – квартиры) с пропавшего человека на третье лицо незадолго до его исчезновения, следователями очень слабо прорабатываются гражданско-правовые документы, опосредующие такой переход права собственности (доверенности, договоры купли-продажи, документы о государственной регистрации перехода права собственности). Далеко не всегда перечисленные документы подвергаются элементарному криминалистическому анализу на предмет: сопоставления реквизитов доверенности с данными журнала заверившего ее нотариуса, проведения почерковедческой экспертизы подписи без вести пропавшего на предмет ее идентификации и установления необычных условий выполнения (в состоянии сильного психологического волнения, опьянения, под действием медикаментозных препаратов и т. д.), сопоставления даты заключения договора купли-продажи с календарем рабочих и выходных дней за соответствующий период; содержит ли доверенность полномочия на отчуждение имущества; как сформулирован предмет договора купли-продажи; состоялась ли государственная регистрация перехода права собственности на недвижимость и пр.

По одному уголовному делу, возбужденному по факту безвестного исчезновения женщины, сдававшей в найм квартиру, к материалам уголовного дела не были приобщены правоустанавливающие документы на эту жилплощадь и не установлен ее собственник. По другому уголовному делу следователь не обратил внимание на расхождение в датах: имелись данные, что пропавшая без вести обратилась в органы МВД с заявлением об утрате паспорта 17.07.2008. Однако по новому месту жительства она зарегистрирована 22.07.2008 по номеру этого утраченного паспорта.

К сожалению, не в полной мере оперативными и следственными работниками используются возможности криминалистических учетов и регистрации при расследовании преступлений рассматриваемой категории. При изучении материалов уголовных дел следователю-криминалисту часто приходится в письменном виде давать очевидные указания: проверить пропавшего по учетам Бюро регистрации несчастных случаев, проверить приобретение им транспортных билетов на автобусный, железнодорожный и авиатранспорт.

Не в полной мере собираются и данные о личности без вести пропавшего. Так, о его привычках, планах на будущее, образе жизни опрашивается лишь ближайшее окружение родственников и друзей. При этом упускаются из виду такие категории, как соседи, наемные рабочие (например, производившие установку стеклопакетов в квартире незадолго до исчезновения лица).

Так, по уголовному делу о безвестном исчезновении пожилой женщины и сопутствующем этому отчуждению ее квартиры в пользу третьих лиц через полгода после его возбуждения не было установлено наличие мобильного телефона у пропавшей, номер ее социальной карты москвича, способ получения ею пенсии и номер счета.

Более того, при отсутствии судебной перспективы у уголовного дела следователь иногда не считает нужным даже собрать необходимые характеризующие материалы на пропавшего без вести: установить наличие судимости, факт постановки на учет в наркологический, психоневрологический диспансеры. Не отрабатываются связи пропавшего. Уголовное дело может изобиловать именами неустановленных следствием лиц, указанных окружением пропавшего как его деловые и личные контакты.

При расследовании уголовных дел по факту исчезновения лица зачастую не выполняются и базовые криминалистические рекомендации о необходимости сбора различного рода образцов пропавшего для исследования (биологических – кровь, волосы, одорологических, дактилоскопических, почерковых, фотопортретных и др.). Изучающему дело следователю-криминалисту нередко приходится давать указания об истребовании амбулаторных и стоматологических карт пропавшего лица из поликлиники по месту получения им медицинской помощи; о получении образов его почерка, а главное – недавно сделанных качественных фотоснимков этого лица.

Указанная негативная тенденция была выявлена и в других исследованиях по изучаемой проблеме. Так, по данным Д.А. Гриневой [4, с. 151], результаты технико-криминалистической работы по розыскным делам характеризуются следующими показателями: только по 12,3 % дел изымались по месту жительства или работы следы пальцев рук без вести пропавших; фотоснимки безвестно отсутствующих имелись по 58 % дел; описание одежды по 92 % дел; информация о болезни, перенесенных заболеваниях, зубном аппарате (медицинские справки, показания родственников, стоматологические карты) содержались в 11,8 % дел; описание внешних признаков лица, с различной степенью детализации, представлено почти во всех розыскных делах (97 %), а информация об особых приметах разыскиваемого лица – в 41,4 % дел.

К сожалению, не в полном объеме используются следователями и возможности сотовых операторов, позволяющие установить примерное местонахождение звонившего (или получившего входящий звонок) в интересующее следствие время, соединения абонента с фиксированным IMEI-кодом телефонного аппарата, номер и установочные данные абонента по IMEI-коду, номера соединений абонента за определенный период и другую, уже переставшую быть тайной информацию [см. подробнее: 7, с. 182–186]. В ряде уголовных дел указанная информация получена от сотовых операторов, однако должная криминалистическая оценка ей не дана: уголовное дело содержит километры распечаток соединений различных абонентов, но отсутствует анализ связей номеров, интенсивности и времени их общения и пр.

Однако при всех вышеперечисленных недочетах в расследовании наиболее показательно указание, данное следователем-криминалистом спустя 4 года после неоднократного возбуждения и приостановления уголовного дела о безвестном исчезновении женщины: «Осмотреть все изъятые по делу предметы и объекты, решить их процессуальный статус (приобщить к материалам дела в качестве вещественных доказательств, возвратить владельцам)».

Таким образом, следует констатировать, что проблемы расследования уголовных дел о безвестном исчезновении людей заключаются в большинстве случаев не столько в отступлении следственными работниками от криминалистических рекомендаций по расследованию убийств «без трупа» (некачественно проводится сбор данных о личности пропавшего, получение его образцов для исследования). Большинство выявленных недостатков не носят выраженной специфики по расследованию именно данного вида преступлений, а потому могут быть отнесены на счет порой некачественного, непрофессионального выполнения следственными сотрудниками своих обязанностей по расследованию уголовных дел. Отдельным недочетом можно выделить отсутствие у следователей навыков работы и анализа гражданско-правовой документации.

Пункт 2 статьи 4 Модельного закона СНГ «О лицах, пропавших без вести» [Постановление № 31–17 от 25 ноября 2008 г. принято на тридцать первом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // Справочная правовая система «Гарант»] гласит: «Лицо, пропавшее без вести, имеет право на жизнь и безопасность и, как следствие, на то, чтобы обстоятельства его исчезновения были тщательно расследованы». Однако результаты изучения российской следственной практики по этой категории дел скорее свидетельствуют о невыполнении данного положения Модельного закона.

Список использованных источников

1. Лактионова, М.А. Без вести пропавшие: мифы и реальность // Предварительное следствие. – Вып. 1 (7). – 2010. – С. 123–132.

2. Букейханов, П.Е. Розыск пропавших без вести: тактика, стратегия, методы поиска совершеннолетних лиц, пропавших без вести при некриминальных обстоятельствах: научно-практическое пособие. – М.: Издательство «Экзамен», 2006. – 253 с.

3. Дубягин, Ю.П. Особенности методики розыска / Ю.П. Дубягин [и др.]. – М., 2003. – 240 с.

4. Гринева, Д.А. Розыск без вести пропавших лиц: Правовой, оперативно-розыскной и криминалистический: дис… канд. юрид. наук / Калининградский юридический институт МВД России. – Калининград, 2006. – 200 с.

5. Эксархопуло, А.А. Криминалистика: учебник. – СПб., 2009. – 904 с.

6. Варшавец, Д.Б. Вопросы совершенствования раскрытия убийств, замаскированных под безвестное исчезновение граждан // Криминалистика. Экспертиза. Розыск: Сб. науч. ст. Вып. 1; под ред. В.М. Юрина. – Саратов: СЮИ МВД России, 2007. – С. 282–291.

7. Козинкин, В.А. К вопросу о характере и криминалистическом значении информации, обнаруживаемой в средствах сотовых систем подвижной связи // Значение творческого наследия профессора А.И. Винберга в развитии отечественной криминалистики (к 100-летию со дня рождения): Сб. материалов 49-х крим. чтений. – М.: Академия управления МВД России, 2008. – С. 182–186.

Дата поступления статьи – 15.09.2011.

Статья посвящена одной из традиционно актуальных проблем совершенствования следственной практики – оценке качества проводимого российскими правоохранительными органами расследования по делам об убийстве, замаскированном под безвестное исчезновение человека.

Автор анализирует имеющиеся в науке рекомендации по расследованию уголовных дел обозначенной категории, действующие нормативные указания, сопоставляет их с современной следственной практикой, приводя примеры недоработок по конкретным случаям, и формулирует выводы о возможных причинах низкого качества работы российских правоохранительных органов в данном направлении.

The article covers one of the traditionally actual problems – improvement of the criminal investigation practice. It refers to evaluation of the quality of criminal proceedings instituted by Russian law enforcement agencies in cases of murder that is disguised as unknown disappearance of a person.

The author analyses scientific recommendations to criminal investigation of such cases, actual legal rules, compares them with contemporary criminal investigative practice, gives examples of faults in certain cases and makes conclusion on possible reasons of the low quality of Russian law enforcement agencies' work in this sphere.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КРИМИНАЛИСТИКИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РОССИЙСКИХ И БЕЛОРУССКИХ УЧЕНЫХ

Хлус А.М.

Формирование во второй половине прошлого столетия общей теории криминалистики явилось новым существенным шагом в развитии данной науки. Общая теория криминалистики, пополнившая систему науки новым разделом, не сняла, а, наоборот, обострила существующие проблемы. Кроме того, возникли новые проблемы, связанные с проникновением первого раздела в другие традиционно сложившиеся части криминалистики. В настоящее время продолжают обсуждаться проблемы общей теории, как самостоятельного раздела криминалистики.

Единое мнение по наименованию первого раздела криминалистики отсутствует. Предложенное Р.С. Белкиным название раздела – общая теория криминалистики [1, с. 42] – воспринято далеко не всеми учеными. В последующих криминалистических работах этот раздел именуется по-разному: методология криминалистики [2, с. 13], теория и методология криминалистики [3, с. 5], теоретические и методологические основы криминалистики [4, с. 34] и т. п. Различные наименования первого раздела криминалистики не единственная его особенность.

В работах белорусских ученых по-разному отражаются структура и содержание общей теории криминалистики. В учебном пособии по криминали-

стике под редакцией А.В. Дулова, первый раздел – теоретические основы, или введение в криминалистику, определяет ее задачи, функции и предмет [5, с. 4]. В нем же содержатся общие сведения об объектах криминалистического изучения, путях и особых методах их исследования, определены основные принципы, которые необходимо соблюдать при проведении исследований. Особенности авторского подхода заключаются в том, что недостаточно выделения совокупности изучаемых объектов. Важным является выделение целей и путей их исследования. По мнению А.В. Дулова, к целям криминалистического исследования преступления, относятся:

1) установление совокупности материальных объектов преступления;

2) определение связей между объектами (элементами), характеризующими преступление;

3) выявление совокупности отражения элементов преступления, их связей, механизма совершения преступления;

4) определение пути установления субъективных факторов (мотивы, способы) через изучение материальных элементов преступления и их отражений.

К числу направлений (путей) криминалистического исследования преступления А.В. Дулов относит: 1) изучение структуры преступления; 2) изучение этапов преступления; 3) изучение связей преступления.

Определение основных целей и путей исследования объектов, по мнению автора, позволит подойти к построению системы науки [5, с. 69–82].

Иным образом представлена структура этого раздела в учебном пособии под редакцией Н.И. Порубова: теоретические положения (науковедческая часть); основы общей теории; история зарождения и развития криминалистики в Республике Беларусь. В учебном пособии 2007 года, вышедшем под его же редакцией, структура общей теории криминалистики была изменена (в нее не вошли вопросы истории зарождения и развития криминалистики). В основах общей теории Н.И. Порубов отмечает, что вопрос о предмете криминалистики является главным, определяющим ее развитие. Поэтому, считает автор, предмет криминалистики является основным элементом общей теории криминалистики. А так как предмет криминалистики составляют закономерности, то основными элементами ее общей теории будут криминалистические учения о закономерностях: 1) возникновения доказательств; 2) собирания доказательств; 3) исследования доказательств; 4) оценки и использования доказательств [6, с. 5–10]. Не трудно заметить, что точка зрения Н.И. Порубова в целом совпадает с мнением Р.С. Белкина, который также выделяет в системе общей теории объективные закономерности возникновения информации о преступлении и преступнике, закономерности собирания, оценки, исследования и использования доказательств [1, с. 78].

На основании анализа различных взглядов как белорусских, так и российских авторов на структуру и содержание общей теории криминалистики, представляется возможным сделать некоторые обобщения.

Общая теория криминалистики представляет собой системное образование, структурные элементы которого взаимосвязаны и имеют общее для всей криминалистики значение. Положения этого раздела являются основой для построения других разделов, углубляющих, конкретизирующих исследование объектов криминалистики.

Обязательной составной частью первого раздела криминалистики являются вопросы, которые в обобщенном виде образуют науковедческие основы криминалистики. Практически во всех учебниках и учебных пособиях по криминалистике имеется отражение этих вопросов. Но содержание этой части различно. Чаще всего к науковедческим основам относят вопросы о предмете, задачах, методах, системе и месте криминалистики в системе научного знания. Реже рассматриваются вопросы об объекте, принципах, истории развития и др. Следует также отметить, что в некоторых случаях содержание общей теории ограничивается только вопросами ее науковедческой части. Такой подход представляется не совсем верным, так как этот раздел должен включать в себя и такие вопросы, которые в совокупности раскрыли бы теоретические и методологические аспекты предмета криминалистики. В противном случае исследование общих закономерностей события преступления, возникновения информации о нем, а также изучения этого события искусственно переносится в иные разделы криминалистики.

Выделение общих элементов науковедческой части первого раздела криминалистики, таких, например, как предмет, система, методы не означает их единое понимание белорусскими учеными-криминалистами. Рассматривая вопрос о предмете криминалистики, ученые признают необходимость познания закономерностей изучаемых ею явлений. Однако не называют конкретные закономерности. По мнению Г.А. Зорина, предметом криминалистики становятся не только закономерности, но и парадоксы: совершения и сокрытия преступлений; предварительного расследования; экспертного исследования вещественных доказательств; судебного разбирательства; обвинения и защиты по уголовным делам; создания методов раскрытия и расследования. Данные предметные направления Г.А. Зорин предлагает выделять в раздел и рассматривать его как особую отрасль криминалистики: криминалистика защиты, криминалистики обвинения, криминалистика противодействия [7, с. 16–17]. При этом Г.А. Зорин не ограничивает деятельность по исследованию обстоятельств преступления только рамками предварительного расследования. Что же касается предложения о выделении особых отраслей криминалистики, то здесь, скорее всего, подразумевается использование знаний криминалистики отдельными участниками уголовного процесса: защитником, обвинителем и др. [8, с. 86–87].

По мнению А.В. Дулова, криминалистика должна изучать не только закономерности, но и различные зависимости, случайные, спонтанные явления [5, с. 18]. Изучение зависимостей, случайных факторов, выявление возможностей их последовательности, особенностей протекания, отражения исклю-

чительно важны для осуществления практической деятельности по расследованию.

Решение вопроса о предмете криминалистики теснейшим образом связано с определением системы науки. Большинство ученых-криминалистов Беларуси, равно как и России, разделяют точку зрения о том, что в науке криминалистики следует выделять четыре основных раздела. У разных авторов их наименования могут быть различными, но в целом речь идет об общей теории криминалистики, криминалистической технике, криминалистической тактике и криминалистической методике.

Вместе с тем, дискуссия по вопросу о системе криминалистики до сих пор продолжается. Например, А.В. Дулов в системе криминалистики выделяет пять разделов [5, с. 22–29]. Второй традиционный из разделов, криминалистическая техника, по мнению автора, должен именоваться «Криминалистическое исследование материальной структуры преступления» [9, с. 7]. В нем рассматривается содержание и методы исследования материальной структуры преступления. К числу криминалистических средств исследования материальной структуры преступления отнесены технические средства, которые охватываются понятием криминалистическая техника. В качестве пятого раздела криминалистики названа криминалистическая стратегия, которая должна занять место между криминалистической тактикой и методикой. Этот раздел должен включать: выявление союзников следователя и основы взаимодействия с ними; изучение общих моделей и методов расследования уголовных дел; изучение общих рекомендаций по организации процесса расследования; изучение процессов противодействия и путей их предупреждения и ликвидации [5, с. 27]. Также пять разделов в системе криминалистики видит В.Ф. Ермолович. При этом традиционные разделы криминалистики дополняются новым, который в системе науки занимает вторую по порядку позицию и называется криминалистическая характеристика отдельных видов преступлений [10, с. 276–277]. Более радикальные предложения о структуре системы криминалистики высказаны Г.А. Зориным. По его мнению, она должна состоять из семи разделов: теория криминалистики; методология криминалистики; стратегия криминалистики; криминалистическая тактика; криминалистическая методика; криминалистическая техника и криминалистическая экспертология [7, с. 22].

Существует также идея о необходимости создания альтернативной системы криминалистики. Данная система, по мнению Г.А. Шумака, может быть построена на основе горизонтальных срезов интегрированной научной информации, позволяющих создать отрасли криминалистики. С учетом особенностей следообразования в различных сферах деятельности возможно, по мнению автора, формирование таких отраслей, как криминалистика насильственных преступлений, криминалистика взрывов и поджогов, транспортная криминалистика, банковская криминалистика, криминалистика информационных технологий, экономическая криминалистика [11, с. 215–224].

В российских учебниках по криминалистике в ее общетеоретической части рассматриваются вопросы криминалистической характеристики преступлений [12, с. 7].

Дискуссионный характер данного понятия повлек за собой необходимость поиска нового подхода к познанию преступления. И такой подход был найден в связи с осознанием важнейшей задачи криминалистики – установление совокупности материальных образований, составляющих между собой преступление. Данную совокупность объектов, которые обязательно должны присутствовать при совершении преступления, стали рассматривать как систему. В криминалистике, учитывая специфику исследуемого объекта, разновидностью системного анализа является криминалистический анализ. Анализ начинается с познания общих и частных элементов криминалистической структуры преступления.

Исследованиями проблемных вопросов учения о криминалистической структуре преступления в разные годы занимались такие белорусские ученые как А.В. Дулов, В.Ф. Ермолович, Г.А. Зорин, А.В. Лапин, Г.А. Шумак, А.Е. Гучок и др. Наиболее последовательными сторонниками развития данного учения являются А.В. Дулов и А.Е. Гучок.

В целях познания преступления предлагается четко определить последовательность изучения криминалистической структуры преступления. Для этого необходимо выявить совокупность материальных элементов, обязательно имеющихся в наличии при совершении преступления, поскольку без них последнее не может быть совершено.

Подчеркивая материальный характер элементов криминалистической структуры преступления, А.Е. Гучок выделяет их следующие виды: субъект, совершающий преступление; объект преступного посягательства; средство совершения преступления; предмет преступного посягательства; предмет преступления. Эти взаимосвязанные между собой элементы и составляют криминалистическую структуру преступления [13, с. 48].

В качестве субъекта совершения любого преступления может рассматриваться только человек. С позиции криминалистики его можно рассматривать как следообразующий и следовоспринимающий элемент криминалистической (материальной) структуры преступления, объединенный с иными элементами сложной системой связей. Особое внимание уделяется отражательным свойствам субъекта. При исследовании субъекта анализу подвергаются его физические, биологические, психофизиологические, психологические, социальные и иные свойства. Анализ свойств субъекта в большинстве случаев расследования возможен на основе познания следов, оставленных им на объектах, относящимся к иным элементам преступной структуры. Внимание следует уделять также исследованию профессиональных качеств субъекта. Следует учитывать, что, прежде всего, интерес представляет совокупность тех свойств, которые позволяют идентифицировать личность преступника.

Объектом преступного посягательства является материальная система, на которую направлены преступные действия субъекта с целью достижения

преступного результата. Именно объекту посягательства причиняется непосредственный вред в результате преступных действий. При этом объект может быть элементом живой (люди, животные) и неживой природы (имущество, ценные бумаги и др.), единичным (человек) и множественным (группа людей), частным (квартира) и государственным (государственное предприятие), динамическим (транспортное средство) и статическим (магазин, хранилище). Особенности объекта преступного посягательства определяют условия, обстановку и механизм преступных действий субъекта. Анализ объекта преступного посягательства позволяет в некоторых случаях определить пространственно-временные характеристики совершенного преступления, на основе которых решается вопрос о территории поиска преступника.

Следует также учитывать, что объекты, изучаемые криминалистикой, могут занимать в структуре преступления различное положение: и как объекты преступного посягательства и как средства совершения преступления. Тем не менее, в каждом случае подлежат изучению их свойства и качественные состояния.

Средством совершения преступления, по мнению М.В. Салтевского, являются материальные объекты, так или иначе используемые для достижения преступного результата [14, с. 26–27]. Главное назначение данного структурного элемента преступления состоит в том, что он обеспечивает наступление результата преступного деяния, а также является связующим звеном между иными элементами криминалистической структуры, например, субъектом и объектом преступного посягательства. Все средства подразделяют на четыре группы: орудия, оружие, источники повышенной опасности, силы и явления природы. В качестве средств совершения преступления могут выступать и документы [13, с. 53].

Предмет преступного посягательства – то, что является целью преступного посягательства. В качестве предмета посягательства, как правило, выступают денежные средства, драгоценности, оружие, наркотические вещества, имущество и т. п.

Предмет преступления отличается от других элементов тем, что в отношении него не совершается преступное посягательство, и он не используется как средство совершения преступления [13, с. 53]. В качестве предмета преступления рассматривается любой материальный предмет взятки, денежные средства как плата за заказное убийство и др.

Криминалистические структуры преступлений могут быть полные, упрощенные и усложненные. Полные трехэлементные, где наличествуют субъект и объект преступного посягательства, а также средства совершения преступления. Для упрощенных характерно наличие двух элементов в любой вариации, например, субъект и объект преступного посягательства. В усложненных криминалистических структурах наличествует более трех элементов [13, с. 74].

Криминалистическое исследование преступления предполагает изучение не только элементов, образующих его криминалистическую (материаль-

ную) структуру, но и связей между ними. Различают связи пространственно-временные, технологические, внутрисистемные, информационные и др. Наличие взаимосвязей между элементами материальной (криминалистической) структуры преступления обеспечивает возможность установления неизвестных на момент расследования элементов (чаще всего субъекта)

Выделение элементов криминалистической структуры преступления, а затем их анализ, по мнению сторонников данного учения, обеспечивают наиболее полное и объективное познание конкретного преступного события данного вида.

Список использованных источников

1. Криминалистика: учебник для вузов / Т.В. Аверьянова [и др.]; под общ. ред. Р.С. Белкина. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА М., 1999. – 990 с.
2. Криминалистика: учебник / под ред. И.Ф. Пантелеева, Н.А. Селиванова. – М.: Юрид. литература, 1984. – 544 с.
3. Криминалистика: учебник для вузов / И.Ф. Герасимов, Л.Я. Драпкин, Е.П. Ищенко и др.; под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. – М.: Высш. шк., 1994. – 528 с.
4. Курс криминалистики: В 3-х т. Т. I. Общетеоретические вопросы. Криминалистическая техника. Криминалистическая тактика / под ред. О.Н. Коршуновой и А.А. Степанова. – СПб: Юридический центр Пресс, 2004. – 683 с.
5. Криминалистика: учеб. пособие/ А.В. Дулов, Г.И. Грамович, А.В. Лапин и др.; под ред. А.В. Дулова. – Минск: НКФ «Экоперспектива», 1996. – 415 с.
6. Андреев, И.С. Криминалистика: учеб. пособие для вузов / И.С. Андреев, Г.И. Грамович, Н.И. Порубов; под ред. Н.И. Порубова. – Минск: Выш. шк., 1997. – 344 с.
7. Зорин, Г.А. Теоретические основы криминалистики / Г.А. Зорин. – Минск: Амалфея, 2000. – 416 с.
8. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р.С. Белкин. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА · М), 2001. – 225 с.
9. Криминалистика: учеб. программа для высших учебных заведений по специальностям направлений 24 Право и 26 Управление / сост. А.В. Дулов. – Минск: РИВШ, 2004. – 46 с.
10. Ермолович, В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений / В.Ф. Ермолович. – Минск: Амалфея, 2001. – 304 с.
11. Шумак, Г.А. Экономическая криминалистика в системе криминалистической науки // Право и демократия: Сб. науч. тр. Вып. 11 / отв. ред. В.Н. Бибило. Минск, 2001. – 236 с.
12. Яблоков, Н.П. Криминалистика / Н.П. Яблоков. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА М., 2000. – 384 с.– (Энциклопедия наук криминального цикла).
13. Гучок, А.Е. Криминалистическая структура преступления / А.Е. Гучок. – Минск: БГУ, 2007 – 151 с.
14. Салтевский, М.В. Собирание криминалистически значимой информации техническими средствами на предварительном следствии / М.В. Салтевский. – учеб. пособие. – Киев, 1980. – 358 с.

Дата поступления статьи – 15.09.2011.

Статья посвящена отдельным проблемам общей теории криминалистики. На основе анализа мнений ученых-криминалистов, автор представляет общую теорию криминалистики как системное образование, имеющее значение для всей криминалистики. В рамках общей теории должны рассматриваться вопросы об объекте, задачах, методах, месте криминалистики в системе научного знания. Здесь же должны найти отражение вопросы, раскрывающие теоретические и методологические аспекты предмета криминалистики.

Учитывая специфику криминалистических рекомендаций, автор поддерживает и развивает идею о необходимости осуществления в научной и практической деятельности нового подхода к познанию преступления. Такой подход обеспечивает выделение на основе анализа элементов структуры преступления. К ним, по мнению белорусских ученых, относятся субъект, совершивший преступление; объект преступного посягательства; средства совершения преступления; предмет преступного посягательства и предмет преступления.

Выделение элементов криминалистической структуры преступления, а затем их анализ обеспечивают наиболее полное и объективное познание конкретного преступного деяния.

The article is devoted to separate problems of the criminalistics' general theory. On the basis of the analysis of the scientists-criminalists' opinions□, the author represents the criminalistics' general theory as system formation which is important for all criminalistics. The questions about object, tasks, methods, place of criminalistics in the system of scientific knowledge should be considered in the criminalistics' general theory. The questions revealing theoretical and methodological aspects of a subject of criminalistics should find reflection here.

Taking into account specificity of the criminalistic recommendations, the author supports and develops idea about necessity of realization the new approach to cognition of a crime for scientific and practical activity. Such approach provides allocation on the basis of the analysis of elements in a crime's structure. In opinion of the Byelorussian scientists, individual who has committed a crime, object of a criminal encroachment, the means, subject of a criminal encroachment and subject of a crime are elements in the crime's structure.

Allocation of criminalistic structure's elements of a crime, and then their analysis provide the most complete and objective cognition of a concrete crime.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ

АНАЛИЗ ПОЛОЖЕНИЙ КОНВЕНЦИИ СОВЕТА ЕВРОПЫ ПО БОРЬБЕ С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ В ЦЕЛЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДЕТСКОЙ ПОРНОГРАФИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Боровик П.Л.

Динамика преступности, связанной с оборотом детской порнографии, позволяет утверждать, что в Республике Беларусь, как и во всем мире, по-прежнему продолжается период ее роста. Так, в 2009 году правоохранительными органами выявлено 12 преступлений, связанных с изготовлением и распространением детской порнографии, из них 3 – в сети Интернет. В 2010 году выявлено 11 преступлений, связанных с изготовлением и распространением детской порнографии, из них 5 – в сети Интернет. За три месяца 2011 года (январь-март) выявлено 11 преступлений, связанных с изготовлением и распространением детской порнографии, из них 6 – в сети Интернет. Всего за период с 2008 по 2010 год было вовлечено 106 несовершеннолетних в порнографию, из них 15 – малолетних [1].

Отмечается рост числа таких преступлений и в Российской Федерации. По данным МВД России, количество выявленных фактов изготовления и сбыта материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних по сравнению с предыдущим годом возросло в 10 раз, количество сайтов с детской порнографией увеличилось почти на треть, интернет-материалов с детской порнографией в 25 раз. При этом средняя посещаемость одного сайта составляет около 30 тыс. человек в месяц [2, с. 239–240].

Преступления, связанные с изготовлением и распространением детской порнографии в сети Интернет, представляют наибольшую общественную опасность по сравнению с традиционными формами распространения. Безграничные возможности сети Интернет в области передачи информации существенно облегчают совершение данного противоправного деяния, вовлекая детей в один из наиболее жестоких и циничных видов транснациональной организованной преступности [3, с. 30]. Вооружившись возможностями современных информационных технологий, в том числе и глобальной сети Интернет, рынок детской порнографии стал одним из самых прибыльных секторов теневой экономики [4].

Необходимо отметить, что вопросы противодействия преступлениям, связанным с оборотом детской порнографии в сети Интернет, отражены в диссертационных и монографических трудах О.А. Булгаковой, О.В. Бесчастновой, А.С. Валентониса, М.В. Гусаровой, Т. П. Кесаревой, А.Л. Осипенко, А.В. Польшикова. В указанных работах затронуты проблемные аспекты ме-

ждународного противодействия преступлениям в сфере оборота детской порнографией в сети Интернет. Учеными отмечается, что оборот порнографической продукции, в том числе и с изображением несовершеннолетних, является преступлением международного характера, что предопределяет необходимость активизации международного сотрудничества в сфере борьбы с рассматриваемой категорией преступлений [5, с. 49; 6, с. 34; 7, с. 97; 8, с. 37; 9, с. 15; 10, с. 237; 11, с. 93]

Практика показывает, что основные трудности, препятствующие расследованию преступлений в сфере оборота детской порнографии в сети Интернет, заключаются в том, что хостинг большинства порно-сайтов физически располагается в другой государстве. Зная особенности правового взаимодействия между Республикой Беларусь и страной, где расположен хостинг, преступник взаимодействует только с теми организациями, которые могут гарантировать ему анонимность и безопасность вне зависимости от размещаемого контента.

Специфика преступлений, связанных с оборотом детской порнографии в сети Интернет, предопределяет необходимость сбора в крайне ограниченные сроки существенного объема разнообразных сведений из различных источников, что само по себе возможно исключительно при условии тесного взаимодействия и консолидации усилий всех субъектов уголовного преследования. Однако в процессе расследования деяний рассматриваемой категории зачастую возникают проблемы, связанные с отсутствием у одной из сторон правовых полномочий на поиск доказательств в электронной среде. Безусловно, такая сторона не в состоянии адекватно реагировать на такие виды преступлений, что негативным образом отражается на эффективности противодействия указанным деяниям в целом.

Решением вышеобозначенных проблем может стать ратификация Конвенции по борьбе с киберпреступностью, принятой Советом Европы 23 ноября 2001 года (при условии ее ратификации большинством стран мирового сообщества) [12]. В ней указан перечень запрещаемых действий, связанных с рассматриваемыми противоправными деяниями, подробно оговорены проблемы взаимодействия правоохранительных органов отдельных государств в ситуации, когда преступник и жертва находятся на территории разных стран и подчиняются разным законодательствам. Конвенция предусматривает конкретные механизмы, обеспечивающие эффективное и согласованное международное сотрудничество в раскрытии преступлений, связанных с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Так, подраздел 3 Конвенции о киберпреступности содержит специальные положения о противодействии преступлениям, связанным с оборотом детской порнографии (ст. 9). В соответствии с этими положениями каждое государство признается обязанным принимать такие законодательные и иные меры, которые могут быть необходимы для уголовного преследования случаев совершения следующих деяний: а) производство детской порнографической продукции в целях распространения через компьютерную систему;

б) предложение или предоставление в пользование детской порнографии через компьютерную систему; в) распространение или передача детской порнографии через компьютерную систему; г) приобретение детской порнографии через компьютерную систему для себя или для другого лица; д) владение детской порнографией, находящейся в компьютерной системе или на носителях компьютерных данных.

Ст. 14 Конвенции содержит в себе требование о необходимости законодательного и иного нормативного обеспечения использования компьютерных систем и обеспечения сбора доказательств в электронной форме при расследовании киберпреступлений.

Положения ст. 16 «Оперативное обеспечение сохранности хранимых компьютерных данных» и ст. 17 «Оперативное обеспечение сохранности и частичное раскрытие данных о потоках информации» Конвенции предоставляют возможность одной стороне добиться сохранения важной информации, необходимой для расследования преступления, которое находится в юрисдикции другой стороны. Провайдер Интернет-услуг, как правило, располагает данными об информационном обмене сообщениями в прошлом, которые можно получить с помощью оборудования, регистрирующего конкретные аспекты информационного обмена, включая время, продолжительность и дату любого сообщения. Такие данные хранятся обычно в течение ограниченного периода времени, зависящего от коммерческих потребностей оператора или поставщика услуг, а также юридических требований, касающихся неразглашения частной информации. Национальное законодательство многих стран разрешает правоохранительным или судебным органам издавать распоряжение, касающееся сбора данных информационного обмена. В то же время в тех случаях, когда данные информационного обмена являются частью сообщения (например «заголовок» сообщений, передаваемых по электронной почте), сбор таких данных может рассматриваться как перехват самого сообщения и по этой причине подпадать под юридические ограничения [13].

Важными являются положения ст. 19 «Обыск и выемка хранимых компьютерных данных» Конвенции, согласно которой должны существенно расшириться полномочия правоохранительных органов. В первую очередь это касается правовой регламентации полномочий правоохранительных органов по оперативно-розыскным мероприятиям в отношении компьютерных систем и носителей компьютерных данных. Каждое государство обязано создать необходимые правовые условия для предоставления следующих прав и обязанностей компетентным органам по борьбе с киберпреступностью: выемка компьютерной системы, ее части или носителей; изготовление и получение копий компьютерных данных; обеспечение целостности и сохранности хранимых компьютерных данных, относящихся к делу; уничтожение или блокирование компьютерных данных, находящихся в компьютерной системе.

В ст.ст. 20 и 21 Конвенции рассматриваются вопросы сбора компьютерных данных в режиме реального времени. Устанавливаются нормы о необходимой нормативной базе, обязывающей провайдеров проводить сбор,

фиксацию и перехват необходимой информации с помощью имеющихся технических средств, а также способствовать в этом правоохранительным органам. Причем рекомендуется обязать провайдеров сохранять полную конфиденциальность о фактах подобного сотрудничества. Следовательно, каждое государство – участник Конвенции с помощью провайдеров, действующих на его территории, контролирует информационный обмен в сети.

В ст. 25 Конвенции, устанавливающей общие принципы, касающиеся взаимной международной помощи, предусмотрена возможность экстренной связи между государствами посредством электронной почты или факса. Такие сообщения должны быть защищены соответствующими средствами безопасности (включая шифрование).

В этом отношении следует отметить, что в декабре 2008 года в управлении по раскрытию преступлений в сфере высоких технологий МВД Республики Беларусь при поддержке российских коллег был создан Национальный контактный пункт для координации действий с аналогичными подразделениями государств – участников группы большой «восьмерки». Данное решение позволило белорусским правоохранительным органам повысить эффективность и оперативность взаимодействия с коллегами из более 50 государств мира в деле противодействия киберпреступности. Возможности пункта позволяют обмениваться данными о готовящихся, совершаемых либо совершенных в киберпространстве преступлениях, а также получать от иностранных коллег необходимые сведения для проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий.

Ст. 26 Конвенции устанавливает правила, согласно которым государство может отправлять другим государствам Конвенции без предварительного запроса информацию, полученную в результате собственных исследований. Подобная практика используется в тех случаях, когда государство, отправляющее информацию, полагает, что раскрытие такой информации может быть полезно для противодействия преступлениям, совершаемых в сети Интернет.

Таким образом, присоединение к Конвенции Совета Европы по борьбе с киберпреступностью будет способствовать созданию препятствий для совершения преступлений рассматриваемой категории не только путем установления уголовно-правового запрета, но и выработки единых подходов к вопросам осуществления некоторых оперативно-розыскных и следственных мероприятий в рамках международного сотрудничества.

Между тем, совершенно очевидно, что эффективное взаимодействие субъектов уголовного преследования зависит от правовых систем их стран, а также возможности координации национальных законодательств. Следовательно, для противодействия преступности в сфере оборота детской порнографии всем странам необходимо гармонизировать национальное законодательство с соответствующими нормами Конвенции.

В этой связи следует отметить, что, несмотря на то, что Республика Беларусь не является участницей Конвенции Совета Европы по борьбе с киберпреступностью, практически все деяния, упомянутые в ст. 9 Конвенции, на

сегодняшний день содержатся в Уголовном кодексе Республики Беларусь в ст. 343-1 «Изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего». Выполнены и требования ст. 13 Конвенции об установлении к виновным лицам «эффективных, соразмерных и убедительных мер наказания, включая лишение свободы». Уголовное законодательство предусматривает максимальное наказание по ч. 3 ст. 343-1 УК в виде лишения свободы на срок до тринадцати лет.

Вместе с тем, отдельные положения Конвенции Совета Европы по борьбе с киберпреступностью не нашли отражения в национальном законодательстве. Так, в Конвенции значительно расширены границы криминализации за счет, во-первых, исключения указания на цель при владении порнографическими материалами с изображениями несовершеннолетних; во-вторых, установления ответственности за приобретение детской порнографии через компьютерную систему для себя или для другого лица. Такое жесткое запрещение, касающееся даже владения детской порнографией, направлено на пресечение всей цепочки ее распространения от изготовителя до потребителя.

В свою очередь, уголовным законодательством Республики Беларусь в настоящее время не предусмотрена ответственность за владение (или, пользуясь национальной терминологией, хранение без цели распространения или рекламирования) детской порнографией, находящейся в компьютерной системе или на носителях компьютерных данных.

В Конвенции о киберпреступности детская порнография отнесена к киберпреступлениям и определяется как материалы, визуально отображающие: а) участие несовершеннолетнего лица в откровенных сексуальных действиях; б) участие лица, кажущегося несовершеннолетним, в откровенных сексуальных действиях; в) реалистические изображения несовершеннолетнего лица, участвующего в откровенных сексуальных действиях.

Существенным же недостатком отечественного законодательства следует признать отсутствие в уголовном законе правовых определений понятий порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетних. Изучение практики показывает, что отсутствие в законодательстве Республики Беларусь правового определения детской порнографии с учетом технологических особенностей и возможностей современных информационных технологий затрудняет работу правоохранительных органов по выявлению и пресечению указанных преступлений, так как создают лазейку для производства и распространения порнографических изображений несовершеннолетних под видом «эротики».

Конвенция предусматривает уголовную ответственность юридических лиц за преступления, которые совершаются в его пользу любым физическим лицом, действующим как индивидуально, так и по специальному полномочию данного юридического лица, а также вследствие ненадлежащего исполнения должностным лицом своих служебных обязанностей (ст. 12). В Уголовном кодексе Республики Беларусь не предусмотрена уголовная ответст-

венность юридических лиц, а закреплен принцип личной виновной ответственности (ч. 1 ст. 3 УК).

Полагаем, что введение уголовной ответственности юридических лиц на данном историческом этапе развития национального законодательства преждевременно, т.к. такие изменения существенно меняют внутреннюю политику государства, конституционное устройство законодательной системы в целом. Вместе с тем, мы не отрицаем возможности введения в перспективе юридической ответственности должностных лиц за преступления, связанные с детской порнографией. Однако данный вопрос выходит за рамки нашей статьи, требуя дополнительной проработки и изучения.

Главным препятствием для присоединения нашей страны к Конвенции являются положения статьи 32-b «Трансграничный доступ к хранящимся компьютерным данным с соответствующего согласия или к общедоступным данным», дающие иностранным спецслужбам право доступа к частным компьютерам на территории чужих государств без получения соответствующих разрешений от компетентных органов. Очевидно, что данные положения могут нанести ущерб суверенитету и национальной безопасности государств – участников Конвенции, правам и законным интересам их граждан и юридических лиц, в том числе и правам человека, таким, как право на частную жизнь. Поэтому вопрос о допустимости проведения указанных действий представителями правоохранительных органов на законных основаниях продолжает оставаться дискуссионным.

Резюмируя и обобщив вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

1) оборот детской порнографии в сети Интернет является разновидностью киберпреступности и имеет международный характер;

2) практика раскрытия данных противоправных деяний нуждается в повышении эффективности и оперативности взаимодействия с правоохранительными органами иностранных государств, что требует ратификации Конвенции Совета Европы по киберпреступности;

3) ратификация Конвенции Совета Европы по киберпреступности позволит выработать единые подходы к вопросам осуществления некоторых оперативно-розыскных и следственных мероприятий в рамках международного сотрудничества;

4) анализ соответствия национального уголовного законодательства основным положениям Конвенции показал, что практически все деяния, упомянутые в ст. 9 Конвенции «Правонарушения, связанные с детской порнографией», на сегодняшний день содержатся в Уголовном кодексе Республики Беларусь. Открытым остается вопрос о введении ответственности за хранение без цели распространения или рекламирования детской порнографией, находящейся в компьютерной системе или на носителях компьютерных данных. Учитывая масштабы проблемы и опыт зарубежных стран, считаем целесообразным введение административной ответственности за приобретение и хранение детской порнографии без цели сбыта, в качестве превен-

тивной меры. И, в случае повторного совершения указанных действий, необходимо предусмотреть уголовную ответственность за указанные деяния.

5) представляется, что положения ст.ст. 12, 32-b Конвенции, противоречащие национальному законодательству, следует учесть в соответствующих оговорках в протоколе подписания Конвенции.

Список использованных источников

1.Официальный сайт МВД Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=5421. – Дата доступа: 10.04.2011.

2.Шевцов, А.В. О мерах по противодействию различным формам насилия над детьми / А.В. Шевцов // Проблемы охраны и защиты прав несовершеннолетних: становление и развитие ювенальной юстиции. Материалы всероссийской научно-практической конференции. 16 декабря 2010 г. – Курск: ООО «Учитель», 2011. – С. 239–244.

3.Боровик, П.Л. О проблеме противодействия детской порнографии в Интернете / П.Л. Боровик // Национальная безопасность: интересы личности, общества, государства: материалы Междунар. науч.-практ. конф./ М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь».– Минск: Акад. МВД, 2011. – С. 30–33.

4.ЮНИСЕФ: рынок детской порнографии – один из самых прибыльных в мире [Электронный ресурс].– Режим доступа: http://www.cnews.ru/cgi-bin/oranews/get_news.cgi?tmpl=nl_print&news_id=124847. – Дата доступа: 10.04.2011.

5.Булгакова, О.А. Уголовная ответственность за незаконное распространение порнографических материалов или предметов: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 /О.А. Булгакова. – Ставрополь, 2003. – 173 с.

6.Бесчастнова, О.В. Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних: уголовно-правовой аспект: 12.00.08 / О.В. Бесчастнова. – Ростов-на-Дону, 2008. – 210 с.

7.Валентонис, А.С. Криминологические и уголовно-правовые аспекты противодействия обороту предметов или материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.С. Валентонис; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2010. – 192 с.

8.Гусарова, М.В. Незаконный оборот порнографических материалов или предметов: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / М.В. Гусарова; Нижегород. акад. МВД России. – Нижний Новгород, 2010. – 262 с.

9.Кесареева, Т. П. Криминологическая характеристика и проблемы предупреждения преступности в российском сегменте сети Интернет: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Т. П. Кесарева. – М., 2002. – 195 с.

10. Осипенко, А.Л. Борьба с преступностью в глобальных компьютерных сетях: международный опыт: монография / А.Л. Осипенко. – М.: Норма, 2004. – 432 с.

11. Польшиков, А. В. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с изготовлением и оборотом материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних в сети «Интернет»: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.В. Польшиков. – Тамбов, 2009. – 232 с.

12. Convention on Cybercrime [Electronic resource]. – Mode of access: http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/185.htm. – Date of access: 12.01.2011.

13. Голубев, В.А. Подписание Конвенции по борьбе с киберпреступностью и некоторые проблемы расследования киберпреступлений / В.А. Голубев // Центр исследования проблем компьютерной преступности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.crime-research.ru/library/convention.htm. – Дата доступа: 12.06.2011.

Дата поступления статьи – 27.07.2011.

В статье рассмотрены проблемные аспекты международного противодействия преступлениям в сфере оборота детской порнографией в сети Интернет. Проанализированы положения Конвенции Совета Европы по борьбе с киберпреступностью, касающиеся противодействия детской порнографии. Проведен сравнительный анализ соответствия законодательства Республики Беларусь основным положениям Конвенции, предусматривающих юридические и процедурные аспекты противодействия указанным деяниям. Практика показывает, что основные трудности, препятствующие расследованию преступлений в сфере оборота детской порнографии в сети Интернет, заключаются в том, что хостинг большинства порносайтов физически располагается в другой государстве. Зная особенности правового взаимодействия между Республикой Беларусь и страной, где расположен хостинг, преступник взаимодействует только с теми организациями, которые могут гарантировать ему анонимность и безопасность вне зависимости от размещаемого контента. По мнению автора статьи, ратификация Конвенции позволит выработать единые подходы к вопросам осуществления некоторых оперативно-розыскных и следственных мероприятий в рамках международного сотрудничества. Ряд положений, противоречащих национальному законодательству следует учесть в соответствующих оговорках в протоколе подписания Конвенции.

The article deals with the problematic aspects of the international response to the crimes of trafficking in child pornography on the Internet. Examined the provisions of the European Convention on cybercrime, concerning the anti-child pornography. A comparative analysis of compliance with the legislation of the Republic of Belarus, the main provisions of the Convention, providing legal and procedural aspects of anti-mentioned acts. Practice shows that the main obstacles to investigate crimes in the circulation of child pornography on the Internet lies in the fact that hosting the majority of porn sites are physically located in another state. Knowing the characteristics of legal cooperation between Belarus and the country where the hosting service, the offender interacts only with those organizations that can guarantee their anonymity and security regardless of the hosted content. According to the author, the ratification of the Convention will help work out common approaches to the implementation of certain operational and investigative activities in the framework of international cooperation. A number of provisions that contradict national legislation should be considered in the relevant clauses in the protocol signed the Convention.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПЕНИТЕНЦИАРНЫЕ ПРАВИЛА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ В РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Бурый В.Е.

Вступление в Совет Европы новых членов, в большинстве своем стран Восточной Европы, обусловило принятие в 2006 году новых Европейских пенитенциарных правил (далее – ЕПП) с целью унификации национальных законодательств стран-участниц в этой специфической сфере общественных правоотношений [1]. Указанные страны к моменту принятия в Совет Европы имели тюремные системы, не отвечающие европейским стандартам, особенно в сфере ресоциализации и материально-бытового обеспечения осужденных к лишению свободы. В связи с этим, перед Советом пенилогического сотрудничества Европейского Комитета по криминальным вопросам, разрабатывавшим новые пенитенциарные правила, стояла задача, с одной стороны, не снизить уровень международных требований к национальным тюремным системам, с другой стороны, побудить государства к их дальнейшей модернизации в единстве всех составляющих: уголовной и уголовно-исполнительной политики, законодательства и пенитенциарной практики.

Новые ЕПП являются важной правовой основой для законодательства Республики Беларусь и ее уголовной и уголовно-исполнительной политики, практики в области ресоциализации, социальной адаптации, помощи, поддержки и защиты осужденных (прежде всего, к лишению свободы), иначе говоря, всего того, что составляет суть исправительного процесса осужденных в местах лишения свободы (далее – МЛС).

Роль ЕПП как международного стандарта обращения с заключенными (осужденными) должна проявляться ко всей системе нормативных правовых актов, регламентирующих исполнение наказания. Как отмечено в преамбуле, правила предусматривают те меры, которые необходимо использовать в «национальном праве», а не в «национальном законодательстве», так как было признано, что создание законов может принимать разные формы в различных странах-участницах Совета Европы. Термин «национальное право» предусматривает не только первоначальный свод законов, принятых национальным парламентом, но и другие обязывающие нормы, указы и постановления, наряду с законами признанные национальными правовыми системами.

Актуальным является определение статуса новых ЕПП. *Традиционно они считаются рекомендательными нормами, однако базируются на общепризнанных международных стандартах обращения с правонарушителями (осужденными), которые имеют для государств-участниц общеобязательную силу.*

1. Прежде всего, следует обратить внимание на основополагающие принципы, закрепленные в части 1 ЕПП. Среди них следует отметить принцип пропорциональности, которым следует руководствоваться при введении

ограничений прав и свобод человека и гражданина. В новых ЕПП установлено, что ограничения, налагаемые на лиц, лишенных свободы, должны быть по возможности минимальными и соответствовать причинам, по которым они были применены. Непропорциональные ограничения в правах для достижения незначительной цели недопустимы.

2. В новых ЕПП провозглашен принцип о том, что за лицами, приговоренными к лишению свободы, сохраняются те права, которых они законно не были лишены при вынесении приговора. Этот принцип нашел отражение в ряде позиций ЕПП, в частности в гарантиях соблюдения политических прав. Правила обязывают администрацию исправительного учреждения (далее – ИУ) гарантировать полноценное участие осужденных в выборах и других аспектах общественной жизни в рамках, определенных национальным законодательством. Кроме того, осужденные могут общаться со средствами массовой информации, только если нет каких-либо причин запретить им делать это для поддержания порядка и безопасности, или в общественных интересах, или для защиты потерпевших, других осужденных или персонала.

3. Еще одним важным принципиальным положением является сопричастность общества к пенитенциарному процессу. С одной стороны, данный принцип реализуется в установленных новыми ЕПП правилах открытости тюрем для общества. В пункте 6 основополагающих принципов прямо требуется поощрять сотрудничество с внешними социальными службами и по возможности привлечение гражданского общества к различным аспектам работы с лицами в МЛС. В этих целях новые ЕПП рекомендуют постоянно информировать общественность о целях пенитенциарной системы и о работе, проводимой персоналом ИУ, а также содействовать тому, чтобы граждане добровольно работали в пенитенциарных учреждениях, если это возможно. Другими словами – больше открытости (для учреждений закрытого типа) и соучастия общественности в вопросах ресоциализации осужденных.

С другой стороны, сопричастность общества к пенитенциарному процессу проявляется в контроле социума за процессами, происходящими в МЛС. Новые ЕПП и в качестве основополагающего принципа требуют, чтобы все ИУ проходили регулярные государственные проверки, а также могли находиться под независимым наблюдением общественных организаций. При этом результаты такого независимого наблюдения следует обнародовать. Такая двуединая задача позволяет прийти к пониманию того, чтобы тюрьма воспринималась местными сообществами как территория общественных интересов, и они активно участвовали в возвращении осужденных полноценными членами в социум после освобождения из ИУ.

4. Многие новеллы ЕПП связаны с реализацией концепции «сохранения» личности осужденных в МЛС.

Основное отличие этого рекомендательного международного нормативного правового акта, регулирующего уголовно-исполнительные правоотношения, в том, что в правила были включены современные положения, апробированные в течение последних 20 лет в тюремных системах ведущих ев-

ропейских стран, и **во главу угла ресоциализации и социальной адаптации осужденных** (прежде всего, к лишению свободы) **была поставлена принципиально новая цель работы уголовно-исполнительной системы – возвращение человека в общество**. Ранее провозглашавшаяся цель «исправление или перевоспитание», показала свою нежизнеспособность и малоэффективность ввиду как увеличения (или постоянно высокого) уровня рецидивной преступности, специфическим проявлением которого признается пенитенциарный рецидив, так и реальным качеством организации исправительного процесса в ИУ. Фактически международным сообществом было признано, что тюремная система не может далее существовать как «автономная» структура исключительно для кары и изоляции осужденных (заключенных). Лица, отбывающие наказание в ИУ, должны восприниматься как неотъемлемая часть общества, находящаяся лишь во временной изоляции. Теперь достижение этой цели должно осуществляться в соответствии с принципом «нормализации».

Принцип «нормализации» признан естественным воплощением доктрины приоритета прав и свобод человека, а также здравого понимания, что никакое позитивное развитие личности не может быть достигнуто принуждением. Другими словами, в основе принципа «нормализации» заложено признание того факта, что никакой человек не может позитивно измениться и вернуться в общество, принимая принципы социального поведения *без осознанного к этому стремления и работы над собой*.

В этой связи, всякое внешнее воздействие в процессе ресоциализации осужденного не только не состоятельно, но и в условиях тюремного социума вредно, поскольку формирует у осужденного приспособляемость, выражающуюся в формальном внешне поведенческом следовании всем требованиям администрации ИУ, которое скрывает его собственные реальные ценностные ориентации, установки, убеждения, стремления и т. д.

Единственно правильным подходом в сфере ресоциализации и социальной адаптации в ИУ является создание администрацией таких условий отбывания наказания, при которых осужденный имеет возможность выбирать те формы и мероприятия, которые его интересуют и могут помочь в собственном развитии. Если же лицо, отбывающее наказание не хочет по каким либо причинам участвовать в исправительном процессе, это решение не должно иметь для него никаких негативных последствий (будет отбывать наказание до конца срока).

По своему смыслу принцип «нормализации» фактически отражает представление об общественной справедливости и правилах социального общежития, поскольку в нем заложены необходимые условия для регулирования жизни людей в условиях свободы.

Следование правилу обеспечить «максимум того, что на свободе, кроме свободы», предполагает, что осужденный получает возможность сохранить все личные позитивные знания, умения, навыки и общественно полезные связи. Одновременно, это дает лицу, отбывающему наказание, реальные

шансы и возможность повысить интеллектуальный и духовно-нравственный уровни. При этом поощряется участие осужденных в планировании собственных индивидуальных программ коррекционной работы (п. 103.3). Было бы также целесообразно имплантировать норму 24.14 ЕПП в УИК Республики Беларусь (далее – УИК), чтобы часть заработка осужденных откладывалась администрацией ИУ в счет фонда их личных сбережений, который предоставлялся бы им в момент освобождения или для других оправданных нужд (например, при поездке домой при чрезвычайных ситуациях). Полезно в раздел 10 УИК, регулирующий порядок освобождения осужденных из ИУ, включить норму о необходимости при плановом освобождении проводить медицинский осмотр всех освобождающихся с приложением соответствующей справки (пп. 31.7 и 40.1).

В конечном счете, именно вышеуказанные условия предопределяют вероятность рецидива преступлений и показывают, готов ли осужденный вернуться в общество и стать полноценным гражданином.

Практика показывает, что серьезные последствия на личность осужденного оказывают, доведенные в ИУ до автоматизма привычки и режимные требования (четкий и однообразный распорядок дня), которые формируют у лиц, отбывающих наказание иждивенчество (привычка жить «на всем готовом», стираются навыки самообеспечения) и практически сводят к нулю возможности самостоятельного принятия решений и ответственности за себя в повседневных однообразных бытовых вопросах. Как следствие, освобождающиеся из ИУ (в том числе, аттестованные как «доказавшие свое исправление») имеют убеждение и стойкую привычку, что жесткий распорядок дня будет продолжаться и кто-то, также как в МЛС, будет решать за них все вопросы. Именно такие представления исключают возможность успешности ресоциализации осужденных в общество.

В связи с вышеуказанным стоит ли удивляться тому факту, что в 2010 году правоохранительными органами Республики Беларусь зафиксировано превышение пенитенциарного рецидива только среди условно-досрочно освобожденных из ИУ отметки 25 %, то есть среди тех, кто имел степень исправления «доказавший свое исправление».[1]

Одновременно, принцип «нормализации» распространяется и на создание необходимых материально-бытовых условий отбывания наказания в ИУ. Например, осужденному должна быть доступна ванная или душ с температурой, соответствующей местному климату, и так часто, как этого требует гигиена в соответствии с порой года и географическим регионом, но не реже двух раз в неделю. При этом, ванных и душевых (с соответствующими санитарно-гигиеническими требованиями к этим помещениям) в ИУ должно быть достаточно. Беременные женщины и кормящие грудью женщины должны пользоваться душевыми чаще двух раз в неделю.

[1] Сведения Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

Правила рекомендуют обеспечивать осужденных питательным рационом с учетом их пола, возраста, состояния здоровья, религиозных убеждений, культурных традиций, а также характера выполняемой ими работы. Особо следует отметить, что к пище осужденных предъявляются требования, включающие наличие минимальной энергетической ценности и белкового содержания, которые зафиксированы и отражены в законодательстве.

Новые ЕПП допускают размещение осужденных в многоместных камерах, соответственно и в многоместных спальных помещениях в общежитиях ИУ. Однако при этом такое размещение не должно унижать человеческое достоинство и, насколько это возможно, соблюдать их право на личную жизнь, соответствовать общепринятым стандартам здоровья и гигиены. ЕПП определили, что минимумом жилой площади на 1 человека в общих жилых помещениях является 4 кв. м, а в тюремной камере – 6 кв. м.

Принципиально новым является положение об освещении помещений, где содержатся, работают или отправляют религиозные обряды осужденные. Окна должны быть достаточного размера, чтобы создавать условия для чтения или работы при натуральном освещении. Искусственное освещение должно соответствовать принятым стандартам.

Каждый заключенный (осужденный) обеспечивается отдельной кроватью и индивидуальными постельными принадлежностями, которые содержатся в надлежащем порядке и хорошем состоянии и обновляются так часто, как это необходимо для поддержания чистоты. В данном правиле в постельные принадлежности обязательно входит матрац для каждого лица, отбывающего наказание.

5. В области медицинского обслуживания осужденных новые ЕПП устанавливают правило, согласно которому заключенные должны получать медицинскую помощь, аналогичную медицинской помощи свободным гражданам, без какой-либо дискриминации. При этом организация медицинского обслуживания должна осуществляться в тесном контакте с администрацией службы здравоохранения в стране. Тем самым ЕПП не исключают возможность существования медицинского персонала, входящего в тюремный персонал. Европейский правила возлагают на врачей сбор информации о количестве и качестве пищи и воды, состоянии гигиены и чистоты учреждения и заключенных, состоянии чистоты одежды и постельных принадлежностей заключенных, систем канализации и водопровода, отопления, освещения и вентиляции.

6. Новые ЕПП установили определенные требования к руководству и персоналу МЛС. ИУ должны быть подведомственны органам государственной власти, служба в них не должна иметь отношения к армии, полиции, уголовному розыску. При этом, хоть тюремный персонал и имеет гражданский статус, сама по себе тюремная система остается дисциплинированной и иерархической организацией. В интересах обеих сторон – персонала и осужденных – тюрьмы (ИУ) должны быть хорошо управляемыми учреждениями. Это гораздо более вероятно, если работа учреждений основана на дисциплине. Все это не исклю-

чает существования в системе исполнения наказаний особого вида государственной службы – службы в правоохранительных органах.

Кроме того, персонал тюремной службы должен быть тщательно отобран, качественно подготовлен (как на начальном этапе, так и впоследствии), получать зарплату на уровне профессионального работника и иметь статус, пользующийся уважением в гражданском обществе. Новые ЕПП рекомендуют перед назначением на любую вышестоящую должность проходить курсы общей и специальной переподготовки, а также повышать свою квалификацию на всем протяжении службы.

В связи с этим требуется реализация в полной мере тех положений Правил, которые направлены на повышение престижности службы в уголовно-исполнительной системе, стимулирование труда сотрудников, их подбор, обучение, социальную защиту и т. д.

7. Содержащаяся в п. 107.4 ЕПП ссылка на различные учреждения включает в себя создание службы пробации, так как в случаях, когда заключенные (осужденные) освобождаются досрочно, сотрудничество с учреждением, ответственным за надзор за соблюдением условий освобождения, играет особо важную роль. Однако таких служб в Республике Беларусь, к сожалению, нет.

В связи с этим, целесообразно при убытии осужденных из МЛС, с целью продолжения его ресоциализации и социальной адаптации в условиях свободы, администрацией ИУ на каждого освобождающегося подготавливать *итоговое заключение* (независимо от основания освобождения), в котором будет отражаться следующая информация: установочные криминологические данные, типологическая принадлежность, мотивы совершения преступления, общая направленность, достигнутые изменения в мотивационной сфере и психологических чертах личности, итоги усвоения исправительных программ, степень исправления перед освобождением из ИУ, намерения после освобождения, уровень ресоциализации и социальной адаптации, медицинская характеристика (освидетельствование), трудовое и бытовое устройство, наличие (отсутствие) паспорта. Такие сведения позволят сотрудникам ОВД более качественно проводить ресоциализационную работу с освобожденным гражданином.

Следует отметить, что после освобождения из ИУ качество ресоциализации и социальной адаптации осужденного оставляет желать лучшего, и уголовно-исполнительные инспекции не выполняют в должной мере и объеме эти актуальные задачи.

Наиболее оптимальным решением реализации п. 107.4 ЕПП в части продолжения социальной адаптации освобожденного из ИУ гражданина было бы именно введение государственной службы пробации. В это учреждение следует направлять и вышеуказанные итоговые заключения ИУ на каждого освобождающегося гражданина. Данные службы, подчиненные Министерству юстиции, созданы и работают в США, странах Европы (в т. ч. странах Прибалтики). Основными направлениями работы данной государствен-

ной организации являются развитие и реализация политики исполняемых в обществе уголовных наказаний, а также оказание помощи лицам, освобожденным из МЛС. Для достижения этих целей и эффективного использования государственных ресурсов, служба определяет уровень риска и нужд освобожденных и организует мероприятия по профилактике и предупреждению совершения ими новых преступлений.

К основным функциям этой службы относятся: предоставление досудебных докладов суду и прокурорам, а также помощь гражданам, освобожденным из МЛС; разработка и реализация пробационных программ (коррекция социального поведения и жизненной мотивации, социальная реабилитация), направленных на интеграцию освобожденного из ИУ в социум; осуществление надзора за лицами условно-досрочно освобожденными, условно осужденными и условно освобожденными от уголовной ответственности и др.

Администрации ИУ направляют в эту службу краткие резюме на каждого освобожденного (независимо от основания убытия) с целью информирования о достигнутом им уровне реинтеграции в общество, а также продолжения проведения с гражданином ресоциализационной работы в условиях свободы. Другими словами, взаимодействуя друг с другом, администрация ИУ и служба пробации не позволяют «потеряться» освобожденному лицу и остаться один на один со своими проблемами и трудностями.

Таким образом, современные стандарты в сфере ресоциализации и социальной адаптации осужденных в МЛС, основой которых являются положения международных нормативных правовых актов, требуют серьезных изменений в организации и состоянии исправительного процесса в ИУ. На решение этих вопросов направлены две Концепции: Концепция совершенствования законодательства Республики Беларусь (2002 г.) и Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения (2010 г.) [2–4].

Приведение ресоциализационных начал в соответствие с ЕПП (в рамках двух Концепций) позволят:

– повысить эффективность исполнения целей уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в части, касающейся применения наказаний в виде лишения свободы: исправление и ресоциализацию осужденных; формирование у них готовности вести правопослушный образ жизни в условиях свободы; предупреждение совершения преступлений как отбывающими наказание, так и другими лицами;

– упорядочить правоотношения в сфере постпенитенциарной социальной адаптации освобожденных из МЛС;

– прогнозировать поведение освобождаемого (освобожденного) из МЛС в вопросе предупреждения и профилактики совершения им нового преступления.

Список использованных источников

1. Европейские пенитенциарные правила Rec (2006) 2. Комментарий к тексту. – Донецк. – «Донецкий мемориал», 2007. – 68 с.

2. Хомич, В.М. Отчет национального эксперта в области применения уголовных санкций / В.М. Хомич // Рекомендации по более широкому применению международных стандартов в области прав человека в процессе отправления правосудия в Республике Беларусь (Программа развития ООН (ПРООН). – Минск: Рэйплац, 2009. – С. 265–292.

3. О Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 10 апр. 2002 г., № 205 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – № 1/3636.

4. Об утверждении Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения: Указ Президента Респ. Беларусь, 23 дек. 2010 г., № 672 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 1/12207.

Дата поступления статьи – 19.10.2011.

Своевременной и важной помощью является создание международной правовой базы, позволяющей унифицировать национальное законодательство с целью выполнения общепризнанных стандартов исполнения наказания и обращения с правонарушителями (осужденными). Именно в этом смысле следует рассматривать принятие новых Европейских пенитенциарных правил (2006 г.). Пересмотр пенитенциарных правил был вызван эволюционными изменениями в современном обществе, уголовной и уголовно-исполнительной политике европейских государств, в практике вынесения приговоров и деятельности пенитенциарных учреждений.

The duly and important help is the creation of the international legal base, allowing to unify the national legislation with the purpose to follow the conventional standards of effecting the punishment and conduct with the offenders. Particularly in this sense it is necessary to consider the acceptance of the new European penitentiary rules (2006). Revision of the penitentiary rules has been motivated by the evolutionary changes in the modern society, by the criminal and penitentiary policy of the European states, as well as by the practice of passing sentences and by the activity of penitentiary establishments.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ФОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПРОКУРАТУРЫ УКРАИНЫ В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ДЕТЕЙ

Лесовая Н.В., Попов Г.В.

В преамбуле к Декларации прав ребенка от 20 ноября 1959 г. закреплено, что Генеральная Ассамблея провозглашает настоящую Декларацию прав ребенка с целью обеспечить детям счастливое детство и пользование, на их собственное благо и на благо общества, правами и свободами, которые здесь предусмотрены, и призывает родителей, мужчин и женщин как отдельных лиц, а также добровольные организации, местные власти и национальные правительства к тому, чтобы они признали и старались соблюдать эти права путем законодательных и других мер, постепенно принимаемых в соответствии с принципами, закрепленными в Декларации [1].

Кроме того, ч. 3 ст. 51 Конституции Украины предусмотрено: семья, детство, материнство и отцовство охраняются государством [2].

Необходимо отметить, что важная роль в сфере защиты прав и свобод детей в Украине отведена органам прокуратуры. Соответственно исследование отдельных аспектов правового регулирования и форм международного сотрудничества органов прокуратуры нашей страны в контексте защиты прав и свобод детей имеет важное как теоретическое, так и практическое значение, поскольку его результаты позволят сформировать целостную картину о системе правовых норм, регулирующих вопросы, связанные с международным сотрудничеством в упомянутой выше сфере общественных отношений, и вытекающих из норм национального и международного права формах такого сотрудничества.

Проблемы международного взаимодействия всегда находились в центре внимания ученых. В частности, отдельные их аспекты в свое время исследовали: Р. Баранник, Ю. Деркаченко, О. Проценко, В. Мироненко, Л. Кинащук, Н. Плахотнюк, О. Темченко, К. Ткач, Х. Лысенко и другие ученые.

При изучении особенностей международного сотрудничества в сфере защиты прав и свобод детей использовался сравнительно-правовой метод – для сравнительного анализа международных нормативно-правовых актов. Объектом же исследования выступают общественные отношения в сфере международного сотрудничества в контексте защиты прав и свобод детей.

На данный момент можно констатировать, что вопросы международного сотрудничества органов прокуратуры Украины в контексте защиты прав и свобод детей в полной мере не исследованы.

Необходимо подчеркнуть, что в соответствии со ст. 4 Закона Украины «О прокуратуре» деятельность органов прокуратуры направлена на всемерное утверждение верховенства закона, укрепление правопорядка и имеет своей целью защиту от неправомерных посяганий на [3]:

1) закрепленные Конституцией Украины независимость республики, общественный и государственный строй, политическую и экономическую системы, права национальных групп и территориальных образований;

2) гарантированные Конституцией, иными законами и международными правовыми актами социально-экономические, политические, личные права и свободы человека и гражданина;

3) основы демократического строя государственной власти, правовой статус местных Советов, органов самоорганизации населения.

В соответствии с п. 1.1 приказа Генерального прокурора Украины № 3/1 гн «Об особенностях правозащитной деятельности органов прокуратуры по защите прав и свобод детей» от 21 июня 2011 г. прокуроры всех уровней обязаны в ходе организации и проведения надзорных проверок основное внимание обращать на:

– защиту прав и свобод детей, гарантированных Конституцией и законами Украины, Конвенцией ООН о правах ребенка;

– соблюдение законов в деятельности центральных и местных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления и правоохранительных органов, на которые возложена обязанность по защите прав детей, а также в специальных учреждениях для детей;

– профилактику правонарушений и беспризорности, координацию деятельности по борьбе с преступностью в подростковой среде;

– соблюдение законов при производстве дознания и досудебного следствия по уголовным делам по преступлениям, а также общественно опасным деяниям, совершенных подростками и детьми, против них, а также при рассмотрении этой категории дел в судах;

– представительство интересов детей в судах.

В процессе выполнения задач, возложенных на органы прокуратуры, вероятно возникновение ситуаций, при которых существенную помощь в успешной защите прав и свобод детей могут оказать компетентные органы зарубежных стран в контексте международного сотрудничества. Так, последнее включает предоставление правовой помощи, под которой понимается сформировавшаяся в международных отношениях система нормативных и организационно-правовых средств, используемых при сотрудничестве государств в области взаимного оказания помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, требующим совершения процессуальных действий на территории более чем одной страны [4, с. 465].

Говоря о международном сотрудничестве, следует особое внимание обратить на национальные и международные нормативно-правовые основы этой деятельности. Так, в соответствии со ст. 9 Конституции Украины действующие международные договоры, согласие на обязательность которых дано Верховной Радой Украины, являются частью национального законодательства Украины.

Необходимо отметить, что, например, в соответствии с ч. 2 ст. 3 Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. государства-участники обязу-

ются обеспечить ребенку такую защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия, принимая во внимание права и обязанности его родителей, опекунов или других лиц, несущих за него ответственность по закону, и с этой целью принимают все соответствующие законодательные, а также административные меры [5].

На урегулирование отдельных вопросов международного сотрудничества направлена и Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г., в соответствии со ст. 4 которой учреждения юстиции Договаривающихся Сторон оказывают правовую помощь по гражданским, семейным и уголовным делам в соответствии с положениями настоящей Конвенции [6].

Учреждения юстиции оказывают правовую помощь и другим учреждениям по делам, указанным в предыдущем пункте настоящей статьи.

Специальным же международным актом, регулирующим вопросы международного сотрудничества в сфере защиты прав и свобод детей, поистине следует считать Соглашение о сотрудничестве генеральных прокуратур (прокуратур) государств – участников Содружества Независимых Государств в сфере защиты прав и законных интересов несовершеннолетних от 25 мая 2066 г. (далее – Соглашение). Так, в соответствии со ст. 1 указанного акта стороны, руководствуясь национальным законодательством, международными обязательствами государств – участников Содружества Независимых Государств и настоящим Соглашением, в пределах своей компетенции осуществляют сотрудничество в целях защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, разработки согласованной стратегии и совместных мер в этой сфере [7]. В тексте приведенной статьи особо отмечено, что настоящее Соглашение не затрагивает вопросов оказания правовой помощи по уголовным делам и выдачи правонарушителей.

Следует отметить, что в Соглашении также определены следующие формы сотрудничества:

1) обмен статистической, научно-методической и иной информацией в сфере защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, в том числе о:

– практике работы органов прокуратуры в сфере защиты прав и законных интересов несовершеннолетних;

– практике законодательного и иного нормативно – правового регулирования прав и законных интересов несовершеннолетних;

– несовершеннолетних гражданах государств – участников Содружества Независимых Государств, выехавших за пределы государства их происхождения либо постоянного проживания в нарушение требований законодательства о въезде и выезде граждан;

– несовершеннолетних гражданах государств-участников Содружества Независимых Государств, незаконно пребывающих на территории государства одной из Сторон и не имеющих законных представителей;

– преступлениях транснационального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних;

2) разработка и принятие согласованных мер в целях повышения эффективности прокурорского реагирования на нарушения законодательства о правах и законных интересах несовершеннолетних;

3) проведение совместных научных исследований в сфере защиты прав и законных интересов несовершеннолетних.

Кроме того, в Соглашении содержатся требования к оформлению запроса об оказании содействия и о порядке его выполнения.

Нецелесообразно оставлять вне поля зрения и двусторонние соглашения, нормы которых также регулируют вопросы международного сотрудничества органов прокуратуры. К таким актам, например, можно отнести Соглашение о сотрудничестве между Генеральной прокуратурой Украины и Генеральной прокуратурой Республики Беларусь от 18 мая 2010 г., где в ст. 2 закреплено, что стороны осуществляют взаимодействие в следующих основных направлениях [8]:

– обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина;

– борьба с преступностью, в том числе в организованных формах, терроризмом, коррупцией, торговлей людьми и органами человека, незаконным оборотом оружия, наркотических средств и психотропных веществ, преступлениями в сфере экономики и высоких технологий (киберпреступностью), а также иными видами преступлений, представляющими повышенную опасность для общества;

– организация и обеспечение исполнения международных договоров о выдаче правонарушителей, оказание правовой помощи и налаживание правовых отношений по уголовным делам;

– пересылка материалов прокурорской деятельности, в том числе архивных;

– подготовка и повышение квалификации кадров для органов и учреждений прокуратуры;

– научно-исследовательская деятельность по вопросам, представляющим взаимный интерес.

В отдельном пункте этого документа содержится положение, определяющее, что взаимодействие по вопросам выдачи правонарушителей и предоставление помощи по уголовным делам осуществляются в порядке, предусмотренном международными договорами, участниками которых является Украина и Республика Беларусь.

Исследуя вопросы международного сотрудничества, отметим, что на непосредственное урегулирование такой деятельности в уголовно-правовой сфере направлена, например, Европейская конвенция о выдаче правонарушителей от 13 декабря 1957 г., а также нормы уже упомянутой выше Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. [9].

Кроме того, на урегулирование отдельных вопросов международного сотрудничества в уголовно-правовой сфере направлен и отраслевой приказ Генерального прокурора Украины от 5 мая 2011 г. № 8 «Об организации ра-

боты органов прокуратуры Украины в сфере международного сотрудничества и правовой помощи по уголовным делам», а также Инструкция о порядке подготовки, передачи и выполнения органами прокуратуры Украины обращений о правовой помощи по уголовным делам, касающимся исполнения процессуальных действий и передачи уголовного преследования. Так, в п. 1 указанного приказа закреплено, что международное сотрудничество и предоставление правовой помощи по уголовным делам осуществляются органами прокуратуры Украины в соответствии с Конституцией Украины, действующим законодательством и международными договорами Украины, а также на бездоговорной основе в случаях, когда для надлежащей реализации задач и функций прокуратуры необходимо применение норм международного права или взаимодействие с иностранными государственными учреждениями либо организациями. В процессе международного сотрудничества и предоставлении правовой помощи органы прокуратуры Украины должны придерживаться принципов взаимного уважения к национальному суверенитету и правам человека, добросовестного выполнения обязательств и невмешательства во внутренние дела иностранных государств.

Основываясь на положениях, закрепленных в упомянутых актах, приходим к выводу о том, что такое международное сотрудничество может осуществляться как в уголовно-правовой, так и вне уголовно-правовой сферы. Например, международное сотрудничество органов прокуратуры Украины вне уголовно-правовой сферы может быть актуальным в случае усыновления ребенка иностранными гражданами.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что международное сотрудничество в исследуемой сфере можно условно разделить на виды в зависимости от:

– общественных отношений, в контексте которых предоставляется международная помощь: в уголовно-правовой и вне уголовно-правовой сферы;

– содержания деятельности, осуществляемой в контексте международного сотрудничества. В свою очередь ее можно разделить на: информационную, научно-образовательную и практическую (например, выполнение отдельных процессуальных действий при расследовании уголовных дел).

Также представляется возможным нормативно-правовые акты, регулирующие международное сотрудничество органов прокуратуры, распределить на акты общего и специального действия.

Таким образом, систему правовых основ международного сотрудничества органов прокуратуры Украины в контексте защиты прав и свобод детей, по нашему мнению, составляют:

– Конституция Украины;

– акты международного права;

– ведомственные акты, в частности, приказы Генерального прокурора Украины.

Нормативную же базу, направленную на урегулирование вопросов международного сотрудничества в сфере защиты прав и свобод детей, непо-

средственно составляют: Декларация прав ребенка от 20 ноября 1959 г., Конвенция ООН «О правах ребенка» от 20 ноября 1989 г., Соглашение о сотрудничестве генеральных прокуратур (прокуратур) государств – участников Содружества Независимых Государств в сфере защиты прав и законных интересов несовершеннолетних от 25 мая 2006 г., отраслевой приказ Генерального прокурора Украины от 5 мая 2011 г. № 8 «Об организации работы органов прокуратуры Украины в сфере международного сотрудничества и правовой помощи по уголовным делам», а также Инструкция о порядке подготовки, передачи и выполнения органами прокуратуры Украины обращений о правовой помощи по уголовным делам относительно исполнения процессуальных действий и передачи уголовного преследования.

К сожалению, объем статьи не позволяет более детально исследовать всю систему нормативно-правовых актов, составляющих правовую основу международного сотрудничества органов прокуратуры по защите прав и свобод детей в различных сферах общественных отношений. Однако наиболее значимым нормам указанных актов, все же уделено достаточное внимание, что, несомненно, поспособствует организации международного взаимодействия соответствующих государственных институций.

Список использованных источников

1. Декларации прав ребенка от 20 ноября 1959 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=995_384.

2. Конституция Украины от 28 июня 1996 г. // Ведомости Верховной Рады Украины. – 1996. – № 30. – Ст. 141.

3. О прокуратуре: закон Украины от 5 ноября 1991 г. № 1789 – XII // Ведомости Верховной Рады Украины. – 1991. – № 53. – Ст. 793 (с изменениями и дополнениями).

4. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 704 с.

5. Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=995_021.

6. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=997_009.

7. Соглашение о сотрудничестве генеральных прокуратур (прокуратур) государств – участников Содружества Независимых Государств в сфере защиты прав и законных интересов несовершеннолетних от 25 мая 2066 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gp.gov.ua/ua/file_downloader.html?_m=fslib&_t=fsfile&_c=download&file_id=84340.

8. Соглашение о сотрудничестве между Генеральной прокуратурой Украины и Генеральной прокуратурой Республики Беларусь от 18 мая 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gp.gov.ua/ua/file_downloader.html?_m=fslib&_t=fsfile&_c=download&file_ id=160621.

9. Европейская конвенция о выдаче правонарушителей от 13 декабря 1957 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg =995_033

Дата поступления статьи – 20.07.2011.

В статье исследуются особенности правового регулирования международного сотрудничества прокуратуры Украины в контексте защиты прав и свобод детей. На основе анализа норм Соглашения о сотрудничестве генеральных прокуратур (прокуратур) государств – участников Содружества Независимых Государств в сфере защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, Соглашения о сотрудничестве между Генеральной прокуратурой Украины и Генеральной прокуратурой Республики Беларусь, а также отраслевого приказа Генерального прокурора Украины от 5 мая 2011 г. № 8 «Об организации работы органов прокуратуры Украины в сфере международного сотрудничества и правовой помощи по уголовным делам» сделан вывод о формах международного сотрудничества органов прокуратуры.

The peculiarities of legal regulation of prosecutor's office international cooperation concerning the protection of children rights and freedoms are researched in the article. The conclusion about the forms of international cooperation of prosecutor's offices of Ukraine are made on the basis of the Agreement of prosecutor's offices cooperation of Commonwealth of Independent States members, Agreement of cooperation between General prosecutor's office of Ukraine and General prosecutor's office of Belarus and the order of Prosecutor-General of Ukraine "About the organization of prosecutor's office activity on international cooperation and legal assistance on criminal cases"

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА – НЕОБХОДИМЫЕ МЕРЫ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ КОРРУПЦИИ

Полящук Н.А.

Преодоление коррупции требует применения системных мер, среди которых одно из основных мест занимает механизм преодоления коррупциогенности правовых актов. Дело в том, что правовые акты определяют правовые статусы, режимы и социально-правовые роли всех субъектов права и регламентируют практически все сферы общественных отношений. В свою очередь, отступление от норм права, нарушение правовых предписаний, их корыстное истолкование и использование могут служить причиной для совершения коррупционных преступлений. Таким образом, органами государственной власти достаточно активно создаются организационные и правовые механизмы противодействия коррупции. К числу таких механизмов, без сомнения, можно отнести криминологическую экспертизу проектов нормативных правовых актов и криминологический мониторинг.

Принимая во внимание, что коррупция представляет собой весьма сложное социально-экономическое явление, представляющее реальную угрозу поступательному развитию общества, наличие четкого представления о ее уровне, эффективности предпринимаемых властями мер по борьбе с ней и ее предупреждению, является важнейшим условием формирования государственной антикоррупционной политики. Поэтому организация и проведение криминологического мониторинга законодательства и криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов на сегодняшний день является важной задачей, решение которой требуется для качественного обеспечения развернутой государственной политики в сфере профилактики преступлений в целом и противодействия коррупции в частности в любом государстве.

Законодательство Республики Беларусь содержит достаточное количество нормативных правовых актов, нормы которых ориентированы на противодействие коррупции. Особое место в системе национального антикоррупционного законодательства занимает Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» [1]. В преамбуле Закона закреплено, что он направлен на обеспечение эффективной деятельности государственных органов, иных организаций, государственных должностных и приравненных к ним лиц путем *предупреждения,*

выявления, *пресечения правонарушений,* создающих условия для коррупции, и коррупционных правонарушений, устранения их последствий.

Ст. 5 Закона, определяющая систему мер борьбы с коррупцией, предусматривает, наряду с другими мерами, проведение *криминологических исследований* коррупционной преступности в целях *ее оценки и прогноза* для выявления предпосылок и причин коррупции и своевременного *принятия эффективных мер по ее предупреждению и профилактике*. Однако глава 3 Закона, посвященная предупреждению коррупции, не предусматривает проведение криминологической экспертизы и криминологического мониторинга законодательства. Да и в целом в Законе «О борьбе с коррупцией» непосредственно криминологический мониторинг *законодательства* и криминологическая экспертиза проектов нормативных правовых актов как таковые не закреплены.

Если обратиться к иным актам в рассматриваемой сфере, то в Государственной программе по борьбе с преступностью и коррупцией на 2010–2012 гг., утвержденной Указом Президента Республики Беларусь, в главе 1 в качестве задач программы определены:

– обеспечение эффективного функционирования и качественного совершенствования системы *профилактики и противодействия* преступности и *коррупции*;

– дальнейшее *развитие правовой основы деятельности в сфере профилактики* и противодействия преступности и *коррупции*;

– обеспечение скоординированной деятельности государственных и общественных структур в сфере *профилактики* и противодействия преступности и *коррупции*;

– осуществление *системного социально-правового контроля* преступности и *коррупции*, в том числе в целях предотвращения резких негативных изменений их структуры, создающих угрозу национальной безопасности [2].

Более конкретные положения закреплены в Приложении Государственной программы по борьбе с преступностью и коррупцией на 2010–2012 гг., где в рамках организационно-практических мероприятий в п. 2.1. предусмотрена необходимость организации системы постоянного мониторинга криминогенной ситуации и принятых мерах по ее улучшению, включающей анализ и оценку состояния и динамики преступности, проявления коррупции и иных форм антиобщественного поведения, а также результатов деятельности субъектов профилактики правонарушений [2].

Учитывая изложенное, можно утверждать, что вопросы, связанные с проведением мониторинга, в некоторой степени Государственной программой затрагиваются. Однако, как и в Законе «О борьбе с коррупцией», именно криминологический мониторинг *законодательства* и криминологическая экспертиза проектов нормативных правовых актов как таковые не обозначены.

Принимая во внимание, что в последние годы антикоррупционное законодательство претерпело качественные изменения, криминологическая составляющая мониторинга коррупции также нуждается в совершенствовании.

Очевидно, что предусмотреть абсолютно все меры, направленные на профилактику и противодействие преступности и коррупции не всегда представляется возможным, однако, по нашему мнению, криминологический мониторинг законодательства и криминологическая экспертиза проектов нормативных правовых актов могли бы стать одними из эффективных средств предупреждения коррупционных проявлений, что в свою очередь, позволило бы реализовать одну из задач Государственной программы по борьбе с преступностью и коррупцией, связанную с дальнейшим *развитием правовой основы деятельности в сфере профилактики* и противодействия преступности и *коррупции*.

Дело в том, что итогом криминологического мониторинга является получение достоверных данных, характеризующих состояние коррупции и борьбы с ней на различных уровнях, соответствие имеющегося антикоррупционного законодательства задачам минимизации этого явления. Криминологический мониторинг должен ставить своего рода «диагноз» и обеспечивать необходимые предпосылки для последующей выработки уполномоченными органами необходимых мер по повышению эффективности законодательства и корректировке правоприменительной практики в сфере противодействия коррупции [3, с. 60]. С этой точки зрения криминологический мониторинг законодательства может рассматриваться в качестве одной из мер профилактики коррупционных преступлений.

Следует отметить, что в Законе Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» [4], возглавляющем систему законодательства в области профилактики правонарушений, среди мер общей профилактики правонарушений, представленных в главе 3 Закона, статья 22, предусматривающая «иные основные меры общей профилактики правонарушений», наряду с другими мерами определяет проведение *криминологической экспертизы* проектов нормативных правовых актов в случаях и порядке, установленных Президентом Республики Беларусь. Но о криминологическом мониторинге, как видно, речь не идет.

Несомненно, сердцевину криминологического мониторинга законодательства составляет криминологическая экспертиза, и в предупреждении коррупции ее роль весьма велика. В настоящее время она рассматривается в качестве эффективного средства антикриминогенного совершенствования законодательства и представляет собой инновационную и развивающуюся деятельность, уже являясь значимым звеном нормотворческого процесса Республики Беларусь. Институт криминологической экспертизы в Республике Беларусь закреплен Законом Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» [5] и был введен в действие Указом Президента Республики Беларусь «О криминологической экспертизе» от 29 мая 2007 г. № 244 [6]. Данный указ был издан в целях дальнейшего совершенствования системы мер по предупреждению преступности и создания надлежащих условий для прогнозирования возможных криминогенных последствий принятия (издания) правовых актов. В настоящее время действует

еще один Указ Президента Республики Беларусь «О мерах по совершенствованию криминологической экспертизы» от 6 июня 2011 г. № 230 [7], который также направлен на предотвращение возможных криминогенных последствий принятия (издания) правовых актов, обеспечения их эффективного влияния на укрепление законности и правопорядка.

Криминологическая экспертиза позволяет выявить в проектах нормативных правовых актов, предлагаемых к принятию (а в отдельных случаях по решению Президента Республики Беларусь, Администрации Президента Республики Беларусь, Генеральной прокуратуры и уже ранее принятых (изданных) правовых актов [7]) те положения, которые создают условия для возможных коррупционных правонарушений. Очевидно, что некоторые недостатки нормативных правовых актов и дефекты правовых норм и конструкций могут играть роль непосредственных причин девиантного, в том числе, преступного поведения. Если добиться такой ситуации, когда законы будут четкими, понятными, однозначными при применении, то маневр для тех, кто склонен к коррупционным правонарушениям, будет чрезвычайно сужен, а, может быть, в некоторых ситуациях и вовсе невозможен.

Закономерным дополнением и качественным развитием криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов, по нашему мнению, является криминологический мониторинг законодательства, поскольку проведения одной лишь криминологической экспертизы не всегда бывает достаточным. Проведение экспертизы актов на основе анализа коррупциогенных факторов облегчается при систематическом правовом мониторинге и контроле, когда выявляются отклонения фактических действий от нормативных моделей.

Юридическая наука непосредственно к проблемам правового мониторинга обратилась сравнительно недавно. Тем не менее, следует отметить, что вопросам оценки эффективности правовых норм юристы уделяли должное внимание еще с советских времен. В числе ученых, которые занимаются этими проблемами, необходимо упомянуть И.Л. Бачило, В.В. Глазырина, Д.Б. Горохова, Ю.А. Тихомирова, Н.Н. Толмачеву, Е.В. Черепанову, Н.Н. Черногора и др.

В юридической науке существуют различные подходы к определению понятия мониторинга в правовой сфере. Исследователи предлагают термины «правовой мониторинг», «мониторинг закона», «мониторинг правового пространства», «мониторинг нормативных актов», «мониторинг законодательства и правоприменительной практики», «мониторинг правового поля» и др. [8, с. 56]. При всем многообразии терминов в целом сущность такого мониторинга видится учеными и практиками в целом одинаково: оценка качества нормативно-правовой основы регулирования общественных отношений и ее практической реализации в ходе правоприменительной деятельности с целью установления соотношения заложенных целей правового регулирования и достигнутых результатов.

Большинству авторов оптимальным представляется использование термина «правовой мониторинг», так как данная формулировка не ограничивает пределов мониторинговой деятельности по объекту (нормативный акт, правоприменительная практика), не используя при этом абстрактные понятия (правовое пространство, правовое поле). В свою очередь, прилагательное «правовой» в данном случае акцентирует внимание на сфере осуществления мониторинга, его «специализации» (в отличие от финансового, экологического и иных видов мониторинга).

Исходя из сказанного, правовой мониторинг рассматривают как методически обоснованную комплексную систематическую деятельность уполномоченных субъектов по наблюдению, анализу, оценке качества правовых норм и практики их применения на предмет достижения заложенных в них целей и планируемых результатов правового регулирования общественных отношений, а также по прогнозированию путей совершенствования нормотворческой и правоприменительной деятельности и профилактике правонарушений.

Однако, как видно из определений, речь идет о правовом мониторинге в целом, в то время как объектом представленного исследования является именно криминологический мониторинг законодательства. По нашему мнению, понятие криминологического мониторинга несколько уже правового мониторинга. Под правовым мониторингом следует понимать комплексную работу по системной оценке состояния законодательства на всех этапах его и создания, и применения. Понятие «правовой мониторинг» охватывает собой такие стадии юридической деятельности, как правотворческий процесс, оценка качества действующих нормативных правовых актов, правоприменительный процесс. Что касается криминологического мониторинга, то его содержание складывается из трех составляющих направлений: наблюдение, оценка и анализ состояния дел, *связанных с рисками криминогенного характера*, на предмет выявления и устранения правовых детерминант преступности (в том числе и в сфере противодействия коррупции). Иначе говоря, правовой мониторинг включает не только риски криминогенного характера, но и в целом недостатки законодательства, касающиеся несовершенства (дефектов) нормативных правовых актов, и недостатки юридической техники.

Анализ определений различных видов мониторинга показал, что наиболее оптимальным является определение криминологического мониторинга, предложенное О.В. Русецким, в соответствии с которым криминологический мониторинг законодательства представляет собой государственную систему наблюдения за социально-правовыми процессами и явлениями, связанными с реализацией правовых норм действующего законодательства и соответствующего анализа нормативных правовых актов на предмет выявления и устранения правовых детерминант преступности [9, с. 64].

Несмотря на отдельные разработки в данной сфере, следует отметить, что в настоящее время в Республике отсутствует нормативно-правовое регулирование организации и проведения криминологического мониторинга за-

конодательства (в отличие от криминологической экспертизы проектов правовых актов).

В современном законодательстве широко применяется тенденция регулирования организации в смысле процессуального оформления проведения тематических (функциональных) мониторингов в различных отраслях и сферах государственной деятельности. Так, отраслевые министерства предпринимают усилия по проведению мониторинга, соответствующего сферам их деятельности и интересам (Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды, Министерство по чрезвычайным ситуациям, Министерство экономики, Министерство здравоохранения, Министерство образования и ряд других). Однако фактически осуществляется мониторинг мероприятий по реализации конкретных задач, а не мониторинг законодательства.

Для того чтобы криминологический мониторинг законодательства наряду с криминологической экспертизой проектов нормативных правовых актов стал реальным средством профилактики правонарушений в целом и коррупционных в частности, возникает необходимость определения в законодательстве Республики Беларусь понятия криминологического мониторинга законодательства, его цели, принципов, стадий, методического обеспечения его проведения, полномочий его субъектов и участников, а также четкое закрепление статуса результатов криминологического мониторинга и их дальнейшего использования.

Таким образом, поскольку законодательство о криминологическом мониторинге отсутствует, то более конкретные предложения по созданию основ его нормативного регулирования могут выглядеть следующим образом:

1) необходимо разработать Положение о проведении криминологического мониторинга, которое может быть утверждено Указом Президента Республики Беларусь (по аналогии с Положением о порядке проведения криминологической экспертизы);

2) в Закон «О нормативных правовых актах» внести дополнение, касающееся нормативного (легального) определения понятия криминологического мониторинга законодательства и его проведения;

3) в Закон «О борьбе с коррупцией» внести дополнения, касающиеся осуществления криминологического мониторинга и криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов в качестве мер предупреждения коррупции;

4) в Закон «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» наряду с криминологической экспертизой проектов нормативных правовых актов к числу «иных основных мер общей профилактики правонарушений» отнести и криминологический мониторинг.

Таковы общие и некоторые детальные аспекты криминологического мониторинга законодательства и криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов, результаты которых смогут укрепить правовые и организационные основы проводимой в Республике Беларусь государственной политики противодействия коррупции.

Список использованных источников

1. О борьбе с коррупцией: Закон Респ. Беларусь, 20 июля 2006 г., № 165-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 14.06.2010, № 132-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

2. О Государственной программе по борьбе с преступностью и коррупцией на 2010–2012 годы: Указ Президента Респ. Беларусь, 23 сент. 2010 г., № 485: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 22.04.2011 г., № 173 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

3. Стороженко, И.В. Методологические основы антикоррупционного мониторинга в криминологическом значении / И.В. Стороженко // Российская юстиция. – 2010. – № 9. – С. 56–60.

4. Об основах деятельности по профилактике правонарушений: Закон Респ. Беларусь, 10 ноября 2008 г. № 453-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 28.12.2009, № 78-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

5. О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361–З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 02.07.2009, № 31-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

6. О криминологической экспертизе: Указ Президента Респ. Беларусь, 29 мая 2007 г., № 244: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 06.06.2011 г., № 230 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

7. О мерах по совершенствованию криминологической экспертизы: Указ Президента Респ. Беларусь, 6 июня 2011 г., № 230 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

8. Алексеев, А.Н. К вопросу о понятии и сущности правового мониторинга / А.Н. Алексеев // Юридический мир. – 2009.– № 11. – С. 50–56.

9.Русецкий, О.В. Криминологический мониторинг как средство совершенствования законодательства Республики Беларусь / О.В. Русецкий // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр.; редкол.: В.М. Хомич [и др.]; Науч. практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь. – Минск: БГУФК, 2009. – С. 61–68.

Дата поступления статьи – 14.10.2011.

В статье представлены акты, содержащие положения о противодействии коррупции в Республике Беларусь; определено место криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов и криминологического мониторинга законодательства в системе мер по предупреждению и профилактике коррупции; обозначены правовые аспекты криминологической экспертизы; определено понятие криминологического мониторинга законодательства; сформулированы предло-

жения по созданию основ нормативного регулирования криминологического мониторинга законодательства в Республике Беларусь.

The article presents the acts, containing positions about counteraction of corruption in the Republic of Belarus; the place of criminological examination of drafts of legal acts and criminological monitoring of the legislation in the system of measures under the prevention and corruption preventive maintenance is defined; legal aspects of criminological examinations are designated; the concept of criminological monitoring of the legislation is defined; the offers on creation of bases of normative regulation of criminological monitoring of the legislation in the Republic of Belarus are formulated.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ПРОБЛЕМ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ВОПРОСУ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ КОНЦЕПЦИИ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ И ИНЫХ МЕР УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

1. Общие положения реализации методических рекомендаций при назначении наказаний и иных мер уголовной ответственности в контексте задач, поставленных Концепцией

1.1. Следует исходить из того, что назначение наказания или иной меры уголовной ответственности лицу, осуждаемому за совершение конкретного преступления, – это может быть прерогатива суда, который несет ответственность за обоснованность, законность, справедливость избранной осужденному меры уголовной ответственности, в том числе за ее социальную целесообразность, экономичность (практичность) в достижении целей уголовной ответственности.

1.2. Прокурор (государственный обвинитель) должен этому содействовать, выражая свою позицию в рамках уголовного закона, требований общих начал назначения наказания, исходя из максимально эффективного применения соответствующего наказания для достижения целей уголовной ответственности.

1.3. Концепция не ориентирует на сугубо «коммерческий» подход относительно целесообразности назначения того или иного вида наказания либо иной меры уголовной ответственности, а лишь обязывает оптимизировать применение тех наказаний, которые более эффективны в карательном отношении и экономичны в социальном плане для государства с учетом характера совершенных преступлений и личности осуждаемых.

1.4. Следует также учитывать, что цена рецидива – совершение повторно преступления в течение срока судимости после отбытия соответствующего наказания – также разная: одно дело рецидив после исполнения штрафа или общественных (или исправительных) работ, другое дело – пенитенциарный рецидив (после отбытия лишения свободы) или ареста. При рецидиве в первом случае есть возможность рациональной корректировки применяемого наказания в сторону его ужесточения, во втором – она мизерна и в социальном, и в криминологическом аспектах.

1.5. Современная технология назначения наказания основана на двух подходах, которые изложены и в Концепции (при внимательном ее прочтении и должном уяснении):

1.5.1. по всему спектру **нетяжких** преступлений в максимально возможных случаях ориентироваться на применение наказаний и иных мер уголовной ответственности, не связанных с изоляцией осужденных от общества, сохраняя потенциал наказания в виде лишения свободы на «будущее» (с учетом возможности и степени прогноза рецидива со стороны обвиняемых, впервые совершивших преступление);

1.5.2. применение лишения свободы с реальным его отбыванием в отношении лиц, совершивших:

1.5.3. тяжкие и особо тяжкие преступления, в основном связанные с посягательством на жизнь и здоровье человека (людей);

1.5.4. тяжкие и особо тяжкие преступления экономического, служебного характера, исходя из необходимости нейтрализации криминальных устремлений, угрожающих экономической стабильности и безопасности (с учетом складывающейся криминальной ситуации в этой области и уровня латентности таких преступлений), в целях усиления общепредупредительной функции уголовного наказания;

1.5.5. преступления в состоянии общего (простого) рецидива, после отбывания наказания, не связанного, по общим правилам, с изоляцией осужденного от общества. В качестве промежуточного в этих случаях ориентироваться также на применение лишения свободы в рамках использования института отсрочки или условного неприменения данного наказания.

1.6. При реализации положений Концепции не должны подвергаться ревизии и пересмотру общие начала наказания (статьи 62, 70 и 116 УК) и цели реализации уголовной ответственности, в том числе и методами прокурорского надзора для достижения задач, поставленных Концепцией. В этой связи не следует руководствоваться при назначении того или иного наказания сугубо «коммерческими» интересами (экономичностью применения того или иного наказания), поскольку совершенно очевидно, что штраф экономичнее любого другого наказания. Но эффективно решать задачу предупреждения преступлений (цели уголовной ответственности) это наказание может далеко не во всех случаях, с учетом его экономичности и содержания материальной кары. При совершении тяжких и особо тяжких преступлений служебно-экономического характера по корыстным побуждениям, следует применять лишение свободы и штраф в качестве дополнительного наказания (вместо конфискации имущества), что возможно только после внесения соответствующих изменений в уголовный закон. Не следует в этих случаях надеяться на применение штрафа в качестве основного наказания, поскольку это существенно ослабит достижение целей как частного, так и общего предупреждения таких преступлений.

1.7. Концепция нацелена на повышение социальных составляющих применения отдельных видов наказания, при этом таких, которые:

– позволяют шире и эффективнее в плане реализации целей уголовной ответственности, с учетом общих начал назначения наказания, применять менее затратные уголовные санкции;

– нормализовать технологию назначения наказаний на принципах более глубокой дифференциации и индивидуализации назначения наказания и иных мер уголовной ответственности;

– применять принцип «пошаговой» системы назначения наказания, прежде всего, за преступления, не относящиеся к тяжким. Это заключается в том, что исходная позиция обвинителя должна основываться на применении менее строгого наказания с последующим пошаговым, на основе принципа индивидуализации, переходом к более строгому наказанию (с учетом отягчающих обстоятельств и степени криминальной и антиобщественной запущенности обвиняемого);

– при применении отсрочки исполнения наказания и условного неприменения наказания следует исходить из того, что это альтернативные меры уголовной ответственности **не только по отношению к лишению свободы, но и к другим видам наказания**. Это означает, что срок наказания в виде лишения свободы при применении данных форм реализации уголовной ответственности – это лишь знаковая (актуализированная) угроза обеспечения эффективного прохождения осужденным испытания в течение срока отсрочки (испытательного срока), исполнения осужденным возложенных на него обязанностей в целях самоисправления и его подтверждения .

1.8. Концепция ориентирует на более широкое применение штрафа, общественных работ, отсрочки исполнения наказания, условного неприменения наказания, то есть наказаний и мер уголовной ответственности, пока не ставших приоритетными и востребованными уголовной юстицией в той мере, как это возможно и необходимо с учетом типологии современной преступности, а также лиц, совершающих преступления.

При отсутствии рецидива преступлений ориентироваться, как правило, на применение указанных наказаний и мер уголовной ответственности.

2. Рекомендации по применению отдельных видов наказания и мер уголовной ответственности

По общественным работам

Соответствующие рекомендации по назначению наказания в виде общественных работ содержатся в разработанных НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь методических рекомендациях, которые направлены прокурорам (в сокращенном виде методические рекомендации опубликованы в журнале «Законность и правопорядок». – 2011. – № 2).

По штрафу

1. Штраф как основное наказание может применяться в случаях, когда это наказание предусмотрено санкцией статьи Особенной части УК или в порядке ст. 70 УК (при назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено законом).

2. В качестве дополнительного наказания – **только** в случаях, если это прямо предусмотрено санкцией статьи Особенной части УК. Не может назначаться штраф в качестве дополнительного наказания по усмотрению суда. Это общепринятое правовое требование, которое соблюдается большинством государств. Следовательно, расширение практики применения штрафа в качестве дополнительного наказания возможно только в порядке совершенствования санкций Особенной части УК.

3. Штраф по своему карательному воздействию в современных условиях поражает те стороны жизнедеятельности человека, которые все более становятся основополагающими для свободного самоопределения личности, ее свободы. Поэтому при адекватном его применении штраф является эффективной карательной мерой для предупреждения преступлений со стороны осужденных не только по преступлениям корыстной (корыстно-насильственной направленности), но и преступлений сугубо насильственного характера, не связанных с устойчиво-установочной агрессией. Обычно специалисты в области криминопеналогии рекомендуют в таких случаях назначать либо арест, либо штраф в зависимости от степени проявления агрессивности.

4. Штраф как мера наказания (мера кары за совершенные преступления) ущемляет права осужденного в разной степени в зависимости от материального положения виновного. Это основной **момент,** который всегда надо иметь в виду. Штраф, назначенный за одинаковые по тяжести преступления в одном и том же размере, причиняет разные материальные страдания для лиц с разным материальным положением. Поэтому технология применения штрафа в части определения его размера должна соответствовать принципу соответствия тяжести совершенного преступления и материальному положению виновного. К сожалению, отечественная система уголовной юстиции не придерживается этой технологии, что является основной причиной низкого уровня применения данного наказания и его реального исполнения.

5. Более широкое применение штрафа в соответствии с принципом индивидуализации предполагает:

5.1. учет при назначении наказания не только характера и степени общественной опасности совершенного преступления и лица, его совершившего, но и материального положения виновного. Только это позволит сделать адекватное заключение об обоснованности назначения штрафа и его размера, исполнимости данного наказания, как правило, на добровольных началах в течение месячного срока после вступления приговора в законную силу, а также прогноза принудительного исполнения штрафа в последующий период, в том числе посредствам обращения взыскания на имущество осужденного.

В этой связи заключение государственного обвинителя должно быть мотивировано посредством представления суду **справки-доклада** о материальном положении обвиняемого, его доходах – настоящих и предполагаемых. Копия такой справки-доклада должна оставаться (сохраняться) в материалах надзорного производства[1].

5.2. прокурорам следует отслеживать не только уровень надлежащего исполнения наказания в виде штрафа, но и уровень рецидива преступлений со стороны осужденных к данному наказанию, а также динамику совершения соответствующих преступлений, за которые в санкциях статей Особенной части УК предусмотрен штраф. Применительно к данному наказанию это важные показатели, позволяющие объективно оценить и подтвердить эффективность этого наказания, в том числе его социально-экономическую эффективность[2].

По аресту

Арест как уголовное наказание после его введения применялся в пределах 10–12 % к числу всех ежегодно осуждаемых. Отметим, что это достаточно высокий уровень применения данного наказания.

В соответствии с действующей системой видов наказаний (ст. 48 УК) арест является более строгим наказанием, чем исправительные работы и менее строгим, чем наказание в виде ограничения свободы, в том числе и без направления осужденного в исправительное учреждение открытого типа (далее – ИУОТ). Это означает, что наказание в виде ареста, хотя и связано напрямую с изоляцией осужденного от общества, тем не менее, не может рассматриваться как лишение свободы по своему содержанию и, главное, по своим функциональным задачам, которые оно должно решать в плане реализации целей уголовной ответственности. К сожалению, в правовом сознании правоприменителей не преодолено давно затянувшееся заблуждение о том, что арест является якобы своеобразным краткосрочным видом лишения свободы. В известном смысле, этому недоразумению способствует формула, согласно которой арест может назначаться в пределах до шести месяцев, а минимальным сроком лишения свободы, в свою очередь, является также шестимесячный срок. На самом деле, арест – это краткосрочная шоковая изоляция осужденного от общества на условиях его строгого содержания в арест-

---

[1]Управлению по надзору за законностью судебных постановлений по уголовным делам и анализу судебной практики Генеральной прокуратуры уже давно следовало поэтапно внедрять в практику гособвинения представление суду так называемых досудебных «докладов», где в развернутом виде должно быть изложено обоснование необходимости применения обвиняемому соответствующего наказания или иной меры уголовной ответственности. Формировать адекватно позицию государственных обвинителей следует на основе изучения таких справок-докладов посредством конкретных и выверенных предложений (поручений) по корректировке оптимального и сбалансированного применения уголовных санкций с учетом складывающейся криминогенной ситуации.

[2]В практическом плане решение этой задачи следует возложить на отдел по надзору за законностью исполнения уголовных наказаний.

ном доме (на условиях общего режима в тюрьме), когда посредством такого рода краткосрочной изоляции достигается эффект шокового устрашения и нежелания осужденного впредь подвергаться такого рода изоляции.

В практике государств, где арест применяется уже давно, это наказание назначается, в основном, за незначительные по опасности преступления как корыстного, так и насильственного характера, мотивированных неустойчивой криминальной установкой. То есть, за преступления, являющиеся проявлением еще формируемой корысти или агрессии либо социальной распущенности и вседозволенности вследствие ненадлежащего воспитания, которые пока оставались без жесткой реакции ответственности со стороны общества и государства. Таковое криминологическое описание социальной функции ареста является общепринятым. Основное назначение ареста как наказания в системе уголовных санкций – оперативно, неожиданно поставить осужденного в рамки шоковой изоляции. Поэтому арест, как правило, по срокам назначается в пределах до трех месяцев, а в отношении несовершеннолетних – до одного месяца и без права на условно-досрочное освобождение или замену неотбытой части ареста более мягким наказанием. Только при соблюдении указанных требований возможно эффективное применение ареста. Поэтому арест следует применять весьма избирательно в качестве наказания с учетом указанных требований. Не рекомендуется применять арест к лицам, которые на досудебной стадии производства по уголовному делу были подвергнуты заключению под стражу, исходя из того, что срок ареста является незначительным, а при зачете времени содержания под стражей в срок данного наказания он фактически уменьшается наполовину или, по крайней мере, на одну треть. Специалисты в области криминопеналогии утверждают, что применять арест в отношении осужденных, которые до суда были заключены под стражу, нецелесообразно, поскольку это обстоятельство уменьшает эффект шока и делает бессмысленным назначение этого наказания.

Если применение менее строгих наказаний, с учетом требований общих начал назначения наказания, нецелесообразно (прогнозируемо неэффективно), рекомендуется применять иные меры уголовной ответственности (отсрочку исполнения наказания в виде лишения свободы или условное неприменение данного наказания). То есть использовать систему испытания на основе актуализированной угрозы применения реального лишения свободы в случаях, если осужденный не выполнит условия испытания. При этом в качестве актуализированной угрозы лишения свободы его срок следует определять в пределах от одного года до двух лет (за нетяжкие преступления).

По ограничению свободы

В рамках реализации концепции следует добиваться существенного сокращения применения наказания в виде ограничения свободы без направления осужденного в ИУОТ. Исполнительная практика отбывания данного вида ограничения свободы размыта, уровень контроля за поведением осуж-

денных и выполнением возложенных на них обязанностей ограничительного характера – недостаточен и не обеспечен. Расчет же на добросовестное выполнение осужденными таких обязанностей является рискованным и пока неоправданным. Обусловлено это тем, что сами обязанности, возлагаемые на таких осужденных, носят ограничительный характер, касаются соблюдения элементарных правил человеческого общежития и общепрофилактических требований к поведению осужденного. Особого карательного и исправительного воздействия отбывание этого вида ограничения свободы не выявляет и не приносит. В этой связи предпочтительнее применять такую меру уголовной ответственности, как отсрочка исполнения наказания в виде лишения свободы, учитывая, что период испытания сопровождается и может сопровождаться аналогичными ограничениями для осужденного. Кроме того, на такого осужденного могут возлагаться дополнительные обязанности сугубо исправительного характера. Важным средством карательно-исправительного воздействия при применении данной меры уголовной ответственности является вполне определенная угроза реального применения лишения свободы в случае невыполнения осужденным возложенных на него обязанностей и ограничений.

По применению иных мер уголовной ответственности

Соответствующие рекомендации по применению иных мер уголовной ответственности содержатся в разработанных НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь методических рекомендациях, которые направлены прокурорам (письмо № 05-03П/132-А от 31.03.2011).

3. **Организационно-практические рекомендации по реализации положений Концепции в части оптимизации уголовной политики по применению уголовных санкций**

Реализация положений Концепции требует незамедлительного осуществления следующих организационных мероприятий:

– в целях выработки единых подходов (государственного обвинения и судов) по оптимизации практики назначения наказаний и иных мер уголовной ответственности в контексте решения первоочередных задач, поставленных Концепцией, руководствуясь частью 2 статьи 13 Закона Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь», внести на рассмотрение Пленума Верховного Суда Республики Беларусь предложения о даче судам разъяснений по вопросам применения (реализации) Концепции. Разработку предложений с учетом аналитической справки, подготовленной управлением по надзору за законностью судебных постановлений по уголовным делам и анализу судебной практики Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, возложить на указанное управление;

– проведение обучающих семинаров для заместителей прокуроров областей (г. Минска), курирующих соответствующее направление прокурорско-надзорной деятельности. Организация этой работы должна быть возложена на управление по надзору за законностью судебных постановлений по уголовным делам и анализу судебной практики Генеральной прокуратуры Республики Беларусь;

– проведение обучающих семинаров для государственных обвинителей по вопросам оптимизации уголовной политики в области применения уголовных санкций в контексте задач, поставленных Концепцией. Организацию обучающих семинаров для государственных обвинителей следует возложить на курирующих заместителей прокуроров областей и г. Минска;

– управлению по надзору за законностью судебных постановлений по уголовным делам и анализу судебной практики Генеральной прокуратуры Республики Беларусь на основе анализа практики применения наказания в виде штрафа и общественных работ внести конкретные предложения о дополнении санкций статей Особенной части УК указанными видами наказаний в целях расширения практики их применения с учетом требований Концепции;

– отделу по надзору за законностью исполнения уголовных наказаний Генеральной прокуратуры Республики Беларусь организовать и обеспечить системный надзор за исполнительной практикой отбывания и исполнения наказаний и иных мер уголовной ответственности, применение которых является приоритетным направлением совершенствования уголовной политики в соответствии с требованиями Концепции.

Разработчик: Хомич В.М., директор ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», Заслуженный юрист Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор.

О КРИТЕРИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

1. Общие положения

1.1. Практически в любом экономическом справочнике имеется определение экономической эффективности, которая понимается как соотношение результата к затратам на его достижение.

Указанное определение эффективности является лишь выражением, определяемым в математике как коэффициент, который характеризует степень отдачи от вложенных средств.

Эффективность какого-либо процесса в целом – это показатель стремления к конечному результату, но не сам результат, а вариант правильности, точности направления к нему (конечному результату). То есть можно работать очень результативно (в смысле соотношения затрат и конечного результата), но двигаться при этом в неверном направлении при решении поставленной задачи (яркий пример – функционирование системы ГУЛАГ). Именно из такого видения, как представляется, следует исходить при оценке эффективности реализации задач, поставленных Концепцией, в аспекте оптимизации системы и практики применения конкретных видов наказания и мер уголовной ответственности.

1.2. Определение экономической эффективности функционирования социальных систем или подсистем, к которым относится система применения наказаний, требует учета большого количества показателей и факторов, в том числе и субъективных, которые не всегда поддаются математической формализации. В этой связи невозможно определить экономическую эффективность такой системы без учета ее социальной эффективности в решении той базовой социальной функции (цели), для реализации которой она предназначена.

Современная научная литература подтверждает вывод, что решение проблемы определения экономической эффективности сложных социальных систем, каковой и является система применения наказаний, не состоятельно без учета социального предназначения в обществе системы применяемых наказаний.

1.3. В указанном аспекте под социально-экономической эффективностью применяемой системы наказаний следует понимать соотношение фактически достигнутого социального результата исполнения того или иного вида уголовного наказания и затрат общества на достижение целей, которые ставились при назначении соответствующего вида наказания.

2. Предложения по определению социально-экономической эффективности наказаний и иных мер уголовной ответственности в контексте задач, поставленных Концепцией

2.1. В самом общем виде понятие социально-экономической эффективности наказаний включает в себя два исходных элемента:

1) фактически достигнутый социальный результат назначения и исполнения наказаний, под которым имеется в виду следующее: реальное достижение целей уголовной ответственности посредством того или иного вида уголовного наказания, уровень рецидива по каждому виду применения наказания, динамика совершения конкретных преступлений лицами, которые ранее не привлекались к уголовной ответственности;

2) затраты государства на исполнение конкретного вида наказания.

Основные показатели обозначим как: СЭЭН – социально-экономическая эффективность наказания; ФР – фактически достигнутый социальный результат; ЗО – затраты общества.

Таким образом, формулу социально-экономической эффективности наказания можно представить как соотношение фактически достигнутого социального результата применения того или иного вида уголовного наказания и затрат общества на достижение целей, которые ставились при назначении соответствующего вида наказания.

СЭЭН = ФР:ЗО

Применение каждого вида наказания имеет определенный социальный предел в решении функции уголовного наказания в аспекте реализации соответствующих целей уголовной ответственности, что напрямую зависит от категории тяжести совершаемых преступлений, уровня рецидива, а также уровня и динамики осуществления функции общего предупреждения преступлений посредством применения наказания. Учитывая указанное обстоятельство, определение фактического социального результата применения того или иного вида наказания должно определяться с учетом использования определенных поправочных коэффициентов, которые определяют и корректируют уровень достижения социальных задач, стоящих перед применением соответствующего наказания.

В целом следует исходить из того, что задачи, которые стоят перед применением того или иного наказания, предполагают их достижение на стопроцентную величину. Однако, это лишь заданная функция наказания. Она никогда не решается посредством применения наказания в полном объеме.

Поэтому стопроцентный уровень достижения целей уголовной ответственности должен быть скорректирован на основе следующих показателей (поправочных коэффициентов):

– уровень рецидива, преимущественно, специального, то есть совершение однородных или тождественных преступлений со стороны лиц, совершивших преступление и отбывающих (отбывших) определенный вид наказания;

– динамика совершения таких преступлений лицами, ранее не привлекавшимися к уголовной ответственности;

– категория тяжести совершенного преступления, за которое применялось соответствующее наказание.

Итак, поправочные коэффициенты:

– **по рецидиву** – три уровня: низкий до 5 % (коэффициент – 0,7), средний – до 20 % (коэффициент – 0,5), высокий – свыше 20 % (коэффициент – 0,3);

– **по динамике совершения определенного вида преступлений лицами, ранее не привлекавшимися к уголовной ответственности, с учетом уровня применения соответствующего наказания за данное преступление** (определяется коэффициент решения общепредупредительной цели посредством назначения и исполнения данного вида наказания) – три уровня: динамика положительная (коэффициент – 0,7); динамика не изменяется (коэффициент – 0,5); динамика отрицательная (коэффициент – 0,3);

– **по категории тяжести совершенного преступления, за которое применялось соответствующее наказание**, – три уровня: преступления, не представляющие большой общественной опасности и менее тяжкие преступления (коэффициент – 0,7); тяжкие преступления (коэффициент – 0,5); особо тяжкие преступления (коэффициент – 0,3).

Используя эти коэффициенты по трем группам критериев (показателей), следует определить общий (средний) поправочный коэффициент.

Например, применительно к штрафу, если уровень рецидива со стороны осужденных, которым назначен штраф, с учетом уклонения от исполнения штрафа и замены штрафа общественными работами вследствие невозможности его исполнения, является низким, то коэффициент составит 0,7.

Далее определяется следующий коэффициент. Если динамика совершения определенного вида преступлений, за которые применялся штраф, является неизменной, тогда определяем следующий коэффициент будет 0,5.

После этого определяется последний поправочный коэффициент. Штраф применяется преимущественно за преступления, не относящееся к категории тяжких, поэтому коэффициент определяется 0,7.

Средний коэффициент по указанным показателям составит 0,63 ((0,7+0,5+0,7):3).

Далее определяется фактически достигнутый результат посредством применения штрафа. То есть, 100 % умножаются на 0,63 и получается 63 %.

Следует также, определить коэффициент затрат государства на исполнение того или иного вида наказания.

Экономическая составляющая затрат государства на исполнение каждого наказания разная и должна условно определяться по шкале от единицы до двух, приняв за исходную точку сальдо затрат на исполнение наказания в виде штрафа, с учетом того, что затраты на исполнение этого наказания минимальны, а сумма штрафа поступает в доход государства.

Таким образом, по нашему мнению, коэффициент сальдо экономических затрат общества на исполнение наказаний необходимо определить следующими показателями: штраф – 1; исправительные работы – 1,2; общественные работы – 1,3; иные меры уголовной ответственности – 1,4; ограничение свободы без направления в ИУОТ – 1,5; ограничение свободы с направлением в ИУОТ – 1,6; арест – 1,7; лишение свободы – 1,8.

Таким образом, социально-экономическая эффективность применения штрафа определяется соотношением фактического социального результата (63 %) к коэффициенту сальдо экономических затрат на исполнение этого вида наказания (1). В результате социально-экономическая эффективность применения наказания в виде штрафа в данном случае составит 63 %.

При достижении аналогичного фактического социального результата (63 %) при применении, например, лишения свободы, социально-экономическая эффективность применения этого вида наказания с учетом коэффициента сальдо экономических затрат общества на его исполнение (1,8) составит 35 %.

3. Заключительные положения

Кроме того, необходимо иметь в виду, что никакая система наказаний не приведет к желаемым результатам, если нарушаются такие объективные условия, обеспечивающие эффективность самого наказания, как:

1. Соответствие уголовного запрета объективным закономерностям, действующим в обществе.

2. Соблюдение уголовно-правовых принципов и общих начал назначения наказания.

3. Неотвратимость наказания, что определяется степенью раскрываемости преступлений, обеспечением кратчайшего срока от совершения преступления до наказания за него. Кроме этого, одним из важнейших условий высокой эффективности применяемых мер является также их своевременность и надлежащее исполнение.

4. Стабильность уголовной политики, что предполагает незыблемость как уголовного закона, так и судебной практики, а также строгая, последовательная ориентация на решение задач, поставленных Концепцией в контексте оптимизации практики применения и порядка исполнения уголовных наказаний.

Разработчик: Ракицкий А.П., начальник отдела криминологического прогнозирования и разработки предложений по предупреждению преступности, укреплению законности и правопорядка.

НАШИ АВТОРЫ

Бабий Николай Алексеевич – заместитель директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Барановский Николай Александрович – заведующий сектором социологии права и девиантного поведения Института социологии НАН Беларуси, доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент.

Белокопытов Валерий Викторович – главный специалист отдела проблем эффективности прокурорского надзора, совершенствования правоприменительной практики и законодательства ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Боровик Петр Леонидович – старший преподаватель кафедры правовой информатики УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Бранчель Иван Иванович – старший советник юстиции.

Букато Людмила Геннадьевна – аспирант кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета.

Бурбело Олег Анатольевич – заведующий кафедрой экономической безопасности Луганской Академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, доктор экономических наук, профессор.

Бурбело Сергей Олегович – экономист Луганского филиала института экономико-правовых исследований НАН Украины.

Бурый Виталий Евгеньевич – заместитель начальника факультета дневного обучения УО «Могилевский высший колледж МВД Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Вечерский Денис Анатольевич – аспирант кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета.

Войтова Дарья Александровна – ведущий специалист отдела криминологического прогнозирования и разработки предложений по предупреждению преступности, укреплению законности и правопорядка ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Гладкий Петр Александрович – начальник отдела методического обеспечения противодействия наиболее опасным видам преступлений ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Глухова Олеся Викторовна – преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина».

Гучок Александр Евгеньевич – заместитель директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Жубрин Роман Владимирович – ведущий научный сотрудник НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Зорин Роман Георгиевич – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент.

Иманбаев Серик Марденович – начальник кафедры уголовного права и криминологии Карагандинской Академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова, кандидат юридических наук, доцент.

Лесовая Неля Валериевна – заместитель директора Научно-исследовательского института Национальной академии прокуратуры Украины, кандидат юридических наук.

Мартыненко Игорь Эдуардович – заведующий кафедрой гражданского права и процесса УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент.

Мохорев Александр Николаевич – аспирант кафедры уголовного права и процесса УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», магистр юридических наук.

Навроцкая Вера Вячеславовна – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Львовского государственного университета внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент.

Недодаева Наталия Лазаревна – профессор кафедры экономической безопасности Луганского государственного университет внутренних дел им. Э.А. Дидоренко, доктор экономических наук, доцент.

Никитенко Илья Викторович – начальник филиала ФГКУ «ВНИИ МВД России» по Дальневосточному федеральному округу (г. Хабаровск), кандидат юридических наук.

Полящук Наталья Анатольевна – главный специалист отдела криминологического мониторинга законодательства и криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Попов Георгий Владимирович – старший научный сотрудник Научно-исследовательского института Национальной академии прокуратуры Украины, кандидат юридических наук.

Пыталев Роман Михайлович – доцент Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Ракицкий Александр Петрович – начальник отдела криминологического прогнозирования и разработки предложений по предупреждению преступности, укреплению законности и правопорядка.

Русецкий Олег Валерьевич – начальник отдела криминологической экспертизы законопроектов и информационно-аналитического обеспечения криминологических исследований ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Сауткин Иван Владимирович – преподаватель кафедры экономической безопасности УО «Академия МВД Республики Беларусь».

Сенько Анатолий Степанович – доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Солтанович Андрей Владимирович – начальник отдела криминологического мониторинга законодательства и криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Телегина Татьяна Дмитриевна – ассистент кафедры криминалистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук.

Филиппенков Владимир Михайлович – главный специалист отдела криминологической экспертизы законопроектов и информационно-аналитического обеспечения криминологических исследований ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Хилюта Вадим Владимирович – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета Гродненского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Хиревич Марина Леонидовна – ведущий специалист отдела криминологического мониторинга законодательства и криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Хлус Александр Михайлович – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Хомич Владимир Михайлович – директор ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», Заслуженный юрист Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор.

Хомич Максим Владимирович – соискатель научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

Чунихина Людмила Николаевна – доцент кафедры хозяйственного права юридического факультета Восточно-украинского национального университета имени Владимира Даля, доцент кафедры экономико-правовых дисциплин Луганской Академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, кандидат юридических наук, доцент.

Шакель Надежда Валентиновна – помощник директора Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Щербакова Анна Владимировна – ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института Национальной академии прокуратуры Украины, кандидат юридических наук, младший советник юстиции.

Яремко Галина Зиновиевна – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Львовского государственного университета внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ СТАТЕЙ

Объем материалов научной статьи, представленной к опубликованию, должен составлять около 15 000 печатных знаков, включая пробелы между словами, знаки препинания, цифры и т.д. Материалы научных статей должны быть напечатаны шрифтом Times New Roman, 14 пт, межстрочный интервал 1,5 и включать следующие элементы:

1. Фамилию и инициалы автора (авторов) статьи, ее название.
2. Основную часть, включающую графики и другой иллюстративный материал (при их наличии).
3. Список использованных источников.

Фамилия и инициалы автора (авторов) и название статьи набираются полужирным шрифтом по центру строки без переноса и без отступа. Название статьи должно отражать основную идею выполненного исследования, быть по возможности кратким, содержать ключевые слова.

Основная часть статьи должна содержать описание методики, объектов исследования и подробно освещать содержание исследований, проведенных автором (авторами). Полученные результаты должны быть сформулированы с точки зрения их научной новизны и сопоставлены с соответствующими известными данными. Цитированные источники приводятся по тексту в квадратных скобках и нумеруются согласно порядку цитирования.

Список использованных источников оформляется по правилам, указанным в Инструкции по оформлению диссертации, автореферата и публикаций по теме диссертации. Список располагается в конце текста и набирается шрифтом Times New Roman размером 12 пт.

Дополнительно представляемые материалы. Вместе со статьей автором (авторами) должны быть представлены в распечатанном виде (1 экз.) и на электронном носителе:

− аннотация на **русском** и **английском** языках (100–150 слов), которую необходимо изложить так, чтобы она была пригодна для опубликования в аннотациях к журналам отдельно от статьи;

− сведения об авторе статьи: фамилия, имя и отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, телефон, адрес;

− рецензия доктора или кандидата юридических наук для авторов, не имеющих ученой степени.

Научное издание

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции

Сборник научных трудов

Выпуск 4

Технический редактор *Т. Г. Данилевич*

Подписано в печать 07.12.2011. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 13,01. Уч.-изд. л. 12,53. Тираж 100 экз. Заказ 9с.

Издатель и полиграфическое исполнение:
Белорусский государственный университет физической культуры.
ЛИ № 02330/0548582 от 09.07.2009.
ЛП № 02330/0552705 от 30.07.2009.
Пр. Победителей, 105, 220020, г. Минск.